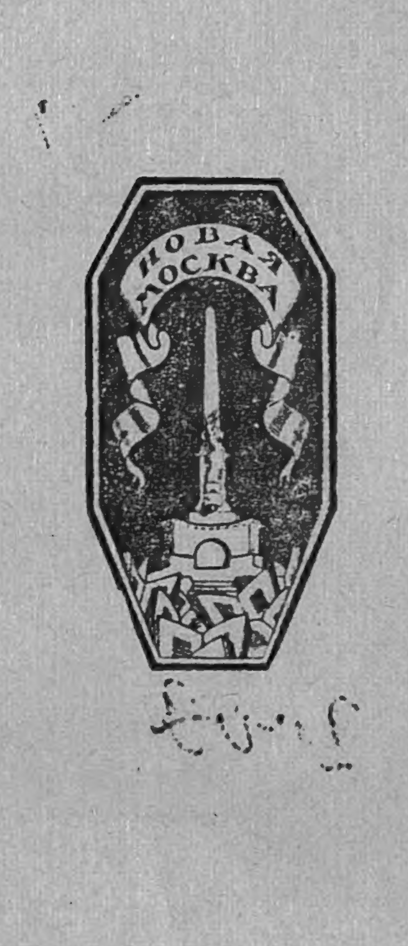
ДБ
350
И 90
т. I
Историко-революц.
хрестоматия
М., 1923

ИСТОРИКО РЕВОЛЮЦИОННАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

(02)

ТОМ 1

НОВАЯ МОСКВА
1923

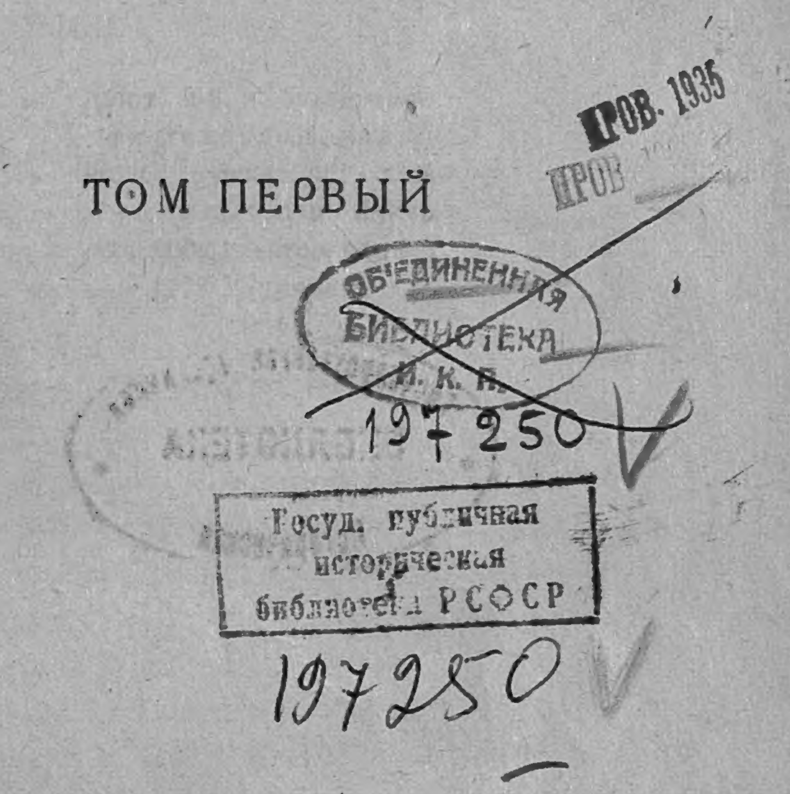

НОВАЯ
МОСКВА

ДБ 350/И90

КОММУН. УНИВЕРС. НАЦ. МЕН. ЗАП.
947 (07)
И-90
КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

„НОВАЯ МОСКВА“
1923

Отпечатано в 3-й типографии „Мосполиграф“. Мал. Грузинская, Охотничий пер., дом 5—7, в количестве 15.000 экз. Главлит № 8711.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

60—70-е годы.

Стр.

ОТ РЕДАКЦИИ 9

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1860 х и 1870-х г.г. Б. П. Козьмина 13

I. ВЕЛИКОРУСС 22

1. № 1 23

2. Адрес из № 3 24

II. К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ 27

III. ЧТО НУЖНО НАРОДУ? 42

IV. МОЛОДАЯ РОССИЯ 52

V. ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ 60

Свобода № 1 62

VI. КАРАКОЗОВ. ДРУЗЬЯМ РАБОЧИМ 67

VII. М А. БАКУНИН 71

1. Из программы „Межд Союза Социал-Демократии“ . 72

2. Программа „Народного Дела“ 74

3. Программа Славян. Секции Интернационала . 76

VIII НЕЧАЕВ 79

1. Программа революц. действий 81

2. Из № 1 „Народной Расправы“ 85

IX. РУССКАЯ СЕКЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛА . . . 90

1. Русская ветвь международного товарищества рабочих 90

2. Программа Русской Секции 95

3. Устав Русской Секции 98

X. П. Л. ЛАВРОВ 102

1. Программа „Вперед“ 103

2. Из № 48 „Вперед“ 109

3. Из письма Кравчинского 114

Стр

XI. КРУЖОК ЧАЙКОВЦЕВ 117
Программа революционной пропаганды . . . 118
XII. НАБАТ 121
XIII. РЕЧЬ П. А. АЛЕКСЕЕВА 128
XIV. ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ 133
1. Из № 1 „Земли и Воли" 134
2. Из брош. Кравчинского „Смерть за смерть" . . 136
3. Из № 2—3 „Листка Земли и Воли" 139
XV. ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ 141
1. Из статьи Плеханова 142
2. Письмо к бывш. товарищам . . 145
XVI. НАРОДНАЯ ВОЛЯ 157
1. Программа И п Ком. 158
2. Письмо Испол Ком. Александу III 163
3. Подготовит работа партии 169
4. Программа рабочих членов 178
5. Прокламация Исп. Ком. 187
6. Прокламация от рабочих членов 188
XVII. СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССК. РАБОЧИХ 190
1. Программа 191
2. Из статьи № 4 „Земли и Воли" 95
3. Ответ Союза 197
XVIII. ЮЖНЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ 201
Прокламация 202

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТ 80-Х ГОДОВ ДО II СЪЕЗДА Р.С.-Д Р.П.

ПРЕДИСЛОВИЕ. „Борьба общественных сил на переломе XIX и XX в.в." А. В. Шестакова . . . 207

I ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ГРУППИРОВКИ.

1 Кружок Ульянова 217
2. Социалисты-федералисты 221
3. „Летучие листки группы народовольцев" 224
4. „Летучие листки фонда вольной русской прессы". 232

II. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ.

Стр.

1. Группа „Освобождение труда“ — „Объявление об издании Библиотеки современного социализма“ . 237
2. Первые с.-д. программы: 241
   1) с.-д. группа „Освобождение труда“ 241
   2) „проект программы русских с.-д.“ 244
3. Морозовская стачка 1885 г. 249
4. Благоевский кружок и газета „Рабочий“ и „Современные задачи русских рабочих“ (ст. Плеханова) . 252
5. Плеханов на 1 конгрессе 2 Интернационала . . 262
6. Речи рабочих 1-го мая 1891 г в Петербурге . . 265
7. „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“ из брошюры Плеханова 1892 г. 277
8. Об агитации 279
9. Воззвания Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса: 291
   1) „Рабочий праздник 1-е мая“. 291
   2) „Чего требуют рабочие петербургских бумагопряд. и ткацк.“ 295
   3) „К рабочим петербургских бумагопрядилен“. . . . 295
   4) „Рабочие и работницы ф-ки Торнтона“. 296
   5) „Товарищи и рабочие“. 300
10. „Бой за правду“ рассказ стачечника рабочего с ф-ки Максвелль 1896 г. 303
11. Группа „Рабочей газеты“ 306
12. „Рабочая мысль“ и программа Петербургского „Союза борьбы“.. 1901 г. 311
13. Манифест Р. С.-Д. Р. П. (1898 г.) 322
14. „Credo“ и „Протест 17“ 327
15. „Южный рабочий“ 340
16. „Искра“ 347
17. „Рабочее Дело“ 352
18. Беседа с защитниками экономизма—ст. Ленина. 365
19. „Что делать“ (извлечения) Н. Ленина . . 373
20. Проект программы Р. С.-Д. Р. П., выраб. ред. “Искры“ и „Зари“ 395
21. Организационный к-т по созыву II съезда Р. С.-Д. Р. П. 403

III. СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

1. Манифест партии с.-р. 409
2. Основные положения программы союза с.-р. . . 421

Стр.

3. Террор и Боевая организация партии с.-р. . 433
4. Крестьянский союз партии с.-р. 446
5. „Революционный авантюризм" 450

IV. ЛИБЕРАЛИЗМ.

1. Воззвание партии „Народного Права" 465
2. Программа русских либералов 468

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаемая читателю книга представляет собою первый том историко-революционной хрестоматии, обнимающей период от начала революционного движения в России в 60-х годах до мировой войны. Такая хрестоматия, кроме целей самообразования, преследует главным образом учебные цели—быть пособием для студентов совпартшкол 2-й ступени, коммунистических университетов, педфаков и фон'ов—при изучении истории революционного движения и социализма в России. Этой основной задачей объясняется и характер хрестоматии. Она составлена почти исключительно из документов, програм и программных статей, манифестов и воззваний; кроме того, при выборе материала составители руководствовались не столько количеством, сколько качеством, и потому в хрестоматии представлены лишь наиболее типические, наиболее характерные революционные течения и документы.

Первый том состоит из двух частей: первая от начала 60-х годов до возникновения «Группы Освобождения труда» и вторая—от начала русского марксизма до 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П. Таким образом, период, охватываемый первым томом, равен 40 с лишним годам и делится на почти равные эпохи, резко отмежеванные друг от друга той гранью, каковой является конец „Народной воли“ и начало марксизма, т.-е. 1882—83 г.г. При этом, несколько нарушая хро-

нологический порядок, но в строгом согласии с идейно-логической связью, —первая часть кончается Южным и „Северным Союзом Рабочих“ как ранними предтечами революционной социал-демократии; а вторая часть, наоборот, начинается группами, возникшими после 1883 г., но являющимися промежуточными переходными формами между народовольчеством и марксизмом, с одной стороны, народовольчеством и либерализмом,—с другой.

Большинство собранных в хрестоматии документов до сих пор составляли величайшую библиографическую редкость и имелись лишь в кабинетах Социалистической Академии и Истпарте. Таким образом, они теперь впервые станут достоянием широких масс студенчества и всех читателей, интересующихся историей революционного движения в России. Для облегчения пользования хрестоматией, каждый документ сопровождается кратким историко-библиографическим комментарием, а каждой части хрестоматии предпосылается общий исторический очерк эпохи.

Первая часть составлена Б. П. Козьминым по плану и под редакцией В. М. Фриче. Вторая— А. В Шестаковым по плану и под редакцией Б. И. Горева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

60—70-е годы

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1860 и 1870-х годов.

Русское революционное движение, как движение *массовое*, охватывающее не только сравнительно малочисленные кружки передовой интеллигентной молодежи, каким был, например, кружок петрашевцев, но целые слои русского общества, ведет свое начало с 1860-х годов. В эти именно годы революционное движение из тесных пределов отдельных кружков выходит на улицы городов (студенческие демонстрации 1861 г. в Петербурге, Москве и др. университетских городах); в эти именно годы создается первая тайная революционная организация, которая, возникнув в Петербурге, распространяет сеть своих ответвлений по всей России и насчитывает в своих рядах сотни членов (общество «Земля и Воля»); в эти именно годы русские революционеры-интеллигенты делают первые попытки опереться на народные массы и начинают с этой целью вести (на первых порах разрозненную и робкую) пропаганду своих революционных и социалистических идей в крестьянстве и в немногочисленном, только-что зарождающемся фабрично-заводском пролетариате.

Какие же общественные слои были захвачены в 60-е и 70-е годы революционным движением? Таким слоем, прежде всего, явилась буржуазная и, главным образом, мелкобуржуазная интеллигенция, большею частью студенческая. Движение 60-х годов было в значительной степени движением студенческим. Большинство же студенческой массы того времени состояло из людей, стоявших на грани полной бедности, из малодостойных сыновей мелких чиновников, лиц духовного звания и т. д.,—словом, из предста-

вителей того общественного типа, который получил в то время название «разночинца». Несколько позднее, значительное количество активных борцов революционной армии стал поставлять другой общественный класс: обедневшее в результате отмены крепостного права среднее и мелкое дворянство. Представители этого общественного слоя наложили яркий отпечаток на революционное движение 70-х годов, для которого «кающийся дворянин»—выходец из привилегированной среды, сознавший, что на нем лежит страшный «долг перед народом», ибо все «удобства жизни», которыми он пользовался и пользуется, куплены «страданиями миллионов», и поставивший целью своей жизни выкупить у народа «кровавую цену своего развития»,—сделался типичной фигурой.

Непосредственный толчок к развитию революционного движения в 60-е годы был дан тем самым освобождением крестьян от крепостного права, которое, казалось, должно было бы примирить с правительством интеллигенцию, с конца 18-го столетия жившую надеждами на это освобождение. Однако освобождение было осуществлено в столь урезанном виде и оказалось настолько приноровленным к интересам бывших рабовладельцев, что манифест 19-го февраля 1861 г. тотчас же после его выхода вызвал к себе резко отрицательное отношение со стороны передовых слоев общества. Народ обманут царем; вместо старого крепостного права установлено новое,—так формулировал на страницах Герценовского «Колокола» Огарев отношение к реформе со стороны радикальных кругов.

Крестьянские массы, также недовольные результатами реформы, глухо волновались; объявленную «волю» они приняли, как обманную, дворянскую, «панскую» и упорно ждали, что вслед за нею последует «новая» воля, «настоящая». Во многих местах, во всех концах России вспыхивали крестьянские беспорядки, для подавления которых правительству часто приходилось прибегать к помощи вооруженной силы. И в обществе, и в правительстве росла уверенность в вероятности и близости еще более широкого народного движения, возникновения которого можно ожидать весной или летом 1863 года, к каковому сроку окончание составления уставных грамот, определяющих новые

отношения крестьян к помещикам, ясно покажет крестьянской массе, что она приобрела в результате реформы и чего она лишилась.

Вероятность всероссийского крестьянского движения в 1863 г. учитывалась радикальной частью общества. Только коренное изменение правительственной политики может предотвратить грандиозный крестьянский бунт. «В 1863 году быть в России страшной беде, если царь не решится созвать всенародную земскую думу»,—писал в 1862 г. Бакунин, формулируя не только свое личное, но, как можно видеть, между прочим, и из тех документов, которые напечатаны ниже, весьма широко распространенное мнение.

Итак, выдвигались две задачи: во-первых, заставить правительство пойти навстречу той части общества, которая настаивала на коренном изменении политики, и этим самым предотвратить «страшную беду»,—и, во-вторых, если этого не удастся добиться, то сплотить силы «образованных классов» для того, чтобы они могли взять на себя руководство народным движением, оформить его и не допустить того, чтобы оно вылилось в пугачевщину.

Для разрешения как той, так и другой из этих задач необходимо было, прежде всего, создать тайную организацию, достаточно могущественную для того, чтобы взять на себя выполнение этих задач. Попытками построить такую организацию было создание кружка, принявшего название «Великорусс» (1861 г.), а несколько позднее тайного общества «Земли и Воли» (1862—1864 г.г.), поглотившего «Великорусс».

Обе эти организации были организациями буржуазно-демократическими. Их программа сводилась к некоторым ограничениям царской власти и к пересмотру крестьянского вопроса. Построенные в расчете на крестьянское движение 1863 г., они неминуемо должны были погибнуть, как скоро жизнь выяснила полную неосновательность надежд на возникновение этого движения.

Однако в среде интеллигенции были круги, которым программа «Великорусса» и «Земли и Воли» не могла не казаться слишком умеренной. Представителем этой части интеллигенции явился московский кружок студента Зайчневского, выпустивший прокламацию «Молодая Россия»

(1862 г.). В этой прокламации развивалась мысль о необходимости кровавой революции и высказывалась уверенность в том, что России первой в мире выпадет на долю осуществить социалистическую революцию.

При таком взгляде на революцию немудрено, что Зайчневский, получив от «Земли и Воли» предложение договориться о согласовании действий, категорически отказался от этого. Однако в пределах самой «Земли и Воли» были группы, готовые итти гораздо дальше, чем шло само общество. Такой группой был входивший в состав «Земли и Воли» московский кружок Мосолова. Мосолов и его товарищи мечтали об установлении в России областного управления с главным сеймом в Петербурге или в Москве, о признании земли собственностью государства с отдачей ее в пользование на срок, об уничтожении частной собственности, о равноправии женщин и т. д.

С кружком Мосолова был связан теснейшим образом кружок ишутинцев, возникший в 1863 г.; это было сообщество молодых людей, проникнутых социалистическими идеями и горячим стремлением проводить эти идеи в жизнь как путем пропаганды их в народе, так и путем устройства фабрик и ремесленных заведений на ассоциационных началах. Члены кружка очень скоро, однако, пришли к заключению о бесплодности такой деятельности в условиях русской жизни того времени и стали обсуждать новый метод борьбы—террор, направленный в первую очередь на главного помещика в России—царя. Один из членов кружка Каракозов, без ведома для других, решил перейти от слов к делу. 4 апреля 1866 г. он стрелял в Александра II в надежде, что вслед за его выстрелом вспыхнет народное восстание. Каракозов промахнулся; царь остался жив; восстания не последовало; кружок Ишутина был раскрыт и арестован.

Наступивший вслед за выстрелом Каракозова «белый террор» на короткое время прервал дальнейшее развитие революционного движения. Однако уже с конца 1868 г. начинается революционная деятельность Нечаева. Нечаев строил свои планы на том предположении, что весною 1870 г. в России, в связи с истечением срока временно-обязанных отношений крестьян к помещикам, должны вспыхнуть кре-

стьянские волнения. В своей деятельности Нечаев в значительной мере примыкал к програме, выдвинутой в 1868 г. Бакуниным в выходившем в Женеве журнале «Народное Дело». На страницах этого журнала Бакунин доказывал, что русское крестьянство, сохранившее у себя общинное пользование землей, способно осуществить новый порядок общественных отношений, основанный на социалистических началах, и что оно—«готово» к революции. Разделяя веру Бакунина в готовность крестьянства к революции, Нечаев, в отличие от него, полагал, что необходимым условием успешности этой революции является создание тесно-сплоченной, централизованной, построенной на авторитарном начале революционной организации, которая могла бы подготовлять крестьянское восстание, руководить им и в подходящий момент захватить в свои руки ослабевшую в изнурительной борьбе с крестьянскими бунтами государственную власть.

Раскрытие правительством нечаевской организации и последовавший за ним процесс нечаевцев дали новый толчок развитию революционного движения. В крупных городских центрах, главным образом, университетских, образовываются многочисленные революционные народнические кружки. Все для народа и все через народ—таков был лозунг, выброшенный этими кружками. В силу этого они крайне отрицательно отнеслись к «заговорщической» тактике Нечаева, к его централизаторским и диктаторским замашкам. Свою деятельность они рассматривали, как служение народу в целях освобождения его от гнета эксплоататоров. В отрицательном отношении к «старому миру» и в признании необходимости воздвигнуть на месте его новый строй общественных отношений, долженствующий сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя» и «поглотить в общинной собственности частную»,—революционные кружки начала 1870-х годов не расходились друг с другом, разногласия между ними начинались тогда, когда они переходили к вопросу о средствах для осуществления социальной революции.

Эти разногласия стояли в связи с двумя направлениями революционной мысли, наметившимися в эмиграции. Одно

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА

из них, возглавлявшееся Бакуниным, верило в то, что в народе накопилась уже масса революционной энергии; нужен только толчек со стороны для того, чтобы эта скрытая энергия проявилась в открытом виде, в форме крестьянского восстания. Интеллигенция должна итти в народ, чтобы при помощи революционной агитации взбунтовать его. Выразителем другого направления явился П. Л. Лавров и редактируемый им (с 1873 г.) журнал «Вперед». По мнению Лаврова, революционному перевороту должна предшествовать длительная подготовка к нему народа путем ознакомления его с сущностью социализма. Революционеры-интеллигенты должны итти в народ, но не для того, чтобы взбунтовать его, ибо к бунту он не готов, а для пропаганды и развития таящихся в народе социалистических инстинктов.

Итак, как ни расходились между собою бакунисты и лавристы в вопросах тактики, они сходились в одном пункте, в признании необходимости для революционной интеллигенции *пойти в народ* и сблизиться с ним, отдав все свои силы на служение его делу. Это паломничество в народ состоялось летом 1874 г. и закончилось жестоким разочарованием. «Народ» оказался неготовым не только к восстанию, но даже к восприятию социалистических учений. Однако, сделать необходимый вывод из своего опыта народники не могли, ибо для них это равнялось отказу от своих заветнейших убеждений и надежд. Неуспех хождения в народ они стали объяснять своими собственными ошибками. Необходимо, признали они, «летучую» пропаганду в народе, не достигающую никаких результатов, заменить установлением постоянной связи с народом при помощи устройства в деревне рассчитанных на длительное существование поселений революционеров. Таков был первый урок, вынесенный из хождения в народ. Другой заключался в отказе от прежних организационных форм. Разрозненные, плохо связанные друг с другом, незадумывающиеся над согласованием своей деятельности, революционные кружки обнаружили свою полную несостоятельность.

Опыт хождения в народ поставил в порядок дня создание единой революционной организации, подчиняющейся в своей деятельности директивам центра. Такая организация, по-

лучившая позднее название общества «Земли и Воли», была создана в 1876 г. и просуществовала около трех лет.

Несмотря на продолжительное существование, наладить прочные связи с крестьянством обществу «Земля и Воля» не удалось. Поселения, устраивавшиеся членами общества в деревне, не достигали цели; преследования, которым они подвергались со стороны властей, мешали их длительному существованию. Считаясь с этим, часть землевольцев стала настаивать на том, что тайному обществу часть своих сил и средств надо обратить на непосредственную борьбу с правительством. С 1878 г. началась полоса террористических актов и вооруженных сопротивлений при арестах. Однако, для землевольцев террор служил лишь средством самообороны против правительства и орудием политической мести за преследования, которым власти подвергали революционеров. Видеть в терроре средство для ниспровержения существующего политического и общественного порядка—землевольцы не решались.

Вопрос о допустимости политической борьбы вызвал горячие разногласия в среде землевольцев и привел к крушению самого общества.

На Воронежском съезде осенью 1879 г. обнаружилось, что разногласия между «политиками» и «деревенщиками» настолько глубоки, что мечтать о примирении их не приходится. И вот вскоре после съезда «Земля и Воля» распалась на две партии.

«Деревенщики», верные старым заветам народничества, чувствовавшие необходимость для революционной партии опереться на массы и не видевшие в России того времени других пригодных на это масс, кроме крестьянских,—образовали группу «Черный Передел», не сумевшую развернуть сколько-нибудь широкой деятельности и вскоре погибшую, вслед за тем, как ее главные руководители эмигрировали за границу и, познакомившись с западноевропейским рабочим движением, положили в 1883 году основание первой русской социал-демократической организации.

Другая партия, возникшая на развалинах «Земли и Воли», получила название «Народной Воли». Борьба с правительством становится основной задачей партии. Тер-

рор рассматривается, как средство этой борьбы. Все силы партии были направлены на цареубийство. Народовольцам казалось, что гибель царя от руки революционера должна вызвать такое волнение в народе и такое замешательство в правительстве, что революционная партия получит возможность захватить власть в свои руки. Но если даже этого не случится, то все же, по мнению народовольцев, страх правительства перед таинственной и неуловимой группой террористов заставит его пойти на уступки и согласиться на ограничение царской власти и на установление основных свобод, необходимых для развития и улучшения участи народа.

Царь был убит (1 марта 1881 г.), но мечта народовольцев не исполнилась. Народные массы остались спокойными; правительство и не подумало итти на уступки. Это было идейным концом «Народной Воли». Она просуществовала еще несколько лет, но это был уже мертвый труп.

Группа молодых людей во главе с А. И. Ульяновым задумала воскресить «Народную Волю» и организовать новое цареубийство (дело 1 марта 1887 г.). Заговор был открыт и заговорщики частью преданы смертной казни, частью же присуждены к каторжным работам.

Революционное движение 1870-х годов было движением интеллигентским, однако, наряду с этим приходится констатировать, что уже в это время была втянута в движение наиболее сознательная и передовая часть рабочего класса.

Народнические кружки первой половины 70-х годов, землевольцы, чернопередельцы и народовольцы отдавали много усилий делу пропаганды социалистических идей среди фабрично-заводского пролетариата. И эта пропаганда приносила богатые плоды. Рабочие гораздо скорее усваивали социалистическую пропаганду, чем крестьяне. Из их среды вышел ряд деятельных членов революционных групп того времени. Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что уже в 70-ые годы создаются первые рабочие организации. Некоторые из них хотя и состояли исключительно из рабочих, возникали по инициативе революционеров-интеллигентов (напр., Южно-Русский Рабочий Союз, созданный в 1875 г. Заславским, или Южный Рабочий Союз,

возникший в Киеве по инициативе Щедрина и Ковальской). Однако, на ряду с ним, в 1878 г. в Петербурге возникает «Северный Союз Русских Рабочих», не только состоявший из рабочих, но и возникший по инициативе самих рабочих. Все эти организации были недолговечными и скоро погибли. Однако, ими были вовлечены в движение десятки и сотни рабочих, которые в следующем десятилетии явились, в свою очередь, деятельными организаторами и членами новых рабочих кружков и организаций, на основе которых впоследствии выросла Р. С.-Д. Р. П.

Литература. О революционном движении 1860-х и 1870-х годов см. *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. IV (изд. 3-е и последующие); *Тун.* История революционных движений в России. Изд. Петерб. Сов. Р. и К. Деп.; 1918 г. *М. К. Лемке.* Очерки освободительного движения шестидесятых годов. Петерб., 1908 г; *Л. Э. Шишко.* Общественное движение шестидесятых и первой половины семидесятых годов. Москва, 1921 г.; *В. Я. Богучарский.* Активное народничество семидесятых годов, М. 1912 г.; *В. Я. Богучарский.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М. 1912 г.

ВЕЛИКОРУСС.

Тайное общество «Великорусс» образовалось в 1861 г. Им было выпущено три листка под названием «Великорусс». Первый из них появился в июле, а второй и третий—в сентябре 1861 г. Наконец, уже в 1862 г. обществом была издана маленькая прокламация: «Подвиг капитана Александрова». Состав общества неизвестен. Есть весьма весские основания предполагать, что руководителем общества был Н. Г. Чернышевский и что именно им написаны листки «Великорусс». В 1862 г. общество перестало существовать, слившись с обществом «Земля и Воля».

Общество являлось выразителем интересов и чаяний радикально демократических кругов того времени. В листке № 1, воспроизводимом ниже без пропусков, общество, обращаясь к «образованным классам», ставило на их разрешение два вопроса: 1) должна ли состоять сущность нового порядка вещей, желательного для народа и образованных классов, в устранении произвольности и в установлении законности управления и 2) способна ли существующая династия отказаться от произвольной власти. В № 2 давался ответ на первый вопрос: водворение законного порядка общее желание просвещенных людей. Главнейшие условия для этого: а) разрешение крестьянского вопроса путем безвозмездного предоставления крестьянам всей земли, какой они пользовались при крепостном праве, б) независимость Польши и в) установление конституции, не октроированной, а выработанной созванными для свободного ее составления депутатами. № 3 давал ответ на второй вопрос: Комитет «Великорусса» уверен, что «законность и нынешняя династия—вещи, которых нельзя соединить». Но, считаясь с тем, что «истинно-конституционная

монархия мало отличается от республики», он соглашается сделать попытку столковаться с властью для этой цели. Комитет предлагал подать адрес царю. Проект такого адреса, воспроизведенный ниже полностью, был приложен к № 3 «Великорусса».

По делу о распространении «Великорусса» в 1861 г. в Петербурге привлекались: офицер генерального штаба В. А. Обручев, доктор Боков и студенты Сваричевский, Данненберг и Лобанов. В 1862 г. за литографирование «Великорусса» были арестованы в Москве студенты Н. Освальд и Гумилин.

Листки «Великорусса» были напечатаны полностью в «Колоколе» за 1861 г. № 107, 109 и 115. Воспроизведены с некоторыми пропусками в «Материалах для истории революционного движения в России в 60-х гг.». *В. Богучарского* и в книге *Лемке*: «Очерки освободительного движения шестидесятых годов», статья «Процесс «Великоруссцев».

ИЗ № 1 «ВЕЛИКОРУССА».

Помещичьи крестьяне недовольны обременительною переменою, которую правительство производит под именем освобождения: недовольство их уже проявляется волнениями, которым сочувствуют казенные крестьяне и другие простолюдины, также тяготящиеся своим положением. Если дела пойдут нынешним путем, надобно ждать больших смут. Правительство ничего не в силах понимать, оно глупо и невежественно; оно ведет Россию к пугачевщине. Надобно образованным классам взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний; если общество не сделает этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести национальные дела разумным образом, впадет в необходимость держаться системы стеснений.

Если образованные классы почтут себя бессильными, не почувствуют в себе решимости обуздать правительство и руководить им, тогда патриоты будут вынуждены призвать народ на дело, от которого отказались бы образованные классы. Сначала же попробуем: быть может, просве-

щенная часть нации не почтет себя бессильною. На деле она гораздо сильнее правительства, тупого и трусливого. Так, просвещенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуем отмены таких-то и таких-то вещей, мы хотим замены их такими-то и такими-то. Требование будет исполнено. Мы не поляки и не мужики. В нас стрелять нельзя.

Программу действий, конечно, должно определить для себя само общество. Итак, мы будем ждать его решений. Теперь мы пока поставим два из вопросов, особенно нуждающихся в решении. Должна ли состоять сущность нового порядка вещей, которого одинаково желают и народ, и образованные классы, в устранении произвольного управления, в замене его законностью—и способна ли нынешняя династия отказаться от произвольной власти добросовестно и твердо? Сообразно тому или другому решению этих вопросов определяются и способы действия, а определив способ действия, общество найдет в себе силу и действовать.

ИЗ № 3 «ВЕЛИКОРУССА».

АДРЕС.

Всемилостивейший государь!

Положение нашей русской родины тяжело и опасно.

Дело об уничтожении крепостного права решено в смысле, противном народному духу. За обнародованием положений 19 февраля повсюду последовали смуты, потому что крепостные крестьяне ждали не такой воли, какая им дана этим постановлением. Волнения не перешли во всеобщие восстания только потому, что крепостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающие прежний надел и сохраняющие барщину и оброк, установлены всего на два года, и весною 1863 года будет им дана воля в том значении, какое дают они этому слову: т.-е., что, получив весь прежний надел без уменьшения, они будут освобождены от всяких платежей и повинностей помещикам, которых вознаградит государство. Никакого другого решения они не примут, и Россия подвергнется величайшим бедствиям, если положения 19 февраля не будут из-

менены соответственно этому всеобщему чувству крепостных крестьян.

Наши государственные расходы не соразмерны с доходами. От расстройства финансов бедствуют промышленность и торговля. Бумажные деньги наши падают в цене. Государственный кредит колеблется. России грозит банкротство.

Одна из причин нашего разорения—владычество над Польшей. Мы принуждены постоянно иметь в Западном крае огромную армию, поглощающую десятки миллионов рублей наличных денег. Обладание Польшей не усиливает, а ослабляет нашу родину. Не только наше благосостояние, но и наша народная честь страдает от угнетения Польши: за поляков Европа называет нас варварами.

Вам известно, г-рь, какие злоупотребления существуют в нашей юстиции и администрации. У нас в России нет убеждения, что правое дело должно выиграть. У нас нет безопасности ни лицу, ни имуществу. Каждый, имеющий должность, деньги или связи, может безнаказанно нарушать закон.

Самые законы наши нуждаются в значительных изменениях. Сословные привилегии делят нацию на классы, презирающие или ненавидящие друг друга. Устройство судебной части не дает обеспечения правильному ходу процессов. Чрезмерная власть полиции уничтожает силу судебных учреждений и стесняет всякую деятельность. Телесное наказание унижает народный дух.

Миллионы наших соплеменников русских подвергаются бесчисленным стеснениям за то только, что хотят молиться по старопечатным книгам. Другие миллионы, под именем казаков, обречены от рождения на безвыходную военную службу, увеличивающую численность, но не силу нашей армии.

Наши бедствия велики, г-рь. Потребность коренных улучшений безотлагательна.

Вы, государь, называетесь неограниченным монархом, но ваша власть не так велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устранения зол и предотвращения опасностей. Это доказывается ходом дела об освобождении крестьян. Вы не в силах были ни сделать обязатель-

ным выкуп, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь против взяточничества и расхищения государственных сумм, то и другое продолжает существовать во всей силе. Бюрократический формализм, интрига и обман гораздо могущественнее вас.

Согласившись на введение конституционного устройства, вы только освободите себя от тяготеющего над вами владычества лжи, заменив нынешнее ваше подчинение—чистой и полезной покорностью истине, которая не может существовать в государственных делах без политической свободы.

Только правительство, опирающееся на свободную волю всей нации, может совершить те преобразования, без которых Россия подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины, в Москве или в Петербурге, представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России. Благоволите созвать представителей польской нации в ее столице, Варшаве, чтобы они устроили судьбу своей родины, сообразно ее потребностям.

Об этом просят вас, государь, ваши русские подданные, которые не могут быть заподозрены в желании чего-нибудь противного величию и славе России.

К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ.

Автором прокламации «К молодому поколению» является известный публицист и критик Н. В. Шелгунов. По его собственному рассказу, эта прокламация была написана им зимой 1861 года. Напечатать ее он хотел в Лондоне, в типографии Герцена. Летом 1861 г. Шелгунов, вместе с своим другом поэтом М. И. Михайловым, отправились за-границу и посетили Лондон. Герцен, не веривший в возможность и успешность народной революции в России, не одобрил прокламации, но согласился напечатать ее. Она была напечатана в количестве 600 экземпляров, которые Михайлову удалось провезти в Россию. В августе эта прокламация была распространена по Петербургу и по провинции. Однако, вследствие доноса, правительству стало известно, что прокламация распространяется Михайловым. 14 сентября последний был арестован. Не желая выдавать своего приятеля Шелгунова, Михайлов принял авторство прокламации на себя и приговором сената был осужден на каторжные работы на 12½ лет. Отвезенный в Сибирь Михайлов там и умер.

Прокламация «К молодому поколению» напечатана с пропусками в «Материалах» *Богучарского* и в книге *Лемке*: «Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского». Мы воспроизводим ее по подлиннику, делая коекакие пропуски [1].

[1] О Михайлове и о прокламации „К молодому поколению" см. М. К. Лемке. Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского. Пет. 1907 г., Записки М. И. Михайлова Петерб. 1922 г., Н. В. Шелгунов. Из воспоминаний. „Голос Минувшего". 1918 г. № 4—6. А. А. Шилов. Арест М. И. Михайлова и суд над ним. Историч. сбор. „Русское Прошлое", вып. II, Петерб. 1923 г.; Сборник „Политические процессы 60-х годов" под ред. Б. Козьмина. Изд. Центроархива 1923 г.

К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ.

Когда манифест о воле был уже готов и оставалось только объявить его, русское правительство, прежде всего, струсило; оно испугалось своего собственного дела,—ну, а если Россия поднимется? Если народ пойдет на Зимний дворец? И решили объявить народу волю в великом посту, а балаганы на время масленицы отнесли подальше от дворца, на Царицын луг. О, знание сердца человеческого! О, знание русского народа! Ведь, правительство думало, что оно осчастливит свой народ? Где же слыхано, чтобы человек счастливый пошел бить стекла и колотить встречных? Если же правительство боялось народа, значит оно имело причины его бояться. И точно, причина была. Во-первых, государь обманул ожидание народа—дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна. Во-вторых, он украл у него радость—объявил манифест в великом посту, а не 19 февраля. В-третьих, организацией комиссий, составлявших и рассматривавших «Положение», государь показал полнейшее презрение ко всему народу и к лучшей, к образованнейшей, честнейшей и способнейшей части русского общества—к народной партии: все дело велось в глубочайшем секрете, вопрос разрешался государем и помещиками, никто из народа не принимал участия в работе, журналистика не смела пикнуть—царь давал народу волю, как милость, как бросают сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры.

Все это не может и не должно быть прощено правительству. Не народ существует для правительства, а правительство для народа. Следовательно, очевидно, что правительство, которое не понимает народа, не знает его нужд и потребностей, которое, считая себя помещиком, действует исключительно в своекорыстных целях, которое, наконец, презирает народ, им управляемый—недостойно этого народа. Романовы, вероятно, забыли, что они свалились не с неба, а выбраны народом, потому что их считали способнее управлять Россией, чем каких-нибудь польских и шведских королевичей. Вот почему, если они

не оправдывают надежду народа,—долой их! Нам не нужна власть, оскорбляющая нас; нам не нужна власть, мешающая умственному, гражданскому и экономическому развитию страны; нам не нужна власть, имеющая своим лозунгом разврат и своекорыстие. Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий, не горностаевая мантия, прикрывающая наследственную неспособность; мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший. Нам нужен не император, помазанный маслом в Успенском соборе, а выбранный старшина, получающий за свою службу жалованье...

Освобождение крестьян и последние четыре года показали, что новое правительство, при своем настоящем составе и при тех правах, которыми оно пользуется, решительно никуда не годится...

России правительство не знает и знать не хочет; общественного мнения для него не существует, как не существует для него русского общества, как не существует для помещика мнения его крестьян. Правительство наше знает только себя и делает только то, что ему выгодно. Укажите нам людей, довольных правительством!..

Мы не знаем ни одного сословия в России, которое не было бы оскорблено императорской властью. Обижены все. Последняя обида нанесена как раз в то время, когда императорская власть думала, что она творит великое дело, что она кладет первый камень великому будущему России. Мы не отвергаем важности факта, заявленного манифестом 19 февраля; но мы видим важность его не в том, в чем видит его важность правительство. Освобождение крестьян есть первый шаг или к великому будущему России, или к ее несчастию; к благосостоянию политическому и экономическому, или к экономическому и политическому пролетариату. От нас самих зависит избрать путь к тому или другому...

Правительство наше, вероятно, не догадывается, что, положив конец помещичьему праву, оно подкосило свою собственную императорскую власть. Император был крепок только помещиками, и Екатерина II отлично понимала это, называя себя первой помещицей. Кончились

помещики, кончилось и императорство, у него нет больше почвы; осталось имя без сущности, форма без содержания...

Сословия уже начинают понимать, какую роль они играли до сих пор; освобожденные крестьяне уже думают о своем безвыходном положении,—они недовольны. Недовольны везде; все ждут чего-то. Императорская Россия разлагается... Пусть подумает об этом правительство, время поправить беду еще не ушло; но пусть же оно не медлит. Если Александр II не понимает этого и не хочет добровольно сделать услугу народу—тем хуже для него. Общее неудовольствие могло бы еще быть успокоено, но если царь не пойдет на уступки, если вспыхнет общее восстание, недовольные будут последовательны, — они перейдут к крайним требованиям. Пусть подумает об этом правительство, время поправить беду еще не ушло, но пусть же оно не медлит.

Но, с другой стороны, и мы должны помнить, что имеем дело с правительством ненадежным, с правительством, которое временными уступками будет успокаивать нас, из личных, временных выгод готово испортить все будущее всей страны,—для 10 подлецов ничего не значит счастье миллионов.

Молодое поколение! не забывайте этого. Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию; вы — настоящая ее сила, вы— вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сделанное нам императорской властью, вы должны показать народу, что тут нет никакого помазания, что бог познается в делах общего блага, в делах добрых, а где добра нет, там действует злая сила — дух тьмы, а этот-то дух и есть русская императорская власть в том виде, как она существовала до сих пор.

Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающие, чтобы он владел землей, а не находился в вечной зависимости от землевладельцев; есть люди, желающие убавить ему подати и

всякие платежи, водворить правду в суде, избавить народ от лишних нянек и опекунов.

Не забудьте и солдат. Объясните им, что и у них есть доброжелатели, которые бы хотели убавить солдатам срок службы, дать им больше жалованья, избавить их от палок.

Объясните вы это народу и солдатам, но не забудьте прибавить, что помехой всему царь и его министры, для которых это невыгодно...

Мы народ запоздалый и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастия, ее безвыходное положение—урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата, ее аристократизма, ее государственного начала и ее императорской власти.

До сих пор народ наш жил своей жизнью, не мешаясь в дела правительства и не понимая их, и он был прав. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А между тем, русская мысль зрела, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидели, что у них не ладно, и тут-то мы поняли, что имеем полнейшую возможность избегнуть жалкой участи Европы настоящего времени.

Мы похожи на новых поселенцев; нам ломать нечего. Оставимте наше народное поле в покое, как оно есть; но нам нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла из семян, налетевших к нам с немецкими идеями об экономизме и государстве...

Европа не понимает, да и не может понять наших социальных стремлений; значит, она нам не учитель в экономических вопросах. Никто не идет так далеко в отрицании, как мы, русские. А отчего это? Оттого, что у нас нет политического прошлого, мы не связаны никакими традициями, мы стоим на новине и, нисколько не пленяясь немецкими садиками и рощами, хотим разделять свое поле не по немецкой методе, не в заграничном вкусе, а как делилась земля встарь, когда еще людям не было тесно,—и мы можем сделать это. Вот отчего у нас нет страха перед будущим, как у Западной Европы; вот отчего мы смело идем на встречу революции; мы даже желаем ее. Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что

призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Без веры нет спасения, а вера наша в наши силы велика. Если для осуществления наших стремлений,—для раздела земли между народами,—пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого. И это вовсе не так ужасно. Вспомните, сколько народу потеряли мы в польскую и венгерскую войны. И для чего? Из каприза Николая, и не только без всяких выгод, но на позор всей страны. Вспомните, что крымская война стоила нам 300.000 народу, что она разорила целый край, что ввела нас в громадный долг, а разве мы испугались ее? Нет, хоть она и стоила нам лучших сил страны. А разве наше дворянство—лучшая рабочая сила страны? Нет. До сих пор оно стояло враждебно к народу, оно было именно тем осадком общества, куда уходило все сочувствующее царской власти, все лакействующее, все ничего не делающее, все притесняющее народ, все своекорыстное, все вредное для России. Дворянство представляло у нас постоянно элемент более чем консервативный. Но нам могут заметить, что наше образование шло из дворянства, что лучшие люди были из этого сословия. Во-первых, это не совсем правда. А Ломоносов, Кольцов, Белинский? Во-вторых, лучшее, что выходило из дворянства, тотчас же отделялось от него и становилось на сторону угнетенного народа. При разрешении вопроса об освобождении крестьян, дворянство, и из него так называемая старая аристократия, показало еще раз, что может ожидать от него Россия. Мы увидели еще раз и убедились окончательно, что это партия плантаторов, что это помеха России на пути ее развития. Нравственные силы России, если они даже и из этого источника, они не принадлежат и не могут принадлежать дворянской партии: они составляют свое особое сословие, свой круг, непризнанный правительством, враждебный ему и дворянству, дружественный народу. Что народное, что сильно своей внутренней силой, что составляет нравственное украшение страны, то не дворянское, не правительственное. Ни один человек, способный различить только серое от черного, не примкнет к правительственной партии, не

пойдет в привилегированное сословие, не воспользуется своим дворянским происхождением и титулом для притеснения народа, для своих узких корыстных целей. Не ту пору мы переживаем. Современный честный русский не может быть другом правительства. Он друг народа. Все же враждебное народу, все эксплоатирующее его есть правительство; а все, поддерживающее правительство и стремящееся не к общему равенству прав, а к привилегиям, к исключительному положению—есть дворянство и партия дворянская. Это враг народа, враг России. Жалеть его нечего, как не жалеют вредные растения при расчистке огорода.

И что значит это привилегированное сословие, эта аристократия рождения, аристократия физической силы, одна пользующаяся всеми выгодами, работающая чужими руками. В чем ее способности, в чем ее право на исключительность в положении?

Представьте себе, что внезапно, в один день, умирают все наши министры, все сенаторы, все чины государственного совета. Пусть с ними умирают все губернаторы, директоры департаментов, митрополиты, архиереи,—одним словом, вся нынешняя служебная аристократия. Что теряет от этого Россия? Ничего. Через час явятся новые министры, новый сенат, новый государственный совет; явятся новые губернаторы, директоры департаментов, архиереи и митрополиты—и колесо государственного управления пойдет до того по-старому, что Россия и не заметит никакой перемены.

Представьте, что в одно время с ними умирают все тунеядствующие вельможи, великие князья и княжны, все лакированные флигель-адъютанты, фрейлины, все штатс-дамы—весь придворный штат. Разумеется, потеря эта, как и всех министров, взятая с общей человеческой точки зрения, принесет много огорчений родственникам, оставшимся в живых—но и только. На место умерших найдется немедленно неменьшее число людей, способных заниматься тем же, и через час такие же лакированные адъютанты и фрейлины наполнят снова двор, и если государь вздумал бы назначить вечером бал, то едва ли бы и сам он за-

метил перемену в лицах. Новые флигель-адъютанты танцовали бы с неменьшим искусством, как и прежние, шеи новых фрейлин были бы так же пленительны, улыбки их так же очаровательны, разговоры их так же пусты, как и прежних, и в общем характере не было бы заметно никакой перемены.

Представьте, что вместе с министрами и фрейлинами умирает все наше старое дворянство, вся аристократия происхождения, все ничего не делающие помещики. Пусть даже число новых покойников будет сто тысяч. И эту потерю Россия не заметит. Через час царь может создать новых помещиков, наделать новых графов и князей. Разве не всякий на это способен?

Таким образом, внезапная потеря более ста тысяч людей, признаваемых правительством полезными и необходимыми ему, не только не повредит России, напротив, принесет народу пользу, избавив его от необходимости кормить тунеядцев.

Но вот картина меняется. Министры с их товарищами живы и здоровы, сенат и государственный совет также, а с ними и все ничего не делающее столбовое дворянство; фрейлины и флигель-адъютанты танцуют, камер-юнкеры и камергеры прислуживают за царским столом; одним словом, все идет так, как идет теперь; все бесполезное население в России живо и здорово, но умирает аристократия мысли, умирают литераторы, поэты, ученые, художники, фабриканты, т.-е. те люди, которые производят вещи, полезные для страны и снабжают ее предметами наиболее нужными, в произведениях которых высказывается гений и все способности народа, которые составляют гордость и славу нации. Что станется тогда с Россией? И сколько нужно времени, чтобы восстановить ее потерю. Ни фрейлины, ни сенаторы, ни архиереи, ни митрополиты, ни члены государственного совета, ни флигель-адъютанты не в состоянии быть литераторами, художниками, учеными, фабрикантами. Что станется с страной, постигнутой таким страшным бедствием, лишенной всей нравственной силы? Что станут делать столбовые дворяне, министры, фрейлины, митрополиты и флигель-адъютанты? Царю остается одно—поселиться с ними особой колонией под

Петербургом и возращать картофель. Да, пожалуй, и этого будет не нужно...

Что же вы хотите? могут наконец спросить нас. Вы говорите о скудоумии власти, но кто же этого не знает? Тем хуже для нас. Мы знаем, мы видим все умственное и нравственное ничтожество власти, и мы терпим ее.

Кому нравится это, пусть остается в ярме; но кто проснулся и дозрел до понимания человеческого достоинства, в ком есть хоть искра гражданского мужества, гражданской доблести, пусть сбросит с себя цепь, пусть пристанет к людям ищущим свободы, пусть число свободных людей растет все больше, пусть они теснее пристают один к другому, и, наконец, потребуют перемены существующих порядков.

К этим-то людям свободы мы и обращаемся, они поймут нас, чего мы хотим!

Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть понимающая потребности страны и действующая в интересах народа. А, чтобы она могла быть такой, она должна быть из самих нас—выборная и ограниченная.

Мы хотим свободы слова, т.-е. уничтожения всякой цензуры.

Мы хотим развития существующего уже частью в нашем народе начала самоуправления. Если крестьяне имеют это право, если они избирают сами от себя старшин и голов, если общинам предоставлено право гражданского суда и полицейской расправы, зачем же этими правами выборного начала и самоуправления не пользуется вся остальная Россия. Или все остальное население хуже понимает свои потребности и потребности страны? Или в нем меньше смыслу, чем в земледельческом населении? Нет, этого не скажет наше правительство. Оно дало крестьянам волю потому, что боялось крестьянских топоров; но нас никто и никогда не боялся. Теперь же мы сильнее и мы хотим последовательного развития начал народного управления. Наша сельская община есть основная ячейка; собрание таких ячеек есть Русь. Везде должно проходить одно начало. Вот что нам нужно.

Мы хотим, чтобы все граждане России пользовались одинаковыми правами, чтобы привилегированных сословий не существовало, чтобы право на высшую деятельность давали способности и образование, а не рождение; чтобы назначение на общественные должности шло из выборного начала. Мы не хотим дворянства и титулованных особ. Мы хотим равенства всех перед законом, равенства всех в государственных тягостях, в податях и повинностях.

Мы хотим, чтобы денежные сборы со страны не шли неизвестно куда, чтобы их не крали; чтобы правительство давало народу отчет в собранных с него деньгах.

Мы хотим открытого и словесного суда, уничтожения императорской полиции—явной и тайной, уничтожения телесного наказания.

Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту; чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины, т.-е. или приписаться к общине существующей, или несколько граждан могли бы составить новую общину. Мы хотим сохранения общинного владения землею, с переделами через большие сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общинного владения землею есть заблуждение, пусть она кончится сама собой, умрет вследствие собственной несостоятельности, а не под влиянием экономического учения Запада.

Мы хотим, чтобы 9 миллионов десятин свободных земель Европейской России (оброчные статьи) были отданы дворовым людям, пущенным манифестом 19 февраля по миру.

Мы хотим уничтожения переходного состояния освобожденных крестьян; мы хотим, чтобы выкуп всей личной земельной собственности состоялся немедленно. Если операцию эту не в состоянии взять на себя правительство, пусть возьмут ее все сословия страны. Это путь мирный и мы хотели бы, разумеется, чтобы дело не доходило до насильственного оборота. Но если нельзя иначе, мы не

только не отказываемся от него, но мы зовем охотно революцию на помощь к народу. Если из пустого честолюбия Наполеон I перебил на своем веку 8 миллионов народу, что значит какая-нибудь сотня людей, когда этой жертвой покупается счастье народа. Но и до этой цифры не дойдет. Стоит сделать один пример с теми, кто не идет на добровольную уступку,—остальные согласятся...

Мы хотим полного уничтожения следов крепостного права, уничтожения развитого им неравенства в землевладении; мы хотим полного обновления страны. Мы хотим уничтожения мещанства, этой неудавшейся русской буржуазии, выдуманной Екатериной II. И какие они tiers-êtat! [1]). Те же крестьяне, как и все остальные, но без земли, бедствующие, гибнущие с голоду. Им должна быть дана земля.

Мы хотим сокращения расходов на бесполезную громадную армию. Она стоит нам более 100 миллионов деньгами, да военные натуральные повинности, падающие на народ, стоят почти столько же (90 миллионов). А чего стоит потеря в рабочей силе, оторванной от плуга и от верстака? Насколько должен народ усилить свои занятия, чтобы трудящиеся люди работали за ничего не делающую армию? В армию берут самых лучших людей, и люди эти делаются совсем бесполезными для своей страны, на всю жизнь. Прослужив 25 лет, отставной солдат делается неспособным к сельским занятиям, от которых его оторвали. Он идет или по миру—как искалеченные севастопольские герои—или в сторожа, швейцары, в легковые извощики. А зачем нам гвардия? Для защиты Зимнего дворца и царской семьи ее слишком много. И что такое гвардия? Военное дворянство. Но это вздор: или все гвардия, или все армия;—все граждане равны, обязанности всего военного сословия одинаковы, а потому нет привилегий.

Мы хотим, чтобы офицеры, армии и гвардии поняли свое истинное назначение; чтобы они поняли, что они не царское войско, исполняющее капризы императорской власти, а народная стража; что они служат не на угнетение

---

1) „Третье сословие".

слабого, а на его защиту против обид сильных и власти, эксплоатирующей его труд и время. Непохвальна роль, которую играло до сих пор русское войско. Оно рубило поляков, рубило венгерцев, оно участвовало во всех злодеяниях русских императоров. Для него не существовало родной земли, родного народа. Его кумиром был царь и волю его оно исполняло свято, оно резало свой народ, когда этого хотелось царю; оно было палачем и тюремщиком России. Солдат прикрывается присягой, которой он не понимает, и солдату это прощается, потому что он не понимает, что он делает. Но чем можете оправдать себя вы, гг. офицеры? Вы учились кое-чему, вы развитее рядовых солдат, вы понимаете смысл присяги, вы должны знать, что вас призывали на защиту страны своей, а не на ее угнетение. Вы говорите, что сердце у вас обливалось кровью, когда вам приходилось бить венгерцев, так зачем же вы их били? Вы не хотели дружиться с австрийцами, так зачем же вы с ними дружились? А нынче: народу дали полу-свободу, не растолковав дела, он не доволен, и вас шлют стрелять и бить безоружных и вы, храброе русское войско, хладнокровно стреляете в безоружных. Вот на что употреблялось наше войско. Позор ему! Пора кончить эту постыдную роль, пора вспомнить о службе отечеству. Пора перестать быть царской стражей. Вот почему мы хотим, чтобы наше войско было не императорской гвардией, а стражей народной. Тогда, в минуту восстания угнетенного народа, когда страна потребует своих прав, и войско не забудет, что оно было игрушкой власти, ее слепым и позорным орудием, и оно не забудет предъявить свои требования и встанет на стороне народа, а не на стороне общего врага.

Мы хотим, чтобы срок службы солдата не была целая вечность, убивающая в нем все гражданские способности, все человеческие силы, делающая его никуда негодным в отставке. Мы хотим, чтобы солдат шел в службу с охотой, чтобы она представляла ему выгоды, чтобы срок службы был 3—5 лет, чтобы солдат не отрывался окончательно от своей родной избы, чтобы он уходил только на время и после службы возвращался в свою семью, чтобы после службы он оставался тем же селянином, как и до ре-

крутства, чтобы он получал жалованье не только достаточное для его текущих потребностей, но, чтобы он мог посылать кое-что домой, а не тянуть из дому последнюю копейку. Пусть наше войско будет ополчением, пусть каждая губерния составляет свою дружину. Незачем солдату уходить в мирное время за тысячу верст от своего дома.

Мы хотим сокращения расходов на все управление; мы хотим уничтожения вредных для народа управлений, как министерство государственных имуществ, министерство двора, удельное управление. У народа есть и головы и старшины, есть, наконец, здравый смысл, в который верует и само правительство. К чему после этого управляющие палатами и конторами, окружные и депутаты? А к чему двору целое министерство? Домовые конторы да расходчики, вот все, что нужно для дворцов. Народу все это слишком тяжело, ведь, он, а не кто другой, платит за все это.

Мы хотим сокращения расходов на царскую фамилию. Зачем какому-нибудь великому князю 130 лошадей, когда люди не менее порядочные и уж, разумеется, более полезные довольствуются вполне парой? Зачем на двор тратится более 50 миллионов в год, когда за десятую часть этой суммы можно иметь людей, знающих лучше свое дело и, действительно, полезных стране? Крепостное право кончилось, а с ним должно кончиться и барство, и всякие помещичьи замашки—дворовые, дворцы, дворы.

Мы хотим освобождения из казематов и возвращения из ссылки всех осужденных за политические преступления; мы хотим возврата на родину всех политических выходцев; наконец, мы хотим совершенного изменения основных законов. Напр.: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает». Что за клевета на бога и совесть? В этом уверять можно только китайцев и турок, да и те едва ли верят подобной басне. Странно навязывать подобное верование народу, у которого 9 миллионов сектантов, не признающих царя. А между тем, во всем своде проходит одна мысль,—везде благоговение перед властью и сословное

неравенство. Понятно, что мы хотим изменения основных законов и очистки всех остальных.

Но кому мы указываем эту программу? Кто станет ее выполнять? Где у нас люди, понимающие свои гражданские и человеческие права и способные предъявить свои требования? Дворянство? Нет, в дворянство мы не верим,— оно показало уже свое бессилие, непонимание своих выгод и неумение пользоваться обстоятельствами.

Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий; затем все угнетенные, все, кому тяжело нести крестную ношу русского произвола—чиновники, эти несчастные фабричные канцелярий, обреченные на самое жалкое существование и зависящие вполне от личного произвола своих штатских генералов; войско, находящееся совершенно в таком же положении, и 23 миллиона освобожденного народа, которому 19-го февраля 1861 года открыта широкая дорога к европейскому пролетариату.

Обращаемся еще раз ко всем, кому дорого счастье России, обращаемся еще раз к молодому поколению. Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку или рассказывать все одни и те же рассказы об одних и тех же плутнях разных Муравьевых. Довольно корчить либералов; наступила пора действовать. И кто выдумал, что правительство сумеет сделать что-нибудь нужное само по себе? С какой стороны вы ждете еще доказательств способности правительства и желания его сделать что-нибудь полезное для России? Откуда ваши надежды? Или вам мало исторического прошлого России?

Не питайте в себе пустой надежды, этого предательского, усыпляющего чувства, не переносите своих благородных стремлений на ватагу негодяев, называемых русскими министрами и русскими правителями. Или вы не видите, что власть скудоумна и смеется над вами?.. Нет, с такими господами нечего церемониться, пора с ними кончить, пора приступить к делу теперь же, не теряя ни минуты.

Говорите чаще с народом и с солдатами, объясняйте им все, что мы хотим, и как легко всего этого достигнуть:

нас миллионы, а злодеев сотни. Стащите с пьедестала, в мнении народа, всех этих сильных земли, недостойных править нами, объясните народу всю незаконность и разврат власти, приучите солдат и народ понять ту простую вещь,—что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как из носа мужицкого. Если каждый из вас убедит только десять человек, наше дело и в один год подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами к той роли, какую вам придется играть; зрейте в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все; и поведут их и вас на великое дело, а если нужно и на славную смерть за спасение отчизны, тени мучеников 14 декабря! Ведь, в комнате или на войне, право, умирать не легче!

ЧТО НУЖНО НАРОДУ?

Статья «Что нужно народу?» была написана Огаревым и помещена в № 102 «Колокола», от 1-го июля **1861 г.**, а вслед за тем воспроизведена в весьма большом количестве экземпляров в виде прокламации. Поводом к ее написанию послужили те разговоры о необходимости организовать в России тайное революционное общество, которые велись в июне 1861 г. в Лондоне между Огаревым и приехавшими из России представителями радикально-демократических кругов Н. А. Серно-Соловьевичем, А. А. Слепцовым, Н. Н. Обручевым, М. Л. Налбандьяном и др., которое и приняли участие в составлении статьи. «Что нужно народу?» рассматривалось, как программа будущего тайного общества, которое впоследствии, действительно, было основано и получило название: «Земли и Воли». На основе этой программы должна была производиться организация общественных сил в народе, интеллигенции и армии, и подготовка восстания.

«Что нужно народу?» перепечатано полностью М. К. Лемке в XI ч. Полн. собр. сочин. и писем А. И. Герцена.

ЧТО НУЖНО НАРОДУ?

Очень просто, народу нужна земля и воля.

Без земли народу жить нельзя, без земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. Земля никому другому не принадлежит, как народу. Кто занял землю, которую зовут Россией? Кто ее возделал, кто ее с покон веков отвоевывал да отстаивал против всяких врагов? Народ, никто другой, как народ. Сколько

погибло народу на войнах, того не перечтешь! В одни последние 50 лет куда более миллиона крестьян погибло, лишь бы отстоять народную землю. Приходил в 1812 г. Наполеон, его выгнали, да, ведь, не даром: слишком 800.000 своего народа уложили. Приходили вот теперь в Крым англо-французы, и тут слишком 500.000 людей было убито или умерло от ран. А кроме этих двух больших войн, сколько в эти же 50 лет уложили народа в других малых войнах? Для чего же все это? Сами цари твердили народу; «для того, чтобы отстоять свою землю». Не отстаивай народ русскую землю, не было бы и русского царства, не было бы царей и помещиков.

И всегда так бывало. Как придет к нам какой-нибудь недруг, так народу и кричат: давай солдат, давай денег, вооружайся, отстаивай родную землю! Народ и отстаивал. А теперь цари и помещики будто забыли, что народ 1000 лет лил пот и кровь, чтобы выработать и отстоять свою землю, и говорят народу: «покупай, мол, еще эту землю за деньги». Нет! уж это искариотство! Коли торговать, так торговать ею тому, кто ее добыл. И, если царь и помещики не хотят заодно нераздельно с народом владеть землей, так пусть же они покупают землю, а не народ, ибо земля не ихняя, а народная, и пришла она к народу не от царей и помещиков,—а от дедов, которые заселили ее во времена, когда о помещиках и царях еще и помину не было.

Народ с покон веков на самом деле владел землей, на самом деле лил за землю кровь и пот, а приказные на бумаге чернилами отписывали эту землю помещикам да в царскую казну. Вместе с землей самый народ забрали в неволю и хотели уверить, что это и есть закон, это и есть божеская правда. Однако, никого не уверили. Плетьми народ секли, пулями стреляли, в каторгу ссылали, чтобы народ повиновался приказному закону. Народ замолчал, а все не поверил. И из неправого дела все же не вышло дела правого. Притеснениями только народ и государство разорили.

Увидели теперь сами, что по-прежнему жить нельзя. Задумали исправить дело. Четыре года писали да переписывали свои бумаги. Наконец, решили дело и объявили

народу свободу. Послали повсюду генералов и чиновников читать манифест и служить по церквам молебны. Молись, мол, богу за царя, да за волю, да за свое будущее счастье.

Народ поверил, обрадовался и стал молиться.

Однако, как зачали генералы да чиновники толковать народу Положение, оказывается, что воля дана только на словах, а не на деле. Что в новых Положениях прежние приказные законы только на другой бумаге, другими словами переписаны. И барщину и оброки отбывай помещику по-прежнему; хочешь получить свою землю и избу, выкупай их на свои собственные деньги. Выдумали переходное состояние. Не то на 2 года, не то на 6, не то на 9 лет определили для народа новое крепостное состояние, где помещик будет сечь через начальство, где суд будет творить начальство, где все перепутано так, что, если б в этих царских Положениях и нашлась какая-нибудь льготная крупица для народа, то ею и воспользоваться нельзя. И государственным крестьянам по-прежнему их горькую судьбу оставили, и землей и народом оставили владеть все тех же чиновников, а хочешь на волю, так выкупай свою землю. Слушает народ, что ему толкуют генералы и чиновники про волю и понять не может—какая это воля без земли под помещичьими и чиновничьими розгами. Верить не хочет народ, что его так бесчестно обманули. Быть, говорит, не может, чтобы царь 4 года своим словом ласкал нас свободой, а теперь на деле подарил бы прежней барщиной и оброком, прежними розгами и побоями.

Хорошо, кто не поверил, да смолчал; а кто не поверил да стал тужить о несбывшейся воле, тех пришли вразумлять плетьми, штыками да пулями. И полилась по Руси безвинная кровь. Вместо молитв за царя раздались стоны мучеников, падающих под плетьми и пулями, да изнемогающих под железами по сибирской дороге.

Так-то опять плетьми да каторгой хотят заставить народ верить, что новый приказный закон есть божеская правда.

Да еще глумятся царь да вельможи, говорят, что через два года будет воля. Откуда же она будет—воля-то? Землю урежут, да за урезанную заставят платить в три-дорого,

да отдадут народ под власть чиновников, чтобы и сверх этих тройных денег, еще втрое грабежом выжимали; и чуть кто не даст себя грабить, так опять плети да каторга. Ничего они, не то, что через два года,—а никогда для народа не сделают, потому что их выгода—рабство народа, а не свобода.

И откуда это народу такая беда, что живет он, живет, работает, работает, а до правды дожить не может и вечно народом торгуют?

Как, откуда? Ради чего Иуда Христа продал? Ради алчности. Та же алчность заставляет и царей, и помещиков, и чиновников торговать народной землей, народной кровью и обманывать народ. Чтоб им была во всем излишняя роскошь, народ живи в бедности, неволе, невежестве.

Землю от народа отписали за себя. Все, что народ ни выработает—подавай ко дворцу, да в казну, да дворянам; а сам вечно сиди в гнилой рубахе да в дырявых лаптях. Свободу отняли. Шагу не смей сделать без чиновничьего позволения, без паспорта или билета и за все плати.

Ничему народ не учили. Деньги, что сбирают на народное ученье, сорят на царские конюшни и псарни, на чиновников и ненужное войско, которое стреляло бы по народу.

Понимают сами, что так быть нельзя, что с таким искариотством и народ сгубишь, и царство сгубишь, и самих себя непричем оставишь. Сами сознаются перед народом, что надо дать ему поправиться; а как до дела дойдет, алчности-то своей преодолеть не могут. Жалко царю своих бесчетных дворцов с тысячами лакеев и арапов, жалко царице своих парчей и бриллиантов. Еще не сумели они полюбить народа более, чем своих охотничьих собак, чем золотую посуду, чем пиры да забавы. Вот и не могут они отрешить и унять своих вельмож и чиновников, которые помогают им сбирать с народа миллионы рублей, да и сами на себя тянут столько же. Не могут победить своей алчности, вот и двоедушничают. И пишет царь такие манифесты, которых народ в толк взять не может. На словах будто добр и говорит с народом по совести; а как слова на деле исполнять приходится, держится с-

вельможами все той же алчности. На словах от царской доброты народу радость и веселье, а на деле, все прежнее горе да слезы. На словах от царя воля, а на деле за эту же волю царские генералы секут народ да в Сибирь ссылают, да расстреливают.

Нет! двоедушничать с народом и обманывать его—бесчестно и преступно. Торговать землей и волей народа не то ли же, что Иуде торговать Христом? Нет, дело народа должно быть решено без торга, по совести и правде. Решение должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы слов решения, раз произнесенных, ни царь, ни помещики с чиновниками перетолковать не могли. Чтобы ради глупых, бестолковых, изменнических слов не лилось неповинной крови.

Что нужно народу?

Земля, воля, образование.

Чтобы народ получил их на самом деле, необходимо:

1) Объявить, что все крестьяне свободны с той землей, которою теперь владеют. У кого нет земли, например: у дворовых и некоторых заводских, тем дать участки из земель государственных, то-есть народных, никем еще не занятых. У кого из помещичьих крестьян земли не в достачу, тем прирезать земли от помещиков или дать земли на выселок. Так чтобы ни один крестьянин без достаточного количества земли не остался. Землей владеть крестьянам сообща, т.-е. общинами. А когда в какой общине народится слишком много народу, так что тесно станет, дать той общине для крестьян сколько нужно земли на выселок из пустопорожних удобных земель. В тысячу лет русский народ заселил и завоевал земли столько, что ему ее на многие века хватит. Знай плодись, а в земле отказа быть не может.

2) Как весь народ будет владеть общей народной землей, так значит весь народ за пользование этой землей будет платить и подати на общие народные нужды, в общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденных с землей крестьян обложить такою же податью, какую ныне платят государственные крестьяне, но не более. Подати те взносить крестьянам сообща, за круговою порукою; чтоб крестьяне каждой общины отвечали друг за друга.

3) Хотя помещики триста лет и владели неправо землей, однако, народ их обижать не хочет. Пусть им казначейство выдает ежегодно, в пособие или вознаграждение, сколько нужно, примерно, хоть шестьдесят миллионов в год, из общих государственных податей. Лишь бы народу осталась вся земля, которую он теперь на себя пашет, на которой живет, с которой кормится и отапливается, с которой скот свой кормит и поит, да лишь бы подати ни в каком случае не повышали, а то народ на отсчитывание вознаграждения помещикам из податей согласен. А сколько кому из высчитываемых на это из податей денег приходится, помещики сами промеж себя по губерниям согласиться могут. Народу это все равно, лишь бы подать не повышали. Помещичьих крестьян по последней ревизии считается всего 11.024.108 душ. Если их обложить одинаковою податью с государственными крестьянами, т.-е. рублей по семи с души в год, то, отсчитав из этих семи рублей, около 1 р. 60 коп. серебром, которые помещичьи крестьяне ныне платят в казну (подушными и разными повинностями) останется за тем с каждой души около 5 рублей 40 коп. серебром, а от всех помещичьих крестьян в России около шестидесяти миллионов рублей серебром. Значит есть чем пособить и вознаградить помещиков; больше этого им и желать стыдно, и давать не следует.

4) Если при такой подати до полных шестидесяти миллионов, следующих помещикам, чего и не хватит, то для покрытия недостатка все-таки никаких лишних податей требовать не надо. А следует убавить расход на войско. Русский народ живет в миру со всеми соседями и хочет жить с ними в миру; стало ему огромного войска, которым только царь тешится, да по мужикам стреляет, не надо. А потому войско следует сократить на половину. Теперь на войско и на флот тратится сто двадцать миллионов, а все без толку. С народа собирают на войско денег кучу, а до солдата мало доходит. Из ста двадцати миллионов сорок миллионов идет на одних только военных чиновников (на военное управление), которые еще, кроме того, сами знатно казну разворовывают. Как сократить войско на половину, да в особенности посократить военных чинов-

ников, так и солдатам будет лучше, да и излишек от расходов на войско большой останется, миллионов в сорок серебром. С таким излишком, как бы ни было велико вознаграждение помещикам, а уплатить будет чем. Податей не прибавится, а распределятся они разумнее. Те же деньги, которые народ теперь платит на лишнее войско, чтоб царь тем войском по народу стрелял, пойдут не в смерть, а в жизнь народу, чтоб выйти народу спокойно на волю с своей землей.

5) И собственные расходы царского правительства надо сократить. Вместо того, чтоб строить царю конюшни да псарни, лучше строить хорошие дороги да ремесленные, земледельческие и всякие пригодные народу школы и заведения. При том, само собой разумеется, что царю и семье царской нечего напрасно присвоивать себе удельных и заводских крестьян и доходы с них; надо, чтоб крестьянство было одно и платило бы одинаковую подать, а из подати и будут отсчитывать, сколько царю за управление положить можно.

6) Избавить народ от чиновников. Для этого надо, чтоб крестьяне и в общинах, и в волостях управлялись бы сами, своими выборными. Сельских и волостных старшин определяли бы своим выбором и отрешали бы своим судом. Между собой судились бы своим третейским судом или на миру. Сельскую и волостную полицию справляли бы сами своими выборными людьми. И, чтоб во все это, равно как и в то, кто какою работою или торговлей и промыслом занимается, отныне ни один помещик или чиновник не вмешивался бы, лишь бы крестьяне во время вносили свою подать. А за это, как сказано, отвечает круговая порука. Для легкости же круговой поруки крестьяне каждой общины промеж себя сделают складчину, то-есть составят мирские капиталы. Случится ли с кем беда, мир ссудит его из этого капитала и не даст погибнуть; запоздал ли кто податью—мир внесет за него подать в срок, даст ему время поправиться. Понадобилось ли для всей общины построить мельницу, или магазин, или купить машину, общественный капитал поможет им сладить общеполезное дело. Общественный капитал и хозяйству сельскому поможет, да и от чиновников спасет, так как при исправном

платеже податей ни один чиновник никого и притеснить не может. Тут-то и важно, чтоб все стояли за одного. Дашь одного в обиду—всех обидят. Само собой разумеется, не надо, чтоб до этого капитала чиновник пальцем дотронулся; а те, которым мир его поручит, те в нем отчет миру и дадут.

7) А для того, чтобы народ, получив землю и волю, сохранил бы их на вечные времена; для того, чтобы царь не облагал произвольно народ тяжкими податями и повинностями, не держал бы на народные деньги лишнего войска и лишних чиновников, которые давили бы народ; для того, чтобы царь не мог прокучивать народные деньги на пиры, а расходовал бы их по совести на народные нужды и образование—надо, чтоб подати и повинности определял бы и раскладывал промеж себя сам народ через своих выборных. В каждой волости выборные от сел решат промеж себя, сколько надо собрать с своего народа денег на общие нужды волости, и выберут промеж себя доверенного человека, которого пошлют в уезд, чтобы вместе с выборными от других волостей, и землевладельцев, и городских обывателей, решить какие нужны подати и повинности по уезду. Эти выборные, на уездном сходе, выберут промеж себя доверенных людей и пошлют их в губернский город, чтобы решить, какие народу принять повинности по губернии. Наконец, выборные от губерний съедутся в столицу к царю и порешат, какие повинности и подати должны быть отбываемы народом для нужд государственных, т.-е. общих для всего русского народа.

Доверенные от народа люди не дадут народа в обиду, не позволят брать с народа лишних денег; а без лишних денег не из чего будет содержать и лишнего войска, и лишних чиновников. Народ, значит, будет жить счастливо, без притеснений.

Доверенные люди решат, сколько податей платить народу и как платить их, чтобы никому не было обидно. Как соберутся выборные да столкуются, им уж можно будет порешить, чтобы подать платилась не с души, а с земли. У какой общины земли более да земля получше, той, значит, и платить податей придется более; а кто землей беднее—те и платить будут менее. Тут и помещики

с своей земли платить будут. Значит, дело будет справедливее и для народа льготнее. Доверенные же решат как по справедливости отбывать рекрутскую повинность; как по справедливости отбывать дорожную, постойную и подводную повинности; оценят их деньгами и разложат по всему народу безобидно. Разочтут всякую народную копейку на какое именно дело ей итти; сколько денег на правительство, сколько на войско, сколько на суды, сколько на училища народные, сколько на дороги. И что решат, то только и будет. Как пройдет год, так в каждой копейке подай отчет народу—куда она истрачена.

Вот тогда народ и будет в самом деле благоденствовать. Вот что нужно народу, без чего он жить не может.

Да кто же будет ему таким другом, что доставит ему все это?

До сих пор народ веровал, что таким другом ему будет нынешний царь. Что не в пример прежних царей, которые отписали землю от народа и отдали его в неволю вельможам, помещикам и чиновникам, новый царь осчастливит народ. Только как пришли генералы с солдатами расстреливать народ за волю и сечь шпицрутенами, так пришлось и про нового царя сказать то же, что пророк Самуил говорил народу израильскому, когда советовал ему обойтись без царя: «И поставит (царь) тебе сотники и тысячники; и дщери ваши возьмет в мироварницы и поварницы; и селы ваши и винограды ваши и масличина ваша драгия возьмет и отдаст рабам своим; и смена ваша и винограды ваша одесятствует; и стада ваша благая возьмет и одесятствует на дела своя; и пажити ваша одесятствует и вы будете ему рабы». Иными словами: не жди от царя никакого добра, а только одного зла, так как по алчности своей цари и волю и достаток народа обирают неминуемо. И наш царь, что приказывает стрелять по народу, оказывается, значит, царем самуиловским. Того и смотри, что он не друг, а первый враг народа. Говорит, что он добрый: да что же он мог хуже теперешнего сделать, когда б он был злой? Пусть же народ подождет молиться за него, а своим чутьем да здравым смыслом, поищет себе друзей понадежнее, друзей настоящих, людей преданных.

Пуще всего надо народу сближаться с войском. И отец ли, мать ли снаряжает сына в рекруты—не забывай народной воли, бери с сына клятву, что по народу стрелять не будет, не будет убийцей отцов, матерей и сестер кровных, кто бы ни дал приказ стрелять, хотя бы сам царь, потому что такой приказ, хотя бы и царский, все же приказ окаянный. Затем ищи себе друзей и повыше.

Когда найдется офицер, который научит солдат, что стрелять по народу грех смертный—знай народ, что это друг его, который стоит за землю мирскую да за волю народную.

Найдется ли помещик, который тотчас отпустит крестьян на волю со всею их землею, самым льготным способом и ни в чем не обидит, а во всем поможет; найдется ли купец, который не пожалеет своих рублей на освобождение; найдется ли такой человек, у которого ни крестьян, ни рублей нет, но который всю жизнь и думал, и учился, и писал, и печатал только для того, как бы лучше устроить землю мирскую да волю народную: знай народ—это все друзья его.

Шуметь без толку и лезть под пулю в разбивку нечего; а надо, молча, сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, против царя и вельмож, землю мирскую, волю народную да человеческую.

МОЛОДАЯ РОССИЯ.

Прокламация «Молодая Россия» вышла из кружка, группировавшегося вокруг студентов московского университета П. Г. Зайчневского и П. Е. Аргиропуло. Кружок этот организовался в начале 1861 г. и занялся литографированием запрещенных и противоправительственных сочинений. В конце лета и осенью того же года большая часть членов кружка была арестована и предана суду. Находясь под арестом в Тверском частном доме в Москве, Зайчневский написал воззвание «Молодая Россия». Переданное на волю, оно было напечатано и в мае 1862 г. распространено по всей России в весьма большом количестве экземпляров.

«Молодая Россия» является первой чисто социалистической и революционной прокламацией в России. Автор ее не боится ужасов народной революции; напротив, он приветствует ее в полном убеждении, что, лишь пролив море крови, можно добиться освобождения трудящихся. России, по его мнению, первой в мире выпало на долю осуществить социальную революцию.

Появление «Молодой России», совпавшее с большими пожарами, происшедшими в конце мая в Петербурге и использованными правительством, обвинившим в поджогах революционеров и студентов, в своих целях—оказалось фактом, имевшим весьма важное политическое значение. Пользуясь паникой, охватившей обывательские круги, правительство определенно и открыто стало на сторону реакции.

«Молодая Россия» напечатана с некоторыми пропусками в «Материалах» В. Богучарского. Воспроизводя «Молодую Россию» с подлинника, мы выпускаем из нее место, в

котором доказывается неминуемость крестьянского восстания весной 1863 г. и невозможность для правительства предотвратить это восстание путем репрессий, еще более озлобляющих народ, а также место, в котором автор прокламации полемизирует с Герценом и «Великоруссом», доказывая их отсталость и указывая на то, что их программа — программа либерального дворянства, а не народа [1].

«МОЛОДАЯ РОССИЯ».

Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, народа, угнетаемого и оскорбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти,—народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность — землю, грабит и царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвенные подати и употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на приданое фрейлинам-любовницам, на награду холопов, прислуживающих ему, да на войско, которым хочет оградиться от народа.

Опираясь на сотни тысяч штыков, царь отрезывает у большей части народа (у казенных крестьян) землю, полученную ими у своих отцов и дедов, делает это в видах государственной необходимости и в то же время, как бы в насмешку над бедным, ограбляемым крестьянином, дарует по несколько тысяч десятин генералам, покрывшим русское оружие неувядаемой славой побед над безоружными толпами крестьян; чиновникам, вся заслуга которых—немилосердный грабеж народа,—тем, которые умеют

¹) О деле Зайчневского и о „Молодой России“ см. Дело П. Г. Зайчневского. Сб. „О минувшем“, Петерб. 1909 г.; прим. М. К. Лемке к XI т. Полн. Собр. Соч. А. И. Герцена, стр. 172—191.; В. П. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Зайчневского, „Гол. Минув.“ 1922 г. № 1.

ловчее подать тарелку, налить вино, красивее танцуют, лучше льстят!

Эта всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия, партия—*народ*.

Сверху, над нею стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых. Это—помещики, предки которых, или они сами, были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу; это потомки бывших любовников императриц, щедро одаренные при отставке; это—купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом; это—чиновники, накравшие себе состояния,—одним словом, все имущие,—все, у кого есть собственность родовая или благоприобретенная. Во главе ее царь. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один—уничтожится и другая. В настоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую работу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и звеном соединения—собственность. Она понимает, что всякое народное, революционное движение направлено против собственности, и потому в минуту восстания окружит своего естественного представителя—царя. Это партия *императорская*.

Между этими двумя партиями издавна идет спор,—спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встает вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику русскую, с Пугачевым за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в тридцатых годах, за их притеснения: она встанет с благородным Антоном Петровым [1])—и против всей императорской партии.

К этой безурядице, к этому антагонизму партий, антагонизму, который не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при ко-

---

[1]) **Антон Петров—руководитель бунта, вспыхнувшего в апреле 1861 г. в с. Бездна, Казанской губернии. После подавления бунта Петров был расстрелян.**

тором немногие, владеющие капиталами, являются распорядителями участи остальных, присоединяется и невыносимый общественный гнет, убивающий лучшие способности современного человека...

...Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один—революция, революция кровавая и неумолимая,—революция, которая должна изменить радикально все, все, без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это, и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!..

...Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, при чем вся власть должна перейти в руки Национального и областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области,—этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос.

Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которых пользуются одинаковыми правами.

Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин; на его долю по распоряжению мира назначается известное количество земли, от которой он впрочем может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоставляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом, только он обязан вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не в пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель. Все остальное имущество членов общины остается неприкосновенным в продолжение их жизни, но по смерти делается достоянием общины.

Мы требуем, чтобы все судебные власти выбирались самим народом; требуем, чтобы общинам было предоставлено право суда над своими членами во всех делах, касающихся их одних.

Мы требуем, чтобы, кроме Национального собрания, составленного из выборных всей земли русской, которое должно собираться в столице, были бы и другие областные собрания в главном городе каждой области, составленные только из одних представителей последней. Национальное собрание решает все вопросы иностранной политики, разбирает споры областей между собою, вотирует законы, наблюдает за исполнением прежде поставленных, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога. Областные собрания решают дела, касающиеся до одной только той области, в главном городе которой они собираются.

Мы требуем правильного распределения налогов, желаем, чтобы они падали всей своей тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых. Для этого мы требуем, чтобы Национальное собрание, назначая общую сумму налога, распределило бы его только между областями. Уже областные собрания разделяют его между общинами, а сами общины в полном своем собрании решают, какую подать должен платить какой член ее, при чем обращается особое внимание на состояние каждого, одним словом, вводится налог прогрессивный.

Мы требуем заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет; требуем заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения.

Мы требуем общественного воспитания детей, требуем содержания их на счет общества до конца учения. Мы требуем также содержания на счет общества больных и стариков,— одним словом, всех, кто не может работать для снискания себе пропитания.

Мы требуем полного освобождения женщины, дарования ей всех тех политических и гражданских прав, какими

будут пользоваться мужчины: требуем уничтожения брака, как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а, следовательно, и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека, и без которого немыслимо уничтожение наследства.

Мы требуем уничтожения главного притона разврата— монастырей, мужских и женских, тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате. Имущества как их, так и всех церквей должны быть отданы в пользу государства и употребляемы на уплату долга внутреннего и внешнего.

Мы требуем увеличения в больших размерах жалования войску и уменьшения солдату срока службы. Требуем, чтобы по мере возможности войско распускалось и заменялось национальной гвардией.

Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией.

Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов: желают ли они войти в состав Федеративной Республики Русской.

Без сомнения, мы знаем, что такое положение нашей программы, как федерация областей, не может быть приведено в исполнение тотчас же. Мы даже твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения, политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы). К чему приводит невмешательство революционного правительства в выборы—доказывает прошлое французское собрание 48 года, погубившее республику и при-

ведшее Францию к необходимости выбора Луи Наполеона в императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, к нам обратятся с вопросом: на кого же мы надеемся, где те элементы, сгруппировать которые мы хотим, кто на нашей стороне?

Мы надеемся на народ; он будет с нами, в особенности старообрядцы, а, ведь, их несколько миллионов. Забитый и ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива его, а — войску и нашей молодежи.

Мы надеемся на войско, надеемся на офицеров, возмущенных деспотизмом двора, той презренной ролью, которую они играли и теперь еще играют, убивая своих братьев поляков и крестьян, повинуясь беспрекословно всем распоряжениям государя. Оно вспомнит сентябрьский приказ[1]), разберет хорошенько, в какое положение поставит себя если станет исполнять его, да кстати вспомнит и свои славные действия в 1825 г., вспомнит бессмертную славу, которой покрыли себя герои-мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззванием к ней мы оканчиваем нынешний номер журнала, потому что она заключает в себе все лучшее России, все живое, все, что станет на стороне движения, все, что готово пожертвовать собою для блага народа.

Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стоять во главе движения, что на тебя надеется революционная партия! Будь же готова к своей славной деятельности, смотри, чтоб тебя не застали врасплох! Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества, с которыми Центральный Революционный Комитет сам постарается войти в сообщение, рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрания людей, действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться.

---

[1]) Речь идет о приказе 4 сентября 1861 г. определявшим, когда и при таких условиях войскам, вызванным на помощь гражданским властям, надлежит употреблять в дело оружие.

Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика русская! двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т.-е. какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться,—и это последнее вернее,—что вся императорская партия, как один человек, станет за государя, потому что здесь будет итти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае, с полной верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «в топоры», и—тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!

Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против—тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами.

Но не забывай при каждой новой победе, во время каждого боя повторять: да здравствует социальная демократическая республика русская!

А если восстание не удастся, если придется нам поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человеку человеческие права, пойдем на эшафот нетрепетно, бесстрашно, и кладя голову на плаху или влагая ее в петлю, повторим тот же великий крик: «да здравствует социальная и демократическая республика русская»!

ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ».

Общество «Земля и Воля» являлось наиболее крупной и сплоченной из всех революционных организаций, существовавших в России в 60-е годы. Как сказано выше, мысль о создании этого общества зародилась летом 1861 г., и тогда же Огарев написал вышеприведенную прокламацию «Что нужно народу?», послужившую программой общества.

С осени 1861 г. инициаторы общества принялись за организацию его, путем подбора членов в Петербурге и установления связей в России. Тогда же создался центр, руководивший этой работой и состоявший из братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, А. А. Слепцова, Н. Н. Обручева и В. Н. Курочкина. Вследствие чрезвычайной осмотрительности и конспиративности, с какой действовали организаторы, а также вследствие происшедшего летом 1862 г. ареста Н. А. Серно-Соловьевича, подготовительная работа двигалась весьма медленно и закончилась лишь к концу лета 1862 г. В августе общество приняло название «Земли и Воли»; в ноябре центр, руководивший работой, преобразовался в Русский Центральный Народный Комитет. Комитет состоял из Слепцова, Обручева, Курочкина и заменивших братьев Серно-Соловьевичей, один из которых был арестован, а другой эмигрировал за границу, Г. Е. Благосветлова и Н. И. Утина.

Общество организовалось в расчете на всенародное восстание, ожидавшееся летом 1863 года, и ставило своею задачею «предотвратить или, по крайней мере, ослабить то кровопролитие, которое правительство вызовет своим дальнейшим существованием». Организаторы «Земли и Воли» стремились сплотить вокруг тайного общества насколько можно более широкие общественные круги. «В

деле народного освобождения,—писали они в журнале «Земля и Воля»,—должны сглаживаться спорные оттенки одной и той же свободолюбивой партии». Они надеялись на то, что если «большинство способное и честное из образованных классов» станет на сторону доведенного до восстания народа, то ему удастся сломить упорство правительства и не допустить, чтобы восстание приняло формы пугачевщины.

«Земля и Воля» раскинула сеть своих отделений по всей России и насчитывала в своих рядах сотни и тысячи членов; в одной Москве было до 400 человек; офицерская организация в Западном крае насчитывала до 200 членов.

Выяснившаяся ошибочность расчетов на народное восстание летом 1863 г. и неудачно восстания в Польше, с руководителями которого «Земля и Воля» находилась в тесных отношениях, нанесли непоправимый удар существованию общества. С осени 1864 г. оно перестало существовать окончательно.

За время своего существования общество издало целый ряд прокламаций, а именно: «К образованным классам» (датирована 30 августа 1862 г., воспроизведена в «Материалах» Богучарского), «Офицерам всех войск от общества «Земля и Воля» (воспроизведена с пропусками в тех же «Материалах» и полностью М. К. Лемке в XVI т. Полн. собр. соч. А. И. Герцена), один номер журнала «Земля и Воля» (воспроизведен с пропусками в № 1 «Былое» за 1907 г.), «Льется польская кровь, льется русская кровь» (написана А. А. Слепцовым, выпущена в феврале 1863 г., воспроизведена М. К. Лемке в XVI т. полн. собр. сочин. Герцена), два номера листка «Свобода» (первый—выпущен в феврале 1863 г. и воспроизведен в «Материалах» Богучарского, второй—выпущен в июле того же года и воспроизведен в № 8 «Былого» за 1906 г.).

Ниже воспроизводится № 1 «Свободы», дающий достаточное представление о целях и задачах общества [1]).

---

[1]) О „Земле и Воле“, см. прим. М. К. Лемке к XVI т. Полн. Собр. Сочин. А. И Герцена, стр. 69—102, 151—176; Л. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Петр. 1905 г.

СВОБОДА № 1.

Единственным источником всех бедствий, терзающих Россию, есть самодержавный деспотизм; под влиянием его сложился весь настоящий гибельный порядок вещей, давящий нас и губящий всякое развитие. Самый поверхностный взгляд на все отрасли русской жизни подтверждает эту очевидную истину и убеждает, что все они парализованы и убиты бессмысленным самодержавием, составляющим непрерывную иерархическую цепь, начинающуюся самодержавным императором и оканчивающуюся самым последним чиновником, таким же самодержцем в сфере ему подчиненной. Уродливые попытки разных реформ еще нагляднее выставляют всю несостоятельность самодержавия. Мнимое разрешение крестьянского вопроса, лишение народа его собственности—земли, и избиение крестьян; судебная реформа, сохраняющая прежний административный произвол под именем «предупредительных мер» и, естественно, не могущая ввести правильного суда при существовании деспотизма; лицемерные заботы о «благе народа» и новые обременительные налоги и поборы, разоряющие преимущественно беднейшие классы народа; пошлое либеральничанье и закрытие воскресных школ—единственного источника народного образования, закрытие университетов с бесчеловечным преследованием лучшей учащейся молодежи; нелепые разглагольствования об уничтожении цензуры и свободы печати (вещь немыслимая при самодержавии) и окончательная передача литературы в полное распоряжение 3-го отделения и Валуева с комп.[1]); шутовские гимны благодушию монарха и, с одной стороны, казематы, ссылки в каторгу, с другой—кровожадная жестокость в упорном отстаивании беззаконного господства над польским народом, господства, тем более гибельного для нашего отечества, что, разоряя и губя наш народ, оно еще вызывает неизбежное столкновение с европейскими

---

[1]) Согласно проекту, ставшему законом в 1865 г., наблюдение за литературой передавалось из министерства народного просвещения в министерство внутренних дел. Граф. Валуев был в то время министром внутренних дел.

державами, могущее окончиться еще более печальными последствиями, чем какие мы видели у стен разрушенного Севастополя.

В этих строках вся история нынешнего правительства, обидная и позорная для людей, терпящих такое правительство. Но терпению людей есть конец. Даже рабы, доведенные до безнадежного отчаяния, восстают за свои похищенные права и восстание их тем грознее, чем ужаснее были оскорбления и истязания. Измученные и лишенные всех человеческих прав, все классы русского общества почувствовали, наконец, потребность новой свободной жизни. Самодержавие, по самому принципу, не способно удовлетворить этой потребности и никогда добровольно не может отказаться от вооруженного господства над жизнью людей и их свободою,—и потому должно быть разрушено; цепи деспотизма, глубоко врезавшиеся в народный организм, должны быть разорваны. Стремление разорвать эти цепи обнаружилось в разных концах обширной нашей родины и запечатлелось кровью поборников русской свободы. Напрасно правительство думает обмануть русскую и заграничную публику, уверяя ее в мнимом сочувствии к себе народа: мученическая кровь крестьян, кровь, пролитием которой почти повсеместно прославляла себя «царская воля», еще не застыла. Не застыла и та кровь, которую высасывают у наших сыновей и братьев в казематах Петропавловской крепости достойные наместники царской власти—Голицын, Потапов и комп.[1]).

Кровь пролита, этой кровью протест против самодержавия признан им же самим. Отступления быть не может. Для людей, отдавшихся со всею энергиею служению делу народного освобождения, исход один только—*в неуклонной борьбе* с врагом русского народа—с императорским правительством, всегда обманывавшим нас, всегда попиравшим заветные права наши, проливавшим нашу кровь, губившим братьев и сыновей, уничтожавшим покой, разрушавшим труд, разорявшим богатство нашей страны. Для этой

---

[1]) Князь Голицын был председателем высочайше утвержденной летом 1862 г. для расследования политических преступлений следственной комиссии. Генерал Потапов—начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III отделением.

борьбы и составилось общество «Земля и Воля». Говорить о силе этого общества—неуместно; мы можем заметить только, что это общество успело соединить в себе членов тех отдельных кружков, которые не раз уже заявляли себя и вместо которых правительство преследовало непричастных к делу лиц. Русский Центральный Народный Комитет является только представителем антиправительственной организации. Организация общества не образовалась из людей, увлекаемых на борьбу с правительством одними возбужденными страстями или безотчетным фанатизмом. Образование нашей организации вызвано потребностью самого общества, в котором пробудилось сознание необходимости и неизбежности борьбы с самодержавным деспотизмом. Лучшее выражение себе сознание это нашло в многочисленных жертвах из всех классов народа. Время завещанной борьбы пришло, и мы не уклоняемся и идем на нее, сильные желанием лучшей доли нашей родине, крепкие всегдашней готовностью заплатить жизнью за исполнение своего желания. Так, организация наша составилась из людей, непоколебимо убежденных, и по слишком очевидным данным, что при неспособности правительства революция в России неизбежна, что она неминуемо разразится в восстании ограбленного и подавленного народа, и что при жестокости и тупоумии правительства она может получить исполинские размеры кровавой драмы, если все или, по крайней мере, большинство способное и честное из образованных классов не станет на сторону доведенного до восстания народа и не обессилит тем самым окончательно правительства, лишив его какой бы то ни было пользы в диком упорстве. Таким образом, выступая на борьбу с правительством за права народные, Народный Комитет в настоящее время ставит себе одною из задач—привлечение образованных классов на сторону интересов народа и, значит, их собственных. В этой задаче ясно стремление так называемых революционеров — предотвратить или, по крайней мере, ослабить то кровопролитие, которое правительство вызовет своим дальнейшим существованием. В силу всего сказанного Народный Комитет призывает теперь открыто всех русских граждан на служение великому делу народного освобождения. Ни-

кто из честных, здравомыслящих людей не может, оставаясь правым перед своей совестью, уклоняться от служения этому делу. Пусть все те, которые могут и готовы вместе с нами энергически и непрестанно, не щадя себя ни в каких трудах и опасностях, служить народному делу,— присоединяются к нам; доступ к нам такие люди найдут всегда и везде при посредстве наших столичных, провинциальных и заграничных агентов, снабженных от комитета известными установленными уполномочиями и доверенностями. Агенты комитета сообщают вновь вступающим в организацию и уже достаточно испытанным лицам особую, за печатью комитета, инструкцию, знакомящую подробно с задачами общества и с тем, как вести дело организации. Вместе с тем, мы не призываем людей к сверхъестественным самопожертвованиями; люди, жизнь которых тесно связана семейными узами или которые не способны по своему положению к деятельному участию в общенародном деле,—те люди, тем не менее, могут оказывать посильную пользу с своей стороны доставлением разных средств, необходимых для обширной деятельности организации, между прочим, доставлением денежных пожертвований. Для этих пожертвований наша открытая касса находится в Лондоне, при редакции «Колокола». В самой же России денежные взносы доходят до комитета через вышеупомянутых столичных и провинциальных агентов, выдающих нумерованные, с приложением особой печати общества квитанции. Номера выданных квитанций печатаются в ближайших номерах «Свободы» или «Колокола». Призывая в настоящую минуту открыто всех и каждого к содействию в народном освобождении, Народный Комитет, естественным течением обстоятельств поставленный во главе русского революционного движения ответствует перед каждым из членов общества «Земля и Воля» в том, что он будет неуклонно и постоянно вести дело к предположенной цели—к разрушению императорского самодержавия и к торжеству народных интересов, которое должно выразиться, прежде всего, в созвании Народного Собрания из выборных представителей свободного народа. Собрание это само определит новый общественный строй нашего свободного отечества и послед-

ним моментом деятельности общества «Земля и Воля» будет гарантия свободных выборов в Народное Собрание и ограждение Собрания от всяких насильственных влияний и от притязаний имущественных и сословных привилегий. Затем, комитет считает нужным сообщить членам организации, что, сообразуясь с желаниями большинства членов—комитет будет от времени до времени выпускать свои печатные издания, под настоящим названием. В этих изданиях будет или разъясняться общее положение дел в России, или же будут делаться обществу предостережения и указания на разные гнусные действия правительства, которые оно всегда старается скрыть. Вместе с этим, разумеется, сообразно с ходом дела будут постепенно выясняться цели общества и те средства, которыми оно идет к их осуществлению.

ДРУЗЬЯМ РАБОЧИМ.

Рукописная прокламация «Друзьям рабочим!» была отобрана при аресте Д. В. Каракозова, неудачно покушавшегося 4 апреля 1866 г. на жизнь Александра II. В этой прокламации Каракозов давал объяснение, почему он решился на цареубийство. На следствии Каракозов объяснил, что прокламацию он переписывал от руки и разбрасывал в тех местах, где она могла скорее попасть в руки рабочих и студентов, с целью возбуждения рабочих и молодежи, которые могли бы принять участие в готовившемся перевороте.

Прокламация «Друзьям рабочим!» написана самим Каракозовым, но содержание ее стоит в тесной связи с программой кружка, к которому принадлежал Каракозов. Кружок этот образовался в Москве в 1863 г. вокруг двоюродного брата Каракозова, Н. А. Ишутина. В 1865 г. кружок этот принял более оформленный вид и стал именоваться «Организацией». Цель, которую ставила себе «Организация», заключалась в распространении социалистического учения и в подготовке ниспровержения существующего государственного порядка путем революции. Средствами для сего должны были служить: а) пропаганда среди крестьян, направленная против помещиков и властей, б) устройство артелей, мастерских и иных трудовых ассоциаций, дабы посредством их сближаться с народом и распространять в его среде учения социализма, в) организация бесплатных школ и библиотек в целях пропаганды. В 1866 г. из «Организации» выделился более тесный кружок, поставивший своею целью непосредственную подготовку восстания и цареубийство.

Прокламация «Друзьям рабочим!» интересна, между прочим, в том отношении, что, не ограничиваясь выяснением тяжелого положения, в котором находится трудящееся население России, и призывом к восстанию, рисует,—прав-

да, в самых общих и недостаточно определенных чертах,—то основанное на артельном начале устройство общества, которое оно примет после социальной революции.

Прокламация Каракозова, воспроизводимая ниже полностью, была опубликована А. А. Шиловым в № 10—12 «Голоса Минувшего» за 1918 год. и в книжке: «Д. В. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г.». Петерб. 1920 г.[1]).

ДРУЗЬЯМ РАБОЧИМ!

Братцы, долго меня мучила мысль и не давала мне покою—отчего любимый мной простой народ русский, которым держится вся Россия, так бедствует! Отчего ему не идет впрок его безустанный тяжелый труд, его пот и кровь, и весь-то свой век он работает задаром! Отчего рядом с нашим вечным тружеником простым народом: крестьянами, фабричными и заводскими рабочими и другими ремесленниками, живут в роскошных домах-дворцах люди, ничего не делающие, тунеядцы дворяне, чиновная орда и другие богатеи, и живут они насчет простого народа, чужими руками жар загребают, сосут кровь мужицкую. Как же это—думалось мне—простой народ русский попустил у себя завестись таким порядкам? Ведь, в нашей матушке России на каждую тысячу бедняков-рабочих едва ли придется десять человек праздных тунеядцев-богачей, которых содержат эти тысячи человек рабочих. Чего, наконец, смотрят наши цари, ведь, они на то и поставлены от народа, чтобы зло уничтожать и заботиться о благе всего народа русского—народа рабочего, а не тунеядцев-богачей. Захотел я узнать, что умные люди насчет этого думают, стал читать книги разные и много книг перечитал я о том, как люди жили в прежние старинные времена. И что же, братцы, я узнал? Что цари-то и есть настоящие виновники всех наших бед. Цари завели у себя чиновников для того, чтобы легче им было обирать народ, брать через них с народа великие поборы, а чтобы народ не вздумал сопротивляться этим самым сборщикам,

---

[1]) О деле Каракозова, кроме вышеназванной книжки А. А. Шилова, см. Д. Стасов. Каракозовский процесс. „Былое", 1906 г., IV.

устроили у себя уж кстати и постоянное войско. Для того же, чтобы чиновники усердно служили царскому брюху, не жалели бы мужицких карманов, цари начали ублаготворять эту сволочь всячески. Назвали их дворянами, помещиками и начали раздавать им земли направо и налево. Крестьян же, которые были допрежь этого хозяевами этих самых земель, отдавали в рабство своим чиновникам-помещикам. Быстро расплодилось это проклятое помещичье племя и захватило в свои руки всю русскую землю. Так стало у нас на Руси крепостное право. Цари, чиновники и помещики начали жить насчет мужицкого труда. Вышла из них из всех одна семья, и с круговою порукою, по пословице: «рука руку моет», принялись уже сообща высасывать из мужиков кровь. Сообразите это, братцы, пораскиньте умом-разумом и вы увидите, что царь есть самый главный из помещиков: никогда он не потянет на мужицкую руку, потому он самый сильный недруг простого народа. Когда нынешний царь Александр II издал первый манифест о воле, не поверил я, друзья, в то время, чтобы это царь сделал от чистого сердца, добра только одного простому народу желаючи. С какой стати волк будет ублаготворять овец, когда он с них же шкуру дерет и мясо их грызет? А когда и самая воля вышла от царя, тут я увидел, что моя правда. Воля вот какая: что отрезался от помещичьих владений самый малый кус земли, да и за тот крестьянин должен выплатить большие деньги, а где взять и без того разоренному мужику денег, чтобы откупить себе землю, которую он испокон веков обрабатывал? Не поверили в те поры и крестьяне, что царь их так ловко обманул; подумали, что это помещики скрывают от них настоящую волю, и стали они от нее отказываться да не слушаться помещиков; не верили и посредникам, которые тоже все были из помещиков. Прослышал об этом царь и посылает своих генералов с войсками наказать крестьян-ослушников, и стали эти генералы вешать крестьян да расстреливать. Присмирели мужички, приняли эту волю-неволю, и стало их житьишко еще хуже прежнего. Побывал я сам в разных местах нашей матушки-России, нагляделся вдосталь на горемычное мужицкое житье. За неплатеж откупных де-

нег в казну, за недоимки у крестьянина отнимают последнюю лошаденку, последнюю корову, продают скот с аукциона и трудовыми мужицкими деньгами набивают царские карманы. Скоро, может статься, последнюю одежонку потащут от мужика. Грустно, тяжело мне стало, что так погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел,—я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу—русскому мужичку. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось,—им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их. Пусть узнает русский народ своего главного могучего врага—будь он Александр второй или Александр третий и так далее, это все равно. Справится народ со своим главным врагом, остальные мелкие помещики, вельможи, чиновники и другие богатеи струсят, потому что число их вовсе незначительно. Тогда-то и будет настоящая воля. Земля будет принадлежать не тунеядцам, ничего не делающим, а артелям и обществам самих рабочих. И капиталы не будут проматываться царем, помещиками да сановниками царскими, а будут принадлежать тем артелям рабочих. Артели будут производить выгодные работы этими капиталами и доходы делить между всеми работниками артели поровну. А были бы средства—русский народ сумеет и без царя управиться сам собою. Будет у всех достаток, так не будет и зависти, потому что некому будет завидовать, все будут равны, и заживет счастливо и честно русский народ-рабочий, работая только для себя, а не для ублаготворения ненасытной жадности русских царей, царских сановников, царской семьи, помещиков и других тунеядцев, падких на мужицкие трудовые гроши. Вот мое последнее слово друзьям-рабочим. Пусть каждый из них, в руки которого попадется этот листок, перепишет его и даст читать своим знакомым, а те передадут в другие руки. Пусть узнают рабочие, что об их счастьи думал человек, пишущий эти строки, и сами позаботятся, не надеясь ни на кого, кроме себя, завоевать себе счастье и избавить всю Россию от грабителей и лиходеев.

М. А. БАКУНИН.

Громадное влияние, оказанное Бакуниным на развитие русского революционного движения, обнаружилось с конца 60-х годов. К этому времени у Бакунина окончательно сложилось миросозерцание, сделавшее его одним из духовных вождей мирового анархизма.

Для характеристики общественно-политических взглядов Бакунина ниже приводятся:

1) Выдержка из программы организованного Бакуниным в 1868 г. в Швейцарии «Международного Союза Социалистической Демократии», так наз. «Альянса». Альянс примыкал к Интернациональному обществу рабочих в качестве его составной части. Программа «Альянса» напечатана в книге: М. А. Бакунин. Речи и воззвания. Изд. И. Балашова, Петерб., 1906 г.

2) Программу основанного в 1868 г. в Женеве Бакуниным, Ник. Жуковским и др. русскими эмигрантами журнала «Народное Дело». Бакунин—автор программы—после выхода первого номера порвал с журналом, руководство которым перешло в руки Ник. Утина.

3) Программу основанной Бакуниным в 1872 г. в Цюрихе Славянской секции Интернационала. Программа перепечатана в вышеуказанных «Речах и воззваниях» Бакунина [1].

---

[1]) О Бакунине см. Б. Горев. М. А. Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение. 2-е изд. Иваново-Вознесенск, 1922 г.; В. Полонский. М. А. Бакунин. Моск. 1920 г. О более раннем периоде деятельности Бакунина (до бегства в 1861 г. из Сибири): Ю. Стеклов. М. А. Бакунин, ч. I, Москва, 1920 г. и В. Полонский. М. А. Бакунин, т. I, Москва 1922 г.

ИЗ «ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ».

...Целью революции может быть только: а) Уничтожение всех государств и всех властей в Европе, религиозных, монархических, аристократических и буржуазных. Следовательно, разрушение всех существующих держав со всеми их политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми учреждениями. б) Восстановление нового общества на единственной основе свободно ассоциированного труда, принимая за точку отправления коллективную собственность, равенство, справедливость.

Революция такая, как мы ее понимаем, или, лучше сказать, какою ее необходимо делает теперь сила вещей, носит характер, главным образом, интернациональный или всемирный. Ввиду угрожающей коалиции всех привилегированных интересов и всех реакционных властей в Европе, располагающих огромными средствами, которые им дает искусно устроенная организация, ввиду глубокой розни, царящей теперь повсюду между буржуазией и рабочими,—никакая национальная революция не может достичь успеха, если она тотчас не распространится на все другие нации, но она никогда не может перейти границы одной страны и принять такой всемирный характер, если только она не будет носить в себе самой всех элементов этой всемирности, т.-е. если она не будет открыто социалистической, разрушающей государство и творящей свободу посредством равенства и справедливости; потому что теперь ничто не в состоянии соединить, электризовать, поднять эту великую, единственно истинную силу века—рабочих, кроме совершенного освобождения труда на развалинах всех покровительствующих учреждений, наследственной собственности и капитала...

...Мы естественные враги этих революционеров—будущих доктринеров, регламентаторов и опекунов революции [1]), которые, еще раньше уничтожения настоящих монархиче-

[1]) **Бакунин имеет в виду—якобинцев и бланкистов.**

ских, аристократических и буржуазных государств, мечтают уже о созидании новых революционных государств, так же централизованных и более деспотических, чем существующие теперь государства, которые так сильно привыкли к порядку, созданному какой-либо высшей властью, и чувствуют такое сильное отвращение ко всему кажущемуся им беспорядком, который есть ничто иное, как открытое и естественное выражение народной жизни, что раньше даже, чем будет произведен революцией хороший и спасительный беспорядок, мечтают уже о конце и обуздании его при помощи какой-нибудь силы, которая будет иметь только имя революции, а на деле будет ничем иным, как новой реакцией, потому что она будет на деле новым осуждением народных масс, управляемых декретами, на повиновение, на неподвижность, на смерть, т.-е. на рабство и на эксплоатацию новой квази-революционной аристократией.

Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что теперь называют дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется «общественным порядком».

Мы не боимся, мы призываем анархию, убежденные, что из этой анархии, т.-е. полного выражения разнузданной народной жизни, должна выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок и самая сила революции против реакции. Эта новая жизнь—народная революция—без сомнения, не замедлит организоваться, но она создаст свою революционнную организацию снизу вверх от окружности к центру—сообразно с принципом свободы, а не сверху вниз, не от центра к окружности по способу всякой власти—так как для нас мало имеет значения, как называется эта власть,—церковь, монархия, конституционное государство, буржуазная республика, или даже революционная диктатура. Мы их ненавидим и отвергаем всех одинаково—как непременные источники эксплоатации и деспотизма.

Революция, такая, как мы ее понимаем, должна в первый же день уничтожить радикально и окончательно государство и государственные учреждения. Естественными и необходимыми последствиями этого разрушения будут: а) бан-

кротство государства; б) прекращение уплаты частных долгов при вмешательстве государства, предоставляя каждому должнику право платить свои долги, если он хочет; в) прекращение платы всяких податей и взимания всяких налогов, прямых или косвенных; г) распущение армии, магистратуры, бюрократии, полиции и священников; д) упразднение официального правосудия, отменение всего, что юридически называется правом, а также и действия этих прав. Следовательно, упразднение и сожжение всех документов на собственность, актов наследства, купчих, дарственных, всех процессов—одним словом, всего бумажного хлама юридического и гражданского. Везде и во всем революционное действие вместо права, созданного и гарантированного государством; е) конфискация всех производительных капиталов и орудий труда в пользу рабочих ассоциаций, которые должны пользоваться ими коллективно; ж) конфискация всех церковных и государственных имуществ, а также и драгоценных металлов у частных лиц в пользу Федеративного Союза всех рабочих ассоциаций...

НАША ПРОГРАММА.

(Из № 1. «Народное Дело» за 1868 г.)

Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа.

I. *Умственного освобождения*, потому что без него политическая и социальная свободы не могут быть ни полными, ни твердыми. Вера в бога, вера в бессмертие души и всякого рода идеализм вообще, служа, с одной стороны, непременной опорой и оправданием деспотизма, для всякого рода привилегий и для эксплоатирования народа, с другой стороны, деморализует самый народ, разбивая его существо как бы на два друг другу противоречащие стремления и лишая его таким образом энергии, необходимой для завоевания его естественных прав и для полного устройства свободной и счастливой жизни.

Из этого явно следует, что мы сторонники атеизма и материализма.

II. *Социально-экономического освобождения* народа, без которого всякая свобода была бы отвратительной и пустозвонной ложью. Экономический быт народов был всегда краеугольным камнем и заключал в себе настоящее объяснение их политического существования. Все доселе существовавшие и существующие политические и гражданские организации в мире держатся на следующих главных основаниях: на факте завоевания, на праве наследственной собственности, на семейном праве отца и мужа и на освящении всех этих основ религиею, а все это вместе и составляет существо государства. Необходимым результатом всего государственного устройства было и должно было быть рабское подчинение чернорабочего и невежественного большинства так называемому образованному эксплоатирующему меньшинству. Государство без привилегий политических и юридических, основанных на привилегиях экономических—немыслимо.

Желая действительного и окончательного освобождения народа, мы хотим:

1. Упразднения права наследственной собственности.

2. Уравнения прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины; следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, неразрывно связанного с правами наследства.

3. С уничтожением брака рождается вопрос о воспитании детей. Их содержание со времени определившейся беременности матери до самого их совершеннолетия, их воспитание и образование равное для всех—от низшей ступени до специального высшего научного развития,—в одно и то же время индустриальное и умственное, соединяющее в себе подготовление человека и к мускульному, и к нервному труду, должно лежать главным образом на попечении свободного общества.

Основой экономической правды мы ставим два коренных положения:

Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками—гражданским общинам. Капиталы и все орудия работы—работникам—рабочим ассоциациям.

III. Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим, как свободною федерациею вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

И потому во имя освобождения политического мы хотим прежде всего окончательного разрушения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями.

Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империею, с правами полнейшего самораспоряжения, на основании их собственных инстинктов, нужд и воли, дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые *захотят* быть членами русского народа, могли бы создать действительное вольное и счастливое общество в дружеской и федеративной связи с *такими же* обществами в Европе и в целом мире.

ПРОГРАММА СЛАВЯНСКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

1. Славянская секция, вполне признавая основные статуты Международного Общества Рабочих, принятые на первом конгрессе (сентябрь 1866, Женева), задается специальной целью пропаганды принципов революционного социализма и организации народных сил в славянских землях.

2. Она будет бороться с одинаковой энергией против стремлений и проявлений, как панславизма, т.-е. освобождения славянских народов при помощи русской империи, так и пангерманизма, т.-е. при помощи буржуазной цивилизации немцев, стремящихся теперь организоваться в огромное, мнимо-народное государство.

3. Принимая анархическую революционную программу, которая одна, по нашему мнению, представляет все условия действительного и полного освобождения народных масс, и убежденные, что существование государства, в какой бы то ни было форме, несовместимо с свободой про-

летариата, что оно не допускает братского международного союза народов, мы хотим уничтожения всех государств. Для славянских народов в особенности это уничтожение есть вопрос жизни или смерти, и в то же время единственный способ примирения с народами чуждых рас, например, турецкой, мадьярской или немецкой.

4. С государством должно неминуемо погибнуть все, что называется юридическим правом, всякое вмешательство сверху вниз путем законодательства и правительства, устройства, никогда не имевшего другой цели, кроме установления и систематизирования эксплоатации народного труда в пользу управляющих классов.

5. Уничтожение государства и юридического права необходимо будет иметь следствием уничтожение личной наследственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, так как та и другая совершенно не допускают человеческой справедливости.

6. Уничтожение государства, права собственности и юридической семьи одно делает возможным организацию народной жизни снизу вверх на основании коллективного труда и собственности, сделавшихся в силу самих вещей возможными и обязательными для всех путем совершенной, свободной федерации отдельных лиц в ассоциации или в в независимые общины, или помимо общин и всяких областных и национальных разграничений, в мелкие однородные ассоциации, связанные тождественностью их интересов и социальных стремлений и общин в нации, наций в человечество.

7. Славянская секция, исповедуя материализм и атеизм, будет бороться против всех официальных вероисповеданий и оказывая, как на словах, так и на деле, самое полное уважение к свободе совести всех и к священному праву каждого проповедывать свои идеи, она будет стараться уничтожить идею божества во всех ее проявлениях религиозных, метафизических, доктринерско-политических и юридических, убежденная, что эта вредная идея была и есть еще освящением всякого рода рабства.

8. Она имеет полнейшее уважение к положительным наукам; она требует для пролетариата научного образования, равного для всех без различия полов, но, враг

всякого правительства, она с негодованием отвергает правительство ученых, как самое вредное и надменное.

9. Славянская секция требует вместе с свободой, равенства прав и обязанностей для мужчин и женщин.

10. Славянская секция, стремясь к освобождению славянских народов, вовсе не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный, из чувства национального, народам других рас. Напротив, она будет стремиться, чтобы славянские народы также вошли в общую семью человечества, которую Международное Общество Рабочих призвано осуществить на началах свободы, равенства, и всеобщего братства.

11. В виду великой задачи—освобождения народных масс от всякой опеки и всякого правительства,—которую приняло на себя Международное Общество,—Славянская секция не допускает возможности существования среди его какой-либо верховной власти или правительства, следовательно, не допускает иной организации, кроме свободной федерации отдельных секций.

12. Славянская секция не признает ни официальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной главным советом или общим конгрессом. Она признает только полную солидарность личностей, секций и федераций в экономической борьбе рабочих всех стран против эксплоататоров. Она в особенности будет стремиться привлечь славянских работников ко всем практическим последствиям этой борьбы.

13. Славянская секция за секциями всех стран признает: а) свободу философской и социальной пропаганды, б) свободу политики, лишь бы она не нарушала свободы и права других секций и федераций;- свободу организации для народной революции; свободу связи с секциями и федерациями других стран.

НЕЧАЕВ.

Революционная деятельность С. Г. Нечаева строилась из расчета на то, что весной 1870 г. в России, в связи с истечением срока временно-обязанных отношений крестьян к помещикам, неминуемо вспыхнут стихийные народные бунты. Для того, чтобы эти бунты не были бы подавлены правительством, и для того, чтобы народное движение привело бы Россию к социальной революции, по мнению Нечаева, необходимо было создать тайную революционную организацию, которая с началом народного движения объединила бы местные и разрозненные крестьянские бунты, взяла бы на себя диктаторское руководство движением и направила бы это движение на путь, необходимый для успешности революции.

Деятельность Нечаева в России распадается на два периода, отделенные один от другого поездкой Начаева в начале марта 1869 г. за границу.

Первый период — подготовительный — начался с осени 1868 г., когда в Петербурге среди студентов высших учебных заведений возникли волнения. Нечаев, сближаясь со студентами, пытался взять в свои руки руководство этими волнениями и превратить протест молодежи против университетских порядков в протест против царского абсолютизма и социального угнетения или, говоря словами самого Нечаева, «вопрос русской молодежи сделать вопросом русской земли».

Второй период деятельности Нечаева начинается с сентября 1869 года, когда вернувшийся из-за границы Нечаев появляется в Москве и начинает вербовать, главным образом из студентов Петровской академии и университета, членов организуемого им тайного общества «На-

родная расправа». 22 ноября, на другой день после убийства заподозренного в шпионстве студента Иванова, Нечаев уезжает в Петербург, а в начале декабря, узнав о том, что среди участников московской организации начались аресты, вновь скрывается за границу.

Печатаемая ниже «Программа революционных действий», отобранная при аресте одного из привлеченных по нечаевскому делу, если и не была написана Нечаевым, то несомненно вышла из его кружка. Она составлена в конце 1868 или в начале 1869 года, и по ней можно ознакомиться с тем, как представлялось Нечаеву развитие революционного движения в России и какие цели он ставил этому движению. Во время составления этой программы Нечаев несомненно находился под сильным влиянием бакунинского «Народного Дела». В разговорах с своими товарищами он неоднократно говорил о необходимости проведения в жизнь программы этого журнала. Вместе с тем, в это время Нечаев не является анархистом; в «Программе» говорится о государственной реформе, а не о полном уничтожении государства.

Побывав весной - летом 1869 года за границей, Нечаев сделался гораздо более определенным сторонником бакунинской программы, что и сказалось на произведениях его, относящихся к этому периоду. Для ознакомления с тем, какие задачи ставил Нечаев организуемому им тайному обществу, ниже приводятся выдержки из передовой статьи, помещенной в № 1 изданного Нечаевым в 1869 году за границей листка «Народная Расправа».

«Программа революционных действий», воспроизводимая ниже полностью, была напечатана в № 163 «Правительственного Вестника» за 1871 г.[1]).

---

[1]) О Нечаеве см. **Сватиков.** Студенческое движение 1869 г. Сбор. „Наша Страна", Петербург, 1907 г.; Государственные преступления в России, под ред. В. Богучарского, т. I; З. **Ралли,** С. Г. Нечаев. Из моих воспомоминаний „Былое", 1906 г., VII. **Щеголев:** Нечаев. „Красн. архив". № 4 и 5.

ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Мы не можем не признать, что главнейшей причиной бедствия нашего общества служит дурной экономический строй его, допускающий и узаконяющий господство сильного над слабым, богатого над бедным, тунеядства капиталиста над выбивающимся из сил рабочим. Одни работают с раннего утра до поздней ночи и получают за это скудную плату, неспособную подкрепить их и восстановить потраченные силы: вместо одежды у них грязные, жалкие лохмотья, вместо жилища—какая-нибудь отвратительная конура, сырой, смрадный подвал, да и это все только в тех счастливых случаях, когда у них есть работа. А что же делают в это время другие—те, от кого зависит их работа, а, следовательно, их существование? Они отбирают у первых весь продукт труда их. оставляя им только самое необходимое для поддержания их голодного и холодного существования. Чтобы не утомиться и этим трудом отбирания, они нанимают управляющих, приказчиков и т. д. и т. д. и за это dolce far niente [1]) они пользуются всевозможным комфортом и почетом. Более развитые из них на деньги, отобранные у крестьян и ремесленников, поощряют изящные искусства и литературу, сожалеют о несчастной судьбе бедняков и оказывают им грошовые *благодеяния*. Если вдуматься в окружающее, невольно покажется, что живем в царстве сумасшедших—так странны и неестественны взаимные отношения людей, так странно и непонятно их спокойное отношение к той массе гадостей, подлостей и несправедливостей, которые поражают наш общественный строй. Грабить и считать себя честным, давать ограбленному из у него же отнятых сотен какой-нибудь грош и искренно считать себя за это благодетелем, это больше чем наивность, это сумасшествие. Но как понять то, что подобные вещи считаются естественными даже самими ограбленными? Но такой порядок не может продолжаться вечно.

1) Приятное ничегонеделание.

Народ сознает, что право и сила на его стороне, а тогда победа будет за ним. Этот исход неизбежен. Все дело в том, чтобы по возможности ускорять его, разъясняя народу его силу, необходимость объединения и восстания.

Полная свобода обновленной личности лежит в социальной революции. Только радикальная перестройка нелепых и несправедливых общественных отношений может дать людям прочное и истинное счастье. Но достигнуть этого при настоящем политическом строе невозможно, потому что в интересах существующей власти—мешать этому всеми возможными способами, а, как известно, власть обладает для этого всеми средствами. Поэтому, пока будет существовать настоящий политический строй общества, экономическая реформа невозможна, единственный выход—это политическая революция, истребление гнезда существующей власти, государственная реформа. Итак, *социальная революция — как конечная цель наша и политическая — как единственное средство для достижения этой цели.* Для того, чтобы воспользоваться этим средством, приложить его к делу, мы имеем уже приемы, выработанные историей прежних революций; нам следует только отнестись к ним сознательно, то-есть принять, что, так как они составляют явление повторяющееся в истории, то их следует признать за исторический закон и, не дожидаясь, пока этот закон проявит себя во всей своей полноте силою времени и обстоятельств—что неизбежно, так что все дело во времени—ускорить это проявление, подготовить его, постараться подействовать на умы таким образом, чтобы это проявление не было для них неожиданностью и они могли бы действовать сознательно, по возможности спокойно, а не под влиянием страсти, с налитыми кровью глазами. Конечно, между прежними революциями и настоящим временем прошло много лет, много изменилось, следовательно и приемы должны быть необходимо видоизменены и приспособлены к настоящему времени, но все же закон остается законом, и мы можем видоизменять приемы, приносить в них новые начала, но не игнорировать их.

Мы должны стараться создать возможно большее количество революционных типов, развить в обществе созна-

ние необходимости и возможности революции, как единственного средства для достижения лучшего порядка вещей, и заботиться об устройстве революционной организации.

Для достижения этого мы должны распространить известного рода листки в известном духе, устраивать сходки и частные протесты, как предварительную пробу, как практический прием для выработки революционных типов и для выделения из массы уже готовых в этом направлении типов, наконец, как средство сближения между собою, как отдельных лиц, так и многочисленных, но разрозненных кружков; вербовать людей и образовывать повсеместно частные кружки в том же направлении и с той же единственной целью—революции; устраивать кассы для образования революционного фонда; стараться вступать в сношения с европейскими революционными организациями и поддерживать постоянную связь с ними. В нашу революционную организацию должны быть привлечены те начала *социально-экономические*, которые получат основы будущего государственного и политического строя. Организация должна быть устроена по духу децентрализации и на законе передвижения, т.-е. члены ее должны переменяться местами, т.-е. через известное время переходить с одного места на другое, что необходимо как потому, что требуется усиление деятельности в различных местах,—а организация не будет в первое время в состоянии послать отдельных агентов для каждой местности,—так и потому, что подобная деятельность одного и того же лица, постоянно в одной и той же местности, непременно поведет за собой слишком сильную огласку и поставит агента в опасное положение, а затем неизбежно последует то, что он будет поставлен властью в невозможность действовать. Децентрализация здесь в смысле ослабления главного центра и предоставления большей инициативы в деятельности провинциальных центров. Затем, вступающие в организацию должны отказаться от собственности, от занятий, от семейных привязанностей, насколько эти последние (семья и занятия) могут мешать деятельности членов, требовать же полного отречения от них организация не может считать себя в праве, так как это значило бы

стеснять без нужды и причины свободу личности, что несовместно с организацией, покоющейся на разумных основаниях. До мая деятельность лучших людей должна быть сосредоточена в Питере и Москве, а также частию и в других университетских городах. В это время должен быть подготовлен и совершен протест студентов как университета, так и других высших учебных заведений, за право официальных сходок; в то же время должно быть положено начало пропаганды в среде голыдьбы людьми этой же голыдьбы, следовательно, образование организации из самой голыдьбы. С мая деятельность должна быть перенесена в губернские и уездные города и сосредоточена главным образом в среде разночинцев, семинаристов и провинциальной голыдьбы, и так далее. С октября общими силами провинциальных и столичных деятелей пропаганда должна быть ведена в среде, в самой массе народа (что неудобно летом по случаю страдного времени), поэтому в октябре по крайней мере $^3/_4$ деятелей *отправятся из столицы* в провинцию, по направлению к западной границе, до Динабурга—путь важный для эмиграции и потому подготовка провинций по этому пути имеет особенное значение. С мая и до сентября в столицах остается не более $1/4$ членов. В числе их должны быть специалисты из лучших литераторов по социальным и естественным наукам. Ими до сентября должен быть определен в подробностях строй и правила русской революционной организации, составлен катехизис, правила которого должен будет соблюдать всякий, вошедший в непосредственные сношения с организацией; определена деятельность центра и провинции, приемы и все касающееся постановки частных протестов (разумеется, теоретически) в массе на 1870 г., также правила для земледельческих и ремесленных ассоциаций; указание других приемов для вербовки людей; должна быть составлена форма будущего устройства государства и определено время революции. В октябре должны собраться члены из всех провинций, и все решенное теоретически должно быть обсуждено и решено большинством голосов. С этого времени должна начаться систематическая, захватывающая всю Русь революционная деятельность организации.

NB. При теоретическом составлении форм организации будущего государственного строя должно быть соглашение с заграничными революционерами, следовательно, устроена заграничная корреспонденция. Самое удобное время восстания—весна 1870 года как потому, что этот год поставит народу много серьезных и близких вопросов, так и потому, что, в случае неудачи восстания в центрах, летнее время будет благоприятствовать сепаративной войне по Волге и Днепру и укрывательству народа целыми массами в лесах. Главное условие для членов организации—не расплываться во многосторонней деятельности и, берясь за это дело, оставлять в стороне все, что не касается ее, отдавать ей все свои средства и все свое время, насколько позволят денежные средства, так как организация не имеет пока возможности обеспечить своих членов с материальной стороны, и, следовательно, они должны употреблять известное время на добывание средств к жизни, если не имеют возможности иметь частную стипендию или не имеют собственных средств.

ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ В № 1. «НАРОДНОЙ РАСПРАВЫ».

«Всенародное восстание замученного русского люда неминуемо и близко!.. Мы, т.-е. часть народной молодежи, которой удалось так или иначе получить развитие, должны расчистить ему дорогу, то-есть устранить все мешающие препятствия и приготовить все благоприятные условия...

Мы хотим, чтобы наши задавленные государством отцы, братья и сестры сбросили с своих плеч праздное, тунеядствующее меньшинство; мы хотим, чтобы русский мужик широко, свободно вздохнул мощной, вольной грудью.

Мы хотим народной, мужицкой революции.

Для нас дорога мысль только, поскольку она может служить великому делу радикального и повсюдного всеразрушения. Но ни в одной из ныне существующих книг нет такой мысли. Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником. Мысль, способная служить революции

народной, вырабатывается лишь из народного революционного дела, должна быть результатом ряда политических опытов и проявлений, стремящихся всеми средствами и всегда неуклонно к одной и той же цели беспощадного разрушения. Все, что не идет по этому пути, для нас чуждо и враждебно.

Мы не позволим себя закупить никакими революционными фразами, на которые ныне так щедры доктринерствующие поборники бумажной революции. Мы потеряли всякую веру в слова; слово для нас имеет значение только, когда за ним чувствуется и непосредственно следует дело. Например, скромная и чересчур остроумная организация тайных обществ, без всяких практических проявлений, в наших глазах не более, как мальчишеская игра, смешная и отвратительная, фактическими же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению.

Не щадя живота и не останавливаясь ни перед какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны рядом личных действий и жертв, следующих одна за другою, по общему, строго обдуманному и сговоренному плану, должны рядом смелых и дерзких попыток ворваться в народную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его к торжественному совершению его же собственного дела...

...Мы имеем только один отрицательный, неизмеримый план—общего разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий, как несовместимой с нашей деятельностью; и потому считаем бесплодной всякую теоретическую работу ума.

Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаем ему все наши силы и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание.

А потому мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя; созидать не наше дело, а других, за нами следующих.

Мы беремся сломать гнилое общественное здание, в котором мучается большинство обитателей для доставления нечистых радостей и грязных наслаждений небольшой гор-

сти счастливцев. Пусть новое здание строят новые плотники, которых вышлет из своей среды народ, когда мы дадим возможность вздохнуть ему полною грудью, сбросив с нее тяжкий гнет государства.

Сосредоточивая все наши силы на разрушении, мы не имеем ни сомнений, ни разочарований; мы постоянно, одинаково, хладнокровно преследуем нашу единственную жизненную цель.

Наши близкие предшественники не понимали этого, имея все удобства для начала борьбы и благоприятные условия для всеобщего переворота. (Время объявления крестьянам мнимой воли; время, когда обитатели Зимнего дворца дрожали от страха последствий своей шуллеровской проделки с обманутым народом.)

Они (предшественники) сидели сложа руки и сторонились от бунтующего местами населения вместо того, чтоб, бросившись в эти местные бунты, связать их в одно грозное, все разрушающее народное восстание!

Они (предшественники) занимались весьма старательно чтобы безукоризненно выполнить в своем воображении планы будущей народной жизни, и упустили благоприятные дни для народного освобождения от государственности и сословности. А потому наши близкие предшественники ничего не сделали положительного...

...Дело Каракозова надо рассматривать, как пролог!

Да, это был пролог! Постараемся, друзья, чтобы поскорее наступила и самая драма!..

Теперь, откинув в сторону все отвлеченные рассуждения, станем лицом к лицу с нашей реальной задачей.

Так как окончательное разрешение нашего жизненного вопроса (т.-е. окончательное разрушение государства) может быть совершено только сообща, всею поднявшейся силой, то мы, т.-е. та часть молодежи, получившей развитие, что вышла из народа и вполне прочувствовала боли, которые он терпит, должны, в виду близкого, общего народного восстания, обратить теперь все наше внимание и силы на уничтожение всех тех ясно бросающихся в глаза препятствий, которые могут особенно помешать восстанию и затруднить его ход.

Главнейшие из этих препятствующих условий, суть:

1) Те из лиц, занимающих высшие правительственные должности и сосредоточивающих власть над высшими силами которые особенно усердно выполняют свои начальнические обязанности.

2) Люди, обладающие большими экономическими силами и средствами и употребляющие эти силы исключительно для себя и своего сословия, или для пособий государства.

3) Люди, рассуждающие и пишущие по найму, т.-е. публицисты, подкупленные правительством, и литераторы, лестью и доносами надеющиеся добиться административных подачек.

Первых надо положительно истреблять без всяких рассуждений.

У вторых, надо отбирать их экономические силы и средства и употреблять для дела народного освобождения; а в случае невозможности отобрать, следует уничтожить эти силы и средства.

Третьих заставить молчать теми или другими способами (хотя бы лишением языка).

Теперь определеннеи и ближе к сущности, а главное, к началу дела.

Имея в мысли и цели истребление царя со всей семьей, со всеми чадами и домочадцами, для искоренения формы государя, вообще, мы теперь, однако, до поры, до времени, подождем трогать Александра Николаевича и вот почему:

Над этим слабоумным и безумным деспотом, живущим умом и волею своих наложниц, и любимцев-извергов, начинают уже собираться тучи народного негодования и ненависти. Обманутый, ограбленный голодный народ начинает раскрывать свои очи; и скоро ясно увидит причину своих невыносимых мук. Под розгами либерала-мирового посредника, под пулями солдат-усмирителей, он почувствовал гнусный царский обман, так называемую «волю 19 февраля». Неопределенная тоска и озлобление переходят в осмысленную ненависть, которая накапливается быстро в мужицкой груди. По истечении 9-летнего срока своего новопридуманного братства, в юбилей Разина и Пугачева, эта осмысленная ненависть грянет божьими громами над утопающей в разврате и подлости знатью. Пусть же жи-

вет наш палач, разоритель и мучитель народа, осмелившийся назваться освободителем,—пусть он живет до той поры, до той минуты, когда разразится гроза народная, когда сам истерзанный им чернорабочий люд, воспрянув от долгого, мучительного сна, торжественно произнесет над ним свой приговор.

... Теперь мы безотлагательно примемся за истребление его Аракчеевых, т.-е. тех извергов в блестящих мундирах, обрызганных народной кровью, что считаются столбами государства; тех, которые устраивали и устраивают избиение поднимающегося крестянского люда; тех административных пьяниц, непрестанно сосущих наболевшую, тоскующую грудь народную, которые особенно поусердствовали и будут усердствовать в придумывании мер и средств для выжимания последних жизненных соков из народа, для помрачения зарождающегося народного понимания. И вообще и, прежде всего, тех, которые окажутся наиболее мешающими нашему сближению с народом и нашей подготовительной работе.

Нужно ли говорить, что члены III Отделения, и полиция, вообще отличающиеся особенной деятельностью и способностями ищеек, должны быть казнены самым мучительным образом и в числе самых первых.

До начала всеобщего народного восстания нам необходимо придется истребить целую орду грабителей казны, подлых народных тиранов. Нам надо очистить мысль от гнилых наростов, нам надо искоренить продажность и подлость современной науки и литературы, воплощающуюся в огромной массе публицистов, писак и псевдоученых, состоящих на жалованье III Отделения или стремящихся заслужить это жалованье. Надо избавиться тем или другим путем от лжеучителей, доносчиков, предателей, грязнящих знамя истины, в которое они драпируются, как ее служителя. В этом состоит начало истинного движения с целью подготовления благоприятных условий для близкого, общенародного восстания против государственности и сословности».

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В марте 1870 г. в Женеве, Н. Утиным, А. Трусовым, Дмитриевой и др. русскими эмигрантами была образована Русская секция Интернационала, избравшая своим представителем при Главном Совете Интернационала в Лондоне Карла Маркса. Секция была образована в противовес женевской секции бакунинского «Альянса», в которую также входили многие русские эмигранты, во главе с Н. Жуковским. В заседании 22 марта, Главный Совет Интернационала утвердил программу и устав русской секции и принял ее в состав Интернационала.

Впоследствии русская секция оказала большую поддержку К. Марксу в его борьбе с Бакуниным, собирая и передавая Марксу материал, характеризующий Бакунина и его роль в нечаевском деле.

Органом русской секции явилась газета «Народное Дело», еще раньше перешедшая от Бакунина в руки Утина.

Воспроизведенная ниже статья «Русская ветвь Международного Товарищества Рабочих», программа и устав секции напечатаны в № 1 «Народного Дела» за 1870 г.

РУССКАЯ ВЕТВЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

22 марта 1870 года Лондонский Главный Совет единодушно признал публикуемые нами уставы русской секции вполне согласными с общими основаниями и постановлениями международного товарищества рабочих. С этого дня русская ветвь вошла в состав всемирного союза.

«Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», провозглашает этот союз. Действительно, признание за

нами дорогого права быть по отношению к России выразителями и сподвижниками всеобщего движения пролетариата—налагает на нас строгие обязанности. Мы должны быть добросовестными выразителями этого движения и всеми силами должны мы стремиться к тому, чтобы интернациональная организация успешно проникала в русский рабочий мир и охватывала собой все ремесленные, фабричные и земледельческие слои народа.

Сознавая всю существенную потребность выполнения той доли великой задачи, которую мы принимаем на себя, мы зовем на братское участие и помощь каждого и каждую, понимающих смысл и пользу нашего дела и хотящих способствовать всемирному народному освобождению своими средствами и своей энергией.

Уже год тому назад явилась у нас мысль о необходимости связать прочным образом с социально-революционным движением в западной Европе движение, начинающееся теперь в России.

Осуществление этой мысли представлялось нам все более и более настоятельным по мере нашего ближайшего ознакомления с ходом и стремлениями Интернационала. Интерес и желание ознакомиться ближе с социальным положением России, которое высказывали наши интернациональные друзья в своих обращениях к нам; не раз выраженное ими, и на Базельском конгрессе, и позже, убеждение в потребности более тесного *организационного* соединения между западным пролетариатом и славянским рабочим миром; их советы и просьбы, неоднократно обращенные к нам о содействии им в осуществлении этого соединения, для более успешного хода общего дела,—все это, конечно, только еще более укрепляло нас в нашем намерении и еще более побуждало нас к решению—положить *фактическое* начало связи между западным и восточным рабочими классами и образовать первую *открытую* русскую секцию за границей.

Но прежде, чем объявить о нашем решении, мы хотели предварительно, для более прочного установления нашей секции, подготовить, так сказать, для нее почву. С этой целью мы обращались к русским друзьям и вместе с тем

к друзьям в других славянских землях для того, чтобы еще более удостовериться в справедливости нашего взгляда на возможность начать в своих славянских странах образовывать в настоящее время секции международного товарищества рабочих. Вполне одобрительный отклик со стороны наших друзей заставил нас представить наш устав на утверждение Главного Совета международного товарищества рабочих.

Народная жизнь в России за последние годы представляет некоторые замечательные явления, которые указывают на возможность и необходимость в настоящее время образовывать в ней рабочие союзы, согласно с программой и организацией международного товарищества. Спешим только оговориться, что, конечно, в число упомянутых явлений мы далеко не ставим, так называемую, «революцию», выразившуюся игрою в прокламации со стороны двух-трех старых эмигрантов и нескольких московских юношей.

Эта игра, которую мы назвали бы бурею в стакане воды, если бы она не стоила стольких неоплатных жертв, конечно, не имеет для нашего дела положительного значения, потому что мы твердо убеждены в том, что пора в России бросить мысль о возможности какой-то революции, производимой одной молодежью, когда она не имеет никакой, а не-то уж что прочной, связи с народом.

Мы довольно часто повторяли, что сила радикальной партии русской молодежи зависит единственно от ее всецельного и нелицемерного слития с народом и вовсе не заключается в том, чтобы *состоять* только при нем в виде руководителей или лицемерных слуг его, а в том, чтобы бороться безразлично и безраздельно в рядах его, признавая полную солидарность общих стремлений к коренному изменению политического и общественного строя русской жизни.

Трудное дело народного освобождения имеет слишком много врагов и лицемерных лжетолкователей для того, чтобы молодежь не стремилась единодушно к здравому пониманию и трезвому служению общему делу народа.

Основание русской секции являлось тем более настоятельным, что за последнее время расплодились у нас в большом количестве краснорeчивые витии либеральной партии. Они все более обнаруживают желание вмешиваться в русский рабочий мир введением шульцеделических и других подобных ассоциаций и банков и все смелее выставляют эти полумещанские учреждения, как исключительную *цель*, на осуществление которой должны быть обращены все стремления народа. Либералы наши считают нужным не понимать, что устройство подобных ассоциаций, при основании их, во всяком случае, на совершенно иных рациональных началах, чем начала Шульце-Делича и К°, может, известной стороной своей, только помогать *ходу* освобождения, как одно из средств, а отнюдь не служить целью, достижение которой будто бы возможно при сохранении современного порядка.

Те же либералы за одно с завзятыми крепостниками представляют нашему делу другую гораздо более серьезную опасность. Эта опасность заключается в их борьбе—то прямой, то иезуитской—против существенных основ нашего общинного быта.

Они пользуются «высочайшею волею» о закреплении за крестьянскими обществами наделов, ничтожных или по своему пространству, или по своему качеству.

Обременение этих нищенских наделов чрезмерными налогами, конечно, служит тяжелой помехой правильному развитию общинного владения и общинного труда среди земледельческого населения, и наши либералы хватаются за это положение, как за удобный предлог для того, чтобы вопить и кричать о необходимости помочь народу *уничтожением* круговой поруки для якобы освобождения *прилежных*, т.-е. богатых крестьян от тяготения над ними *лентяев и пьяниц*, т.-е. бедных. Ввиду той же помощи младшему брату восхваляется введение *подворных налогов*. Понятно, что то и другое при *отсутствии противодействия* могло бы привести к разрыву экономической связи между односельцами, в которой именно и заключается вся *органическая* сущность нашей общины.

К счастью, однако, подобные попытки привилегированного барства находят себе и все более и более будут находить отпор в том социальном движении, начало которого должно было неминуемо проявиться в народе, вследствие его разочарования в ожиданиях новой воли.

Стремление разорить народ и разбить его общинный быт вызывает совершенно естественно противоположное стремление народа к более тесному и прочному группированию, к более солидарному организованию своих сил во имя общих интересов и для общего действия. Вынужденный своим современным положением на отчаянную борьбу, хотя бы за нищенское существование, рабочий народ все сознательнее будет сосредоточиваться на ассоциационном группировании своих производительных сил, столь привычному ему и в общинном земледельческом, и в артельном ремесленном быту, долженствующем получить дальнейшее рациональное развитие.

Способствовать народу в его стремлениях и противодействовать вредной игре плантаторов и либералов,—будет первым делом образованных в России интернациональных союзов среди земледельческого, фабричного и ремесленного классов.

Относительно же нашей первой (заграничной) секции мы просим помнить, что она, конечно, не хочет и не смеет иметь притязания на какое-нибудь заведывание или руководжение союзами в самой России. Она только готова всегда быть посредницей между ними и рабочими союзами в славянских землях и в остальной западной Европе и, конечно, *только до тех пор, пока, вследствие настоящего политического гнета в России, организация в ней секций должна оставаться тайной.*

Ограничиваясь на первый раз этими пояснительными словами, мы отсылаем читателя к ознакомлению с программой и уставом русской секции. Вместе с тем, мы обращаем его внимание на письмо К. Маркса. Оно написано им в ответ на приглашение русской секции быть ее представителем при Главном Совете. Нам не к чему распросртаняться о том, какие мотивы руководили общим собранием в его единодушном обращении к К. Марксу.

Его имя слишком хорошо известно всем тем из русских, которые сколько-нибудь следят за социальным движением. Маркс был одним из первых основателей Международного Товарищества Рабочих, и он всегда работал против того всероссийского и. всеславянского *земского* царизма, которому пели восторженные гимны наши великие патриоты и наши отчаянные революционеры старой эмиграции. Он всегда ненавидел русское императорство и давно уже ждал пробуждения русского народа, изучая его социальный быт на его собственном русском языке. Мы рады были случаю выразить Марксу признательность русских социалистов за его труды, столь полезные для всех нас, и мы рады его согласию быть нашим представителем при Главном Совете, потому что в этом согласии выражается полная солидарность его воззрения с нашим на пользу и необходимость водружения интернационального знамени в России.

То же самое, должно быть, сказано о нашем отношении к И. Ф. Беккеру,—другу и неизменному сподвижнику Маркса. Его серьезной опытности и его широким связям, обязаны мы много в успешном начале нашего дела. Его собственное письмо выражает лучше всех наших объяснений, что, если, с одной стороны, он ненавидит русское императорство, как могучую опору немецкого царизма, то, с другой стороны,—он готов безустанно и безразлично трудиться для свободы русского и всех славянских народов столько же, сколько и для свободы западно-европейских народов, потому что он знает, что освобождение одного народа, освобождение трудовой жизни от ига капитала и свинца, не возможно в одной стране исключительно, и он знает также, что все народы, все рабочие массы одинаково теперь страдают и гибнут от нищеты и гнета.

ПРОГРАММА РУССКОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Глава I.

Основные положения.

Принимая во внимание:

1) что экономический гнет русского народа, поддерживаемый всем общественным и политическим устройством,

совершенно одинаков с гнетом, который душит весь европейский и американский пролетариат;

2) что народ русский во все времена стремился к осуществлению великих начал, провозглашенных международными конгрессами рабочих, к общинному владению землею и орудиями труда;

3) что принцип общности труда, как принцип, противодействующий эксплоатации капиталом, находил себе уже издавна выражение в образовании рабочих союзов, известных под именем артелей;

4) что, с одной стороны, с 19-го февраля 1861 года правительство вместе с привилегированными классами явно стремится сделать свой грабеж народа более систематическим, а, с другой,—с того же момента, в самом народе явилось понимание этого стремления и сознание необходимости противодействовать ему собственными силами и выступать на активную борьбу за возможность иной жизни;

5) что там, где положение одинаково, там должны быть одинаковы и аналогичны и средства к уничтожению его и замещению его новым строем социальных и индивидуальных отношений;

6) что такие средства освобождения неизмеримо увеличиваются в своей силе, когда является солидарность между народами и когда совершается повсюду развитие одних и тех же начал в международной *пропаганде* и приложение одних и тех же способов в *организации*.

7) Самое образование Интернациональной Ассоциации, самая причина, вызвавшая ее основание, заключается в том повсеместном сознании европейского пролетариата, которое провозглашает: «что полное освобождение рабочих вовсе не составляет задачи местной или национальной (одноплеменной), что, наоборот, эта задача представляет насущный интерес для всех цивилизованных наций, так как ее разрешение, естественно, находится в зависимости от их общего участия, теоретического и практического»— группа русских людей образовала Русскую Секцию Международного Товарищества.

Употребляя выражение «русские люди», мы разумеем под ним одинаково и безразлично женщин и мужчин, так как наше дело пропаганды и организации относится ко всем

угнетенным без различия пола. Интернационал, стремящийся к освобождению всего человечества, тем самым стремится к уничтожению эксплотации одной половины человечества другой, эксплотации столь пагубной по последствиям, вносимым ею в политический и социальный быт народов.

Глава II.

Задачи и обязанности Русской Секции:

Русская Секция ставит себе задачей:

1) Пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами,—особый род и способ которых вытекает из самого положения страны,—идеи и начала Интернациональной Ассоциации.

2) Способствовать устройству интернациональных секций в среде русских рабочих масс.

3) Помогать установлению прочной, солидарной связи между трудящимися классами России и западной Европы, и оказанием взаимной помощи способствовать более успешному достижению их общей цели освобождения.

Глава III.

Пропаганда и развитие Международного Товарищества Рабочих в других славянских землях.

Принимая во внимание:

1) что отсталые идеи панславизма производят пагубное влияние на дух и развитие рабочих масс в славянских землях Австрии и Турции;

2) что такие идеи, поддерживаемые слепой верою в царизм, всегда были только гнусной западней для славянских народностей;

3) что идея национализма злоупотребляется теперь врагами народа против всякой социалистической и интернациональной пропаганды, которую представляют рабочей массе, как пугало, разрушающее всякую независимость и самобытность, между тем, как, наоборот, будущая интернациональная и социалистическая организация рабочих масс именно дает полную свободу не только каждому народу и народности, но и вообще всякой группе лиц, само-

стоятельно и независимо соединяться с теми группами, с которыми наиболее связаны индивидуальные и коллективные интересы всей жизни;

4) что завоевательный режим находится в прямом противоречии со всеми принципами международного братства рабочих;

5) что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормаз, препятствующий политической и социальной свободе обоих народов, русского и польского,—мы обращаемся с призывом к нашим братьям в Польше, Малороссии, австрийских и турецких землях, точно так же, как ко всем группам разных народностей, находящихся под императорским гнетом, и приглашаем их работать солидарно с нами, соединяться в группы и организоваться для деятельной пропаганды.

Эта пропаганда истинных интернациональных принципов должна иметь задачей уничтожение закоснелых племенных предрассудков и союз всех рабочих сил для одной общей цели освобождения всех рабочих путем солидарной борьбы против общих врагов.

Мы приглашаем поэтому наших братьев приступить к образованию центральных секций в славянских землях, которые вызвали бы составление *ремесленных* союзов, *федерацию этих союзов*, и, наконец, вступление их помимо всех искусственных, территориальных границ, в общий интернациональный союз всех ремесл и профессий.

В ожидании же образования центральных секций, которое дает нам всем возможность составить Федеральный Совет интернациональных секций в славянских землях, мы приглашаем наших братьев назначить своих *агентов-корреспондентов при нашей секции*.

УСТАВ РУССКОЙ СЕКЦИИ.

Согласно с § 14 Общего Устава Международного Товарищества, по которому «всякая секция удерживает за собой право сообразовать свои частные уставы с местными обстоятельствами и с политическими условиями своей страны, лишь бы эти уставы не содержали в себе ничего

противоречащего основаниям Общего Устава»: — русская секция постановила следующий устав:

§ 1. Общее собрание всех членов секции избирает из своей среды распорядительный комитет, сроком на один год.

Комитет состоит из пяти членов.

§ 2. Комитет избирает из своей среды казначея и секретаря.

Сообразно с предложением Главного Совета, выраженном на Базельском Конгрессе, русская секция не допускает в своей среде президентской должности.

Порядком заседаний общих собраний заведуют по очереди члены комитета.

§ 3. Общее собрание избирает ревизионную комиссию из трех членов, обязанность которой состоит в поверке счетов и действий комитета и, вообще, в наблюдении за правильным исполнением устава.

§ 4. Общие собрания бывают два раза в месяц.

Все члены пользуются одинаковым правом участия во всех обсуждениях и в решениях, которые принимаются по большинству голосов.

§ 5. Агенты-корреспонденты других славянских земель (признанные за таковых общим собранием по предложению комитета) пользуются правом присутствовать на общих собраниях с полным участием во всех обсуждениях и решениях, за исключением выборов, в которых они не принимают участия, точно так же как и не могут быть выбраны ни в комитет, ни в ревизионнную комиссию.

§ 6. По требованию трех членов вотум общего собрания может быть тайный.

§ 7. Комитет принимает нового члена по письменному представлению его тремя членами секции. Соображаясь со сведенями, сообщенными о кандидате членами, подписавшими означенный документ и найдя эти сведения вполне удовлетворительными, комитет предлагает прием кандидата в члены на утверждение общего собрания.

§ 8. В случае отказа комитетом в приеме кандидата, комитет обязан только тогда общему собранию представить причины своего отказа, если того желают члены, предложившие кандидата и если общее собрание решит, по

большинству голосов, удовлетворить такому заявленному желанию.

§ 9. В силу исключительного положения страны, имена тех из членов, которые возвращаются в Россию, останутся известны только комитету, который даст общему собранию общую характеристику кандидата, находящегося в таких условиях и по утверждении его приема выдаст ему карту, обозначенную вместо имени известным нумером.

§ 10. Каждый член, принятый в какую-нибудь секцию в России и являющийся оттуда с удостоверяющим в том документом, имеет право присутствовать на общих собраниях с совещательным голосом.

§ 11. Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей. Каждому члену вменяется в обязанность употреблять все свои силы на пропаганду в России истинных принципов Интернационала и на организацию рабочих союзов, сообразно с этими принципами. Слово и дело каждого члена должны быть направлены к торжеству и признанию неотъемлемых прав труда и трудящихся. Каждый член русской секции должен поэтому изыскивать все способы, чтобы служить интересам рабочих в России и их освобождению, как своим личным положением в известном ремесле или профессии, так и деятельным участием в пропаганде и денежными средствами.

§ 12. Подлежит исключению из русской секции каждый член, который будет действовать во вред пропаганде и организации Интернациональной Ассоциации, или побуждать других к подобным действиям.

Имена таких лиц и причины их исключения будут помечены в протоколе и сообщены Главному Совету в Лондоне для того, чтобы он мог, в случае надобности, принять меры относительно недопущения таких лиц в другие секции Международного Товарищества.

§ 13. Комитет, с ведома общего собрания, заботится о том, чтобы русская секция имела во всех своих странах своих агентов-корреспондентов, которые могли бы знакомить с делом Международного Товарищества наших новых русских друзей, желающих принять участие в общем деле.

§ 14. Комитет вступает через посредничество Главного Совета или непосредственно в сношении с комитетами и советами других стран. Он заботится о получении от них сведений о тех членах Интернационала, которые находятся в России или отправляются туда. Эти сведения он сообщает секциям, организованным внутри страны, для того, чтобы они могли вступить в сношения с указанными лицами.

§ 15. Каждый член обязан вносить ежемесячно определенный денежный взнос.

§ 16. Ежемесячные взносы, точно так же, как и единовременные, устанавливаемые в особых случаях решением общего собрания, назначаются:

1) на пропаганду среди рабочего класса в России;
2) на помощь стачкам в России;
3) на помощь стачкам в западной Европе;
4) на посылку делегатов на различные собрания и конгрессы;
5) на обязательный взнос в Главный Совет.

§ 17. Русская секция печатает все свои сообщения в журнале «Народное Дело»; она будет издавать раз или два в месяц известия о рабочем движении во всей Европе и Америке. Извлечения из этих известий, касающихся России и славянских земель, будут сообщаемы всем рабочим органам для того, чтобы рабочий мир мог знакомиться с настоящим положением своих славянских братьев. Агенты-корреспонденты славянских земель будут сообщать журналу все необходимые для того сведения.

§ 18. Русская секция заботится об учреждении кассы взаимного вспомоществования для того, чтобы помогать нашим братьям, борющимся в России за народное освобождение, точно так же, как и тем из них, которые терпят нужду в изгнании и ссылках и которым она будет стараться доставлять средства спасения.

П. Л. ЛАВРОВ.

ЖУРНАЛ «ВПЕРЕД» (1873—1876 г.г.).

Первая половина 70-х годов отмечена борьбою двух направлений в рядах русских революционеров: так называемых бакунизма и лавризма. Разногласия между этими двумя направлениями были более тактического, чем программного характера. Бакунисты и лавристы одинаково были анархистами; и те, и другие стремились к социальной революции, которая, ниспровергнув старый строй, установила бы вместо него вольную, безвластную федерацию свободных общин. Разногласия между ними начинались тогда, когда они от общих вопросов обращались к конкретным задачам, стоявшим перед русскими революционерами. Бакунисты верили в то, что русский народ готов к социальной революции и что достаточно лишь толчка со стороны революционной партии, чтобы накопившаяся в народе революционная энергия проявилась во-вне и сломала современные устои общества. Лавристы, наоборот, полагали, что русский народ не готов к революции и что, посему, перевороту должна предшествовать длительная подготовка в форме пропаганды среди народа социалистических идей. Сообразно с этим лавристы предъявляли весьма высокие требования к пропагандисту, работающему в народе, требуя от него, чтобы он предварительно обращения к народу накопил солидный запас знаний.

Органом лавристов был журнал «Вперед», издававшийся в 1873—1876 г.г. сперва в Цюрихе, потом в Лондоне под редакцией П. Л. Лаврова. Всего было выпущено 5 томов и кроме того 48 номеров газеты под тем же названием.

Ниже воспроизводится в выдержках программа журнала, написанная Лавровым и помещенная в 1 т. «Вперед» и тезисы из статьи того же Лаврова, напечатанной в № 48 газеты «Вперед».

Вслед за этими выдержками, мы приводим выдержки из письма Кравчинского (Степняка) к Лаврову, в котором подвергается жестокой критике программа «Вперед». Это письмо, отчетливо обрисовывающее взгляды бакунистов, дает возможность вполне понять сущность разногласий между ними и лавристами. Письмо это полностью опубликовано в №11 журнала «Былое», Париж, 1914 г.[1]).

ИЗ ПРОГРАММЫ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД».

«Для нас в настоящую минуту существуют две общечеловеческие цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции; две борьбы, в которых индифферентным быть нельзя, отношение к которым должно определить отношение ко всем остальным вопросам, две борьбы, которые должны быть девизом всякой личности, всякой партии, желающей участвовать в развитии человечества. Это, во-первых, борьба реального миросозерцания против миросозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов богословских и метафизических, теоретических и нравственных, короче говоря, борьба науки против религии. Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни, борьба полной равноправности личности против монополии во всех ее формах и проявлениях, борьба рабочего против классов, его эксплоатирующих, борьба свободной ассоциации против обязательной государственности, короче говоря, борьба за реализацию справедливейшего строя общества.

---

[1]) **О Лаврове и „Вперед", см. П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1876 г. Петрг. 1907 г. Материалы для биографии Лаврова, Петрг. 1921 г.; сборн. „Вперед", Петр. 1920 г.; П Л. Лавров. Сборн. статей и воспоминаний, Петрг. 1922 г**

Из этих двух исторических задач современности решение первой уже далеко подвинуто вперед; к тому же для России эта задача имеет малое значение: религиозными вопросами у нас интересуются лишь те, которые едва ли прочтут наше издание...

Совсем другое дело вторая борьба—за справедливейший строй общества. Еще многие не сознают вовсе ее значения. Многие отрицают возможность ее правильной теоретической постановки, точно так же как возможность ее благоприятного исхода. Борьба эта едва вступила в тот фазис, в котором ее основы стали вполне реальны и в котором ее участники могут ясно понять, где их товарищи и где враги. Против осуществления справедливейшего строя направлены все силы реакции, во имя новой, псевдо-либеральной легальности... Мы знаем, что разом торжество наших целей осуществиться не может, что для него нужна подготовка, ясное понимание возможного в данную минуту. Именно это возможное мы будем постоянно иметь в виду. В небольших прогрессивных явлениях мы стараемся указать *возможность* сделать из них почву дальнейшего прогресса. Для широких целей будущего мы постараемся указать *возможные* средства в жалком строе настоящего.

Средством для распространения истины не может быть ложь; средством для реализации справедливости не может быть ни эксплоатация, ни авторитетное господство личностей; средством торжества над праздным наслаждением не может быть насильственный захват неразработанного богатства, переход возможности наслаждения от одной личности к другой. Есть необходимые условия борьбы, при которых приходится употреблять временно *против врагов* и ложь, и принуждение, и захват орудий борьбы. Но без крайней и временной необходимости эти средства вредны для той самой цели, для которой их назначают. В кругу же единомышленников, товарищей, союзников по общему делу, ложь есть преступление, преднамеренное распространение иллюзий—есть измена делу, принуждение допущено быть не может, эксплоатация и личный расчет возмутительны. Люди, утверждающие, что *цель оправдывает средства*, должны бы всегда сознавать ограничение

своего правила простым трюизмом: *кроме тех средств, которые подрывают самую цель...*

... *Социальный* вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Мы видим в нем самую важную задачу настоящего, единственную возможность будущего. В союзе большинства рабочих в свободную ассоциацию, в организации этого союза для совокупного и могучего действия, в торжестве этой организации и в установлении нового общественного строя на развалинах промышленно-легальных государств и сословий настоящего, мы видим единственное средство осуществить это будущее. Возможные орудия этого осуществления в настоящую минуту различны для России и Европы, а в самой Европе довольно важные разногласия вооружают по этому поводу друг против друга партии, которых одинаковую искренность в стремлении к одной и той же цели мы не имеем никакого основания заподозреть. При этом различии взглядов на способы исполнения программы самая программа в своих принципах уже определилась. Она высказана в постановлении нескольких конгрессов, выражавших общие стремления рабочего пролетариата в Европе. Она лежит в основе всех стремлений наших русских деятелей в пользу крестьян...

Вопрос *политический* для нас подчинен вопросу социальному и в особенности экономическому. Государства так, как они существуют, враждебны рабочему движению, и все они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цели. Но это—далекое будущее, общественный идеал, который следует иметь постоянно в виду, не обманывая себя, однако же, надеждою на возможность его осуществления ни сегодня, ни завтра.

Между этими идеалом будущего свободного общежития, в котором исчезнет всякий след государственной принудительности, и теми централизованными государствами мира, которые давят на большинство населения при посредстве сложного легального формализма и обширной административной сети, лежит целый ряд посредствующих политических форм, которые выставлены были теоретически, или

для которых существовали более или менее удачные попытки практического осуществления, и в борьбе этих форм с современною государственностью подготовляется торжество далекого будущего...

... Все нынешние централизованные политические программы нам прямо враждебны. Все политические партии с их конституционными идеалами, более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, заменить существующее распределение территории другими распределениями, с другими центрами и другими законами—все это нам враждебно в своем основном строе и инидифферентно для нас в своем проявлении. Эти факты исторической жизни буржуазного общества могут быть для нас хороши или дурны, смотря по тому, обещают ли они организации рабочих и принципам социальной борьбы более или менее широкое влияние. Так как свобода мысли и слова, свобода ассоциации, участие низших классов в управлении, расширение обучения безусловно помогают этим принципам, то мы будем их поддерживать всюду, кто бы ни был их противником; но мы посоветуем нашим единомышленникам поддерживать эти элементы политических программ и пользоваться ими, не вступая в союз с либеральными партиями, которые вносят их в свои программы. Мы с ними можем сходиться в некоторых пунктах. Но наши цели безусловно различны...

... Для русского специальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общественной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплоатации меньшинства, даже в

случае самого удачного переворота—вот специально-русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству. Но какими средствами можно осуществить эти цели?..

... На первое место мы поставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что специалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, какой бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решили содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим сознанные и понятые.

Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властью при пособии удачной революции и вести за собою народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более, как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота.

Нигде положение цивилизованного класса так не трудно при народном движении, как в нашем отечестве...

...Проклятое предание старого барства и чиновничества тяготеет на всяком, кто живет жизнью цивилизованного класса в России, оно внушает народу недоверие к его словам, к его действиям и много личных усилий необходимо для того, кто отделен от него мелочами культурных привычек.

Именно эта трудность сблизиться с народом вызывает разнообразные взгляды на возможность и целесообразность тех или других приемов в общественной деятельности для подготовления переворота, долженствующего осу-

ществить лучшее будущее России. Каковы бы ни были эти взгляды, мы считаем в них существенными и неизменными следующие пункты:

Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать в себе *возможность* полезной деятельности среди народа.

Лишь внушив народу доверие к себе, как личности, можно создать необходимые *условия* подобной деятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его к самостоятельной деятельности для достижения ясно-понятных целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России.

Лишь тогда, когда течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя в праве призвать народ к осуществлению этого переворота.

...Революций искусственно вызвать нельзя, потому что они суть продукты не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов. Самая попытка вызвать их искусственно едва ли может быть оправдана в глазах того, кто знает, как тяжело ложатся всякие общественные потрясения именно на самое бедное большинство, которое приносит при этом самые значительные жертвы. Но искусственно вызвать революций до сих пор и не предстояло надобности, так как всевозможные правительства с замечательным соревнованием доставляли для них постоянно материал, и страдания народов возрастали гораздо более от того, что народы терпели установившийся строй или не довольно решительно возмущались против него, чем от того, что народы бросались в безрассудные революционные попытки. Следует также заметить, что всякая народная революционная попытка, даже неудачная, является в истории полезным воспитательным средством общества: болтуны отделяются от людей дела; девизы партий получают большую определенность; фиктивные коалиции этих партий распадаются; истинные задачи общества выделяются с большею ясностью из разнообразных вопросов, одновременно возникающих в нем, но имеющих весьма различную важность;

каждый исторический опыт становится полезным уроком для будущего. Но, каков бы ни был вред или польза революций, фактически история приводит к ним с неизбежным фатализмом...

...Вероятнее всего, что путь революции неизбежен для лучшего будущего России; когда придет для нее удобная минута, этого сказать никто не может, но она может притти тем неожиданней, чем более концентрированы все государственные функции России в одном месте, в одном лице. Готовьтесь к этой минуте умственным развитием, житейским опытом, выработкою в себе твердого характера. А затем, когда минута настанет, идите с народом на завоевание этих прав, на исполнение этих обязанностей, на развитие этой силы. Идите вперед, чего бы это ни стоило вам, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цена этого будущего, оно должно быть завоевано».

ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ П. ЛАВРОВА.

(«Вперед», 1876 год., № 48)

1) Все усилия социалистов нашего времени должны быть направлены на замену нынешнего общественного строя другим устроенным на началах *рабочего социализма*, основание которого есть *принцип коллективизма:* отдавай все силы общему делу, развивайся в процессе этой деятельности и бери от общества лишь необходимое для своего существования и развития.

2) Общежитие, осуществляющее этот принцип, предполагает:

а) Общность имущества.

б) Всеобщий коллективный труд для всеобщего развития.

в) Солидарность всех рабочих.

г) Свободную федерацию, как тип всякого общежития.

3) Переворот, к которому стремятся социалисты нашего времени, не может быть совершен легальным путем, и потому требования рабочего социализма могут быть осуществлены лишь путем *социальной революции.*

4) Переворот этот может быть совершен лишь рабочим пролетариатом, и потому всякая революция, ставящая себе

целью осуществление начал рабочего социализма, может быть успешна лишь в том случае, когда она будет *народною революциею*.

5) Социальная революция в России должна быть подготовлена тайною *организациею революционных сил*, действующих путем *пропаганды и агитации*, пока они не будут достаточно велики для производства обширного революционного взрыва.

6) Организация революционных сил, имеющая наиболее шансо достичь указанной цели, должна итти следующим путем:

а) Убежденные социалисты-революционеры из интеллигенции составят первый кадр этой организации.

б) Разместившись среди народа в нескольких наиболее удобных для этого областях России, они сгруппируют около себя все лучшие силы народа в этих областях в революционные группы.

в) Они соединят все социально-революционные русские группы, рассеянные в упомянутых областях и состоящие в большинстве из народа, в обширную социально-революционную федерацию.

г) Пропаганда социальной революции настолько проникнет в войско, чтобы внести в него расстройство и разложение при народном восстании.

д) Когда социально-революционная организация будет достаточно сильна, то она воспользуется неизбежными волнениями и восстаниями в народе, чтобы обобщить эти бунты, до тех пор не имеющие значения, в революционный взрыв, долженствующий охватить большую часть России.

7) Местные неудачные бунты не могут считаться удобным способом подготовления общего революционного взрыва в России и, следовательно, убежденный социалист-революционер не имеет права вызывать их, пока социально-революционная организация недостаточно сильна для вероятной победы революции. Он должен противодействовать бесполезной трате народных сил в безнадежных вспышках по пустым предлогам и без всякой вероятности победы. Но когда в местности, где он действует, вспыхнул народный бунт независимо от своей воли, вследствие

экономической эксплоатации народа или притеснений и оскорблений его представителями правительства и лицами из господствующих классов, то убежденный социалист-революционер, истощив усилия противодействовать неразумной вспышке, должен биться в рядах восставшего народа и разделять его судьбу.

8) Дело убежденных приверженцев рабочего социализма (большинство которых должно тогда принадлежать народу) в минуту победоносного взрыва революции будет заключаться в направлении этого взрыва к осуществлению революционным путем начал рабочего социализма.

9) Для пополнения и расширения нового кадра социально-революционной организации, а также для усиления последующей за тем социально-революционной федерации групп, убежденные социалисты-революционеры должны до самого революционного взрыва всеми силами распространять среди интеллигенции социально-революционные идеи и воспитывать в ней признаки солидарности путем коллективной жизни, коллективной организации и постепенного введения всех способных на это лиц в социально-революционное дело.

ИЗ ПИСЬМА КРАВЧИНСКОГО К ЛАВРОВУ.

Вы страшно заблуждаетесь, думая, что ваш орган руководит революционной партией. Я не соображения высказываю, а факты, как эксперт. Только весьма незначительная часть нашей революционной молодежи удовлетворилась вашим органом. Громадное же большинство было противниками его.

Вы хотите социальной революции в самом полном, самом обширном, одним словом, в самом *научном* смысле этого слова. Вы ждете того времени, когда русский народ будет в состоянии подняться с *ясно сознанной* программой самой высшей пробы. Вы ждете затем, чтобы он мог подняться *по всей русской земле*, потому что только при соблюдении *обоих* этих условий возможна такая революция, о которой вы говорите, т.-е. полная в смысле принципиальном и полная в смысле удачности победы над полумиллионной армией.

Очевидно, что для такой революции нужна страшная подготовка. Нужно выработать в среде народа ясное сознание социальных принципов, потому что теперь этого сознания нет. Нужно покрыть всю Россию целой сетью революционных организаций.

Что же вы предлагаете для этого? Вы советуете итти «в народ» и пропагандировать, пропагандировать и пропагандировать до тех пор, пока не будет спропагандирована такая часть народа, которая в состоянии дать сознание массе, в состоянии повлечь за собой массу.

Итак, пропаганда—вот что написано на вашем знамени и на всех страничках вашего органа. Вся деятельность революционеров сводится на пропаганду (и, разумеется, на побочные и подготовительные для нее работы). Одним словом, для вас панацея от всех бед—словоговоренье. Ничего другого у вас нет. Вы, разумеется, скажете мне, что это вздор, что вы проповедуете свою «пропаганду» только как подготовительную ступень и что за ней последует «взрыв», «революция» и все такое.

Но в том-то и беда, что мы этому-то и не можем поверить. Никогда, во-веки веков вашим последователям не сделать и первого шага к осуществлению своих конечных целей, потому что подготовка такой революции, какой вы ждете, потребует несколько поколений. Ну, и может ли какая бы то ни было организация продержаться хотя бы десять лет, если члены ее будут думать о чем-нибудь другом кроме самосохранения?

Вот почему мы не верим в ваше словоговоренье. Все, что оно может дать—это ряд провалов.

Мы не верим ни в возможность, ни в необходимость такой революции, какой вы ждете. Никогда еще в истории не бывало примера, чтобы революция начиналась ясно, сознательно, «научно», как вы ждете от самой великой и самой трудной из всех—революции социальной. И 89-й, и 48-й г.г., и коммуна начались бессознательно. Только потом, в самом развитии своем эти революции достигли сознательности. Всякая революция начинается *бунтом*. Но достаточно, чтобы в нем тлела хоть одна революционная искра, чтобы бунт перешел со временем в *революцию*.

Впрочем, об этом предмете я не буду распространяться. Если мысль моя не ясна, то я разъясню ее.

Мы не верим точно так же и в возможность, в необходимость громадного или всероссийского восстания. Всегда народные восстания начинались и у нас, и у других народов с восстания небольшой кучки, небольшой области. Одним словом, с бунта, к которому присоединялись с большей или меньшей быстротой и окружающие области.

То же будет и теперь.

Если в народе достаточно революционных элементов, то первый бунт разрастается в революцию. И заранее никто не может сказать, есть ли эти элементы или их нет. Не идей недостает народу. Всякий, кто много шатался по народу, скажет вам, что в его голове совершенно зрелы основы «элементарного» (конечно, не научного) социализма. Все, чего не достает народу—это *страсти*. Ну, а страсти вспыхивают мгновенно и нежданно.

Если же в народе революционных элементов мало, то бунт неминуемо будет подавлен. Но тот пример, который он даст, та программа, которую он поставит, то возбуждение страстей, которое он вызовет, принесут больше пользы, чем целые десятилетия неутомимейшей и успешнейшей пропаганды. Бунт сразу взволнует всю Россию. Он сразу заставит весь народ задуматься над социальным вопросом, он сразу покроет всю Россию сетью людей из народа, готовых к революции, потому что для народа *подумать* о социальном вопросе и способе его разрешения значит сделаться революционером. Ну, а тогда успех революции обеспечен. Итак, резюмирую: мы хотим действия более решительного, более быстрого, мы хотим непосредственного восстания, бунта. Наша деятельность будет заключаться в организации бунта. «Бунт»—вот слово, которое стояло на знамени всех фракций более крайней партии, о которой я говорил. Разница была только в частности. Я не стану входить в подробности, не стану излагать, как организовывать бунт. Эти вопросы решаются на месте, а не в кабинетах. Скажу только, что при всех ошибках, при всех недостатках, которые обнаружим на этом пути, мы все-таки будем итти по нему и мы убеждены, что вся моло-

дежь пойдет по этому пути, потому что он один может дать великие результаты. В ваше же словоговоренье мы не верим. Это одно толчение воды в ступе.

Может ли пропаганда образовать хотя бы самое ничтожное революционное меньшинство в народе? Нет, для того она совершенно бессильна. Прежде всего скажу, что «социалист» еще не значит «революционер», но положим, что каждый социалист—революционер. Спрашивается, много ли мы можем напропагандировать социалистов? Об этом смешно и спрашивать. Ведь, нас ничтожная горсточка, а народу 60 миллионов. Орудия пропаганды у нас самые ничтожные, а орудия развращения у наших противников—страшные. Мы не можем изменить образа мыслей не только $^1/_{60}$, но даже $^1/_{600}$ доли этой массы. Ведь, слишком уже наивно воображать (как вы делаете в одной из статей толстого «Вперед»), что число пропагандистов растет в геометрической прогрессии. На самом же деле было бы хорошо, если бы число их только не уменьшалось. И так всегда будет. Никакими предосторожностями вы не избежите провалов. Требования осторожности противоположны требованиям успеха. Чтобы иметь успех, нужно рисковать. Чем меньше риску, тем меньше успех.

Ну, а долго ли мы будем в состоянии выдерживать эти страшные кровопускания? Нет, это выше наших сил. Мы рады отдать всю нашу кровь для народного дела, но не станет у нас ее, если каждый год будут проливаться такие реки. Вы говорите о «гидре стоглавой», говорите, как на месте срубленной головы вырастают две новых. Уж позвольте мне уверить вас, что вы ошибаетесь. Это, может, издали так кажется. Я же был на месте, я видел, как рубят головы этой гидре. Не вырастает на их месте двух новых, уверяю вас. Уже теперь мы обанкрутились. У нас нет почти ничего, мы ходим последним козырем. Теперь жизнь чуть теплится. Скоро она потухнет совсем. Наступит полная реакция. И будет тянуться эта канитель, пока наша молодежь не обуржуазится, как она обуржуазилась во всех других странах, где она была когда-то революционной. И ведь, это не за горами. Процесс этот совершается с весьма достаточной скоростью и не до-

стает только конституции, чтобы он распустился полным цветом. Но и она по всем признакам не заставит себя ждать.

Ну, а что произойдет от того, что интеллигенция обуржуазится? Выйдет то, что революция оттянется не на один десяток лет. Наша интеллигенция—горящая головня. Народ—это уголья. Конечно, уголья, сложенные в кучу, по прошествии долгого времени сами разгорятся от развития внутренней теплоты. Но умно ли дать бесполезно потухнуть головне? Не будет ли от этого каких ущербов? А, ведь, при следовании по вашему пути она неминуемо потухнет, ничего не воспламенивши.

Вот что неминуемо произошло бы, если бы наша интеллигенция, действительно, шла за вашим органом: революция погибла бы в России на несколько поколений.

Но этого не будет. Русская интеллигенция не шла за вами. С страшными усилиями, ощупью и в потемках она вырабатывала себе иной путь, и недалеко то время, когда она вступит в него твердо, ясно и сознательно. Теперь это только инстинктивно. Не доставало факта, который раскрыл бы всем глаза. Но скоро этот факт разразится, и тогда ваше направление—умерло. Все, что есть живого, энергичного, деятельного, все это соберется под другими знаменами, провозгласит другие программы. Какой же это факт? Это будущий *процесс*[1]. Я уже говорил вам, что огромное большинство нашей революционной молодежи было противниками вашего направления. Но между ними не было единства, не было и тени организации. Почему это случилось, говорить здесь нечего. Факт несомненен: организации не было и следа. Каждый действовал совершенно в одиночку. Ну, а в одиночку возможно либо ничего не делать, либо вести *только пропаганду*. Процесс будет процессом пропаганды. Вот он-то и покажет ее бессилие.

Он покажет, с одной стороны, громадность сил, бесконечное самоотвержение, героизм в деятелях; с другой сто-

---

[1]) Кравчинский имеет в виду подготовлявшийся в то время правительством знаменитый „процесс 193-х“ пропагандистов.

сны, совершенную ничтожность результатов. Всем станет ясно, как день, что пропаганда совершенно бессильна дать что-нибудь заслуживающее названия результатов. Поэтому всем живым людям, которым дорого дело, а не «спасение души», т.-е. удовлетворение разным своим нравственным потребностям, придется либо сложить руки, либо выбрать другой путь. Разумеется, молодежь наша не сложит рук. В ней слишком много жизни, значит, она пойдет по другому пути. Какой же это будет путь? Очевидно, путь более крайний, более смелый, более решительный, т.-е. путь прямого бунта. Иного выбора нет!

Но процесс даст и другой прекрасный урок. Он покажет всем и каждому необходимость *организации*. Уже и теперь это начинает чувствоваться всеми. После же процесса это будет еще очевиднее. Никто не пойдет *пропагандировать* бунт. Все поймут, что это абсурд. Бунт нужно организовать. Вот к чему тяжелым путем личного опыта дошел и я, и многие из моих друзей, которые сами были действующими лицами в последней драме, когда она совершалась еще в городах и деревнях.

КРУЖОК ЧАЙКОВЦЕВ.

Кружок чайковцев, возникший в самом начале 70-х годов, является типичным представителем революционных кружков того времени. Он объединял в себе молодых людей, проникнувшихся сознанием своего неоплатного «долга» перед народом и необходимости так или иначе освободиться от этого «долга». Для достижения этого, молодежь порывала с привычными условиями жизни привилегированных классов и посвящала свою жизнь «служению» народу. Члены кружка—типичные представители того «кающегося дворянства», которое наложило особый отпечаток на все революционное движение 70-х годов и вызвало то громадное и яркое движение, которое получило название «хождения в народ».

Первоначально кружок чайковцев ставил себе цели чисто просветительные: главным образом, распространение среди народа полезных для него книг, как допущенных цензурой, так и нелегальных. Однако одна эта деятельность не могла удовлетворить членов кружка; им необходимо было непосредственное и тесное сближение с народом. К этому сближению молодежь начала деятельно готовиться. Девушки и юноши стали старательно изучать различные ремесла, чтобы приучиться к физическому труду, опроститься и этим сблизиться с трудовым народом. Движение это, охватившее многочисленные кадры молодежи, закончилось летом 1874 г. знаменитым «хождением в народ».

Воспроизводимая ниже «Программа революционной пропаганды» была захвачена в 1875 г. при обыске у П. А. Кропоткина, являвшегося одним из виднейших членов

кружка чайковцев, и является документом, чрезвычайно характерным для настроения этого кружка. Программа эта впервые напечатана в № 17 «Былого» за 1921 год[1]).

ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ.

«Несмотря на усиливающиеся гонения правительства, несмотря на новые аресты и новые репрессивные статьи закона, число молодых людей, отправляющихся в *народ*, постепенно возрастает. Последовательно, от военных заговоров, совершенно чуждых социального элемента (1825 г.), наша протестующая молодежь перешла к республиканско-социалистическим разговорам промеж себя, затем к поверхностным сношениям с заинтересованною в перевороте частью народа и, наконец, к более прямому, более постоянному сношению с этим народом. Теперь следует ожидать сношений еще более тесных, за которыми не замедлят последовать агитаторы из самой народной среды, а, наконец, и вооруженный мятеж. Но, ввиду этого усиливающегося *шествия в народ,* становятся более, чем когда-либо, необходимыми подготовка, осмотрительность и сноровка со стороны революционеров. Что касается до первой, то мы не знаем лучшей школы, чем та, которую предложил автор статьи: «Революционеры из привилегированной среды»[2]). Одного желания приносить добро, одной энергии, одного ума, одной выносливости и т. п. слишком мало для революционера; необходимо, кроме того, еще близкое ознакомление с народом, усвоение с его нуждами, воззрениями, способом мышления. Человек, желающий быть революционером, еще не есть революционер, и необходимо, чтобы

---

[1]) О кружке чайковцев см. В. Я. Богучарский. Активное народничество. М., 1912 г.; П. А. Кропоткин. Записки революционера. Петрг. 1920 г.; С. С. Синегуб. Воспоминания чайковца. „Былое“, 1906 г. VIII—X; Л. Шишко. С. М. Кравчинский и кружок чайковцев. Собр. соч. т. IV, Петрг. 1918 г.

[2]) В этой статье, помещенной во II томе „Вперед“, доказывалось, что люди из привилегированной среды лишь в том случае могут сделаться полезными революционными работниками, если они перевоспитают себя умственно и нравственно путем сближения с народом.

ся подготовился. *Подготовка* же должна состоять в *чтении* книг, содействующих расширению знания народных нужд, недостатков современного быта, прошедшего и т. п., а также книг, дисциплинирующих мышление, и в *изучении* какого-либо ремесла и в личном (на первое время) *общем ознакомлении с жизнью народа.* В этот период революционер должен быть нем, как рыба, чтобы не попасться понапрасну, должен только присматриваться, слушать... Только когда он сочтет себя достаточно подготовленным, должен впервые раскрыть свои уста для пропаганды. Как ни тяжело скрывать свои чувства и мысли, но лучше молчать в первый период, чем говорить невпопад. Во 2-й стадии революционер должен разорвать свой дворянский паспорт *окончательно, навсегда,* сделаться крестьянином, мастеровым, фабричным и—пропагандировать. При этом, как доказывает западно-европейская практика, пропаганда может быть действительна только в специальном кругу. Неразвитый крестьянин или рабочий не поймет общественных идей о социализме, равенстве и солидарности. Его не тронут за живое (особенно в первое время) нужды и страдания его же собратьев, не тождественные с его собственными. Оставляя в стороне исключения,—вы не двините ни на шаг фабричного толками о малом наделе крестьян такой-то Полтавской или Тульской губернии. Революционер может рассчитывать на успех только тогда, если будет выдвигать на *первый* план *местные* интересы. На Западе лучший *практический* агитатор есть тот, который становится во главе работников *данных* каменноугольных копей, *данной* ассоциации каменщиков, *данной* ассоциации переплетчиков и т. п. и, главным образом (и только *несколько одухотворяя* свою пропаганду общими идеями), преследует *именно эти местные, частные* интересы. Из этого следует, что навсегда оставшийся в народе революционер должен поселиться в какой-нибудь данной местности и примкнуть к какому-нибудь данному ремеслу. Не имея иных средств к жизни, он, пожалуй, даже и сам получит, вследствие этого, в придачу к своим человеколюбивым стремлениям могучий импульс эгоистического интереса.

Это общая сторона. Кроме того, мне хотелось бы сделать 2—3 мелких замечания. Неоднократные беседы с про-

столюдинами убедили меня, что непрактично в *высшей степени* задевать их религиозные верования. Для крестьянина страшен и, по меньшей мере, непривлекателен тот, кто говорит, что бога нет, что душа не бессмертна и т. п. Если иной из них *сам* и переварил такую личность, то *другие* испугают его тем, что он водится с греховодниками. Революционер должен стать не только *вполне и навсегда* простолюдином в отношении *экономическом,* он должен сделаться простолюдином и во всяких других культурных отношениях, т.-е. в одежде (красные рубахи и т. п. режут глаза крестьянам: они так одеваются только по праздникам), в домашних привычках и в *религиозном отношении:* он должен ходить в церковь там, где не бабы только, но и мужики ходят; должен поститься по средам и пятницам и в посты—обычай, везде соблюдаемый и мужиками. Кроме того, непрактично задевать «царя». Надо всячески *обходить* этот вопрос, обрушиваясь всею тяжестью на *правительство и господ,*— слова, которые на всей Руси каждому известны».

НАБАТ (1875—1881 г.г.).

Журнал «Набат» был основан в 1875 г. в Женеве группой эмигрантов во главе с П. Н. Ткачевым. «Набат» являлся выразителем идей русского бланкизма и стоял особняком от двух наиболее ярких течений того времени: бакунизма и лавризма. Набатовцы не верили в возможность крестьянской революции в России и отрицали необходимость той «подготовки» подобной революции, о которой говорил «Вперед». Подготовляют революцию не революционеры, а эксплоатирующие классы; задача революционеров—не подготовлять, а делать революцию. Сплоченная и централизованная революционная партия должна произвести переворот, захватить в свои руки власть и, пользуясь ею, осуществить социальную революцию путем передачи трудящимся орудий производства.

«Набат» большим влиянием в революционных кругах никогда не пользовался. Сплотить вокруг себя более или менее многочисленные кадры революционеров Ткачеву не удалось. Тем не менее проповедь его безрезультатной не осталась. Образовавшаяся позднее партия «Народная Воля» до известной степени восприняла идеи, развивавшиеся в «Набате».

Ниже воспроизводятся выдержки из программы «Набата»[1].

---

[1]) О Ткачеве и „Набате“ см. Материалы для биографии Ткачева „Былое“ 1907 г. VIII; Г. В. Плеханов. Наши разногласия. Собр. соч. т. I, 1923 г.; Л. Г. Дейч. Русская революционная эмиграция 70-х годов, Петрг. 1920 г.; Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов. М., 1922 г.

В ЧЕМ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬ БЛИЖАЙШАЯ, ПРАКТИЧЕСКИ ДОСТИЖИМАЯ ЦЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ.

Мы признаем анархию (или, точнее выражаясь, *то*, что под этим словом обыкновенно подразумевается), но только как желательный «идеал» отдаленного будущего. Однако мы утверждаем, что слово *анархия* не выражает собою вполне идеала этого будущего: оно указывает только на одну его сторону, на одну, и совсем не существенную, черту будущего общественного строя.

Анархия—значит *безвластие*. Но безвластие есть только одно из неизбежных, логических последствий причины более коренной, более глубокой—равенства.

Точно так же, как и власть есть не причина, как утверждают анархисты, существующего социального зла, а лишь его необходимый результат.

Все общественные бедствия, вся социальная неправда обусловливаются и зависят исключительно от неравенства людей, неравенства физического, интеллектуального, экономического политического и всякого другого.

Следовательно, пока существует неравенство, хотя в какой-нибудь сфере человеческих отношений, до тех пор будет существовать власть. Анархия немыслима, немыслима логически (не говоря уже о ее практической невозможности) без предварительного установления абсолютного равенства между всеми членами общества. И потому-то самая существенная, самая характеристическая черта будущего общества и должна выражаться не словом *анархия*, а словом—равенство. Равенство предполагает анархию, анархия—свободу; но и равенство, и анархия, и свобода—все эти понятия совмещаются в одном понятии, в одном слове, слове—братство. Где братство, там и равенство, где равенство—там и безвластие, там и свобода.

Отсюда само собой следует, что никакая революция не может установить анархию, не установив сначала братства и равенства.

Но, чтобы установить братство и равенство, нужно, во-первых, изменить данные условия общественного быта, уничтожить все те учреждения, которые вносят в жизнь

людей неравенство, вражду, зависть, соперничество и положить основание учреждениям, вносящим в нее начала, противоположные первым; во-вторых, изменить самую природу человека, перевоспитать его. Осуществить эту великую задачу могут, конечно, только люди, понимающие ее и искренно стремящиеся к ее разрешению, т.-е. люди умственно и нравственно развитые, т.-е. меньшинство. Это меньшинство в силу своего более высокого умственного и нравственного развития, всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством.

Следовательно, революционеры—люди этого меньшинства, революционеры, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества—необходимо обладают и, оставаясь революционерами, не могут не обладать *властью*.

До революции эта власть имеет чисто нравственный, так сказать, духовный характер, а потому она оказывается совершенно бессильной в борьбе с таким порядком вещей, в котором все основано на грубой материальной силе, все подчинено расчету алчного, своекорыстного, хищнического эгоизма. Революционеры это понимают и стремятся путем насильственного переворота обратить свою силу умственную и нравственную в силу материальную. В этой метаморфозе сил и заключается основная сущность всякой истинной революции. Без нее революция немыслима. Умственная сила, изолированная от силы материальной, может создать лишь, так называемый, *мирный прогресс*. С другой стороны,—всякое нападение на существующий порядок вещей, не руководимое и не дисциплинированное силою умственною, может породить лишь хаотическое брожение,—движение бессмысленное, бесцельное, и в конце концов, всегда реакционное.

Но так как в современных обществах вообще, и в России в особенности, материальная сила сосредоточена в государственной власти,—то, следовательно, истинная революция, действительная метаморфоза силы нравственной в силу материальную,—может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами,—ближайшая, непосредственная цель революции должна заключаться ни в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правитель-

ственною властью и превратить данное, *консервативное* государство в государство *революционное*.

Отрицать непреложность этого условия, отрицать эту ближайшую цель всякой революции значит,—или не понимать ее сущность, или сознательно стараться препятствовать ее практическому осуществлению.

И наша, так называемая, революционная заграничная пресса поступает вполне последовательно со своей антиреволюционной точки зрения, когда утверждает, что революционеры должны хлопотать не о том, чтобы сосредотачивать в своих руках государственную власть, т.-е. материальные силы, а о том, чтобы разрушить эту власть, чтоб оставаться и после переворота такими же бессильными и безоружными, какими они были до революции, каковы они теперь.

Она не хочет истинной революции. Она мечтает или о мирном прогрессе, или о беспорядочном, хаотическом, а потому бесцельном брожении. В обоих случаях ее идеалы не выходят за пределы буржуазного миросозерцания и по существу своему,—безусловно консервативны. Ее проповедь *анархии* вполне ей соответствует.

В самом деле, что такое анархия без предварительного, практического осуществления идей братства и равенства? Это—хищническая борьба человека с человеком, это—хаос противоречивых интересов, это—господство индивидуализма, царство алчного, своекорыстного эгоизма, одним словом, это именно то, что дает содержание, так называемому, *мирному прогрессу*, то, что составляет сущность буржуазного общества.

Итак, ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции,—не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с другой стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой—вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию.

Таким образом, деятельность революционного государства должна быть двоякая: революционно-разрушительная и революционно-устроительная.

Сущность первой—борьба, а следовательно, — насилие. Борьба может вестись с успехом только при соединении следующих условий: централизации, строгой дисциплины, быстроты, решительности и единства действий. Всякие уступки, всякие колебания, всякие компромиссы, многоначалие, децентрализация борющихся сил ослабляют их энергию, парализуют их деятельность, лишают борьбу всех шансов на победу.

Деятельность революционно-устроительная, хотя и должна итти рука об руку с деятельностью разрушительною, но она по своему основному характеру должна опираться на принципы совершенно ей противоположные. Если первая преимущественно опирается на силу материальную, то вторая—на силу нравственную; первая имеет, прежде всего, в виду быстроту и единство в действиях, вторая—прочность и удобоприменяемость введенных в жизнь перемен. Первая осуществляется насилием, вторая — убеждением; ultima ratio одной—победа, ultima ratio другой—народная воля, народный разум.

Обе эти функции революционного государства должны быть строго разграничены: отличаясь непреклонностью в борьбе с консервативными и реакционными элементами общества, его конституционная деятельность, напротив, должна отличаться эластичностью, умением приспособляться к данному уровню народных потребностей и народного развития. Чтобы не удаляться от этого уровня, не впадать в утопии, чтобы дать жизненную силу своим реформам, оно должно окружить себя органами народного представительства, *Народной Думы,* и санкционировать их волею свою реформаторскую деятельность. В то же время оно должно постоянно стремиться к расширению народного развития, к поднятию уровня его нравственных идеалов. И тут ему открывается широкое поприще для *пропаганды*—той пропаганды, о которой мечтают наши буржуазные псевдореволюционеры.

Мы признаем вместе с ними, что без пропаганды социальная революция не может осуществиться, не может войти

в жизнь. Но мы утверждаем, в противоположность им, что пропаганда только тогда и будет действительна, целесообразна, только тогда и принесет ожидаемые от нее результаты, когда материальная сила, когда политическая власть будут находиться в руках революционной партии.

Следовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а, наоборот, насильственный переворот должен ей предшествовать.

Упрочив свою власть, опираясь на *Народную Думу* и широко пользуясь пропагандой, революционное государство осуществит социальную революцию рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества,—реформ, общий характер которых должен состоять: 1) в постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, *частного* владенья—в общину-коммуну, основывающуюся на принципе *общего*, совместного пользования орудиями производства и общего, совместного труда; 2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении и в передаче их в общее пользование; 3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов и изменили бы самый его принцип,—принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу,—принципом братской любви и солидарности; 4) в постепенном устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового, интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; 5) в постепенном уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчин; 6) в развитии общинного самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении и центральных функций государственной власти.

Такова должна быть, по нашему мнению, в самых общих чертах программа деятельности революционного государства. Входить в подробности здесь не место. Но журнал наш ставит одной из своих задач дальнейшее раз-

витие и уяснение этой программы. Мы полагаем, что такое развитие и уяснение в настоящее время существенно необходимо.

Насильственным переворотом не оканчивается дело революционеров, напротив,—им оно начинается. Захватив в свои руки власть, они должны суметь удержать ее и воспользоваться ею для осуществления своих идеалов; а для этого у них должна быть, прежде всего, ясная, точная, строго определенная, последовательно выдержанная программа. Не имея ее, они будут действовать ощупью, впадать в постоянные, неизбежные противоречия и своей непоследовательностью погубят себя.

РЕЧЬ П. А. АЛЕКСЕЕВА.

В 1875 г. в Москве существовал народнический кружок, ведший деятельную пропаганду среди местных рабочих. Среди распропагандированных рабочих особенно выделялся ткач Петр Алексеевич Алексеев, всецело отдавшийся делу революции и социализма и посвятивший все свои силы на то, чтобы открыть своим товарищам глаза на их положение и ознакомить их с учением социализма. Вскоре кружок был открыт полицией. Члены его, в том числе и Алексеев, были арестованы и после почти двухлетнего тюремного заключения предстали перед судом Сената. Здесь Алексеев и произнес свою знаменитую речь, воспроизводимую (с незначительными сокращениями) ниже. Алексеев был приговорен к каторжным работам на 10 лет и в 1891 г. погиб в Сибири.

Речь Алексеева, в составлении которой принимали участие его товарищи по делу («процесс 50-ти»), интересна как потому, что она знакомит нас с мыслями и чувствами передового рабочего того времени, так и потому, что она свидетельствует о том, как к 1877 г. в сознании революционеров укрепилась мысль о необходимости борьбы с правительством, поддерживающим привилегированные классы,—мысль, в значительной степени чуждая сознанию народников первой половины 70-х годов.

Речь Алексеева воспроизводилась неоднократно, напр.: во II т. «Государственных преступлений в России» под ред. В. Богучарского, в книге «Процесс 50-ти» изд. Саблина, М., 1907 г., в книге *Стеклова*: «Борцы за социализм», М. 1918 г.[1]).

---

[1]) Об Алексееве и процессе 50-ти, кроме сочинений, указанных выше, см. Ф. Волховский. Воспоминания о П. Алексееве. Петерб. 1906 г. И. С. Джабадари. Процесс 50-ти, „Былое“, 1907 г. VII—X; Э. К. Пекарский. Рабочий П. Алексеев. „Былое“, 1922 г. № 19.

РЕЧЬ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА,
произнесенная им в заседании Особого Присутствия Сената 10 марта 1877 года.

Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. С девяти лет—мальчишками нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим где попало—на полу без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством всяких паразитов... В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность, и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве: остается все то, что может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая сила.

Вот, что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период. И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти? Под влиянием таких жизненных условий с малолетства закаляется у нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий нас гнет капиталистов и без возражений переносить все причиняемые нам оскорбления.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты, без зазрения совести, стараются всевозможными способами отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считают этот грабеж доходом. Самые лучшие для рабочих из московских фабрикантов—и те, сверх скудного заработка, эксплоатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий

отдается капиталисту на сдельную работу беспрекословно и в точности исполнить все рабочие дни и работу, для которой поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им по праву или не по праву пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-часовым дневным трудом.

17-часовой дневной труд—и едва можно заработать 40 копеек! Это ужасно. При такой дороговизне съестных припасов приходится выделять из этого скудного заработка на поддержку семейного существования и уплату казенных податей. Нет, при настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим потребностям человека. Пусть пока они умирают голодной, медленной смертью, а мы, скрепя сердце, будем смотреть на них до тех пор, пока освободим из-под ярма нашу усталую руку, и свободно сможем тогда протянуть ее для помощи другим. Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых человеку, который чуть-ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба. Я несколько знаком с рабочим вопросом наших собратьев-западников. Они во многом не походят на русских: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свои свободные минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг; напротив, там этим гордятся, а об нас отзываются, как о народе рабском и полудиком. Да как иначе о нас отзываться! Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу. Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издают для народного чтения такие книги, как: «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста в щах» и т. п.; оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно забавное, а другое божественное. Я думаю каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследования за чтение книг; а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении—тогда

уж держись. Ему прямо говорят: «Ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и иронии не заметно в этих словах, что в России походить на рабочего—то же, что походить на животное. Господи, неужели кто полагает, что мы работники, ко всему настолько глухи, слепы и немы, и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями, пьяницами? Что уж как будто и на самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся, и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели, мы, работники, не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для образования крестьян и не видим, как сумели это поставить? Неужели нам не трудно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме рабочего класса? Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он не чувствителен и ничего не понимает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, смотрит на это, как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силой и только для одного разнообразия волочащую все с лица да на изнанку. Да больше и ждать от нее нечего. Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины и обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы! Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, день в который он с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство—19 февраля... И что же? И это для нас было только одной мечтой и сном. Эта крестьянская реформа

19 февраля 1861 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба с клочками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту.

Из всего мною вышеуказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ждать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи... Она одна братски протянула нам руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской Империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значит и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших братьев из этой лукаво построенной ловушке, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда... И ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...

«ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ».

Опыт хождения в народ привел революционеров к двум выводам: 1) «летучая» пропаганда совершенно не достигает цели; необходимо заменить ее установлением более прочных связей с крестьянской массой; установление такой связи возможно через устройство в провинции постоянных поселений, которые явились бы центром пропаганды; и 2) разрозненная, несогласованная деятельность отдельных кружков приносит вред; необходимо объединить их работу, слив их в одну организацию, подчиняющуюся директивам центра, направляющего работу отдельных кружков.

Такой центр был создан осенью 1876 г., когда в Петербурге собрались представители ряда провинциальных кружков, положившие начало обществу, получившему позднее название «Земля и Воля». Основная работа общества сводилась к устройству среди крестьян упомянутых выше, рассчитанных на длительное существование поселений. Наряду с этим землевольцы вели деятельную пропаганду среди рабочих.

«Земля и Воля» выдвигала на первый план борьбу за экономическое освобождение трудящихся масс, оставляя в стороне вопросы политические. Однако, репрессии правительства заставили «Землю и Волю» вступить на путь борьбы с ним. Толчок в этом отношении был дан покушением В. И. Засулич на Трепова (24 января 1878 г.), вслед за которым последовал ряд других террористических актов и вооруженных сопротивлений при арестах. Однако вопрос о допустимости политической борьбы вызвал горячие разногласия в «Земле и Воле» и привел к расколу ее осенью 1879 г. на две партии: «Народную Волю» и «Черный Передел».

Обществом «Земля и Воля» было издано 5 номеров журнала под тем же названием и 6 номеров «Листка Земли и Воли». Все они перепечатаны в сборнике «Революционная журналистика 70-х годов» под ред. В. Я. Богучарского. В редактировании изданий «Земли и Воли» и в составлении статей ближайшее участие принимали: Кравчинский, Клеменс, Плеханов, Л. Тихомиров и Морозов.

Ниже мы приводим: 1) выдержки из программной статьи, напечатанной в № 1 журнала «Земля и Воля», вышедшем 25 октября 1878 г., 2) выдержки из брошюры «Смерть за смерть», написанной Кравчинским; в этой брошюре автор выяснял мотивы, побудившие его на выполненное им 4 августа 1878 г. убийство шефа жандармов Мезенцева (брошюра Кравчинского переиздана в 1920 г. петербург. отделением Гос. издат.), и 3) выдержки из передовой статьи в № 2—3 «Листка Земли и Воли», вышедшем 29 марта 1879 г. [1]).

ИЗ ПРОГРАММНОЙ СТАТЬИ ГАЗЕТЫ «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ».

«Земля и Воля»!—вот тот девиз, который написали на своем знамени верные духу и истории своего народа наши предшественники, социалисты-народники шестидесятых годов.

Те же слова пишем на нашем знамени и мы.

Мы убеждены, что только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс; мы не верим в возможность путем предварительной работы создать в народе идеалы, отличные от развитых в нем всей предшествующей его истории. На все попытки подобного рода мы смотрим, как на совершенно нерасчетливую трату сил, потому что опыт всех прошлых движений, во всех землях и у всех народов, начиная с крестьянских восстаний и кончая Парижской Коммуной, показывает нам, что всякое революцион-

---

[2]) О „Земле и Воле“ см.: О. В. Аптекман. Из истории революционного народничества. „Земля и Воля“ 1870 гг. Петербург. 1907 г.; Е. Серебряков. Очерки по истории „Земли и Воли“, Петерб. 1906 г. Воспоминания М. Попова. „Былое“ 1906 г. № 8 и 1907 г. № 5—7.

ное движение, по мере своего расширения, необходимым образом развивает, очищает и совершенствует те революционные элементы, которые послужили первоначальным стимулом движения.

Революция—дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только *орудиями* истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам истории, совершается в данный период. Вне этой роли, они—ничто; в пределах ее, они—один из могущественных факторов истории.

Поэтому основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности.

Во все времена, где бы и в каких бы размерах ни поднимался русский народ, он требовал земли и воли.

Земли—как общего достояния тех, кто на ней работает, и воли—как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.

Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т.-е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли,—такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников.

Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа.

Поэтому ее принимаем и мы—революционеры-народники.

Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. А,

между тем, революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу. Точно так и городское социалистическое движение, если бы оно началось независимо от деревень, неминуемо наткнулось бы с первых же шагов на вопрос о социализме аграрном.

По тем же причинам не станем мы предрешать в нашей программе вопросов, касающихся частных форм будущего социалистического строя. Все это вопросы будущего. Предоставим же будущее будущему. Настоящему предстоит достаточно громадная задача: осуществление народной революции, которая одна в состоянии развить будущий социалистический строй из тех элементарных основ социализма, которые уж созданы в умах народа.

ИЗ БРОШЮРЫ КРАВЧИНСКОГО. «СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ».

Мы—социалисты. Цель наша—разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего, по нашему убеждению, корень всех страданий человечества. Поэтому политические формы сами по себе для нас совершенно безразличны. Мы, русские, вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство тянуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер.

Убийство—вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишить жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы

избавить от них других, русское правительство довело нас до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему.

Оно довело нас до этого цинической игрой десятками и сотнями человеческих жизней и тем наглым презрением к какому бы то ни было праву, которое оно всегда обнаруживало в отношении к нам...

Господа правительствующие жандармы, администраторы! Вам повинуется миллионная армия и многочисленная полиция; вашими шпионами наводнены все города и скоро наводнятся все деревни; ужасны ваши тюрьмы и беспощадны ваши казни. Но знайте: со всеми вашими армиями, полициями, тюрьмами и казнями вы бессильны и беспомощны против нас. Никакими казнями вы нас не запугаете. Никакими силами не защититесь от руки нашей.

Вы перепугались от наших первых ударов и решились прибегнуть к военному суду, чтобы устрашить нас перспективой кровавых казней.

Горе, горе вам, если вы решитесь итти до конца по этому пути. Нас вы не напугаете—это знаете вы сами. Вы нас сделаете только еще беспощаднее к вам. И знайте, что у нас есть средства еще более ужасные, чем те, которых силу вы уже испытали; но мы не употребляли их до сих пор, потому что они слишком ужасны. Берегитесь же доводить нас до крайности и помните, что мы никогда не грозим даром.

Господа правительствующие жандармы, администраторы, вот вам наше последнее слово:

Вы—представители власти; мы—противники всякого порабощения человека человеком, поэтому вы наши враги и между нами не может быть примирения. Вы должны быть уничтожены и будете уничтожены. Но мы считаем, что не политическое рабство порождает экономическое, а, наоборот. Мы убеждены, что с уничтожением экономического неравенства уничтожается народная нищета, а с нею вместе невежество, суеверия и предрассудки, которыми держится всякая власть. Вот почему мы, как нельзя более, склонны оставить в покое вас, правительствующие. Наши настоящие враги—буржуазия, которая теперь прячется за

вашей спиной, хотя и ненавидит вас, потому что и ей вы связываете руки.

Так посторонитесь же. Не мешайте нам бороться с нашими настоящими врагами, и мы оставим вас в покое. Пока не свалим мы теперешнего экономического строя, вы можете мирно почивать под тенью ваших обильных смоковниц.

До тех же пор, пока вы будете упорствовать в сохранении теперешнего дикого бесправия, наш тайный суд, как меч Дамокла, будет вечно висеть над вашими головами, и смерть будет служить ответом на каждую вашу свирепость против нас...

Подумайте об этом, господа, и затем выслушайте наши требования:

1) Мы требуем полного прекращения всяких преследований за выражение каких бы то ни было убеждений как словесно, так и печатно.

2) Мы требуем полного уничтожения всякого административного произвола и полной ненаказуемости за поступки какого бы то ни было характера иначе, как по свободному приговору народного суда присяжных.

3) Мы требуем полной амнистии для всех политических преступников без различия категорий и национальностей—что логически вытекает из первых двух требований.

Вот чего мы требуем от вас, господа правительствующие. Большего от вас мы не требуем, потому что большего вы дать не в силах. Это большее в руках буржуазии, у которой мы и вырвем его вместе с жизнью. Но это уже наши счеты. Не мешайтесь в них. Точно также и мы мешаться не станем в ваши домашние дела.

До вопроса о разделении власти между вами и буржуазией нам нет решительно никаких дел. Давайте или не давайте конституцию, призывайте выборных или не призывайте, назначайте их из землевладельцев, попов или жандармов—это нам совершенно безразлично. Не нарушайте наших человеческих прав—вот все, чего мы хотим от вас.

ИЗ № 2—3 «ЛИСТКА ЗЕМЛИ И ВОЛИ».

Политическое убийство—это, прежде всего, акт мести. Только отомстив за погубленных товарищей, революционная организация может прямо взглянуть в глаза своим врагам; только тогда она становится цельной, нераздельной силой; только тогда она поднимается на ту нравственную высоту, которая необходима деятелю свободы для того, чтобы увлечь за собою массы. Политическое убийство—это единственное средство самозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов. Нанося удар в самый центр правительственной организации, оно со страшной силой заставляет содрогаться всю систему. Как электрическим током, мгновенно разносится этот удар по всему государству и производит неурядицу во всех его функциях. Когда приверженцев своободы было мало, они всегда замыкались в тайные общества. Эта тайна давала им громадную силу. Она давала горсти смелых людей возможность бороться с миллионами организованных, но явных врагов.

«В подземных ходах пещер сплачивались они в те несокрушимые общины «святых безумцев», с которыми не могли совладать ни дикое варварство одного мира, ни маститая цивилизация другого»[1]). Но когда к этой тайне присоединится политическое убийство, как систематический прием борьбы—такие люди сделаются действительно страшными для врагов. Последние должны будут каждую минуту дрожать за свою жизнь, не зная, откуда и когда придет к ним месть. Политическое убийство—это осуществление революции в настоящем. «Неведомая никому» подпольная сила вызывает на свой суд высокопоставленных преступников, постановляет им смертные приговоры—и сильные мира чувствуют, что почва теряется под ними, как они с высоты своего могущества валятся в какую-то мрачную, неведомую пропасть... С кем бороться? Против кого защищаться? На ком выместить свою бешенную ярость? Миллионы штыков, миллионы рабов ждут одного приказания,

---

[1]) Из герценовского „Колокола“, 1 янв. 1864 г.

одного движения руки... .По одному жесту они готовы задушить, уничтожить целые тысячи своих собственных собратий... Но на кого направить эту страшную своей дисциплиной, созданную веками все развращающих усилий государства силу? Кругом никого. Неизвестно откуда явилась карающая рука и, совершив казнь, исчезла туда же, откуда пришла—в ни кому неведомую область. Кругом снова тихо и спокойно. Только порою труп убитого свидетельствует о недавней катастрофе. Враги чувствуют, как самое существование их становится невозможным, они чувствуют свое бессилие среди своего всемогущества. Политическое убийство—это самое страшное оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов. Вот почему враги так боятся его. Вот почему 3—4 удачных политических убийства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармские дивизионы, расставлять казаков по улицам, назначать урядников по деревням—одним словом, выкидывать такие salto mortale самодержавия, к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни волнения молодежи, ни проклятия тысяч жертв, замученных им на каторге и в ссылке... Вот почему мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ.

Партия «Черный Передел» была образована осенью 1879 г. вскоре после Воронежского съезда землевладельцев, на котором выявилась полная непримиримость разногласий между «деревенщиками», стоявшими за сохранение прежней тактики, и их противниками, требовавшими перехода к политической борьбе и к систематическому террору. Революционеры, положившие основание «Черному Переделу», сознавая необходимость для революционной партии опираться на общественные массы, считали, что в России революционная партия может получить такую опору только со стороны крестьянства. Сообразно с этим основной своей задачей они ставили социалистическую пропаганду в деревне, а также среди городских рабочих, насколько из их среды они рассчитывали навербовать искусных пропагандистов для деревни.

«Черному Переделу» удалось просуществовать недолго. Провал устроенной чернопередельцами в Петербурге типографии, аресты в их среды, вынужденная эмиграция за границу руководителей партии: Плеханова, Засулич, Стефановича и Дейча, привели партию к гибели.

«Черным Переделом» было издано 5 номеров журнала под тем же названием.

Ниже мы воспроизводим: 1) выдержки из передовой статьи, написанной Г. В. Плехановым и помещенной в № 1 «Черного Передела» (перепечатано в т. I сочинений Г. В. Плеханова 1923 г.) и 2) выдержки из помещенного там же «Письма к бывшим товарищам»; автором письма был О. В. Аптекман («письмо» перепечатоно в книге Аптекмана: Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов [1]).

---

[1] О „Черном Переделе", кроме вышеуказанной книги Аптекмана; см. статью Л. Г. Дейча: „Как Плеханов стал марксистом", в книжке: „Г. В. Плеханов". Вып. I, изд. „Новая Москва". 1922 г. „Черный Передел" переиздан Госиздатом. 1923 г.

ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ В № 1 „ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА“.

...Наши воззрения на практические задачи нашей партии составляются из двух слагаемых: общих указаний науки и специальных условий русской истории и современной действительности. Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества. Мы знаем, что выражение «природа не делает скачков» одинаково приложимо как в сфере явлений природы, в тесном смысле этого слова, так и в ходе развития человеческих обществ. Мы помним, что каждый шаг на пути этого развития строго определяется предшествующей историей общества и его состоянием в данный момент, словом, всей суммой данных динамики и статики рассматриваемого общества. Но мы убеждены также и в том, что паллиативы не исцеляют социальных зол, что всякий общественный деятель должен стремиться провести в общество максимум необходимых и возможных реформ, что, выражаясь кратко, каждый общественный деятель должен быть радикалом. Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм, прежде всего, должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим. Усилия реформатора-радикала должны направляться, главным образом, на максимальное изменение к лучшему общественно-экономического строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивлении со стороны лиц, заинтересованных в сохранении старого порядка, может совершиться это изменение.

Все эти положения суть не что иное, как выводы современной социологии, равно обязательные для всего человечества.

Но едва захотим мы приложить эти положения к практической деятельности в нашем отечестве, едва, вместо условий общественного развития вообще, мы заговорим

об условиях русского прогресса в частности, мы, логикой тех же самых положений, обращаемся в русских *революционеров-народников.* Только в формах русской народной жизни находим мы здесь задатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти формы мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массе; в устранении враждебных влияний и расчистке пути для правильного развития этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и стоящих к ним в отношении следствия к причине политических реформ в России. Но для осуществления этого максимума реформ, нам, прежде всего, нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя. Государству закрепощена главная масса народного труда. Созданное им путем экспроприации земли у народа малоземелье образует тот контингент искусственно оторванных от родной хаты и нивы батраков, из которого набирают «рабочие руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляет крестьянина искать средства для удовлетворения требований государства на стороне, т.-е. выпуждает его отдавать себя в жертву хозяйской эксплоатации. Оно поддерживает кулачество и ростовщический капитализм в деревне и, таким образом, подбирается к формам народной жизни с самой опасной стороны...

Вот почему разрушение государственной организации должно составлять нашу первую задачу. А так как борьба с государством может совершаться только на почве «Земли и Воли», то мы, исходя из вышеизложенных общих положений социализма, приходим к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и другие, приходим к тому, что называем революционным народничеством. Так понимающий дело русский агроном, руководствуясь общими положениями агрономической науки, выросшей на почве иных условий народонаселения, сбыта, техники, земледелия, утилизирует эти положения сообразно с русскими условиями выгодной эксплоатации почвы.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный Передел». В этих двух словах заключается решение крестьянского

вопроса, от которого, в свою очередь, зависят все остальные. Конечно, решение это касается только экономической стороны упомянутого вопроса, но экономические отношения в обществе служат субстратом для всех остальных категорий человеческих отношений. Толкуя о «Черном Переделе», о земле, народ забывает, повидимому, о «Воле», т.-е. о той сумме общественных реформ, которая исторически связана с этим словом, даже более, народ наш, повидимому, считает возможным примирить передел земли с существованием современного государства: он ждет этого передела от царя.

Но как бы ни думал в настоящее время народ, от кого бы ни ждал он осуществления его требований, экономическая поземельная революция неизбежно поведет за собой переворот во всех других общественных отношениях. В знаменитом девизе крупных народных движений воля также неотделима от земли, как сила неотделима от материи, как следствие неотделимо от причины. Пусть народ ждет поземельной революции от царя, пусть он верит в него, видит в нем своего защитника и ходатая. Но царь, существующий в народном понятии, и царь, сидящий на русском престоле,—так же непохожи друг на друга, как римский народный трибун не похож на восточного деспота, как Кай-Гракх не похож на Шир-Али, и мы утверждаем, что даже происходившее под авторитетным знаменем Пугачевское движение логикою народных требований было бы доведено до полного отрицания царской власти, как мы понимаем ее теперь. А, во-вторых, рано или поздно фикция должна исчезнуть перед указанием опыта, народ должен увидеть царскую власть в ее истинном свете.

Социально-революционная партия должна взять на себя заботу как о скорейшем разрушении этой фикции, так и об уяснении народу и проведении в его сознание всех необходимых следствий ожидаемого им аграрного переворота. Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самодеятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия и для сообщения народу, путем пропаганды словом и делом, правильных воззрений на смысл ныне существующих и желательных в будущем социальных отношений, социально-револю-

ционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «Черного Передела», долженствующего совершиться сверху, до активных требований «Земли и Воли», предъявляемых снизу. В этом заключается задача и возможные пределы ее воздействия на народ, только на этом пути ожидает нашу интеллигенцию славное историческое будущее, только на нем и встретит она мост для перехода той громадной пропасти, которая отделяет интеллигенцию от народа чуть ли не со времени крещения Руси и проникновения в высшие классы чуждых народу, выработанных на истощенной почве разлагавшейся Византии, воззрений и понятий.

Все другие пути действия, как бы не казались они радикальны, как бы много ни сулили они народу, будут ретроградны по своему существу, потому что все они предполагают не только сохранение государства, но и действие с его помощью. Как бы ни приспособлялось государство к народным потребностям и интересам, оно всегда во столько же раз меньше даст народу, во сколько индивидуалистический принцип, лежащий в основе современного государства (не только русского, но и всякого другого), во сколько этот принцип ниже принципа коллективизма, мирской помощи и солидарности, на которых всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь. В этом смысле мы и говорили, что голос народа, требующего аграрной революции, есть как бы голос божий, указывающий нашей интеллигенции ее истинное, провиденциальное назначение.

ИЗ СТАТЬИ «ПИСЬМО К БЫВШИМ ТОВАРИЩАМ».

... Исторический опыт учит нас, что реорганизация общества на более справедливых основаниях возможна лишь при помощи экономической, социальной революции, что политические перевороты *нигде и никогда* не могли обеспечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалы политической свободы,—верховное право народа, всеобщее избирательное право,—во имя которых еще так недавно совершались политические революции, в настоя-

щее время потеряли всякую силу и обаяние. Как продукт критики мысли своего времени, как результат коллективной умственной работы философии 18 века, эти идеалы, естественно, должны были служить лозунгом для передовых лучших людей Западной Европы. Политические революционеры новейшего времени, начиная с 1789 года до 1848 года не только во Франции, но и в остальной континентальной Европе, горячо верили в обновляющую силу этих политических идеалов и думали, что *достаточно* политического переворота, чтоб разрушить старое общество и воздвигнуть на его развалинах новое, более справедливое и согласное с требованиями этих идеалов. Как дети своего времени, как сторонники философов 18 века, они думали и мыслили, как эти последние, априористично, метафизически. Выдвинув на первый план априористичные, идеальные принципы, право человека, верховное право народа,—эти люди игнорировали реальные экономические отношения, вне которых всякая политическая деятельность становится сизифовой работой.

Вся система политических заговоров, захватов власти, пущенная в ход якобинцами 1789 года и с легкой их руки подхваченная якобинцами Италии, Испании в первой четверти настоящего века, может служить примером того, как шатки, непрочны политические перевороты, совершающиеся сверху «во имя народа», но без его инициативы. Да и понятно. Разве может быть прочна та система, которая основывается, главным образом, на принципе: «Все для народа, но ничто при посредстве самого народа»? Люди, исповедующие этот принцип, само собою, отрицают всякую инициативу в народе, считают массу совершенно индифферентною, безразличною средою, над которой позволительно проделывать всевозможные фокус-покусы. Как бы ни были такие люди преданы народу, как искренни ни были их симпатии и стремления, *способ* их реализации должен непременно и роковым образом приводить к диаметрально противоположным результатам. Вспомните, например, хоть знаменитых эксцентриков-революционеров, якобинцев 1789 года—Робеспьера, Дантона и Марата. Они сложили свою голову на плахе. Вы думаете: за народ? О, нет. За «единую, нераздельную республику», т.-е. за ста-

рый принцип государственности. Какова была их тактика, система? Террор, насилие и принуждение. Во имя чего они это делали? Во имя прав человека, прав народа, а особенно во имя общественной безопасности. Сторонники по преимуществу правительственной инициативы, ставя выше всего государство, якобинцы предоставляют себе, во имя громких и высоких принципов, думать и делать все, что им угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ее уничтожают монополии, привилегии, цехи и другие корпорации, и в то же время во имя той же свободы издают декреты, лишающие рабочих права ассоциаций, сходок, стачек, т.-е. естественного права самозащиты. «Якобинство— говорит Прудон,—было главной причиной падения свободы во Франции и оно же с 1804 по 1815 год. грозило уничтожением ее во всей Европе».

Наполеон I, образованный в школе Робеспьера, который был для него всегда великим гением, захватив власть, сделался тотчас же идолом якобинцев. Оттого они и прозвали его «Робеспьером на коне». Его 18 брюмера можно считать как бы отомщением за 9 термидора. Он наполнил якобинцами свой главный штаб, свои советы, свою администрацию и всех их возвел в дворянство. Зато и секта высказала ему свою признательность; она изобрела формулу посвящения: «Император значит — революция, император значит—демократия».

Таков якобинизм, каким рисует его Прудон, этот честный и талантливый защитник народных прав и интересов. Он совершенно прав, утверждая, что политическая свобода якобинцев привела во Франции к политическому рабству наполеоновского абсолютизма. Но было бы несправедливо думать, что якобинцы стремились к этому сознательно. Для лучших представителей его политическая свобода была не пустое слово, не пустой звук, брошенный на ветер, а искреннее, глубокое убеждение, выработанное у них под влиянием древних классиков и современной им философии. Это была своего рода религия, «благая весть», которой они мечтали обновить задряхлевшее общество и водворить царство свободы, равенства и братства. Мечтатели сложили головы за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тот кумир, которому поклонялись. Виновата та си-

стема, те способы и приемы борьбы, которыми они хотели реализировать свой идеал, свою «единую, неразделыную республику».

В последних трех словах скрываются причины и последствия их поражения и гибели. Что такое «единая, неразделыная республика»? Это—абсолютная монархия Людовика XIV, говорившего, что «государство—это я», это—империя Наполеона, утверждавшего, что «империя—это революция, демократия». В основе их один принцип—государственность и централизация: авторитет и инициатива власти, с одной стороны, безгласность и подчинение массы—с другой.

Раз революционная партия выставила на своем знамени этот принцип, она—партия реакции и застоя. Она теряет почву под ногами, лишается доверия и поддержки массы и, следовательно, сама себя обрекает на поражение и смерть.

Лучшей иллюстрацией нашей мысли могут послужить отношения французских крестьян к первой республике. Еще в своих наказах Национальному Собранию народ прямо заявляет, что если не будет приступлено немедленно к отмене феодального права, то он откажется присягнуть конституции, а, следовательно, и защищать отечество от грозившей ему внешней опасности. Эта угроза крестьян так сильно подействовала на законодателей, что они немедленно декретировали уничтожение феодальных прав. Что эта угроза могла бы легко осуществиться, можно убедиться на примере вандейцев. Эти последние восстали на защиту старого режима, главным образом потому, что с ним невольно ассоциировалось у них представление об известной степени экономической обеспеченности. Известно, например, что в некоторых местностях Вандеи вплоть до самой революции сохранилось личное крепостное право, а с ним и крепость лица к земле. Благодаря этому, экономическое положение этих, крепких к земле, крестьян было сравнительно лучше, чем положение лично свободных, но обезземельных. Если к этому прибавить ту ненависть, которую питали к возраставшему в то время волонтериату все французские крестьяне, а особенно вандейцы, то станет совершенно понятным, почему эти последние так отчаянно защищали старый порядок. Роялисты прекрасно

знали в этом отношении вандейцев и умели эксплоатировать их в свою пользу.

Если мы обратимся теперь к политическим движениям Испании и Италии в первой четверти настоящего века, то найдем массу аналогичных явлений, подтверждающих вышесказанную мысль.

В Испании эти явления выражены особенно резко. В то время, как высшие интеллигентные классы, проникнутые философскими идеями 18 века, увлекались политическими идеями французских якобинцев, народ служил слепым орудием реакции в руках попов, монахов и иезуитов. Политическая история Испании новейшего времени до последних дней состоит из беспрерывных, упорных, сопровождаемых с обеих сторон ужасными жестокостями, междоусобиц двух партий: либерально-конституционной, опирающейся на войска и городское население, и реакционно-монархической, опирающейся, главным образом, на духовенство, крестьян, разбойников и разного рода подвижной, бродячий элемент. Не проходило года без мятежа или государственного переворота. То побеждают одни, то другие. То заводятся конституционные учреждения, широкая политическая свобода, кипит либеральная деятельность, то все это уничтожается одним ударом: водворяется «законный порядок», упраздняются и уничтожаются нововведения, начинаются гонения, преследования, неслыханные жестокости и казни. Революционная мысль, лишенная возможности высказаться открыто, работает тайно, подпольно. Вся Испания покрывается сетью тайных обществ, заговоров. Ожидается подходящий момент, чтобы поднять знамя восстания. Так было, например, в 1820 году, когда войска, собранные в Кадиксе для отправки в Америку, совершили военную революцию и восстановили конституцию 1812 года. Король испанский, «возлюбленный» Фердинанд, торжественно поклялся в верности конституции. Но реакция не дремала. Она пошла работать тем же путем, что и революционеры. Начинается сильная агитация в среде преданных реакции крестьян, вербуются волонтеры во имя «священной войны против еретиков-революционеров»; составляются банды, вспыхивают повсеместные восстания. Фердинанд благословляет «священную войну», призывает

французское оружие и при помощи его подавляет революцию. Снова начинается реакция—реакция, неслыханная в летописях истории. В течение трех месяцев казнено до 3.000 революционеров.

Совершенно такую же картину, с небольшими лишь оттенками, представляет нам революционное движение в Италии.

Слух о революции в Испании быстро облетел всю Европу и вызвал такие же движения, во имя тех же идеалов и принципов в Италии. В Сицилии, Неаполе и Сардинии почти одновременно вспыхивают восстания. Милан был взят инсургентами-карбонарами, которых в то время насчитывали в Италии до 300.000 человек. Созвана была юнта и введена конституция, буквально списанная с испанской. Король Фердинанд[1]) со слезами на глазах присягнул конституции. Потом пошла старая, «но всегда новая история». Реакция, встревоженная этими повсеместными восстаниями, затрепетала, и «союзные армии» Меттерниха поспешили потушить революционный пожар.

Такова была судьба политических переворотов в первой четверти текущего столетия в большей части Европы. Мы видели, во имя каких идеалов они совершались, какие общественные группы в них участвовали, какие средства и орудия борьбы ими практиковались и, наконец, каково было отношение к ним массы крестьянского народа. Но традиции конституционной свободы не умерли. Грянула февральская революция. Революционная волна из Франции быстро распространилась по всей Европе. «Божьей милостью» монархи то бежали в страхе, то должны были уступить требованиям времени, и, волею-неволею, дать конституции.

Таким образом, конституционные идеи, после долгой и упорной борьбы, восторжествовали по всей Европе в 1848 г. Но торжество конституционных идей стало торжеством буржуазии. С этого момента она выступает борцом и проводником их в политической жизни западных народов. Для нее эти идеи нужны, как средство борьбы против враждебных ей элементов: королевской власти, где та-

---

[1]) **Неаполитанский.**

ковая есть, с одной стороны, и массы рабочего сословия повсюду—с другой. Чем сделалась буржуазия для народа, слишком хорошо известно.

Февральская революция—это первый массовый протест французского рабочего против буржуазной формы эксплоатации его труда. С этого момента на историческую арену выступает рабочее сословие, выразителем мнений и стремлений которого в научной форме является социализм. Лучшие передовые люди на Западе отказались в настоящее время от идеалов политической свободы, как отживших свое время, и избрали своим лозунгом социализм, во имя которого они организуют, сплачивают и подготовляют массы. Задача их—реорганизация экономических и общественных отношений *при посредстве народа и самим народом.*

Если для вас не убедительны вышеприведенные мною факты из европейской истории, то я попрошу вас вспомнить кое-что из истории польских движений, особенно последнего времени. Главная тенденция этих движений—политическая независимость Польши, казалось, должна была бы обещать полный успех инициаторам.

Политически-национальная независимость, во всяком случае—принцип слишком понятный для народа, чтобы не откликаться на него, чтобы не восстать во имя его. Образование в новейшее время независимого итальянского королевства, автономия Венгрии, независимость Румынии, Черногории, Сербии и проч.,—все это факты, говорящие в нашу пользу.

Отчего же польские восстания окончились так плачевно? Главная, по нашему мнению, причина заключается в том, что польские заговоры, агитации по преимуществу ограничивались привилегированным и городским сословием. Масса же польского и литовского крестьянства не была приобщена к этим движениям...

...Мы восстаем против политической борьбы не безусловно, а ставим ее в зависимость от предварительной революционной работы в народе. В отношении к России необходимость этого способа действия доказывается, по нашему мнению, почти математически. Скажите, каким образом вы думаете осуществить политический переворот в России? Думаете ли опереться на какие-либо сословия или же на собствен-

ные силы—силы партии? Кроме заговоров—дворцового и военного,—мы не видим других путей для осуществления политического переворота у нас в настоящее время.

Что касается дворцового заговора, то мы убеждены, что вы не станете и рук своих марать в этой грязной работе.

Какое значение имеют и к чему могут приводить военные революции, мы уже неоднократно говорили. Россия в этом случае не может быть исключением. Романовы, надеемся, не откажутся без борьбы, если такая понадобится, от своих «божьей милостью» прав. Для них вдоволь хватит у нас реакционных элементов во всех сферах, чтобы с их помощью устроить контр-революцию и подавить заговор. Что за этим последует—известно. На другие же сословия, кроме военного, вряд ли сами вы рассчитываете. Это, по крайней мере, явствует из ваших собственных слов и из той характеристики, которую вы даете современному государству нашему. Дворянство, молодая наша буржуазия, литераторы, ученые и пр. не имеют у нас пока никакой самостоятельной силы, а составляют лишь неотделимую часть нашего государства, с которым они связаны более или менее искренне общими интересами. Они слишком пассивны, неопытны в борьбе, беспринципны—кроме принципа наживы,—чтобы рисковать своим привилегированным положением, своим кошельком ради борьбы с правительством, которого они спокон века покорно слушались. Остается наша молодая интеллигенция и многие отдельные личности разных сословий и положений. Они-то и составляют главный контингент нашей революционной партии, ими она восполняется и растет.

Спрашивается, что может сделать эта, сравнительно немногочисленная группа, полная энергии и решимости, верующая в себя и в свои принципы, в смысле захвата власти, политического переворота?

Не знаю, товарищи, представляете ли вы себе это конкретно. Единственное орудие ее борьбы—это систематическая терроризация правительства, вроде той, которая так ловко практиковалась польским «жондом» в последнем восстании.

Но история последнего доказала, что кинжал революционеров—недостаточно устойчивая точка опоры для здания

не только политической свободы, но и национальной независимости.

Положим, что вам повезет почему бы то ни было,—ведь вся ваша система террора основана на случайностях,—тогда правительство, напуганное и смущенное, вынуждено будет пойти на уступки, согласиться созвать «обывателей»; допустить Земский Собор, словом, даст конституцию. Не знаю, товарищи, задумались ли вы крепко над тем, какие серьезные и важные последствия для народа (ведь вы все это, конечно, делаете для «народа») могут возникнуть из этого, вновь вами созданного положения вещей? Вы потому *именно теперь* так сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы с правительством и на необходимости конституционного режима, что желаете, во-первых, задержать у нас процесс образования буржуазии, как экономического и политического класса, и, во-вторых, очистить путь для более плодотворной деятельности в народе. Но поймите, что, действуя *теперь* таким образом, вы фатально, помимо своей воли, добиваетесь совершенно противоположного. Правда, наша буржуазия, как политическая сила, пока находится лишь в потенциальном состоянии. Но, слабая политически, она в настоящее время, при общей нашей экономической бедности—народа, дворянства и других социальных групп—составляет единственную солидную силу...

... Всегда осторожная, боящаяся всяких заговоров и смут, буржуазия наша, тем не менее, прекрасно сумеет воспользоваться тем переполохом, который вы намерены произвести. Когда понадобится, она обнаружит не мало энергии, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ее требования в законную форму. Да и теперь уже большинство наших ученых и публицистов, за весьма немногими исключениями, работают в пользу буржуазии...

Вот эти-то люди—ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкие хищники и пр., и пр.,—имя им легион—с остервенением набросятся на тот «общественный пирог», который будет преподнесен им Александром II или Александром III,

или же временным революционным правительством — все равно, под видом конституции.

В то время, как эти жадные акулы будут пожирать и упитываться этим «пирогом», вы будете стоять в стороне и... злобствовать.

Народ же не станет за конституцию, как это было всегда и повсюду. Вы рассчитываете на избирательную агитацию, на депутатов, которые будут представлять крестьянство; напрасно, и вот почему: когда совершится переворот сверху, народ будет захвачен врасплох...

...Вспомните, например, историю крестьянских приходских наказов перед началом Великой революции. Как их фальсифицировали, урезывали и переделывали в средних и высших инстанциях. Весьма также интересна в этом отношении недавняя еще история плебисцита во Франции...

...Подобная же система выборов будет несомненно практиковаться и у нас, как это уже и теперь происходит в небольшом виде при выборах земских и городских гласных. Какую роль играет народ в этих собраниях—прототипа будущего Земского Собора—слишком хорошо всем известно. В городе в Земский Собор попадает богатый, влиятельный купец, в деревне в большинстве случаев—богатый, «знатный мужик», «хозяйственный мужичек», надежда и радость наших либеральных публицистов и становых приставов, которые с редким единодушием относят ожидание черного передела к числу «исторических предрассудков нашего народа». В число депутатов от крестьян попадает также местный землевладелец—«барин». Все эти люди попадут, главным образом, вследствие экономической от них зависимости населения: подкуп, интрига и систематическое спаивание или прямое запугивание выступят тогда в полном блеске. Нет сомнения, что попадут в Земский Собор и честные люди, представители крестьянских интересов, но таковых по необходимости будет так мало, что влияние их останется ничтожным...

...Раз мы признали, что избирательная агитация, при указанных выше условиях, будет вестись у нас неправильно, мы, конечно, не можем придавать какое-либо серьезное значение Земскому Собору, как выразителю народной воли, а, следовательно, и той конституции, которая

будет продиктована этими представителями. Так я смотрю на нашу конституцию, всякую, которая добывается тем способом, какой вы рекомендуете. Но не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще против конституции, против политической свободы.

Я слишком уважаю человеческую личность, всех честных и искренних людей, чтобы быть против политической свободы.

Как на Западе, так и у нас стремление к политической свободе есть результат нашего прогрессивного умственного развития, продукт нашего общественного самосознания—понятие вполне определенное, оформленное и ясно сознаваемое.

Для народа политическая свобода есть инстинктивное стремление к свободе вообще, она у него *всегда и непременно* ассоциируется с каким-нибудь конкретно осязаемым представлением—фактом (право равного пользования и владения землею, право каждого человека пользоваться продуктами своего труда, право каждого взрослого рабочего участвовать в обсуждении общественных вопросов и пр.). Следовательно, говорить, что идея политической свободы для народа—вещь непонятная, ненужная—не резон. Она для него такая же необходимая потребность, как и для интеллигента. Разница в том, что эта потребность у народа срастается с другими более насущными, основными потребностями экономического свойства. Эти-то последние должна принять в резон каждая социально-революционная партия, если она пожелает, чтобы политическая свобода была вполне обеспечена и гарантирована от узурпации и искажений враждебных ей элементов. А это может быть достигнуто лишь организацией в народе боевой партии на почве экономических отношений, как их понимает народ.

Задачи такой партии: подготовлять умы, средства и орудия борьбы—в мирное время; регулировать, направлять движение—в революционное. Чем раньше такая народная партия сорганизуется, тем влиятельнее она будет в момент революции, тем больше она будет иметь шансов утилизировать ее в интересах народа. Для такой деятельности, понятно, требуются люди с известной выработкой характера, способные приспособляться к народной среде, орга-

низовать, сплочивать народ,—словом, требуется тип народного организатора-революционера...

...Наша роль в народе—по преимуществу инициаторская, все остальное должно делаться самим народом, лучшими его представителями. Народ же давным-давно выработал этот тип. Я говорю о тех протестующих элементах, которые во всякое время можно найти в народе...

...Обыкновенно думают, что «серая» народная масса совершенно однородна и по двум-трем фактам позволяют себе делать обобщения. Люди, живущие несколько с народом, знают, какое громадное разнообразие в привычках, взглядах, в степени умственного развития и способности к активному протесту представляет этот народ в пределах даже одной волости. Такая разнородность массы, по нашему мнению, составляет самые благоприятные условия для революционной деятельности.

Настоящий момент мы считаем наиболее благоприятным и необходимым для этого. Правительственный гнет, правда, поставил нам на пути новые препятствия, но они не непреодолимы. Если трудно действовать в известном положении, то можно выбрать многие другие, менее уловимые для правительственного надзора. Напрасно вы думаете с автором «Письма из деревни», что теперь созданы в деревне такие условия, при которых революционная деятельность крайне непродуктивна, так что приходится «биться об народ, как рыба об лед». Единственный вывод, который, по нашему мнению, можно сделать из письма вашего автора, это тот, что в настоящее время нельзя заниматься *культурною* деятельностью, так как приходится каждую минуту *открыто* сталкиваться с такими элементами, для которых эта деятельность помеха. Но я спрошу: разве революционеру *необходима* такая деятельность, чтобы об ней печаловаться? Пусть об этом плачутся культур трегеры! Революционер же *всегда и при всяком правительстве* найдет поле для своей деятельности—это *тайная*, подпольная агитация. Разве меттерниховская реакция помешала организации массы тайных обществ в Испании и Италии? Разве у нас военное положение мешает деятельности городского террора?..

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ».

Партия «Народная Воля» возникла вскоре после Воронежского Съезда, осенью 1879 г. В основе своей программы она оставила прежние народнические принципы, но в то же время она считала необходимым взять в свои руки борьбу с деспотизмом для того, чтобы добиться установления в России таких политических форм, при которых стала бы возможной идейная борьба. Способом для достижения этих реформ были признаны—террор и захват власти с целью передачи ее свободно избранному и выражающему волю народа Учредительному Собранию. Во главе партии стоял Исполнительный Комитет, руководивший ее работой. С самого же начала своего существования Исполнительный Комитет постановил своею задачей убийство Александра II. После целого ряда неудачных покушений, 1-го марта 1881 г. Александр II был убит. Исполнительный Комитет рассчитывал, что цареубийство настолько расшатает государственную власть, что заставит правительство пойти на уступки. Однако после 1-го марта 1881 г. реакция только усилилась, обнаруживая несостоятельность надежд, возлагавшихся на цареубийство террористами. Последовавшее вскоре предательство видного члена партии Дегаева и ряд провалов привели партию «Народная Воля» к гибели.

За время своего существования партия широко развила издательскую деятельность. Ею было издано 11 номеров журнала «Народная Воля», 7 номеров «Листков Народной Воли», 6 номеров «Рабочей Газеты» и ряд прокламаций и воззваний. Большая часть этих изданий перепечатаны в сборнике «Литература Партии «Народная Воля», под ред. В. Богучарского. Кроме того, в 1883—1886 г. г. за границей выходил журнал «Вестник Народной Воли».

Ниже воспроизводятся:

1) программа Исполнительного Комитета, напечатанная в № 3 «Народной Воли» и отдельно;

2) «Подготовительная работа партии», напечатана в «Календаре Народной Воли на 1883 г.», изданном в Женеве;

3) «Программа рабочих членов партии Народной Воли», изданная в 1880 г.;

4) Прокламация Исполнительного Комитета от 1-го марта 1881 г.;

5) Прокламация «От рабочих членов партии Народной Воли» по поводу убийства Александра II, и

6) письмо Исполнительного Комитета от 10 марта 1881 г. к Александру III, напечатанное тогда же отдельным изданием [1].

ПРОГРАММА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

А

По основным своим убеждениям мы—социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное, всестороннее развитие личности, а стало быть и прогресс. Мы убеждены, что только *народная воля* может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, *проходит предварительно через сознание и волю народа*. Народное благо и народная воля—два наши священнейшие и неразрывно связанные принципа.

Б

1) Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства экономического и политического. Как рабочий,—он трудится исключительно для про-

---

[1]) О „Народной Воле“ см. В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70 и 80-х г. г. XIX в. Партия „Народная Воля“. Моск. 1912 г.; В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, Моск. 1922 г.

кормления и содержания паразитных слоев, как гражданин,—он лишен всяких прав; вся русская действительность не только не соответствует его воле, но он даже не смеет ее высказать и формулировать, он не имеет возможности даже думать о том, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то воле народа считается преступлением против существующего порядка. Опутанный со всех сторон, народ доводится до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства,—до рабства во всех отношениях.

2) Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплоататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-Хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами.

3) В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление, в народном духе, всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями.

В

1) Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей—снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью пере-

дачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем: во-первых, что развитие народа отныне будет итти самостоятельно; во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу.

2) Мы полагаем, что *народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней.

3) Таким образом, наша цель: отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному Собранию, составленному, как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их, согласно инструкциям своих избирателей.

Г.

Подчиняясь вполне народной воле, мы, тем не менее, как партия, сочтем долгом явиться перед народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее будем защищать в Учредительном Собрании. Эта программа следующая:

1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность мира, как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право, без сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупности обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие.

Д.

В виду изложенных целей, деятельности партии распологается в следующих отделах:

1) Деятельность пропагаторская и агитационная.

Пропаганда имеет своей целью популяризировать во всех слоях населения идею *демократического, политического переворота как средства социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии.* Критика существующего строя, изложение и уяснение способов переворота и общественной реформы составляют сущность пропаганды.

Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наивозможно широких размерах протест против существующего порядка и требование реформы в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного Собрания. Формами протеста могут быть сходки, демонстрация, петиции, тенденциозные адреса, отказ от уплаты податей и пр.

2) Деятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п.,—имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать, таким образом, революционный дух народа и веру в успех дела, и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы.

3) Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра.

Организация мелких тайных обществ со всевозможными революционными целями необходима как для исполнения многочисленных функций партии, так и для политической выработки ее членов. Но эти мелкие организации, для более стройного ведения дела, особенно же при организации переворота, необходимо должны группироваться вокруг одного общего центра на началах полного слияния или федерального союза.

4) Приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе.

Для успешного исполнения всех функций партии в высшей степени важно прочное положение в различных слоях населения. По отношению к перевороту особенно важны администрация и войско. Не менее серьезное внимание партия должна обратить на *народ*. Главная задача партии в народе—подготовить его содействие перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота, борьбы, имеющей целью проведение чисто-народных депутатов. Партия должна приобрести себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства, должна подготовить себе активное содействие масс в наиболее важных пунктах и среди наиболее восприимчивого населения. В виду этого, каждый член партии в народе должен стремиться занять такое положение, чтобы иметь возможность защищать крестьянские интересы, помогать их нуждам, приобрести известность честного и благожелательного крестьянству человека и поддерживать в народе репутацию партии, защищать ее идеи и цели.

5) Организация и совершение переворота.

В виду придавленности народа, в виду того, что правительство частыми усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее. Что касается способов совершения переворота... [1])

6) Избирательная агитация при созвании Учредительного Собрания.

[1]) Эта часть 5-го пункта не подлежит опубликовнию. (Примечание редакции „Народной Воли“).

Каким бы путем ни произошел переворот,—как результат самостоятельной революции или при помощи заговора,—обязанность партии—способствовать немедленному созыву Учредительного Собрания и передачи ему власти Временного Правительства, созданного революцией или заговоров. При избирательной агитации партия должна всячески бороться против кандидатуры различных кулаков и всеми силами проводить чисто-мирских людей [1]).

ПИСЬМО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА К АЛЕКСАНДРУ III.

Ваше величество!

Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящую минуту, Исполнительный Комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать собой и своими чувствами и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая,—так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями.

---

[1]) Эта программа Исполнительного Комитета была отпечатана затем отдельным изданием, в котором прибавлен пункт Е., гласящий:

Руководящие принципы действий Исполнительного Комитета определяются отношением лиц и общественных отношений таким образом:

1) По отношению к правительству, как к врагу, цель оправдывает средства, т.-е. всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволительным.

2) Все оппозиционные элементы, даже не вошедшие с нами в союз, найдут в нас помощь и защиту.

3) Лица и общественные группы, стоящие вне нашей борьбы с правительством, признаются нейтральными: их личность и имущество—неприкосновенны.

4) Лица и общественные группы, сознательно и деятельно помогающие правительству в нашей с ним борьбе, как вышедшие из нейтралитета, принимаются за врага.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего происшедшего в течение последнего десятилетия, она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы шайки может только человек, совершенно неспособный анализировать жизнь народов. В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то, что правительство покойного императора жертвовало всем—свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством, безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную партизанскую войну с правительством. Вы знаете, ваше величество, что правительство покойного императора нельзя обвинять в недостатке энергии. У нас вешали и правого, и виновного, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых вожаков переловлены, перевешаны: они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да, ваше величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но ведь все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее неудо-

вольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессий: неудовольствие, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемым постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные. Эти личности, в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников: поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видим в действительности за последние 10 лет. Какую пользу принесла гибель долгущинцев, чайковцев, деятелей 1874 года? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессалии вызвали затем на сцену террористов 1878—1879 г. г. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушило десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций, путем естественного отбора, вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный Комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера—повторяться все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране, между тем, увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, ваше величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чем кто-либо другой,

понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время, когда эти силы при других условиях могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, ваше величество, что теперь у нас настоящего правительства в истинном его смысле не существует. Правительство, по самому своему принципу, должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю. Между тем у нас—извините за выражение—правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем Исполнительный Комитет.

Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлением. Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплоатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, не свободны от самого обидного надзора у своего домашнего очага, не властны даже в своих мирских, общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник эксплоататор, самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, ваше величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое—правительство, охраняющее подобный порядок? Неужели это не шайка, неужели это не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство вызывает в огромной части населения радость и сочувствие. Да, ваше вели-

чество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный Комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполнительный Комитет сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала деятельность правительства. Мы забываем, что вы представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к вам, как к гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы потеряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас.

Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) Общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга.

2) Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично, и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения Народного Собрания, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходок,

г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно, пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия с своей стороны безусловно подчинится решению Народного Собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному Народным Собранием.

Итак, ваше величество,— решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исполнительный Комитет.

10 марта 1881 года.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА ПАРТИИ.

Подготовительная работа партии имеет свою задачею развить количество силы, необходимое для осуществления ее целей.

Цели же эти сводятся прежде всего к созданию в ближайшем будущем такого государственного и общественного строя, при котором воля народа сделалась бы единственным источником закона. Это ближайшая цель, и лишь по ее достижении станет возможною широкая партийная деятельность, имеющая пропаганду и агитацию своими главными средствами.

Но в стремлении своем к осуществлению этой ближайшей цели, партия становится в необходимость сломить ныне существующую правительственную систему. Этим и должна озаботиться партия прежде всего.

Уничтожение ныне существующей правительственной системы может произойти, конечно, весьма различными путями. Может быть, напр., одряхлявшее правительство, не дожидаясь восстания, решится пойти на самые широкие уступки народу. Это была бы, так сказать, естественная смерть старого порядка, и тогда, очевидно, и силы партии пришлось бы направить уже прямо на деятельность в народных массах, оставивши в стороне нынешние планы. Может быть также правительство, не сдаваясь вполне, даст однако настолько свободную конституцию, что для партии будет выгоднее отсрочить восстание с тем, чтобы пользуясь свободой действий, возможно лучше организоваться и укрепиться.

Но все подобные соображения нисколько не отрицают необходимости теперь, в настоящее время, готовиться к восстанию, ибо, во-первых, всякие уступки, мелкие или крупные, мыслимы со стороны правительства только тогда, если оно будет к этому вынуждено; во-вторых, никаких существенных уступок со стороны правительства может очень легко и не быть (и гораздо вероятнее—не будет); партия же обязана исполнить свои задачи и в этом случае. Поэтому партия должна подготовляться именно к вос-

станию; если же оно, паче чаяния, окажется излишним, то тем лучше: собранные силы пойдут тогда на мирную работу.

Что касается самого восстания, то для него, по всей вероятности, можно будет выбрать благоприятный момент, когда сами обстоятельства значительно облегчат задачу заговорщиков. Такие благоприятные условия создаются народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, разными усложнениями европейской политики и пр. Каждым из таких благоприятных стечений обстоятельств партия должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работе она не должна на них возлагать всех своих надежд. Партия обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести так, чтобы не оказаться ниже роли даже при самых худших, самых трудных условиях.

Такие наиболее неблагоприятные условия представляются именно в том случае, если партии придется самой начинать восстание, а не присоединяться к народному движению, и если притом нет вдобавок никаких экстраординарных благоприятных случайностей, облегчающих первое нападение. К такому-то положению вещей мы и должны быть подготовлены. Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действий, начать дело и довести его до конца. Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек—столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действия и в то же время возбудит народные массы, т.-е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и пр. Для успеха точно также необходимо подготовить себе положение в провинциях, достаточно прочное для того, чтобы или поднять их при первом известии о перевороте, или хоть удержать их в нейтралитете. Точно также заранее следует обез-

спасить восстание от помощи правительству со стороны европейских держав и т. д. и т. д. Вообще подготовительная работа партии должна выполнить все, что необходимо для успеха восстания, начатого партией даже без всяких экстраординарных благоприятных условий, т.-е. при таком приблизительно положении, в каком находится Россия в настоящее время.

С этой точки зрения, главнейшими задачами нашей подготовительной работы является следующее:

1) Создание центральной боевой организации, способной начать восстание;

2) Создание провинциальной революционной организации, способной поддержать восстание;

3) Обеспечить восстанию поддержку городских рабочих;

4) Подготовить возможность привлечения на свою сторону войска или парализования его деятельности;

5) Заручиться сочувствием и содействием интеллигенции—главного источника сил при подготовительной работе;

6) Склонить на свою сторону общественное мнение Европы.

а) Центральная организация.

При наших русских условиях, не допускающих открытого партийного действия, центральная организация не может быть создана в виде выборного представительства от партии, а должна являться в виде тайного общества. Это тайное общество, сообразно с предстоящими ему задачами, должно обладать боевым характером. Оно должно распространяться на все пункты, с которых необходимо начать восстание, но нет для него никакой нужды охватывать всю Россию. Наоборот, выгоднее остальной части организоваться в самостоятельные группы, ибо одно громадное общество слишком трудно законспирировать и охранить от бдительности правительственных агентов. В то же время необходима тесная связь между центральной и остальными организациями для того, чтобы центральная организация могла фактически являться выразительницей стремлений всей партии. Далее, в виду важной роли, вы-

падающей на долю центральной организации, партия должна обеспечить ей достаточное количество средств, высылая годных людей, снабжая материальными средствами и проч.

В этом отношении весьма практично было бы установить правильные постоянные взносы со всех членов партии для того, чтобы центральная организация имела определенный и неподлежащий случайным колебаниям бюджет. В виду солидарности целей и необходимости единства, центральная и частная группы должны иметь правильно организованные сношения и получать взаимно сведения об имеющихся на-лицо средствах и состоящих на очереди намерениях.

б) Организации специальные и местные.

Организации специального характера, с целями исключительно пропаганды, или для каких-либо производств, для добывания средств, с целями филантропическими и т. п.— могут возникать даже в районе непосредственных действий центра. Связь всех подобных групп с центром поддерживается особо назначенными к тому лицами. Что касается форм и целей подобных групп, очевидно—все это определяется ими самими.

Гораздо важнее вопрос об организациях *местных*, задающихся общереволюционными целями, но ограничивающихся географическими или этнографическими районами действий. Несомненна огромная важность подобных организаций: успех революционного движения вполне зависит от их развития, и в отсутствии их всякие попытки центральной организации сопряжены с риском. Местные группы только в исключительных случаях могут получить значение в смысле почина революции, в большинстве случаев их роль, конечно, сведется к тому, чтобы поддержать начавшееся в центрах движение и не допускать свою местность пойти на помощь правительству. Но в этом смысле их вмешательство определяет весь исход борьбы. При торжестве революции значение местных организаций подымается еще больше. Им придется возбуждать дух масс, им придется главным образом влиять на выборы в Учредительное Собрание, формулировать требования

крестьянства и пр. Вообще насколько роль разрушительная падает преимущественно на центральную организацию, настолько же роль созидательная падает на местные организации. В виду всего этого местные группы должны заранее заручиться:

а) положением в администрации и войске;

б) влиянием на крестьянство;

в) должны по возможности сходиться с местными либералами и конституционалистами;

г) должны запасаться материальными средствами;

д) основательно ознакомиться со своей областью.

В достижении этих целей члены партии должны действовать дружно, поддерживая и вытягивая друг друга, замещая своими людьми все выгодные для партии места, заботясь о поддержании репутации и влияния друг друга.

Приобретение положения в администрации и войске особенно важно для первых моментов движения. Даже самое неполное достижение успеха в этом отношении может в значительной степени помочь делу.

Когда при известии о восстании местные власти вздумают помочь правительству, не много нужно, чтобы смутить их. Когда губернатор видит колебания среди хотя нескольких своих подчиненных, когда слышит от них указание на опасность связывать свою судьбу с падающим правительством; когда другие члены партии производят демонстрацию среди общества, народа; когда среди офицерства и особенно начальников отдельных частей оказываются два-три случая неповиновения: это уже достаточно для того, чтобы губерния осталась в нейтралитете сегодня, а, стало быть, завтра перешла в руки революционеров. Особенно важны в этом случае войска, среди которых необходимо усиленно действовать, приобретая наиболее развитых и честных людей в члены партии и возбуждая в остальных гражданское чувство. Прежде всего следует обратить внимание на офицерство, и через них действовать на солдат. В отношении крестьянства следует занимать места, где возможно близкое соприкосновение с массами, заслуживать их уважение своим поведением, помогать им, защищать их интересы, опираясь на содействие чиновных и влиятельных лиц партии. Не ведя массовой пропаганды,

должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников партии, знакомя их с ее целями. В отношении к либералам следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановке партионных задач, интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства. Изучение губернии должно быть самое основательное: личности начальствующих, влиятельных в обществе, войске, земстве или городских управлениях людей, их взаимные отношения, пререкания и пр.—должны быть точно известны: необходимо знать, кто сознательный сторонник правительства, кто простой карьерист, кто сочувствует партии и способен ее поддерживать; необходимо знать количество войск, местонахождения их, а также разных складов и учреждений; необходимо наблюдать за настроением народных масс, знать их ожидания, надежды, неудовольствие и старательно намечать народных вожаков, сходясь с ними возможно теснее.

Короче: вся внутренняя жизнь данной области, все ее наличные силы, имеющие политическое значение, должны быть тщательно изучены.

Организация местных групп по необходимости должна приспособляться к общим условиям деятельности в России. В центре каждой местной организации должна стоять крепко сплоченная группа, тайное общество, связанное с одной стороны с центром, с другой—со своими подгруппами. Проповедуя программу действий, сообразно с общими планами партии, местная группа должна, однако, держать в секрете частности своих действий, сношений, средств, не допуская втираться в свою среду малоизвестным лицам на том лишь основании, что им вздумалось выдавать себя за людей единомыслящих.

в) Городские рабочие.

Городское рабочее население, имеющее особенно важное значение для революции, как по своему положению, так и относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное внимание партии. Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска.

Если партия заранее заручится такими связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания иметь возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицы (с сочувственным, конечно, отношением к восстанию)—это уже наполовину обеспечит успех дела. С другой стороны, городские рабочие, в силу своего положения, явятся представителями чисто-народных интересов, и от их более или менее активного отношения к восстанию, к мерам временного правительства, к самому составлению временного правительства—значительно зависит весь характер движения и степень полезности революции для народа.

Поэтому в рабочей среде должна усиленно вестись пропаганда:

1) социалистических идей (чем шире, тем лучше), 2) политического переворота и создания демократического правительства, как первого шага к осуществлению народных требований. Рядом с пропагандой должна итти организация рабочих масс, имеющая целью сплотить их, развить в них сознание единства и солидарности интересов. Организация рабочих масс может быть ведена на всякой почве, начиная с артелей, товариществ, кружков саморазвития, стачек и кончая чисто революционными сообществами.

Члены партии должны составлять из развитых людей (интеллигенции или рабочих—все равно) кружки последнего рода и рассеивать членов этих кружков по всем фабрикам и заводам для образования групп первого рода, с тем, чтобы: во 1) повышать постоянно уровень рабочих масс, во 2) намечать и присоединять к себе новых личностей из их среды, в 3) чтобы при перевороте иметь возможность взволновать самую обширную массу рабочих. Эти революционные кружки должны быть сохраняемы в глубочайшей тайне от посторонних, но в то же время связаны между собою и центральной организацией.

г) Войско.

Значение армии при перевороте—огромное. Можно сказать, что, имея за себя армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа; а имея армию против

себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа. При настоящих условиях, однако, пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействие на офицерство: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию. Между тем в момент переворота, конечно, никто не может склонить солдат на сторону восстания лучше, чем популярный офицер, обращающийся к своим солдатам с соответственными указаниями и предложениями. Наконец, если бы дух роты или баталиона не допускал такого обращения, то командир все-таки может повести солдат не туда, куда приказано, может их удержать от пальбы, заставить их отступить, деморализовать бесцельными переходами и т. д. В виду всего этого офицерство должно быть предметом самого внимательного воздействия.

Лучших, наиболее развитых и энергичных следует привлекать, как сознательных членов партии. По отношению к массе остальных—должно поднимать их уровень развития, выяснять им их обязанности к народу, подрывать в их глазах значение правительства и выяснять цели революционеров. Офицеры—члены партии должны преследовать две главные цели: 1) или выслуживаться, занимать важные места, 2) или обращать все внимание на приобретение популярности между солдатами. Затем, конечно, они должны подымать уровень развития товарищей, а также солдат, при чем по отношению к последним могут быть, между прочим, утилизированы силы первых... Наконец, следует употреблять все старания, чтобы стягивать силы армии в пункты, важные для восстания, и по возможности так, чтобы в отдельных частях все важные места были заняты своими людьми.

д) Интеллигенция и молодежь.

Интеллигенция и молодежь в частности составляют такие сферы, где каждое честное направление должно только давать о себе знать, чтобы иметь сторонников. Больших комментариев к способам действий в этой среде не требуется. Относительно молодежи—важно поддерживать в ее

рядах революционные тенденции, воспитывая молодое поколение в революционном духе и давая деятельность, доступную для его сил и в то же время полезную для дела революции. Так, учащаяся молодежь может поддерживать в своей среде дух солидарности, стойкость в борьбе и гражданское мужество, добиваясь расширения студенческих прав; может вести пропаганду среди рабочих, помогать распространению революционных изданий и т. д.

е) Европа.

По отношению к Европе политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов. Правительства, с их изменчивой политикой, с их дипломатическими интересами, не могут быть сколько-нибудь прочными союзниками для нас. Не могут они быть и особенно опасными, если мы заручимся симпатиями общественного мнения Европы. Могущество этой силы мы видели недавно на примере Гартмана[1]).

Для достижения этой цели партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения, как выражение всенародного протеста. Факты революционной борьбы, деятельность и цели партии, мероприятия русского правительства, его отношения к народу,—если Европа будет все это знать без искажений, то ее сочувствие нам обеспечено. В этих видах необходимо организовать снабжение европейской прессы всякими такого рода сведениями. Лица, проживающие за границей, должны и лично действовать в том же духе на митингах, общественных собраниях, читая лекции о России и т. п. В случае, подобном Гартмановскому, необходимо вести оживленную агитацию, пользуясь моментом, когда внимание общества обращено на русские дела.

---

[1]) **Под влиянием давления общественного мнения французское правительство было вынуждено отказать в требовании русского правительства о выдаче принимавшего участие в одном из покушений на Александра II и вслед за тем эмигрировавшего за границу Л. Гартмана.**

ПРОГРАММА РАБОЧИХ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

А.

Исторический опыт человечества, а также изучение и наблюдение жизни народов убедительно и ясно доказывают, что народы только тогда достигнут наибольшего счастья и силы, что люди тогда только станут братьями, будут свободны и равны, когда устроят свою жизнь, согласно социалистическому учению, т.-е. следующим образом:

1) Земля и орудия труда должны принадлежать всему народу, и всякий работник вправе ими пользоваться;

2) Работа производится не в одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоциациями).

3) Продукты общего труда должны делиться, по решению, между всеми работниками, по потребностям каждого.

4) Государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин.

5) Каждая община в своих внутренних делах вполне независима и свободна.

6) Каждый член общины вполне свободен в своих убеждениях и личной жизни; его свобода ограничивается только в тех случаях, где она переходит в насилие над другими членами своей или чужой общины.

Если народы перестроят свою жизнь так, как мы, социалисты-работники, этого желаем, то они станут действительно свободны и независимы, потому что не будет более ни господ, ни рабов. Каждый может тогда работать, не попадая в кабалу к помещику, фабриканту, хозяину, потому что этих тунеядцев не будет и в помине. Землею станет пользоваться каждый, желающий заниматься хлебопашеством. Фабрики и заводы будут в руках тех общин, которые пожелают пристать к фабричному труду. Каждый будет иметь все, что ему нужно для жизни, а потому не будет продавать себя, свой труд, свои убеждения, да и покупать то будет некому.

Работа общиною, артелью даст возможность широко пользоваться машинами и всеми изобретениями и открытиями науки, облегчающими труд, поэтому у работников, членов

общины, производство всего нужного для жизни потребует гораздо меньше труда и в их распоряжении останется много свободного времени и сил для развития ума и занятия наукою. Такая жизнь даст работнику много наслаждений, о которых он теперь и понятия не имеет;—даст ему научное знание и сделает его самого способным служить дальнейшему развитию науки, облегчению труда и улучшению жизни. Число всяких улучшений сделается бесконечно больше, чем теперь, и люди-работники достигнут высокой власти над природой. *Личная свобода человека*, т.-е. свобода мнений, исследований, всякой деятельности, снимет с человеческого ума оковы и даст ему полный простор.

Свобода общины, т.-е. право ее вместе со всеми общинами и союзами вмешиваться в государственные дела и направлять их по общему желанию всех общин, не даст возникнуть государственному гнету, не допустит того, чтобы безнравственные люди забрали в свои руки страну, разоряли ее в качестве разных правителей и чиновников и подавляли свободу народа, как это делается теперь.

Б.

Мы глубоко убеждены, что такой общественный и государственный порядок обеспечил бы народное благо, но мы знаем также по опыту других народов, что сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастья народа. Нам предстоит долгая и упорная борьба с правителями и расточителями народного богатства—постепенное завоевание гражданских прав. Слишком долго, целые века, правительство и все прихвостни его, которым теперь хорошо и тепло живется, из сил выбивались, чтобы держать русский народ в послушании и забитости. Им это почти всегда удавалось. Действительно, темные люди в большинстве случаев не сознают и не чувствуют, что они граждане своей родной страны и не должны позволять, чтобы страною распоряжались коронованные проходимцы и всякие охотники до чужого труда и кармана: бедным, голодным людям слишком часто приходится дрожать и унижаться перед сильными и богатыми, даже мошенничать и продаваться, и все из-за насущного куска хлеба...

Потому люди настоящего времени не могли бы устроиться и жить в ладу при таких хороших и справедливых порядках, где нет ни богатых, ни бедных, ни господ-тунеядцев, ни слуг-работников, где все равно обеспечены, все трудятся, все свободны. Унывать, однако, не приходится. Если в наше время такие порядки нам не по плечу, то следует к ним приближаться постепенно, добиваясь если не полной свободы и счастья, то во всяком случае большей свободы и значительного улучшения своей жизни. При лучших порядках и лучшей жизни люди станут умнее, нравственнее, поймут, наконец, что они граждане, т.-е. полноправные господа своей страны, и пойдут далее, т.-е. устроят свою жизнь еще лучше, еще справедливее. При этом тот общественный и государственный порядок, которого желаем мы, социалисты-работники, должен служить людям путеводной звездой, чтобы они не сбились и не попали в новые цепи, в еще худшую кабалу.

Мы ставим задачею своей жизни помочь всему русскому народу выйти на новый путь свободы и лучшей жизни. Положение народа так тяжело, жизнь его так безобразна, что обязанность всех, понимающих дело и честных людей, поддержать нас и положить конец этому безобразию. Так итти дела не могут и не должны. Поглядите: в деревнях крестьянская земля постепенно переходит в руки кулаков и спекулянтов, в городах фабричные и заводские рабочие попадают все в большую кабалу к фабриканту; капиталисты становятся силой, с которой разъединенным рабочим бороться трудно; государство и правительство стягивают к себе все богатство и силу страны при содействии целой армии чиновников, вполне независимых от народа и вполне покорных воле правительства; весь народ отдан под надзор жадной и невежественной полиции (урядников и других полицейских чинов).

В последнее время правительство нашло, что волостные суды и сходы дают слишком большой простор народному духу и порешило прибрать их к рукам. Всякому видно, что этими мерами желают в конец обессилить русский народ и заглушить в нем всякое стремление к вольной жизни. Можем ли мы, социалисты-работники, могут ли все, понимающие дело рабочие—допустить, чтобы русский

народ вели по этому опасному пути? Нет. Все мы должны добиваться таких порядков, где бы сам народ стал господином страны, где бы не правительственные чиновники, а он сам решал, какой путь приведет его к благоденствию и свободе. Необходимо сделать первый шаг!

В.

Но этот шаг нам следует обдумать. Следует, прежде всего, выяснить себе, кто наши враги, кто наши друзья и каких изменений в теперешних порядках следует добиваться. Мы должны знать, что:

1) Все, кто живет теперь на счет народа, т.-е. правительство, помещики, фабриканты, заводчики и кулаки, никогда по доброй воле не откажутся от выгоды своего положения, потому что им гораздо приятнее взваливать всю работу на спину рабочего, чем самим приняться за нее. Эти господа смекают, что рабочий народ будет служить им лишь до тех пор, пока он темен, задавлен нуждою и разорен, пока не понимает, что сила его в союзе всех работников. Поэтому бесполезно ждать от этих господ улучшения теперешних порядков. Правда, они устраивают иногда комиссии для улучшения быта рабочих на фабриках и заводах; но все заботы их напоминают заботы хозяина о содержании рабочего скота. Никогда не станут они думать о поднятии народного образования, никогда не позволят рабочему человеку устроиться так, чтобы он перестал в них нуждаться. Стало быть, рабочий народ должен рассчитывать на свои силы: враги ему не помогут.

Но народ всегда может рассчитывать на верного союзника—социально-революционную партию. Люди этой партии набираются из всех сословий русского царства, но жизнь свою отдают народному делу и думают, что все станут равны и свободны, добьются справедливых порядков только тогда, когда делами страны будет заправлять рабочее сословие, т.-е. крестянство и городские рабочие, потому что все другие сословия, если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа. Поэтому социально-революционная партия—луч-

ший союзник, и рабочий народ всегда может братски протянуть ей руку.

Кроме нее у народа нет верных союзников; однако во многих случаях он найдет поддержку в отдельных лицах из других сословий, в людях образованных, которым также хотелось бы, чтобы в России жилось свободнее и лучше. Их не очень тревожит то обстоятельство, что русский крестьянин в кабале у хозяина и кулака, потому что этот гнет им не знаком, но они испытывали на своей шкуре произвол полицейский и чиновничий и охотно помогли бы народу с ним покончить. Народ, конечно, выиграл бы от ослабления правительственного гнета: всем дышалось бы вольнее, мысль каждого человека работала бы сильнее, знания стали бы доступнее всем, число доброжелателей народа возросло бы, но главное:—народ мог бы сговориться и сплотиться. Поэтому, рабочий народ не должен отвергать этих людей: выгодно добиваться расширения свободы, рука об руку с ними. Нужно только, чтобы рабочие не забывали, что их дело на этом не останавливается, что вскоре придется расстаться с этим временным другом и итти далее в союзе с одной социально-революционною партиею.

2) Перемены в порядках, которые мы желаем совершить, должны быть понятны народу и согласны с его требованиями, иначе он не станет их вводить и поддерживать, на другие же сословия, как мы сказали, рассчитывать нельзя, потому что они сделают не то, что выгодно для народа, а то, что выгодно им самим.

3) Перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю.

Г.

Принимая все это во внимание, мы признаем, что в ближайшее время мы можем добиваться следующих перемен в государственном строе и народной жизни:

1) Царская власть в России заменяется народоправлением, т.-е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет; выбирая, подробно указывает, чего они должны добиваться, и требует отчета в их деятельности.

2) Русское государство, по характеру и условиям жизни населения, делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один общерусский союз. Внутренние дела области ведаются Областным Управлением; дела же общегосударственные — Союзным Правительством.

3) Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в обще-русском союзе.

4) Общины (села, деревни, пригороды, заводские артели и пр.) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение через своих выборных должностных лиц— старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и пр.

5) Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью.

Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее. Никто не вправе получить больше того количества, которое он сам в силах обработать. По требованию общины устанавливаются переделы земель.

6) Заводы и фабрики считаются народною собственностью и отдаются в пользование заводских и фабричных общин,—доходы принадлежат этим общинам.

7) Народные представители издают законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и пр.

8) Право избирать представителей (делегатов), как в Союзное Правительство, так и в Областное Управление, принадлежит всякому совершеннолетнему; точно так же всякий совершеннолетний может быть избран в Союзное Правительство и Областное Управление.

9) Все русские люди вправе держаться и переходить в какое угодно вероучение (религиозная свобода); вправе распространять устно или печатно какие угодно мысли или учения (свобода слова и печати); вправе собираться для обсуждения своих дел (свобода собраний); вправе составлять общества (общины, артели, союзы, ассоциа-

ции) для преследования каких угодно целей; вправе предлагать народу свои советы при избрании представителей и при всяком общественном деле (свобода избирательной агитации).

10) Образование народа во всех низших и высших школах даровое и доступное всем.

11) Теперешняя армия и, вообще, все войска заменяются местным народным ополчением. Все обязаны военной службой, обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности.

12) Учреждается Государственный Русский Банк с отделениями в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, земледельческих и вообще всяких промышленных и учебных общин, артелей, союзов.

Вот какие, по нашему мнению, перемены в народной жизни могут быть совершены в ближайшее время; мы думаем, что весь народ—городские рабочие и крестьянство—поймет всю их полезность и готов будет их отстаивать. Городским рабочим следует только помнить, что отдельно от крестьянства они всегда будут подавлены правительством, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не в них, а в крестьянстве. Если же они будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе и доказывать, что вести дело следует заодно общими усилиями, тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой.

Д.

Над этим придется много, усердно поработать, и мы думаем, что работу нужно повести так:

а) Те из рабочих, которые твердо порешили, что теперешние порядки и всю народную жизнь следует изменить, составляют небольшие, но дружные общества (кружки) рабочих, выясняют себе, чего следует добиваться, и готовят себя к тому времени, когда общими усилиями нужно будет приступить к выполнению переворота. Кружки должны быть тайными, недоступными для правительственных ударов.

б) Члены кружков должны выяснить народу, что из теперешнего губительного порядка один выход:—насильственный переворот, что переворот необходим и возможен. С этой целью члены кружков размещаются по заводам, фабрикам и деревням и заводят новые кружки рабочих и крестьян под разными предлогами, преимущественно вполне законными. (Так, например, кружок заводит свою кассу, библиотеку, чтения, общежития и пр.) Пользуясь уважением и любовью рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают, где нужно, стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта. Те из рабочих кружка, которые выкажут свою умелость и настойчивость в ведении рабочего дела, поступают в главные рабочие кружки и, таким образом, тайный союз рабочих укрепляется.

Е.

Невозможно угадать, при каких именно условиях придется действовать рабочим союзам (рабочей организации). Но каковы они ни были, необходимо постоянно иметь в виду общие правила:

1) Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочие должны составлять силу, способную напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требования с оружием в руках. Дойдет ли дело до кровавой борьбы или враги народа уступят без бою—все равно: нужно готовить силу и, чем больше эта сила готова вступить в бой, тем скорее враги отступят без бою.

2) Напасть на врагов с надеждою на победу может только вся социально-революционная партия, в которую рабочая организация входит, как часть. Партия собирает в народе, в обществе силы для совершения переворота; устраивает союзы в крестьянстве и в среде городских рабочих, в войске и в других общественных слоях. Партия выделяет из себя боевой союз, который нападает на правительство, расстраивает его, приводит в замешательство,—этим облегчает всем недовольным,—народу, рабочим и всем доброжелательным им людям, подняться и произвести повсеместный переворот.

Раз началось надежное возмущение в городе или в деревнях, партия должна поддержать его своими силами, внести в него свои требования, вызвать подобные же волнения в других местах, где только возможно, должна объединить эти волнения в одно общее восстание и расширить его на всю Россию. Одновременно нужно расстроить правительство, уничтожить крупных чиновников его (чем крупнее, тем лучше), как гражданских, так и военных; нужно перетянуть войско на сторону народа, распустить его и заменить народным ополчением из крестьян, рабочих, бывших солдат и всех честных граждан.

Для успеха дела крайне важно овладеть крупнейшими городами и удержать их за собою. С этой целью восставший народ, немедленно по очищении города от врага, должен избрать свое Временное Правительство из рабочих или лиц, известных своею преданностью народному делу. Временное Правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, объединяет и направляет восставших. Рабочие зорко следяет за Временным Правительством и заставляют его действовать в пользу народа. Когда восстание одержит победу во всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа, а в селах, городах и областях установится выборное народное управление, когда в государстве не будет иной военной силы, кроме ополчения,—тогда немедленно народ посылает своих представителей в (Союзное Правительство) Учредительное Собрание, которое, упразднив Временное Правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок обще-союзный. Представители действуют по точной инструкции, какую дадут им избиратели их.

Вот общий план деятельности во время переворота. Может быть, однако, и другой случай. Если бы правительство из боязни общего бунта решилось сделать обществу кое-какие уступки, т.-е. дать конституцию, то деятельность рабочих не должна от этого изменяться. Они должны заявить себя силой, должны требовать себе крупных уступок, должны вводить своих представителей в парламент (т.-е. законодательное собрание) и, в случае надобности, поддержать эти требования массовыми заявлениями и воз-

мучениями. Напирая таким образом на правительство, набираясь силы в борьбе с ним, партия «Народной Воли» выжидает лишь удобного момента, когда старый, негодный порядок окажется неспособным противостоять требованиям народа, и совершает переворот с полной надеждой на успех.

ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Сегодня, 1-го марта 1881 года, согласно постановлению Исполнительного Комитета от 26-го августа 1879 года, приведена в исполнение казнь Александра II двумя агентами Исполнительного Комитета. Имена этих мужественных исполнителей революционного правосудия Исполнительный Комитет пока не считает возможным опубликовать.

Два года усилий и тяжелых жертв увенчались успехом. Отныне вся Россия может убедиться, что настойчивое и упорное ведение борьбы способно сломить даже вековой деспотизм Романовых. Исполнительный Комитет считает необходимым снова напомнить во всеуслышание, что он неоднократно предостерегал ныне умершего тирана, неоднократно увещевал его покончить свое человекоубийственное самоуправство и возвратить России естественное право. Всем известно, что тиран не обратил внимания на все предостережения, продолжая прежнюю политику. Он не мог воздержаться даже от казней, таких возмутительно несправедливых, как казнь Квятковского. Репрессалии продолжаются. Исполнительный Комитет, все время не выпуская оружия из рук, постановил привести казнь над деспотом в исполнение во что бы то ни стало. 1-го марта это было исполнено. Обращаемся к вновь воцарившемуся Александру III с напоминанием, что историческая справедливость существует и для него, как для всех. Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов на виселицах, на каторге, в ссылке, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом,—Россия не может жить так далее. Она требует простора, она должна возродиться согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле.

Напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народа есть народный враг, тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль. Исполнительный Комитет обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним. Только широкая энергичная самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития.

Исполнительный Комитет. 1 марта 1881 г.

ОТ РАБОЧИХ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

Русский рабочий люд!

Сего 1-го марта Александр II, мучитель всего народа, убит нами, социалистами. Объявляем об этом всенародно. Он убит за то, что не заботился о своем народе, отяготил его невыносимыми податями, обделил мужиков землей, отдал рабочего на разоренье всякому грабителю и мироеду. Он не давал народу воли, не слушал слезных мужицких жалоб: он защищал только одних богатых, а сам пировал и роскошествовал в то время, когда народ помирает с голоду. Царские слуги—урядники, становые, полицейские разоряли и грабили народ, мучили и убивали крестьян, а царь за это награждал, а не наказывал их. Мирских людей, которые стоят за народ и за правду, царь вешал и ссылал на каторгу, в Сибирь. За все это он теперь убит. Царь должен быть пастырем добрым, душу свою за овцы полагающим; Александр II был лютым волком, и страшная смерть покарала его. Русские рабочие! Теперь вступает на престол новый царь, Александр III. Нужно, чтобы он не пошел в отца. Пусть он призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и вперед царствует по правде. Пусть у него советниками в Сенате будут народные выборные. Тогда царь даст мужику и землю, и подати умень-

шит, и волю даст народу. Подавайте все прошения об этом из городов, из деревень. Если же царь не послушает народного голоса и начнет, как его батюшка, вешать и ссылать в Сибирь всякого, кто стоит за рабочих, тогда нужно и его сменить. Помните, братья, что покоряться мучителю—тяжкий грех, чрез это терпит горе весь народ. Братья рабочие! Довольно мучилась вся Русская земля! Настала пора, когда правда воцарится на земле. Нужно только, чтобы рабочий народ действовал смело, как действовал Петр Алексеев, Пресняков, Тихонов, Ширяев, Окладский. Все эти наши братья социалисты—из крестьян и мещан—не убоялись никакой муки, ни каторги, ни самой смерти, стоя за правду. Так и все должны делать, и тогда все пойдет хорошо и не будет на русской земле ни нищеты, ни слезного горя.

2 марта 1881 г.

СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ.

Северный Союз Русских Рабочих возник в Петербурге в конце 1878 года. Организаторами его были рабочие Степан Халтурин и Виктор Обнорский. Основание Союза было попыткой создания чисто-рабочей революционной организации, противопоставленной организациям интеллигентским. Программа Союза заключала в себе между прочим требование установления политических свобод, что в свое время вызвало ожесточенные нападки на нее со стороны землевольцев.

Союз имел значительный успех. За короткое время число членов его дошло до 200 человек. Однако предательство в среде Союза привело к аресту налаженной им подпольной типографии и ряда активных работников. От этого удара Союз оказался не в силах оправиться. В начале 1880 года он распался. Руководитель же его Халтурин, под влиянием разочарования, ушел в террор, организовав знаменитый взрыв Зимнего дворца. Позднее Халтурин принял участие в убийстве в Одессе прокурора Стрельникова, за что был 22 марта 1882 г. казнен через повешение.

При помощи «Земли и Воли» Союзом была издана программа, а также прокламация «Рабочим». Помимо этого в типографии самого Союза в феврале 1880 г. был напечатан 1-й номер газеты «Рабочая Заря», неполучивший широкого распространения вследствие ареста типографии. Этот номер перепечатан в № 3 «Пролетарской Революции» за 1922 г. и в № 2—3 «Красной Летописи» за 1922 г. (с объяснительной заметкой А. А. Шилова).

Ниже мы воспроизводим: 1) программу Союза, 2) выдержки из помещенной в № 4 журнала «Земля и Воля»

статьи Д. Клеменца, в которой программа Союза была подвергнута критике со стороны землевольцев, и 3) ответ Союза на эту критику, помещенный в № 5 «Земли и Воли» [1]).

К РУССКИМ РАБОЧИМ.

Программа «Северного Союза Русских Рабочих».

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всей силой своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящей нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23-го и 30-го декабря 1878 года пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация *Северного Союза Русских Рабочих* должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого союза избираются исключительно только рабочие и через лиц, более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

---

[1]) О Союзе см. Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, Моск., 1920 г.; Ю. Стеклов. Борцы за социализм, Моск. 1919 г.; В. Бурцев. Северный Союз Русских Рабочих „Былое“, 1906 г., I; Л. Г. Дейч. Обнорский, Пролетарская Революция, 1922 г. № 3. „Рабочие Союзы 70 гг.“, изд. Центрархива (печатается.)

Все члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению. Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из десяти членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрания уполномачивают комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза.

На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собою автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программою, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребностям столичных рабочих, даже не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программою:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3) Уничтожение поземельной собственности и замены ее общинным землевладением.

4) Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраний и сходок.

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4) Обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23-го и 30-го декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев, Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга

его не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! Вас зовем мы теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась—и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов—и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело—дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощавшего наши силы,—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир?—Простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас уже покажет нам их бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силой, какую мы представим собою.

«Вы развращаете мир, скажут нам, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию». Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы; не мы причина зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве...

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным телом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам! Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы—плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой вы бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врага. Но мы, рабочие-организаторы Северного Союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России.

«Петербургская Вольная Типография» 12-го января 1879 года. Печатано по просьбе рабочих.

ИЗ СТАТЬИ, ПОМЕЩЕННОЙ В № 4 «ЗЕМЛИ И ВОЛИ».

Манифест об основании «Северного Союза Рус. Рабочих» доказывает нам, что социализм нашел среди русского пролетариата не только убежденных сторонников, но и людей, способных без всякой посторонней помощи организоваться в борющуюся партию, способных на самостоятельную инициативу.

Сделается ли Северный Союз, как надеются его основатели «великим Союзом», который сплотит во-едино все социально-революционные элементы на Руси или же он ограничится более скромной ролью местной группы, очагом революционного движения петербургских рабочих и тяготеющих к нему окрестностей,—во всяком случае мы приветствуем этот первый опыт самостоятельной социалистической организации русских рабочих, гласно выступивших на борьбу с эксплоататорами.

Теперь мы можем уже сказать, что великая истина «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»—отныне становится для русского рабочего не только теоретическим положением, но и лозунгом его практической революционной деятельности.

Признавая всю серьезность совершившегося на наших глазах явления, мы, вместе с тем считаем себя обязанными высказаться откровенно и серьезно по поводу его.

За короткий период своего существования «Сев. Союз» не дал нам еще возможности судить его по делам его (этого, конечно, наши товарищи не примут за упрек им), перед нами только его программа и план организации, мы и остановимся на них.

В теоретической части программы «Сев. Союза» мы не видим, к сожалению, полной последовательно развитой системы воззрений, а скорее смешение программ различных западных социалистических партий.

Отрицание государства и требование коммунальной автономии зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров, каковыми мы и сами желали бы видеть членов «Сев. Союза», а последующие параграфы программы прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов.

Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплоатируемых с эксплоататорами посвящается слишком много времени, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле,—а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе, даже не дебатируются.

О воззрениях «Сев. Союза» на этот предмет можно догадываться только потому, что он включил стачки в число признанных орудий борьбы и пропаганды.

Статьи программы, касающиеся городских рабочих, развиты весьма подробно (по программе немецких социал-демократов): говорится и об отмене женского и детского труда, и о нормальном рабочем дне, аграрные же вопросы оставлены втуне. Неизвестно, намерен ли «Сев. Союз» требовать всеобщего крестьянского передела земли, или же он думает подойти к этому вопросу путем последовательных реформ, вроде отмены выкупных платежей за землю, переразверстки наделов и т. п.

Впрочем, каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не может сомневаться в том, что она программа социалистов, активных деятелей, а не пассивных созерцателей гармоний будущего.

Мы знаем, что гладкие и последовательные программы в наше время сочинять очень легко по готовым образцам; поэтому мы и не поставили бы такой программы в заслугу «Сев. Союзу». Самые несовершенства лежащей пред нами программы и нелогичности имеют для нас свою цену; они доказывают нам, что она не списана с чужих слов, а представляет собой действительный самостоятельный первый опыт формулировать свои убеждения,—опыт, на котором авторы не остановятся, не почиют на лаврах, а пойдут вперед.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ОТ РАБОЧИХ «СЕВЕРНОГО СОЮЗА».

С выражением крайнего сочувствия и одобрения прочли мы ваши краткие, не многословные, но искренние и честные замечания, помещенные в № 4 «Земли и Воли», по поводу нашей программы. После того, что многим из нас пришлось слышать, эти замечания, эта искренность тона, с какою вы обращаетесь к нам, были, признаться, довольно неожиданны. Действительно, нас называли выскочками, упрекали в недомыслии, противоречиях, порицали за слог, а многие даже прямо относились с недоверием, видя в нашей программе произведение интеллигентных рук, написанное больше для «острастки» и посему ничего не выражающее собой (до того еще не доверяют нашим силам, до того еще привычка смотреть на нас, как на неспособную скотину, вкорена во многих).

Здесь мы не намерены особенно касаться тех или других отзывов, слышанных нами, не намерены также подробно распространяться по поводу нашей программы; скажем только то, что без ошибок и прорех ничего не удается сначала, и это особенно относится к кудреватости слога, за каковую вы справедливо и досадуете на нас. Действительно, кудреватость слога—наш грех и мы берем его на себя. Поговорим теперь о тех упреках, которые посыпались на наши головы тотчас по выходе «программы рабочих». Главное обвинение сводилось к тому, что в нашей программе замечается путаница понятий и воззрений на различные оттенки революционной партии Запада и в осо-

бешности (что, де, очень странно) замечается смешение социалистических требований с конституционными. Мы верим, что наша программа действительно должна была вызвать порицания именно этой стороною, но только мы с своей стороны ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-либо суждение, то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то—из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем, многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее, и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и не вяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка.

Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего кроме недомыслия. Ведь высказать подобные соображения—значит прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам. Боимся, чтобы при таком узком разрешении мы не пожрали друг друга... Разве мы не знаем, что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище св. Антония, добиваться свободы? Но, что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью истории, и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения. Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша программа, кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызвала, так как представление о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжется. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, что и заставило особенно нас выставить, повидимому, чуждые нам требования, мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика в

данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения —и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по-миру. И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить наше мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных положений и «уложений». Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам—этим деятелям будущей всероссийской говорилки,—следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно. Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода все - таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении, как и сами знаете, есть в свою очередь опять весьма важное условие для желанного исхода революции. Этим мы вовсе не хотим сказать, что ради осмысленности социальной революции мы желали бы ее оттянуть на бесконечно длинное время. Вовсе нет, мы только говорим, что нужно пользоваться всем, что можно достать, нужно обращать внимание на все, что окажет услугу в нашем деле.

Гораздо важнее для нас ваши замечания относительно наших недостатков и пробелов по аграрному вопросу. Действительно, мы уже чересчур увлеклись рассмотрением своего городского положения, чересчур пропитались духом различных программ Запада, и вот оказалось, что

для нашей деревни в своей программе мы отвели очень немного места. Но да извинят нас за этот промах, тем более, что забыть деревню — не есть дело нашего ума и чувства. Для нас столько же дорог мужичек с его родными лесами, как и фабричный, а улучшение быта первого даже важнее, потому что тогда ни один кулак не вызвал бы нас с своих полей служить своему ненасытному брюху. Не место, конечно, толковать здесь, в чем бы мы полагали разрешение аграрного вопроса и улучшения быта крестьянина. Мы знаем, что с него дерут все, что можно содрать, отнимают все, что можно отнять, в виде податей, повинностей, оброков и поборов в «пользу» да «на пользу». И все это, конечно, взимается, как и следует, по закону. Знаем также, что у нашего крестьянина нет ни порядочных школ, ни училищ, ничего такого, чтобы хоть мало-мальски развить его духовную сторону. И это также в порядке вещей; потому, если на христолюбивое воинство и на различные затеи царских потешников и скоморохов издерживаются сотни миллионов, то на образование и неоткуда брать более 13. Но самое главное, что гнетет нашего мужика, так это недостаток земли. Дадут ему две десятины, много три-четыре песку, пожелают при сем всех благ и оставят на произвол судьбы. «На, мол, хоть виноград сей; вмешиваться в хозяйство не станем, лишь бы денежки к сроку». Ну, вот и сеет он виноград в поте лица, чтобы потом «для вкуса» пересыпать его мякиной или древесной корой. И платит за этот подарок крестьянская семья 18—25 рублей, а на помещичьих землях—так и все сорок рублей. И это за какие-нибудь 7—10 десятин песку, да несколько десятин лесных и луговых угодий. Хорошо, если еще какая скотина есть, а то хоть «взвой, да беги». Посему—увеличение наделов сообразно потребностям семьи на счет незанятых и помещичьих земель, узаконение только тех повинностей, которые прямо идут на удовлетворение нужд и потребностей крестьянской общины и на устройство школ и сельско-хозяйственных училищ,— вот что в общих чертах можем добавить к своей программе и выставить с своей стороны необходимыми требованиями.

ЮЖНЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ.

Первый «Южно-русский рабочий Союз» был основан в 1875 г. Заславским в Одессе, второй—в начале 1880 г. в Киеве чернопередельцами Ковальской и Щедриным. Оригинальной чертой в программе последнего было признание основным средством борьбы за установление нового строя общественных отношений экономического террора: фабричного (поджог фабрик, мастерских, убийство директоров и хозяев) и аграрного (порубка помещичьих лесов, поджоги посевов, убийство помещиков).

Союз пользовался большой популярностью среди киевских рабочих, но просуществовал недолго. В октябре 1880 г. были арестованы Ковальская и Щедрин, а в начале 1881 г.—другие руководители союза (Богомолец, Кашинцев, Присецкая и др.).

За время своего существования Союз издал ряд прокламаций к рабочим и крестьянам. Ниже воспроизводится прокламация, изданная в марте 1881 г. и заключающая в себе те требования, которые Союз считал возможным предъявить существующему правительству. Прокламация эта напечатана в книжке «1 марта 1881 г. Прокламации и воззвания, изданные после цареубийства». Петерб., 1920 г.[1])

---

[1]) О Южном Раб. Союзе см. Е. Ковальская. Южный Рабочий Союз 1880—1881 г.г. „Былое, издав. за границей“, вып. II, и Н. Гекер. Наша юность. жур. „Заветы“, 1913 г. № 7. „Рабочие Союзы Юга“, изд. Центрархива (печат.).

ОТ ЮЖНОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА.

Ко всем рабочим!

Всякий ждет себе от нового царя разных льгот, но боится заявить о своих нуждах, чтобы не назвали его бунтовщиком, а потому мы «южного союза» рабочие берем на себя почин и выскажем то, что у каждого рабочего на уме. Вот те требования, которые мы послали царю через графа Лорис-Меликова:

1) Свобода сходок для обсуждения своих нужд.

2) Уничтожение налога на душу; брать подати только с дохода.

3) Годовой доход в пятьсот рублей свободен от налога. С каждой сотни дохода свыше пятисот рублей взимать по одному рублю.

4) Заменить теперешнюю паспортную систему новой; чтоб раз взявши паспорт, где прописан, можно было бы переменить его на том месте, где рабочий находится.

5) Издание законов, защищающих рабочих от произвола хозяев мастерских, фабрик и заводов.

а) Поденная плата должна быть не менее 1 руб. 50 коп., поштучная, месячная и годовая приноравливаются к поденной.

б) Во время дороговизны поденная плата не менее 2 руб.

в) Число рабочих часов не более 8. Для женщин не более 6.

г) На фабриках воспретить работу детей до 14 лет.

д) На фабриках и в мастерских, где работает не менее 10 рабочих, должны быть выбраны из среды рабочих по каждому ремеслу не менее двух оценщиков (средней способности и знания), которые вместе с мастером или хозяином назначают поштучную плату сообразно с поденной. Из таких оценок составить тариф для обыкновенного времени и времени дороговизны.

6) Ввиду безработицы сделать ссуду деньгами на устройство артельных мастерских и артельных магазинов для склада и продажи работ.

7) В артельные магазины принимать работы бедных хозяев-одиночек, платить им рыночную цену, взимая с одного рубля—1 коп. для покрытия расходов по содержанию магазина.

8) Наделить землею рабочих не-мастеровых, в состав которых входят: отставные и билетные солдаты, городские мещане-бедняки и сельские крестьяне, наплыв которых увеличивает нищету городских рабочих.

9) Закон о нищих. Годные к работе нищие поступают в артельные мастерские, а негодные—в особые приюты в счет рабочих.

10) Приюты для сирот рабочих и для детей пострадавших рабочих, где могли бы они получить образование ремесленно-научное.

11) Снарядить комиссии для установления квартирной таксы, сообразно с заработками.

12) Снарядить комиссии для установления таксы на съестные припасы и контролирование их доброкачественности.

13) Даровое обучение детей рабочего класса ремеслам и наукам, пригодным к жизни.

14) Позволить рабочим фабрик и мастерских устраивать кассы для взаимной поддержки в нужде.

15) Для уменьшения пьянства и разврата устроить бесплатные читальни с газетами и книгами, доступными для рабочих. Позволить воскресные народные чтения тем, кто пожелает их устраивать.

16) Возвратить ссыльных без суда рабочих, пострадавших за интересы своих товарищей.

Мы, «южного союза» рабочие, взявшие на себя защиту интересов всех рабочих южного края, объявили войну капиталистам-угнетателям и их защитникам. Пусть нас обвиняют в жестокости; убийство и насилие противны нам так же, как и всем честным людям; нас заставили прибегнуть к насилию: мы не видели никакой поддержки и защиты от царя, никакой пощады от хозяев-капиталистов!

Грабеж, произвол, насилие и полное обездоливание—вот спутники жизни рабочего!.. Теперь настал новый царь. Что сделает он для народа, которому клялся быть верным, мы не знаем. Испробуем пока мирный путь. Ответ на свои требования мы будем ждать месяц. Если же мы убедимся, что и от нового царя помощи ждать нечего, тогда мы будем действовать собственными силами, на свой страх. И кровь, пролитая нами, падет на главу тех, кто мог примирить людей, но не сделал этого!!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ 80-Х ГОДОВ
ДО 2-ГО С'ЕЗДА Р.С.-Д.Р.П.

БОРЬБА ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ В РОССИИ НА ПЕРЕЛОМЕ XIX и XX в.в.

Период времени с 1883 по 1903 г.г. составляет вполне определенную эпоху в развитии революционного движения в России. Это двадцатилетие резко отличается от предшествующего с его типично народнической идеологией. Точно также, с 1903 г. можно начинать новый исторический период—период первой русской революции.

Рассматриваемая эпоха характеризуется, прежде всего, огромным развитием промышленного капитализма в России и, вместе с этим, созданием миллионных кадров пролетариата. На-ряду с этим, зарождаются элементы социал-демократической рабочей партии, которая к концу периода завершается 2-м съездом, принявшим программу и устав партии. Группа Освобождения Труда за границей, первые партийные группки в главных центрах страны и, наконец, слияние их в партию—вот главные этапы революционного партийного движения рабочего класса в России, которому посвящена значительная часть документов этой части хрестоматии. Кроме того, отведено достаточное место документам, характеризующим деятельность эпигонов народничества и народовольчества, партии с.-р. и зарождающегося либерализма.

Сначала необходимо остановиться на характеристике экономических отношений в вышеуказанный период времени.

Дореформенная экономика России в целом к 80 годам прошлого столетия уже достаточно определилась, как капиталистическая, с заметным преобладанием в ней индустриального капитала и продолжающейся капитализацией сельского хозяйства. Вместе с этим, в русской деревне

сохранились еще в весьма значительной степени крепостнические пережитки—отработочная система, «голодные» аренды и т. п.

Тем не менее, капитализм делал свое дело. Товаризация сельского хозяйства шла ускоренным темпом. Русский хлеб усиленно вывозился за границу. Вывоз с 294 милл. пудов в 1881—1885 г.г. поднялся до 516 милл. пуд. в 1896 г. Хлеб вывозили и капиталистический юг, и державшийся на отработках «оскудевающий центр». Помещики юга, заволжских степей, Кубани вывозили, главным образом, «господский» хлеб-пшеницу, центр отдавал последнее—«мужицкую» рожь. Обнищавшее крестьянство «не доедало, а вывозило», чтобы покрыть подати, налоги, выкупные платежи.

«Тяготы» не уменьшались, а росли, малоземелье душило крестьянское хозяйство. И, как на грех, на мировом рынке русский хлеб попадал в тяжелую переделку. Там его били американские, канадские и австралийские фермеры дешевой ценой, хорошим качеством. С 1 р. 18 к. за пуд пшеницы и 98 к. за пуд ржи в 1881—1885 г.г. цена первой на мировом рынке упала к 1896 г. до 74 к., а второй до 54 к.

Преимущества русского хлеба—дешевизна доставки на рынки Англии, Германии, Франции, Италии и др. ослаблялись улучшенной заграничной техникой производства хлеба, усовершенствованиями в транспорте. В результате получилось еще большее обострение аграрного кризиса в России. Его следствием явилось полнейшее обнищание крестьянства, выделение из его рядов пролетариата в количестве во много раз превышающем потребность в рабочих руках промышленности и капиталистического сельского хозяйства.

Оскудение крестьянства повело к новому вздутию арендных цен в центре, к усилению отработочной системы и всякого рода иных кабальных, крепостнических отношений. Тенденция к их изживанию с ростом капиталистического хозяйства в стране парализовалась тенденцией кризисного состояния, помещичьего землевладения и хозяйства и крестьянского хозяйства, страдавшего, главным образом, от низких цен на хлеб и от малоземелья.

Отработочная система сохранилась в конце 80-х годов в 17 губерниях из 47 губ. Европейской России и захва-

тывала площадь посева 6,281,000 десятин из 15,910,000 десятин, обследованных с этой целью. К этому надо добавить, что в 7 губ. с 2,222,000 дес. посева в то же время преобладала в частных хозяйствах помещиков смешанная система. Итак, почти половина России страдала от «отработочный системы», что и явилось основой для обострения страданий крестьянских масс, особенно в такие годы, как голодный 1891 г. и др.

Отработочная система, падение хлебных цен на заграничных рынках и др. неблагоприятные условия для крупного русского землевладения повели к краху и многих помещичьих хозяйств и к переходу их в руки буржуазии— городской и деревенской и середняков крестьян. Выпуск из рук земли помещиками повел к ослаблению их политической силы и правительство, чтобы укрепить силу того класса, на которое оно, главным образом, опиралось, ввело институт земских начальников, ограничило права земств, крестьянского самоуправления и т. п. Потеря помещиками экономической силы повлекла за собой усиление их внеэкономического давления на крестьянские массы.

При создавшихся условиях взаимоотношения двух старинных классовых врагов в деревне—помещиков и крестьян не могли не вызывать открытой вражды, временами переходившей в различные столкновения. Последние приняли особо яркий и зловещий характер в конце 90-х и в начале 900-х годов, вылившись, наконец, в сильные «беспорядки», 1902 г. и крестьянскую аграрную революцию 1905—1906 г.г.

Мировой кризис начала 80-х годов создал в Европе сильное обесценение капиталов, сократил и реальные возможности выгодной их эксплоатации в старых предприятиях. Вместе с тем Россия являлась тогда страной, наиболее обещающей высокий процент прибыли на капитал. Там в России иностранный капитал мог найти и богатейшие залежи всякого рода сырья, и дешевую рабочую силу, и грозный кулак самодержавия, который смог бы обеспечить капиталу возможность «нормальных» условий эксплоатации.

И этот капитал широким потоком хлынул в русские банки, реализуясь в сотнях разного рода анонимных и

не анонимных акционерных обществ, товарищеских компаний и пр.

Грюндерская волна захватила южную металлургию, каменноугольное дело, железные дороги, пароходное сообщение, городское благоустройство и часть легкой индустрии. «Американским» темпом шло насаждение городов в пустынных степях юга, устройство заводов и фабрик в глухих местечках, связывание доселе бескрайних пространств России рельсовыми путями. Все это в свою очередь повело к новому подъему и коренных старинных русских отраслей промышленности, к индустриализации кустарных промыслов, к пересозданию всего темпа жизни страны. Развивающийся капитализм и соответствующее ему рабочее движение стали такой яркой очевидностью, что к началу XX-го века постепенно прекратились все интеллигентские споры—капиталистическая ли страна Россия или пути ее развития «самобытны».

Кризис начала 90-х годов и необычайное оживление в русской промышленности—«золотой век» нашей буржуазии (с 1895—1896 г.г. до 1900 г.)—были симптоматичными показателями цепкой связанности русского капитализма с европейским—с мировым. Русский капитализм со всеми его «качествами» стал *непреложным фактом*.

Если в 80-х годах рабочее движение в России было весьма робко, чаще всего ограничивалось защитой уже имевшихся у рабочих завоеваний, то все же и тогда такие стачки, как Морозовская в Орехове-Зуеве, давали материал для выводов более определенных, чем это было на самом деле. Идеология отставала. Социал-демократия пока переживала процесс «утробного развития».

И только движение питерских рабочих, и особенно всеобщая стачка текстильщиков в 1896 г. воочию показали силу и значение рабочего класса. Марксизм—социал-демократия в России становятся общественным движением, политической партией.

Рабочее движение 90-х годов окончательно закрепило позиции той части интеллигенции, которая во главе с Плехановым вела из-за границы пропаганду марксизма и тех групп рабочих и интеллигенции, которые переходили к

организации рабочего класса в политические группировки социал-демократии, брали на себя задачи повседневной агитации и практического руководства борьбой русского пролетариата. Небольшая группа теоретиков марксизма за границей из «Группы Освобождения Труда», ведущая свое начало с 1883 г., сумела быстро наладить идеологическую связь с рабочим движением и с 90-х годов почти все крупные центры России уже выделили из себя местные политические организации—«Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 г. в Минске произошел первый съезд этих организаций и был заложен первый камень Российской Социал-демократической Рабочей партии. Однако в результате успешной наступательной стачечной борьбы рабочего класса в 90-х годах у некоторой части тогдашних «вождей» складывается не революционно-социалистическое настроение, а реформистское. Среди русской социал-демократии происходит быстрое размежевание на «революционных политиков» и оппортунистов «экономистов». Из среды последних появляется группа Кусковой, Прокоповича и др., изготовляющая известное «Credo», встретившее резкий протест 17 политических ссыльных в Сибири во главе с В. И. Лениным.

В тех же рядах «экономистов» развернулось течение, выразившееся в статьях и общем направлении нелегальных журналов «Рабочая Мысль» и «Рабочее Дело»—первых провозвестников русского «меньшевизма».

С этими реформистскими уклонами с самого же начала повели энергичную борьбу т. Ленин, поддерживаемый Плехановым. Наиболее правильная «осада» «экономизма» повелась с организацией общерусской нелегальной газеты «Искра» и журнала «Заря». «Из «Искры» действительно разгорелось пламя». Она явилась собирателем партийных сил России и подготовила их подлинное слияние в тяжелых условиях нелегального бытия.

Элементы «большевизма» и «меньшевизма», определившиеся на 2-м съезде партии в 1903 г., во многом были еще ранее вскрыты «Искрой» ленинского периода.

Рабочее движение создало активность и у других классовых группировок тогдашнего времени.

Прежде всего та часть интеллигенции, которая была связана с крестьянством по своей профессии и которая находилась под влиянием буржуазных идеологий, слегка окрашенных утопическим социализмом, пыталась создать свои политические группировки. Наиболее серьезными из них стали организации социалистов-революционеров, заявивших о себе в ряде крупных городов в начале XX века. Аргументируя от «должного» и «желаемого», как и прежнее народничество, новое эс-эрство резко расходилось с марксизмом—с его идеологическими категориями—о причинной необходимости общественного развития, о роли массы в революционном движении и т. п. Идейные разногласия эс-эровских групп с социал-демократами дали т. Ленину повод выступить в «Искре» (статьи «Революционный авантюризм») с беспощадной критикой их общих теоретических положений, их оценки общественого развития классовой борьбы России того времени и их методов борьбы—особенно террора.

Большого значения не приходится придавать группировкам народоправцев — предшественников русского либерализма.

Старое народничество, умирая, выделяло аморфные группы народоправцев, отходивших все более и более вправо от своих первоучителей. Народоправство где-то на периферии незаметно сливалось с земской «фрондой»—с либерализмом петиций и культурничества в стиле «лужения умывальников». Русский либерализм также претерпел к концу XIX века значительную эволюцию, и смог выявить себя только в новых формах уже после того, как рабочий класс показал «обществу» свою силу. Буржуазный либерализм организовывался не для борьбы с царизмом за власть, но главным образом для борьбы с социал-демократией и особенно с ее революционным крылом—с большевиками. Либерализм учитывал, что борьба рабочего класса может повести к действительно революционным потрясениям. «Освобожденцы» знали, что самодержавие может быть свергнуто лишь рукой рабочего класса. Они поэтому... готовились к моменту получения политической власти в свои руки и к удушению дальнейшей борьбы рабочего класса. Такова была тактическая линия «Союза

освобождения»—этого эмбриона кадетской партии будущего. Орган Союза — «Освобождение» устами ренегата П. Струве громко поведало об этих планах либерализма с первых же дней своего существования (в 1902 г.).

Так развитие промышленного капитализма в России создало в несколько десятилетий основные движущие классовые силы для революции 1905 г. и наметило главные линии борьбы, ее цели и формы.

Город с 80-х годов XIX века отвлек революционную энергию интеллигенции от деревни, направляя ее на фабрики и заводы. Здесь произошло необычайно быстрое оплодотворение и развитие пролетарского движения по типу стран Западной Европы.

Попытки самодержавного правительства принизить рабочее движение до полицейского социализма-зубатовщины потерпели определенный крах.

Расчеты либералов оказались также основанными на «песке» и рабочий класс прекрасно разобрался в их политике предательства.

Революционная фразеология эс-эров находила почву только в некоторых отсталых слоях пролетариата. С-д-тия и особенно ее левое крыло—большевики постепенно становились гегемонами в движении рабочего класса, а с ним и вообще в революционном движении России в начале XX века.

Прилагаемые документы подробнее иллюстрируют эту борьбу общественных сил.

А. В. Шестаков.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ГРУППЫ

КРУЖОК А. И. УЛЬЯНОВА.

Кружок А. И. Ульянова, мечтавшего воссоздать вновь партию «Народной Воли», возник в 1886 г. В феврале 1887 г. Ульяновым была составлена программа кружка, названная «Программой террористической фракции партии Народной Воли». По мнению автора программа эта была попыткой примирить теорию и практику народовольцев и социал-демократов и дать «научное объяснение террора».

Кружок Ульянова организовал покушение на Александра III («дело 1 марта 1887 г.»), но заговор был открыт, члены кружка арестованы, Ульянов и 4 его товарища были казнены, другие участники дела получили каторжные работы.

Ниже воспроизводятся выдержки из вышеуказанной программы в том виде, как она была восстановлена по памяти Ульяновым после ареста во время допросов. Выдержки эти опубликованы в статье А. С. Полякова. «Второе 1 марта». «Голос Минувшего», 1918 г. № 10—12[1].

ПРОГРАММА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ПАРТИИ „НАРОДНОЙ ВОЛИ“.

По основным своим убеждениям—мы социалисты. К социалистическому строю каждая страна приходит неизбежно, естественным ходом своего экономического развития; он является таким же необходимым результатом капи-

---

[1]) **О деле Ульянова, кроме статьи Полякова, см. воспоминания И. Д. Лукашевича, Петерб., 1920 г. и М. В. Новорусского. Записки Шлиссельбуржца. Петерб., 1920 г.**

талистического производства и порождаемого им отношения, насколько неизбежно развитие капитализма, раз страна вступила на путь денежного хозяйства. Этот закон не выражает собой, конечно, единственно возможного пути; он не исключает возможности более прямого перехода к социалистической организации народного хозяйства, если для этого существуют особо благоприятные условия в характере интеллигенции и правительства. Он выражает собой лишь ту историческую неизбежность, с которою каждая страна приходит к социалистическому строю, если ее развитие совершается стихийно, без сознательного участия в нем какой-либо общественной группы. Только на известной ступени экономического развития общества, при достаточной зрелости его, возможно осуществление социалистического идеала, и не только полное осуществление его, но и каждый шаг к нему возможен только как результат изменения в отношении общественных сил в стране, как результат количественного или качественного увеличения силы в рабочем классе. Только через сознание и волю самого народа могут воплотиться в его жизнь какие-либо принципы и только известные экономические условия обусловливают прочную подготовку народного сознания к восприятию социалистических идей. Параллельно с экономическим развитием страны идет ее политическая жизнь.

Политические завоевания совершаются активным выступлением значительной части населения государства, таковой в России считается крестьянство. В нем еще живы его старые традиционные принципы—право народа на землю, общинное и местное самоуправление, свобода совести и слова. Несмотря на значительное развитие в его среде мелкой буржуазии, крестьянство еще прочно держится общинного владения землей, а его несомненная привычка к коллективному труду дает возможность надеяться на непосредственный переход крестьянского хозяйства в форму, близкую к социалистической. При своей отсталости и неорганизованности крестьянство может оказать только бессознательную поддержку своим общим недовольством. Второй и главной революционной силой являются рабочие,—естественные носители социалистиче-

ских идей и проводники этих идей в крестьянстве; они будут иметь решающее влияние при экономической и политической борьбе.

Роль дворянства, духовенства и бюрократии пассивна, невелика сила и у нашей нарождающейся буржуазии. Правительство опирается на армию и через нее получает самодержавное могущество, потому необходимо иметь на нее воздействие наравне с другими общественными группами. Передовой отряд в политической борьбе—интеллигенция. Главные силы партии должны итти на воспитание и организацию рабочего класса и улучшение народного хозяйства. Но при существующем политическом режиме в России невозможна никакая часть этой деятельности.

Окончательные требования, необходимые для обеспечения политической и экономической независимости народа и его свободного развития, сводятся к восьми пунктам:

1) Постоянное народное представительство, выбранное свободно прямой и всеобщей подачей голосов, без различия пола, вероисповедания и национальности и имеющее полную власть во всех вопросах общественной жизни.

2) Широкое местное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей.

3) Самостоятельность мира, как экономической и административной единицы.

4) Полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и передвижения.

5) Национализация земли.

6) Национализация фабрик, заводов и всех вообще орудий производства.

7) Замена постоянной армии земским ополчением.

8) Даровое начальное обучение.

В отстаивании минимума свободы, террористы решили действовать заодно с либералами. Что же касается до социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретическими... Они сводятся, по мнению авторов проекта, к тому, что фракция возлагает больше надежды на непосредственный переход народного хозяйства в высшую форму и, придавая большое

самостоятельное значение интеллигенции, считает необходимым и полезным намедленное ведение политической борьбы. На практике же и террористы и социал-демократы действуют во имя одних и тех же идеалов и одними и теми же средствами, поэтому фракция убеждена, что социал-демократы всегда будут ближайшими товарищами.

Передовой лучшей части русского общества все дальше и дальше приходится отстоять от правительственных начинаний. Между правительством и интеллигенцией произошел разрыв уже давно, пропасть увеличивается с каждым днем. В борьбе с революционерами правительство пользуется крайними мерами устрашения, поэтому и интеллигенция вынуждена была прибегнуть к форме борьбы, указанной правительством, т.-е. террору. Террор есть, таким образом, столкновение правительства с интеллигенцией, у которой отнимается возможность мирного культурного воздействия на общественную жизнь. Чем сильнее будет гнет, тем чаще будут происходить террористические акты и правительство будет оказываться в этой борьбе все более и более изолированным. Успех такой борьбы несомненен. Террор должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа, подорвет обаяние правительственной силы и подействует пропагаторским образом на массы. Фракция стоит за децентрализацию террористической борьбы: пусть волна красного террора разольется широко и по провинции, где система устрашения еще более нужна, как протест против административного гнета.

Террор немедленно прекратится, если правительство удовлетворит минимум свободы и гарантирует выполнение следующих условий: 1. Полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и передвижений. 2. Созыв представителей от всего народа, выбранных свободно прямой и всеобщей подачей голосов, для пересмотра всех общественных и государственных форм жизни. 3. Полная амнистия по всем государственным преступлениям прошлого времени.

СОЦИАЛИСТЫ-ФЕДЕРАЛИСТЫ.

После трагической гибели группы террористов, близких к социал-демократии—Андреюшкина, Генералова, А. Ульянова и др. в разных местах России делаются попытки продолжать их тактику. В 1887 г., в Москве, среди учащейся молодежи работает группа во главе с Белевским, Николаевым и Серебряковым, которая называет себя то «Социально-революционной партией», то «социалистами-федералистами»[1]. В своей программе они ссылаются на традиции «Народной Воли» и выдвигают, как метод борьбы с правительством, революционную агитацию и террор.

В январе 1888 г. группа пускает по России в обращение № 1 своего органа «Самоуправление», отпечатанный в Цюрихе при содействии кружка Дембо и Дембского.

С № 3 «Самоуправление» стало обслуживаться Н. К. Михайловским и Флеровским. Обещали сотрудничество Г. И. Успенский и С. Н. Кривенко. С этого же времени организационный центр новой партии перешел в Петербург. Белевский после приглашения Михайловского отошел от журнала. В апреле 1889 г., вышел № 4 журнала. Аресты прервали работу группы и издание журнала.

ИЗ № 1 „САМОУПРАВЛЕНИЕ, ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“—ИЗ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ.

«Мы считаем возможным выставить следующие пункты, проведение которых в жизнь желательно и возможно, а, следовательно, и обязательно.

а) 1. Постоянное народное представительство, с законодательными полномочиями в вопросах общегосударствен-

---

[1]) **Прим. Социалистами-федералистами называли себя также чернопередельцы (см. ч. I „Хр.“).**

ных. 2. Широкое местное самоуправление для удовлетворения местных нужд. 3. Всеобщее избирательное право. 4. Полная свобода слова, совести, печати, ассоциации, собраний и избирательной агитации.

в) 1. Национализация земли. 2. Система мер, имеющих в виду передачу в руки рабочих или государства фабрик и заводов. 3. Широкий государственный кредит непосредственным производителям. 4. Организация обмена на началах общественности, с целью устранения в нем всякого излишнего посредничества».

Указав затем, что на пути к осуществлению намеченных целей партия столкнется с современным политическим строем, программа заявляет: «Поэтому, мы считаем необходимым, рядом с культурною деятельностью, повести и активную борьбу с абсолютизмом во имя политической свободы,—этого необходимого условия нормальной общественной жизни. Из путей, ведущих к этой свободе, путь народной революции мы считаем едва ли пригодным. Невозможно основывать никаких прочных надежд на таком стихийном явлении, как подобная революция, ни момент наступления, ни исход которой, к тому же, и предсказать нельзя. Мы не думаем, чтобы своевременно и экономично было затрачивать силы на дворцовую или городскую революцию: такой способ действия, не говоря уже об его трудности, может привести к нежелательным результатам,—мы не хотим менять одну деспотию на другую. Путь легальной агитации в печати, земствах и т. д., организация легальных общественных протестов и легального давления на правительство имеет за собой многое и нами усиленно рекомендуется. Но едва ли он один поведет к значительному успеху. Поэтому, в число путей борьбы с абсолютизмом мы считаем нужным включить путь, избранный уже людьми 1-го марта. Мы уверены, что если не отдельный террористический акт, то ряд таких актов, система их, при некоторой общественной поддержке, заставит монархизм, держащийся только разрозненностью общества и традицией рабства, положить оружие... Нечего и думать, что монархизм сразу положит оружие. Напротив, он употребит сначала все силы, чтобы задавить врага и сохранить свое положение. И только тогда, когда перепро-

бовавши все средства, он убедится, что враг сильнее его, что на место погибших бойцов встают новые,—только тогда решится он капитулировать. Перед смертью его мы вправе ожидать усиление реакции и гнета. Это тяжелое время надо пережить, оно не должно никого смущать. Предстоящие испытания не должны заслонять собою окончательного результата энергичной борьбы с абсолютизмом—политической свободы, при которой, с одной стороны, страна станет в нормальные условия жизни и развития, а с другой, культурная работа в народе получит то значение, которое мы хотели бы ей придать».

«ЛЕТУЧИЕ ЛИСТКИ ГРУППЫ НАРОДОВОЛЬЦЕВ».

«Группа Народовольцев» образовалась осенью 1891 г. в Петрограде. Руководящую роль в ней играли: А. Федулов, Е. Александрова, М. С. Александров (М. С. Ольминский) и Ергин. В группу входили: Белевский, Прейс, писатель Астырев и др. С января 1892 г. группа имела свою типографию и выпустила много брошюр и прокламаций. № 1-й «Летучего Листка» вышел 1-го апр. 1892 г., № 4 и последний в декабре 1895 г.

Группа вела большую агитационную и пропагандистскую работу в рабочих кружках. М. Александров одно время входил в центральный рабочий кружок (партийный центр) в Петрограде. Общая линия этой группы народовольцев была социал-демократическая. Изданный ею «Рабочий сборник» и особенно № 4 «Летучего листка» носят определенный социал-демократический характер. Из пяти руководящих членов группы четыре впоследствии вошли в социал-демократическую партию.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ИЗ № 4 «ЛЕТУЧЕГО ЛИСТКА ГРУППЫ НАРОДОВОЛЬЦЕВ».

Среди разнообразных толков, вызванных нашим апрельским номером, мы уловили, на-ряду с сочувственными нам отзывами, немало возражений, исходящих от политиков-революционеров и «аллианистов».

Возражения не новы, не новы будут и наши доводы; мы только повторим, развив подробнее сказанное нами раньше, чтобы читатель возможно полнее схватил существенные стороны нашего мировоззрения.

Говорят нам, что мы ошибочно видим главную силу грядущей революции в рабочем классе, а в социализме—необходимый лозунг борьбы. Говорят, что, опираясь на классовые интересы, мы агитируем в пользу социальной революции, так бесплодно манившей к себе социалистов-революционеров 70-х годов. Говорят, что противоречия классовых интересов в деспотическом государстве ничтожнее того главного и основного противоречия между притеснителями и притесняемыми, которое в России и должно рассматриваться в качестве революционного фермента. Мечтая о «социалистической» революции, на пороге необходимой, неизбежной, но еще не достигнутой политической,—мы не только нарушаем историческую перспективу, но и дробим силы. Наконец, нам говорят, что в привилегированных классах, которым по существу социализм чужд, мы найдем больше оппозиционных элементов, чем в рабочем классе,—так не будьте же «красными», уберите, спрячьте до поры, до времени ваш социализм.

Возражения сводятся, следовательно, к двум тезисам: 1) политическое освобождение должно предшествовать социализму; 2) политическое освобождение должно быть делом всех классов общества и его легче совершить, опираясь на классы более просвещенные.

Эти положения мы слышали давно, преимущественно от либералов. Если бы нам указали на связь их с политической неудовлетворенностью и социальной удовлетворенностью привилегированных классов, то мы едва ли стали бы возражать против этого. Но теперь мы хотим обратить внимание на другое обстоятельство. Именно на то, что, устанавливая такую постепенность в осуществлении исторических задач, предполагая, что в известный период человечество занято решением только политической задачи, в следующий—только социальной—нарушают и действительно наблюдаемую и логически необходимую связь между юридическими формами данного общества, реальными отношениями, в них выражающимися, и идеями, их освещающими. В действительности, всякая политическая революция предполагает совершающуюся или совершившуюся социальную, т.-е. изменившееся отношение вещей, в большей или меньшей степени сознанное. Поэтому, к

политической революции можно вести только путем пропаганды и агитации на почве социальных интересов и отношений, не нашедших себе удовлетворения и признания. Формы, которые принимает политическая революция, вполне зависят от соотношений социальных сил, разрывающих старую оболочку. Таково общее теоретическое положение.

Отсюда—практический вывод: грядущая политическая революция тем в большей мере удовлетворит социалистическим требованиям, чем полнее будет соответствовать интересам трудящихся классов, чем больше ясности и напряженности достигнет в них сознание своих классовых интересов, средств их удовлетворения и чем громче будут заявляться эти требования.

Нет политического освобождения, отвлеченно взятого. В действительности существуют только конкретные формы его. Правовое государство, представительное правление, права личности могут быть уже или шире; различные классы общества в разной мере могут пользоваться благами завоеванных прав и свободы. Ведь и современная Австрия с подавляющим господством аристократии и буржуазии—правовое государство со свободными политическими формами и представительным правлением. Мы, социалисты, не можем не стремиться к политической свободе, соответствующей интересам трудящихся классов. Мы должны сделать все возможное, чтобы реальное содержание правового государства, построенного на развалинах абсолютизма, возможно полнее отвечало требованиям всей массы народа и требованиям социализма.

Мы не думаем, чтобы указание на «безрезультатность» агитации социалистов-революционеров 70-х годов в пользу социальной революции говорило против нас.

В трудном многовековом деле человеческого обновления как можно говорить о безрезультатности деятельности пионеров предстоящей еще великой и продолжительной борьбы? Результаты будут, но как плод долгой подготовительной работы.

На Западе в нашем столетии всем революциям предшествовала не только демократическая, но и социалистическая агитация в рабочей среде. Во Франции до 1848 года провозвестниками социализма были Сен-Симон, Фурье, Луи-

Блан, Бланки. В 1848 году издал Маркс свой «Манифест Коммунистической Партии».

Мы видим положительные плоды их деятельности в тех революциях, которыми ознаменовался рост сознательного классового антагонизма, в тех зачатках организованной рабочей партии, которые имеются теперь. Но всему этому предшествовали моменты, когда социалистические идеи только разбрасывались в рабочей массе с глубокой верой, что она представляет для них благодатную почву.

Такой момент переживали мы в 70-х годах, его же переживаем и теперь с той только разницей, что мы можем с большей успешностью употребить наши силы, чем это сделало революционное народничество. Утопический социализм позволял верить, что его делу могут служить все люди, все классы гражданского общества, что «народ» во всей своей совокупности способен легко воспринять социалистический идеал, потому что между ним и истинными устоями народной жизни живет тайная, хотя и не достаточно сознанная, гармония. В силу этих взглядов революционеры 70—80 годов потеряли не мало времени и труда на бесплодных попытках организовать «народ». Мы же давно потеряли веру в скрытую социалистичность «народа», тем более в социалистичность такой неопределенной среды, как «общество». Мы ставим себе более ясную и определенную задачу, опираясь на интересы того класса гражданского общества, который объективным ходом вещей приводится к социализму, организовать его в политическую силу. А это возможно только во имя революционного социализма.

Желая доказать, что мы идем неверным путем, указывают на Запад, где социалистической революции, еще не наступившей, предшествовала политическая революция, поставившая на смену абсолютизма буржуазный режим. Этой смене соответствовала замена деспотии государством политически свободным. Говорят, что политически свободные формы, хотя бы буржуазные, были плодом благородной борьбы буржуазии, интеллигенции, следовательно, привилегированных классов, и что, поэтому, наша агитация не должна игнорировать могучих оппозиционных слоев, хотя бы не социалистических. Отсюда проповедь «альянса».

Мы не будем утверждать, что дарование абсолютным монархом конституции в ответ на верноподданнические ходатайства земств, городов и проч. совершенно невозможно. Но, во всяком случае, это совсем мало вероятно,—до невероятности! И строить на этом фундаменте наши расчеты мы отказываемся.

Политическая свобода дается только борьбой, а борьба, из которой рождается новая общественная форма, никогда не была бескровной. Нечего тешить себя иллюзиями, что у нас будет иначе.

В 1789 году, в феврале и марте 1848 года, в 1870 году из кровавой борьбы родились буржуазные республики и конституционные монархии. Чья же кровь расчистила им дорогу? Кровь буржуазии, но, главным образом, кровь зарождавшегося четвертого сословия; физическое содействие масс было необходимо, чтоб сломить абсолютизм.

Мы хотели бы знать, возможно ли физическое участие народа в революции, несущей ему смерть и жизнь, без его нравственного участия? Нравственное же участие четвертого сословия в деле борьбы за политическую свободу возможно только при понимании им значения политической свободы для него, т.-е. для его борьбы за классовые интересы. И всегда народ, рабочий класс, городской пролетариат вносили во все революции свои социальные нужды и социальные идеалы. В великую революцию—и это сделало ее великой—народ рядом с буржуазной «свободой» провозгласил идеи демократического равенства и братства. Он не жертвовал бы жизнью за одну голую «свободу», хотя она тогда была для него синонимом уничтожения феодальных прав. В 1848 году идеи социализма преимущественно в утопической форме двигали пролетариат. Но он не поднялся бы, если бы не верил, что замена Луи-Филиппа Ламартином и К-о принесет ему улучшение его материального и гражданского положения.

В 1789 году революция принесла разделение граждан на активных и пассивных, в 1848 году во Франции—июньские дни, в Германии—классовой закон. На другой день революции народ оказывался обманутым. И кровавые столкновения его с буржуазией являлись выражением глубокого внутреннего противоречия интересов четвертого и

третьего сословий. Мы ставим себе задачей формировать революционное сознание рабочего, чтобы в день революции народ выступил не как пушечное мясо, а как организованный класс, ясно сознающий, что только в торжестве социализма он найдет удовлетворение интересов труда. Его завоевания будут тем более, революционные учреждения тем полнее соответствовать его интересам, чем больше он будет сознавать себя социалистической фракцией общества. А это сознание дается рабочему только проповедью революционного социализма.

В сущности принципиальное признание социалистической деятельности должно стоять вне спора: вопрос может быть только о том, какой тактики держаться социалистам по отношению к своим возможным союзникам, не поступаясь своей программой.

Социалистам-революционерам принадлежит, конечно, определенное место в сложном процессе борьбы разнообразных, разнородных, противоречивых интересов с отживающим классом. Социальная эволюция, в конечном результате приводящая к социализму, совершается не только нами. Абсолютизм, запутывающийся в противоречиях, буржуазия, соперничающая в преобладании с дворянством, расхищающая народное богатство, на-ряду с нами хоронят отживающий порядок и закладывают основу нового. Но следует ли из этого, что мы должны взяться за их работу? Кто же сделает наше дело, не говоря уже о том, что их работа противоречит нашим побуждениям, целям, нашей этике? Мы знаем, что буржуазия фактически союзник нам на известном протяжении нашего пути, что она, может быть, революционна, и что буржуазный режим выгоднее для нашего дела, чем режим абсолютизма. Но мы не верим, что, маскируя свои социалистические принципы, мы могли бы своим красноречием, ловкой аргументацией заставить буржуазию в лице земских собраний, городских дум или других каких-либо учреждений делать то, внутренняя потребность в чем в ней не созрела. Буржуазия, как развитой общественный класс, как сознательная политическая партия, стремящаяся к торжеству своих интересов, всегда правильно определит соответственный образ действий. Если ей выгодно будет занять революционное по-

ложение, она займет его; если большие выгоды будут на стороне легальной оппозиции, она будет следовать этому пути; если больше выгоды представит союз с абсолютизмом, она не откажется от союза.

Буржуазия организуется в оппозицию или под давлением своих интересов, удовлетворить которым современное правительство не будет иметь средств, или под влиянием враждебных ей правительственных предприятий.

В объективных условиях гражданской жизни должно искать моменты, которые революционизируют буржуазию. Мы их создать не можем, в силу этого мы не можем организовать буржуазную оппозицию. Мы могли бы эксплоатировать тот момент, когда объективный ход вещей приведет буржуазию к невозможности жить при архаических политических условиях,—но она и без нас сумеет выставить вождей, обладающих силою, талантом, умением; она выработает организацию и проявит у нас ту силу, которую доказала на Западе. Может быть, тогда она будет искать союза с нами или же будет спасать монархию от «крамольников», подрезая абсолютизму крылья. И в том и в другом случае она попытается проникнуть в храм свободы по нашим трупам. Но, конечно, она будет руководствоваться только своими соображениями, точно так же, как мы должны руководствоваться своими.

Но, скажут нам, мы не говорим о союзе с буржуазией. Так с кем же? С оппозиционным либерализмом? С тем оппозиционным течением, в основе которого лежит развитая совесть, развитой ум, гуманное чувство? Но пора же перестать говорить о либералах, об интеллигенции, как о группах вне времени, пространства и материальных интересов находящихся. Точно так же, как пора перестать говорить о либерализме органов самоуправления — земстве и проч.

Было, действительно, время—недавно, двадцать-тридцать лет тому назад, когда только что лопнули узы, сковывающие русскую жизнь, и новые партии, новые умственные течения, точно так же, как общественные классы, не успели еще разобраться, оформиться.

Коренная реформа русских общественных отношений— уничтожение рабства —всколыхнула все умственные силы

народа, изменила условия жизни и развития его. Тогда было время, когда привилегированное полудворянское земство страстно стремилось послужить народу. Тогда было время, когда интеллигенция, как неопределенная совокупность развитых людей, являлась выразительницей такого же неопределенного начала света, гуманности, человеческого достоинства, свободы. Этой глубокой неопределенностью общественных отношений, этой невыясненностью интересов только что получивших новую группировку отчасти объясняется и тот успех, который среди бюрократии, помещиков, дельцов, либеральных профессий имел в начале семидесятых годов социалист-революционер с нигилистическим оттенком. Но с тех пор немного прожито, но много пережито. Определился истинный смысл социалистической революционной борьбы. Выросла и развилась буржуазия, абсолютизм выяснил себе направление, которого должен держаться.

В стране с определившимся капиталистическим направлением в промышленной жизни просты, ясны и определенны общественные силы, цели, интересы и партии с их девизами.—У нас на-лицо абсолютизм во всеоружии реакции; дворянство, им вновь возрожденное; буржуазия, крепнущая и растущая; крестьянство, распадающееся на мелкую буржуазию и сельский пролетариат, и, наконец, городской пролетариат. Абсолютизм и дворянство принадлежат прошлому; буржуазия и рабочий класс—будущему. Нет оппозиционного течения, которое, опираясь на реальные интересы,—а только такое имеет силу,—не коренилось бы в том или другом из этих последних классов.

В дифференцированном обществе с развитыми классовыми противоречиями, мысль также дифференцирована и не может не быть выразительницей этих классовых интересов и противоречий. Интеллигенция—представительница мысли, должна быть или социалистична, если она на стороне труда, или буржуазна. Поэтому, мы не верим, чтобы нашему делу могли служить дворянские земства, буржуазное городское самоуправление, «просвещенные» газеты и журналы.

Эта интеллигенция имеет свои задачи и свою историческую роль.

ЛЕТУЧИЕ ЛИСТКИ «ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ».

В 90-х годах в Лондоне сгруппировалось много старых революционеров и в их числе Чайковский, Кравчинский, Дембский и др. Для издания и направления в Россию литературы в 1892 г. начал функционировать специальный внепартийный «Фонд вольной русской прессы».

«Фонд» существовал до 1901 г. и успел выпустить до 100 названий разных книг, брошюр и «Летучих листков». № 33 «Летучего листка» с ниже приводимой статьей Чайковского характерен, как рабочее движение 90-х годов высоко расценивалось в эмигрантских кругах, как оно влияло на такие оппортунистические умы, как Чайковский, глава «белого» правительства в Архангельске в революцию 1917 года.

НОВАЯ СИЛА.

Два явления громадной исторической важности постепенно обозначались в течение последнего времени на безотрадном фоне русской общественной жизни. Это почти беспрерывный ряд стачек на фабриках и заводах и запрос на образование и чтение в массе городского и даже сельского населения. А если к ним прибавить еще и третье— необыкновенно быстрый рост рационалистических сект в народе, несмотря на бесчеловечные, чисто византийские репрессалии,—то получится полная наличность симптомов пробуждения народного самосознания во всех сферах жизни. Едва ли возможно преувеличить значение этого события. Оно свидетельствует с несомненной ясностью факта о нарождении нового культурного слоя, нового фактора в русской народной жизни, фактора, который неизбежно должен повлиять на перераспределение сил или

вернее—на перемещение центра тяжести среди прогрессивных и реакционных ее элементов. Лет 25 тому назад, в самом начале народнического движения 70-х годов, о создании *народной интеллигенции*, как основной культурной силы, на которую могла бы опираться истинно народная политическая партия, у нас только мечтали. Самому движению «в народ» в виде конкретной задачи ставилась организация передовых кадров в среде фабричного и сельского населения, группирующихся вокруг образованных пропагандистов, расселенных в качестве учителей, писателей, фельдшеров, ремесленников и рабочих по всему лицу земли русской.

Столкновение с самодержавием заставило позднее видоизменить эту тактическую программу, но идея народной интеллигенции—до некоторой степени совпадающей с идеей организованного рабочего пролетариата,—как промежуточного мыслящего слоя между культурной и стихийной Россией, была глубоко верна, и только теперь, через 25 лет доросла в самой толще народного тела до своей реализации. *Тридцать лет тому назад*, при *воцарении Александра III*, рабочий народ столицы был не менее равнодушен к лицемерным ликованиям и даже ходил в Царское Село просить у царя расплаты за прогульные дни, но тогда его ничего не стоило обмануть и заставить опять запречься в свою рабочую лямку без всякой серьезной попытки добиться своего права. Не то теперь: мишурная выставка верноподданичества в Москве со своими последствиями на Ходынском поле вызвала сначала демонстрацию на Невском проспекте, а затем стачку почти всех фабричных рабочих Петербурга, последствия которой совершенно невозможно предвидеть. И это несмотря на 13 лет свинцового царствования Александра III, несмотря на непрерывные гонения на народную совесть, мысль, литературу, образование, выборные учреждения, гласный суд и т. п.

Все эти репрессалии порождали и углубляли реакцию и уныние в культурных слоях, но не могли помешать образованию новой формации в народных массах, причина которой, очевидно, лежит глубже всех хитросплетений самодержавно-капиталистического заговора против русского народа.

И что особенно характерно в этом отношении—это, что догадливое начальство, задавшееся мыслью наполнить собою и землю, и воду, и воздух российской территории, монополизировать все отрасли жизни и труда—само лезет на рожон и превращает всякую стачку в предметный урок гражданской мудрости. Считая стачку рабочих политическим преступлением, оно при всяком удобном случае выступает из-за спины капиталиста и воочию убеждает стачечников, что им нет возможности свести своих счетов с фабрикантом, не расчитавшись с самодержавием, и с другой стороны, что между самодержавной властью и справедливостью нет и не может быть ничего общего: она их бьет и преследует за то, что они ищут своего *права*, и имеет наглость открыто в этом сознаваться. Таким образом, движение рабочих, требующих хлеба, фатальным образом превращается в движение граждан, требующих свободы.

Не то ли самое повторяется с ищущими знания или жаждущими нравственной истины?

Вот почему отныне нужды и требования этой новой силы лягут в основание всякой передовой деятельности в России. Ей, этой народной интеллигенции, этому рабочему пролетариату, как сознательным выразителям затаенных мыслей, темных запросов народных масс, принадлежит будущее.

Привет вам, братья!

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Первой русской революционной группой за границей, ставшей на почву марксистского научного социализма, была группа «Освобождение Труда», в которую вошли бывшие чернопередельцы Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, П. Б. Аксельрод и В. Н. Игнатов.

Еще в 1882 году будущими членами группы под фирмой «Социально-Революционной Библиотеки» были изданы: «К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перевод и пред. Г. Плеханова. С пред. авторов к русскому изданию и к немецкому изд. 1872.», «К. Маркс. Наемный труд и капитал. С 2 прил., пер. Л. Г. Дейча».

Плеханов, Дейч, Аксельрод и Засулич, кроме того, напечатали ряд статей в «Вестнике Народ. Воли», в календаре «Народной Воли» и пр.

Первое издание от имени группы «Освобождение Труда» было составленное Г. Плехановым и вышедшее в свет 25 сентября 1883 года извещение об издании «Библиотеки современного социализма».

25 октября того же года группа выпустила в свет свою первую боевую работу — произведение Г. Плеханова «Социализм и политическая борьба».

«Вестник Народной Воли» отказался напечатать эту работу Плеханова, считая ее полной ересей. Вспоминая это начало своего выступления в борьбу с идеологией народничества и народовольчества, Г. Плеханов в предисловии к собранию своих сочинений (Женева 1905 г.), говорит, что его тогдашнее миросозерцание представляло «логическое развитие основной мысли, увлекавшей его еще тогда, когда он работал в органах революционного народничества». Эта основная мысль—было материалистическое объяснение истории, всецело воспринятое Плехановым от

Бакунина, считавшего теорию исторического материализма великим открытием и неоспоримой заслугой авторов «Капитала». Но Бакунин, как известно, «перегибал палку», заявляя: «если *политические* отношения всякого данного общества основываются на его *экономических* отношениях, то «политика» не может служить средством освобождения пролетариата».

Чернопередельцы целиком восприняли эту бакунинскую ошибку. Народовольцы поступили как раз наоборот, «обнаружив большую симпатию к взглядам Дюринга, который считал политическую силу основным двигателем исторического развития».—Это, по заявлению Плеханова, была огромная ошибка, которая не замедлила наложить свою печать на все политические взгляды и на всю политическую деятельность народовольцев. Эта ошибка помешала им понять, что сила и значение всякой данной политической *партии* обусловливается силой и значением того общественного *класса*, интересы которого она представляет и защищает. А не понимая этого, народовольцы не сумели возвыситься и до понимания того, что наиболее революционная точка зрения нашего времени есть классовая точка зрения пролетариата. Народовольцы не пошли дальше бланкизма...точки зрения *заговора*.

Партия «Нар. Воли» была не более как тайной организацией заговорщиков, пользовавшейся большими симпатиями со стороны так называемого *общества* и по временам заводившей так же связи с рабочими, но главные свои упования возлагавшей на революционную *интеллигенцию*. С этой стороны «народовольчество» было большим шагом назад сравнительно с народничеством, которое, при всех своих ошибках, имело все-таки ту заслугу, что твердо помнило 1 § устава Интернационала: «*освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих*». Группа Освобождения Труда сумела найти синтетический выход из этих двух точек зрения, отведя политической борьбе надлежащее место в своей программе («всякая классовая борьба есть борьба политическая») и связав эту борьбу с основными положениями научного социализма. Брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» и была первой попыткой группы решить эту насущную задачу.

Дальнейшая издательская работа группы была весьма успешна.

Наибольшую ценность представляла из себя вторая большая политическая работа Плеханова «Наши разногласия», вышедшая 22 июля 1884 г. Выполняя свои обязательства, прокламированные в объявлении «о библиотеке современного социализма», группа издала ряд работ Маркса и Энгельса, несколько брошюр, сборников, полемических боевых статей по вопросам момента. О них речь будет ниже.

«Объявление» перепечатано из соч. Г. В. Плеханова т. I ч. I и II (1878—1884 г.г.) стр. 99.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «БИБЛИОТЕКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА».

Борьба с абсолютизмом—историческая задача, общая русским социалистам с другими прогрессивными партиями в России—не принесет им возможного влияния в будущем, если падение абсолютной монархии застанет русский рабочий класс в неразвитом состоянии, индиферентным к общественным вопросам или не имеющим понятия о правильном решении этих вопросов в своих интересах.

Поэтому, социалистическая пропаганда в среде наиболее восприимчивых к ней слоев трудящегося населения России, и организация по крайней мере наиболее выдающихся представителей этих слоев составляет одну из серьезнейших обязанностей русской социалистической интеллигенции.

Необходимым условием такой пропаганды является создание рабочей литературы, представляющей собой простое, сжатое и толковое изложение научного социализма и выяснение важнейших социально-политических задач современной русской жизни с точки зрения интересов рабочего класса.

Но прежде, чем взяться за создание такой литературы, наша революционная интеллигенция должна сама усвоить современное социалистическое миросозерцание, отказавшись от несогласимых с ним старых традиций. Поэтому, кри-

тика господствующих в ее среде программ и учений должна занять важное место в нашей социалистической литературе.

Всякий, знакомый с современным состоянием нашей социалистической литературы, знает, как мало удовлетворяет она обоим вышеуказанным требованиям.

Члены группы, впервые приступившей к изданию «Черного Передела», (в 1879—1880 г.г.), решились всеми зависящими от них средствами способствовать пополнению этих пробелов и с этой целью приступают теперь к изданию «Библиотеки современного социализма».

Вполне признавая необходимость и важность борьбы с абсолютизмом, они полагают в то же время, что русская революционная интеллигенция слишком игнорировала до сих пор вышеуказанные задачи организации рабочего класса и пропаганды социализма в его среде; они думают, что борьба ее с правительством не сопровождалась в достаточной мере подготовлением русского рабочего класса к сознательному участию в политической жизни страны. Разрушительная работа наших революционеров не поднялась созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России.

Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного Передела», образуют ныне новую группу «Освобождение Труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями...

ПЕРВЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ.

1) Группы «Освобождение Труда» и 2) Проект программы русских с.-д.

Первая программа была написана в 1883 году Г. В. Плехановым и опубликована в июле 1884 года.

В 1885 году группой был выработан второй «Проект программы русских социал-демократов» [1]. Оба проекта широко распространялись в кругах революционной интеллигенции и сыграли большую роль в оформлении партийных взглядов.

В первом из проектов есть ряд «уступок» народовольчеству—об общине, о терроре и т. п., от которых потом группа решительно отказалась. «Уступки» делались группой в целях привлечения народовольцев к совместной практической революционной работе в России (см. предисловие Плеханова к Собр. его сочинений т. 1, стр. 15).

I.

ПРОГРАММА ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического *накопления*, а местами,—в наших промышленных центрах,—оно испытывает уже гнет капиталистического *производства*, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодей-

[1] По указателю Л. Каменева „Социал-демокр. издания“ стр. 6 „Проект программы русских с-д.“ впервые был издан за границей в 1888 г. в виде приложения к брошюре „Чего хотят социал-демократы“, являющейся переводом брошюры Геда и Лафарга: „Программа рабочей партии“.

ствием самих рабочих. Современная Россия страдает,— как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента,—не только от развития капиталистического производства, но и от недостатков этого развития.

Одним из вреднейших средств этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя *инициативу* борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты, со своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, *позорные* действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижений и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместных с достижением человека.

Но цель эта останется недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсо-

лютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому, на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной *подготовки* их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями...

Группа «Освобождение труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией *Народной Воли* лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.*

Группа «Освобождение труда» *ни мало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России.* Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя социалистическая интеллигенция может с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов *должно будет измениться, если в крестьястве обнаружится самостоятельное революционное движение,* и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа «Освобождение труда» не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старания, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.

Женева, 1884 года.

II.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ.

Русские с.-д., подобно с.-д. других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех *средств и предметов* производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т.-е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану, в виду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем—господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательстом.*

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает *солидарность интересов производителей всех стран,* признанная и провозглашенная еще Международным товариществом рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда, в общем, диаме-

трально противоположны интересам эксплоататоров, и так как, поэтому, высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений,—то неизбежным предварительным его условием является *захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран.* Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а, следовательно, и программы социал-демократов естественно должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующими, и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени отмены крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплоатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы, прежде всего, на пользу крестьянству, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочув-

ствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии, умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда—неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижный и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем, как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных ор-

ганизаций. Тесно связанные между собою в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент, к общему на него нападению, при чем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, при чем государство должно снабдить бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижений и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замена постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, например:

1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделение ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и. т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей *инспекции с представительством от рабочих*.

4) Государственная помощь производительным *ассоциациям*, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такою силою явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание: Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА 1885 г.

Стачка возникла 8 января 1885 г. на фабрике т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сына и К⁰ в Орехове-Зуеве и явилась блестящим примером мужественной, упорной и солидарной борьбы рабочего класса. В стачке участвовало до 8,000 рабочих.

Чтобы сломить упорство рабочих, пришлось вызывать губернатора, прокурора, войска всех родов оружия. Стачкой руководили высланные ранее из Петербурга рабочие Мосеенко [1]) и Волков—участники стачек 70-х годов. Орехово-Зуевская стачка послужила толчком другой стачки рабочих в Иваново-Вознесенске. Под влиянием этих стачек был издан закон 3 июня 1885 г.—«Правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры» и «Особенное правило о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих».

«Требования рабочих» морозовской стачки дают ценный исторический материал для характеристики быта и настроения рабочих того времени.

Они заимствованы из «Архива истории труда в России», кн. 2-я, стр. 46—47. См. «Морозовская Стачка» под ред. П. Рязанова. Изд. «М. Рабочий». 1923 г.

ТРЕБОВАНИЯ ПО ОБЩЕМУ СОГЛАСИЮ РАБОЧИХ.

По общему нашему согласию Рабочих при фабрике Саввы Морозова и Компании и сын. Также и потребованию нашему с хозяина возвратить штраф в пользу Рабочих с паски 1884 года ткачей, также и придильщиков в пользу хозяина оставить неболее пять процентов с Рубля выработки. О положению хозяина уволить Рабочих от работ

---

[1]) В официальных документах фамилия т. Мосеенко переделана в Мосеенок. См. об этом в кн. „Морозовская стачка“.

хозяин обязан удовлетворить по условленному договору нашей расписки т.-е. до паски по 23 марта 1885 года без всякого вычета.

Также по нашему общему согласию мы, Рабочие, уже в продолжении несколько лет нашей Работы мы желали бы возбудить выработки 1880—81—82 также года когда все мы Рабочии были добольны нашими выработками и не имели никакой притензии на хозяина, также мы все Рабочии в течение 1884 и по 1885 год осталися небеспечнами в своей Работе, что мы не можем оправдать самих себя нежели своева семества и остаемся не удовлетворительными своему обществу казенных повинностей.

ТРЕБОВАНИЯ РАБОЧИХ.

Во-первых:

1-е. По изданному Государственному закону хозяин недолжен производить чрезмерных штрафоф, которыми обременяет своих рабочих. Мы рабочии требуем, и просим, чтобы штрафы не пребышали пяти % заработанного рубля, и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе, и вызывался не более двух раз в течении месяца.

2-е. Вычет за прогул, чтобы не привышал более одного рубля, но стем чтобы и хозяйн также был бы обязан уплатить рабочему за прогул происходящий по вине хозяйской, как то запростой из заоснов поломки машин и переделку оных надругии работы и пр. и пр., чтобы каждый прогулянный час записывался в тетрадь ращетную или заработную, считая повыработки нонеменее сорока копеек в день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3-е. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданному Государственному закону чтобы каждый рабочий мог получить полный ращет без всякого вычета и задержки по заявлению рабочим за 15-ть дней о нежелание продолжать работу. Также и хозяин обязан объявить рабочему за 15-ть дней о его ращете, и все это записывалось бы в ращетные тетради. Буде-же будет не исполнено с какой либо стороны то чтобы удовлетворялось двух недельной заработной платой, как с рабочего так и с хозяина.

4-е. Доброкачественный материал соответствующий спросу о работе, и заявление осем происходило бы с свидетелями тех рабочих, которые работают по близости и записывались бы в товаро-приемную книгу записи в книжку излишней меры в аршинах не превышать вес товара не учащать ращет бердов и плотность товара. До сего времени отнас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы не объявленные в расценках производились бы поденной платой до тех пор пока рабочие окончательно усвоят эту работу и объявят за сколько можно работать. Такой то товар. Без общего соглашения нарасценки выстановленные конторой учредить государственный контроль, который уравнял-бы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих запрогул содня нащей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать по прозбе рабочих неменее 40 копеек в день.

Без препятственное выдача харчей, до тех пор пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой росписки. По тому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо что: (деньги получены сполна). Также и набудущие время не задерживать. Потому, что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалованья не задерживалось бы далее 15-го или в первую субботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях, и чтобы староста не мог служить более трех месяцев, в виду того чтобы не усвоить для хищения сбыта; производить ежемесячный учет. Уволить от должностей тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской»[1].

---

[1]) **Большинство требований, приведенных выше, были признаны законом 3-го июня 1886 года.**

БЛАГОЕВСКИЙ КРУЖОК и ГАЗЕТА «РАБОЧИЙ».

В 1884 г. в Петербурге болгарином Благоевым (создатель революционной болгарской партии с.-д. «тесняков») был организован первый в России социал-демократический кружок, в который входили 15—16 студентов и студенток, 2 инженера-архитектора, 1 журналист и 2 профессионала-революционера из нелегальных чернопередельцев. Кружок связался с группой «Освобождение Труда», принял ее программу и начал издавать газету «Рабочий», как орган партии русских социал-демократов. Во втором номере этой газеты в 1885 г. и было помещено нижеприлагаемое письмо Г. В. Плеханова к петербургским рабочим кружкам [1].

В 1886 г. последовал арест главнейших деятелей кружка, провал типографии (взяты: В. Харитонов, Бутков и Теселкин). В 1887 г. все члены кружка сидели по тюрьмам, а Благоева еще ранее правительство выслало за границу.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКИХ РАБОЧИХ.

Дорогие товарищи! Я получил приглашение сотрудничать в журнале «Рабочий» и охотно принимаю это приглашение, чтобы побеседовать с вами о задачах нашей нарождающейся социал-демократии.

Я потому обращаюсь с письмом именно к вам, к кружкам рабочих, что у нас в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение.

[1]) **Здесь оно перепечатывается с некоторыми сокращениями.**

Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна итти с рабочими, а наше крестьянство должно итти за ними. При такой постановке вопроса, наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность.

После этой оговорки, я прямо перехожу к вопросу о том, каковы современные задачи русских рабочих.

В чем заключаются эти задачи, задачи тех рабочих кружков, которые уже существуют в России и которые должны, постепенно умножаясь и расширяясь, составить грозную силу русской социал-демократии?..

Каково ваше современное положение? Во-первых, вы— рабочие; а, во-вторых, вы граждане или, так как граждан у нас пока нет—вы обыватели русского государства.

В качестве рабочих вы продаете свою рабочую силу хозяину и обязаны трудиться на него с утра до вечера. Своим упорным, тяжелым, изнурительным трудом вы другим создаете огромные богатства, а сами имеете лишь ту скудную заработную плату, которая не всегда достаточна даже для того, чтобы позволить вам восстановить свои силы и предохранить своих детей от преждевременного изнурения.

Но и эта скудная плата не целиком попадает в ваши карманы. Получивши ее от хозяина, вы должны еще платить из нее налоги и подати, которые поступают в государственную казну. В этом случае вы являетесь в качестве «обывателей», обязанных платить не рассуждая о том, куда идут собранные с них деньги.

В качестве рабочих, вы вступаете в договор с вашим хозяином. Вы обещаетесь работать, он обещается платить вам известную сумму денег поденно или поштучно. Но вот ваш хозяин находит, что платить вам условленную плату ему невыгодно. Он вывешивает объявление, в котором доводит до вашего сведения, что с такого-то числа ваша поденная или поштучная плата будет понижена на столько-то. Вы не соглашаетесь на такое понижение и объявляете ему, что не станете работать. Приходит назначенный день, фабрика или завод пустеет. Тогда хозяин идет в полицию и говорит, что вы «бунтуете». На место действия спешат

городовые, жандармы, казаки, многих из вас хватают, сажают в тюрьмы или высылают, а остальных насильно заставляют итти на работу. В этом случае вы опять-таки являетесь в качестве «обывателей», отданных в жертву полицейского произвола и насилия.

В качестве рабочих, вы испытываете теперь многочисленные бедствия. Если вы задумаетесь о том, как избавиться от этих бедствий, если вы станете собираться и обсуждать ваше положение, если вы начнете читать книги, которые зовут вас на борьбу с вашими притеснителями—вас опять объявят бунтовщиками, вас будут обыскивать, арестовывать и жестоко наказывать по суду или без всякого суда административным порядком. И в этом случае вас преследуют не как рабочих такой-то фабрики или такого-то завода, а просто как бесправных «обывателей», которым запрещено думать, как они хотят, и говорить, как они думают.

Во всем мною сказанном нет, как вы знаете по собственному опыту, ни малейшего преувеличения. Напротив, изображая ваше положение лишь в общих чертах, я не мог коснуться многих таких подробностей, перед которыми побледнело бы все вышесказанное.

Но для моей цели довольно и сказанного. Уже из него видно, что ваши задачи также должны иметь две стороны, как имеет их ваше современное положение.

Вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев и экономической эксплоатации, а, во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас—пока еще бесправных обывателей—свободных граждан свободной страны. Другими словами, вы должны бороться во имя политической свободы.

Ваши западно-европейские братья давно уже поняли тесную взаимную связь названных задач. Они видят в своих политических правах могучее средство борьбы за свое экономическое освобождение и не променяют этих прав ни на какие подачки существующих правительств.

Мало того. Когда в 1878 году петербургские рабочие-социалисты организовались в «Северно-Русский Рабочий Союз», они также выразили в своей программе убеждение в том, что экономическое освобождение трудящихся нераз-

рывно связано с политическим освобождением, они думали так, несмотря на то, что социалисты из так называемой интеллигенции говорили им, что рабочим вовсе не следует интересоваться политическими вопросами,—до такой степени эта мысль, естественно, вытекает из всего положения рабочего класса, до такой степени основывается она на самой бесправной действительности!

Перед русским рабочим классом стоят две задачи: одна—экономическая, другая—политическая. Только разрешивши обе эти задачи, он достигнет своего социального (общественного) освобождения, т.-е. создаст новый общественный строй, удовлетворяющий все его потребности и не противоречащий всем его интересам.

Чем же могут быть разрешены эти задачи?

Они могут быть разрешены только силой.

Современное правительство не даст вам добровольно политических прав, землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словом, те, в руках которых скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно отдать их в ваше распоряжение. Между тем, вам необходимо как то, так и другое. Вам остается, поэтому, припомнить, что народное благо есть высший закон и во имя этого блага силой заставить ваших врагов сделать то, к чему вы не склоните их никакими просьбами, никакими увещаниями.

Итак, только силой можете вы добиться своего освобождения. Значит, вам нужна сила, нужно очень много сил. В чем же она заключается?

Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, т.-е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности, и 3) от его тактики, т.-е. от умения во время нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже самой ничтожной победой, для облегчения своих дальнейших действий. Я не говорю о смелости, о той бесповоротной решимости во что бы то ни стало добиться своих целей, без которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условие подразумевается само собою и может быть выражено русской пословицей: «волков бояться, так и в лес не ходить».

В настоящее время огромное большинство крестьян и рабочих недовольно своим положением. Местами недоволь-

ство это выходит наружу, ведет к так называемым «бунтам» и «беспорядкам» в среде крестьян и рабочих. «Беспорядки» эти бесспорно вызываются теми коренными недостатками современного общественного устройства, устранения которых требуют социал-демократы. Но сами замешанные в «беспорядках» рабочие и крестьяне не видят этих недостатков. Их недовольство обрушивается по большей части на какой-нибудь отдельный частный случай, на одно какое-нибудь «злоупотребление» теми порядками, которые уже сами по себе, без всяких частных злоупотреблений, представляют вопиющее зло. Правда, страдающие от малоземелия крестьяне приходят к той мысли, что земля должна быть отобрана от тех, кто не обрабатывает ее собственным трудом. Но дальше этого отобрания земли они ничего не видят и не знают, а ведь им нужно распорядиться землею так, чтобы она опять не перешла в руки кулаков и эксплоататоров. Да и этого отобрания земли, этого «черного передела» крестьяне ждут от царя, который, разумеется, никогда этого не сделает. Следовательно, наши крестьяне хотя и думают, что должен произойти важный переворот во всех поземельных отношениях, но не знают ни—как сделать этот переворот, ни—кто его сделает. А это почти равносильно тому, что они ничего не знают. То же и с рабочими. Во время стачки 1878 года на Новой бумагопрядильне (на Обводном канале) рабочие говорили между собою о том, что казна должна была бы отобрать фабрику и уж от себя вести все дело. В этой мысли есть некоторый зачаток истины. Фабрики действительно должны быть отобраны у частных владельцев и перейти в собственность всего государства, которое уж и будет ими заправлять и заведывать. Но рабочие не знали ни того, как должно поступать государство с ними, ни того... какое государство может это сделать. Им казалось, что нынешнее государство, с царем во главе и со всем его чиновничеством[1]). Они хотели только быть «казенными» рабочими, вместо того, чтобы служить собственникам бумагопрядильни. Но от такой перемены они ровно ничего бы не выиграли. Здесь опять недостаток сознательности поме-

---

[1]) Так в оригинале.

шал им выставить настоящие, действительно важные требования. И так во всем.

Вот этот-то недостаток сознательности вы и должны устранять всеми возможными для вас путями. Более развитые рабочие должны помнить, что на них лежит огромный долг по отношению к их более темным братьям. Социалистическая пропаганда, т.-е. распространение социалистических мыслей и—как средство для этого—распространение социалистических книг, брошюр, воззваний (теперь у вас уже есть газета); такая пропаганда составляет прямую их обязанность. А так как в одиночку заниматься такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданием, как можно большего числа социалистических кружков в своей среде. Такие кружки удесятеряют силы каждого из вас в отдельности.

Эти же кружки сослужат вам и другую службу. Они дадут вам возможность образовать в своей среде стройную, сплоченную организацию. Когда вы будете иметь такую организацию в Петербурге и Москве, когда столичные организации войдут в постоянные сношения с кружками в провинциях, когда будут многочисленны эти провинциальные кружки—тогда вы станете такой грозной революционной силой, какой у вас никогда еще не бывало. Тогда у вас будет много частных успехов, и недалек будет общий успех, первая в высшей степени важная победа над вашими врагами.

Какой же именно успех, какая именно победа?

Ваша сила будет зависеть и от вашей тактики, т.-е. от вашего умения из каждого вашего успеха извлекать всю ту пользу, которую можно извлечь из него.

Остановимся на умении пользоваться своими успехами.

Вы задаетесь целью организовать социалистические кружки в своей среде. Вы можете сказать, что имеете успех, если кружки эти будут многочисленны, связаны между собою и приобретут влияние на остальную массу рабочих, не входящих в организацию. Спрашивается, как воспользуетесь вы этим успехом? Вы будете развивать в рабочей массе сознательное отношение к ее современному положению и к ее задачам в будущем. Вы будете распространять социалистические мысли, т.-е. вести про-

паганду, вы будете возбуждать недовольство массы против нынешних порядков, т.-е. вести агитацию. Это очень хорошо, необходимо и полезно, но это еще не все то, что вы можете извлечь из вашего успеха. Если ваши кружки будут расти и развиваться, то неизбежно придет время, когда, вы в состоянии будете извлечь из вашего успеха и другие важные выгоды.

В настоящее время ваши кружки организуются тайно. За принадлежность к этим кружкам вам грозит строгое наказание; за каждую книгу, найденную на нашем столе, за каждое слово неудовольствия, высказанное открыто и громко, вас карают и преследуют. Вообразите теперь, что вы получили право вести ваше дело, ни от кого не скрываясь, что вам предоставлена была бы свобода слова, печати, сходок и всяческих обществ; представьте себе, что все то, что вы делаете теперь втайне, было бы так же законно, как покупка новой одежды или прогулка по Царицыну лугу. Не было ли бы это для вас огромным преимуществом? Не росли бы тогда ваши силы вдесятеро скорее? Представьте себе, кроме того, что у вас есть не только эти «отрицательные права», что вас не только не преследуют за вашу пропаганду и агитацию, но что вы имеете также положительное право участвовать—через ваших представителей в законодательстве, что вы свободно выбираете этих представителей, обсуждаете действия правительства, открыто выражаете свое неудовольствие на него, отстаиваете проекты выгодных для вас законов. Разве все это не способствовало бы вашим дальнейшим успехам? Разве все это не давало бы вам новых сил в борьбе с врагами?

Конечно да, конечно, давало бы! Из союза тайных рабочих кружков вы превратились бы тогда, наконец, в открытую рабочую, социал-демократическую партию. А если это так, то вы сделали бы большую ошибку, не воспользовавшись силами своих тайных организаций для достижения этой цели.

Но как достичь ее? Хватит ли ваших сил на исполнение такой важной задачи?

Разумная тактика всякой партии требует, чтобы ее нападения на врагов совершались именно в моменты наибо-

лее благоприятные. Своевременность нападения в весьма значительной степени облегчает победу. Поэтому мы и должны спросить себя, своевременно ли было бы для вас добиваться политических прав в настоящее именно время?

На этот вопрос отвечаю утвердительно. Между вашими врагами, между правительством и высшими классами нет единодушия. Царь не хочет отказаться от своей деспотической власти, он не хочет поделиться ею с высшими сословиями. Он желает остаться полновластным, абсолютным монархом, во что бы то ни стало сохранить весь блеск, все азиатское величие своего сана. А между тем, у него для этого нет ни силы, ни возможности. Преследуемый революционерами, он уж не правит страною, а думает только о том, как бы спасти свою жизнь от ударов революционеров. На деле вся власть перешла в руки кучки крепостников, ханжей или корыстолюбцев, думающих только о своей наживе.

Упиваясь своей минутной победой, не думая о завтрашнем дне, эта кучка ханжей, корыстолюбцев и честолюбцев потеряла всякий смысл и всякую меру. Она бьет направо и налево, не отличает друзей от врагов и мечтает о том, чтобы вернуться к временам крепостного праза. Но такой поворот невыгоден даже для огромной части лиц, принадлежащих к высшим классам. Они видят, что эта реакционная политика правительства вредит их собственным интересам и все более и более задумываются о том, чтобы положить предел самовластью царских любимцев. Они хотят ограничить царскую власть, ввести у нас конституционное устройство. Чем более распространяется подобное стремление, тем более возрастает недовольство современным правительством, а, следовательно, тем менее может его правительство рассчитывать на соучастие и поддержку. А пока оно продолжает терять кредит в глазах высших классов, в глазах так называемого общества, все государственные дела приходят в упадок: долги растут, казна пустеет, а вместе с тем уменьшаются и средства ее пополнения. Все эти средства брались до сих пор с народа, но народ все более и более беднеет и скоро дойдет до такого положения, что взять с него будет нечего. Тогда правительству волей-неволей придется обратиться к об-

ществу, чтобы с его помощью избавиться от необходимости объявить себя банкротом. Абсолютная монархия уступит место монархии ограниченной. Царь должен будет разделить свою власть с Земским Собором, с Парламентом или вообще Законодательным Собранием, как бы его не называли.

Вот этот-то раздор в лагере ваших врагов, вот эта-то необходимость ограничения царской власти и облегчит вам завоевание политических прав и политической свободы. Придет время, когда сами высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. Не забывайте, что в политике нет благодарности, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой. Но как только дело дойдет до выгод, принесенных борьбой, то высшие классы будут помнить только о себе, да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете к своей цели, то вы сумеете отстоять свои права и недаром затратите свои силы...

Вы добьетесь тогда для всех вас, т.-е. для всех крестьян и рабочих, права выбирать представителей в Законодательное Собрание и быть выбираемым в такие представители, вы добьетесь свободы слова, печати, сходок, собраний, образования рабочих обществ—короче, вы завоюете себе политические права и политическую свободу. А мы знаем уже, что такая удача была бы в высшей степени полезна для ваших дальнейших успехов.

Значит, разумная тактика требует, чтобы вы при первой же возможности постарались завоевать себе политические права и политическую свободу, а современное положение России показывает вам, что возможность эта очень недалека уже в настоящее время.

Опираясь на завоеванные вами права, вы сумеете также хоть немного улучшить свое материальное положение. Ваши представители потребуют от Законодательного Со-

брания целого ряда экономических реформ в пользу бедных и трудящихся классов. Конечно, нельзя ожидать серьезных реформ от Собрания, в котором большинство будет состоять из представителей высших классов. Но, во-первых, вы все-таки получите таким образом несравненно больше, чем получили бы вы, сидя сложа руки. А, во-вторых, упорство высших классов также пойдет нам на пользу, хотя и в другом отношении. Оно возбудит неудовольствие народа, оно толкнет в ваши революционные ряды тех, которые по своей слабости и нерешительности надеялись на мирный исход, на милосердие царя, на благоразумие высших классов. Оно послужит новым, самым убедительным доводом в пользу ваших идей, в подтверждение той истины, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую.

Итак, что же вам предстоит теперь делать?

1) Развивать сознательность в среде ваших товарищей; 2) организовать и сплачивать их силы; 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное, облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем.

Ведите же настойчивее это дело. Мы живем накануне важных событий, и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательным участником в этих событиях, а не жалкой массой рабов, над которой не издевается только ленивый.

Г. Плеханов.

Г. В. ПЛЕХАНОВ НА 1 КОНГРЕССЕ 2-го ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Парижский Международный Социалистический Конгресс—первый конгресс Второго Интернационала. После раскола и распадения Первого Интернационала впервые удалось собраться представителям 21 страны (395 делегатов) для обсуждения насущных вопросов международного рабочего движения. Россия была представлена шестью делегатами, из которых четверо представляли интеллигентные кружки (в их числе П. Л. Лавров и Г. В. Плеханов), а две—русские рабочие группы в Америке и Лондоне. Конгресс заседал от 14 по 20 июля. При чем первые дни были посвящены докладам представителей отдельных стран о положении рабочего класса и о степени развития социалистического движения в каждой стране. От России выступили П. Лавров и Г. Плеханов.

Речь Плеханова многих поразила своей смелой откровенностью и трезвым учетом реальной ситуации в России. До того русские революционеры на интернациональных конгрессах и в печатных выступлениях уверяли представителей международного пролетариата, что Россия накануне революции, что элементы социализма в русском народе уже сейчас существуют и т. д. Впервые Г. В. Плеханов смело произнес слова, понятные западно-европейским марксистам. При всем том многим мысль о торжестве революционного движения в России, как революционного движения рабочих, казалась чрезвычайно смелой. Однако эта мысль Плеханова для него была не новой. Уже в брошюре «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и в «Наших разногласиях» совершенно явственно приводилась такая же мысль, хотя и формулированная менее отчетливо.

(Заимств. „Под знаменем марксизма“ № 5—6, стр. 63.)

РЕЧЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ПАРИЖЕ

(14—21 июля 1889 г.).

— Вам, может, странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России—России, где рабочее движение до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата.

Вам всем знакома роль русского абсолютизма в истории западной Европы. Русские цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью защищать и поддерживать европейскую реакцию от Пруссии до Италии и Испании. Было бы напрасной тратой слов говорить здесь о той роли, которую, например, Николай играл в 1848 и 1849 г.г.; ясно, как день, что падение русского абсолютизма равносильно торжеству международного революционного движения во всей Европе. Спрашивается только, при каких условиях революционное движение в России может одержать победу над русским абсолютизмом?

Некоторые писатели, фантазия которых значительно превышает социально-экономические сведения, рисует Россию страной вроде Китая, которая по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западом. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся в процессе полного разложения. Наша сельская община, столь любезная некогда даже некоторым социалистам, а на деле составляющая главную опору нашего абсолютизма, все более и более делается в руках сельской буржуазии орудием для эксплоатации большинства земледельческого населения. Беднейшая часть крестьянства вынуждена переселяться в города и промышленные центры, а одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда

кустарную промышленность в деревнях. Побуждаемое нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует этому процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, несмотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционеров идеологов могут быть достаточны для *борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой*. Задача нашей революционной интеллигенции сводится, поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может.

РЕЧИ РАБОЧИХ 1-го МАЯ 1891 г.

1 мая 1891 г. в Петербурге в лесу за Нарвской заставой состоялось собрание до 200 чел. рабочих. С речами выступили В. Прошин, Ф. Афанасьев и Н. Богданов. В то же время на городской квартире состоялось другое собрание из 60—70 чел. рабочих той же организации. Выступил на нем с речью Н. Богданов. На собраниях участвовали из интеллигентов—Бруснев, Цивинский, В. В. Святловский и Коробка.

Речи рабочих были записаны и попали сначала к Н. Л. Мещерякову, а от него к М. С. Ольминскому, который при участии А. М. Колодонова и П. М. Земса отпечатал их на гектографе и распространил.

В 1892 г. речи переизданы группой народовольцев. Тогда же они появились и в Женеве в новом издании. «Речи» перепечатаны из книги «От группы Благоева к «Союзу Борьбы» (стр. 121—127) и сверены с «Материалами к истории 1 мая в России» «Кр. Летопись» № 4, стр. 265—274.

РЕЧЬ 1-Я.

— Товарищи! Сегодняшний день (для нас) должен неизгладимо остаться у каждого в памяти. Только сегодня, в первый раз, нам пришлось собраться со всех концов Петербурга на это скромное собрание и в первый раз слышать от товарищей рабочих горячее слово, призывающее на борьбу с нашими сильными политическими и экономическими врагами. Да, товарищи! Видя такого врага и не зная, в чем его сила, видя свою небольшую горсть людей, которые берут на себя эту борьбу, некоторые из нас не могут надеяться на успех нашей победы; они в отчаянии и тру-

сости покидают наши ряды. Нет, товарищи, мы твердо должны надеяться на нашу победу. Нам стоит только вооружить себя сильным оружием,—а это оружие есть знание исторических законов развития человечества,—нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага. Никакие его притеснения и высылки в Сибирь не отнимут от нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы; всюду будем передавать свое знание: на родине своим крестьянам, в тюрьмах будем объяснять арестантам, чтобы они, сознавши эти права, передали свое знание другим и организовали их в группы.

В этом залог нашего успеха.

Да, товарищи! Нам часто приходится читать или слышать о манифестациях рабочих на Западе, которые громадными и стройными колоннами движутся по городам и наводят страх на своих эксплоататоров; но стоит нам присмотреться к истории развития этой стройной массы, и тогда нам ясно станет, что эта масса произошла от такой же небольшой группы людей, как и мы. Взглянем, хотя бегло, на историческое развитие социал-демократической партии в Германии, этой самой сильной и стройной организации на Западе. Она тоже произошла от небольшой кучки людей, сгруппировавшихся в одной производительной местности, как, напр., наш Петербург. Эти рабочие первые осознали свои человеческие права и стали передавать свои убеждения другим рабочим. За это они стали преследоваться и высылаться правительством по провинциям. Но даже это распоряжение послужило на пользу рабочим. Эти рабочие нашли себе товарищей и сорганизовались все вместе, составили один нераздельный союз. Чего же нам, русским рабочим, отчаиваться и ждать от этих борящихся товарищей, которые идут на такое великое дело, как дело народного освобождения. Смотря на все исторические факты, которые нас смело заставляют надеяться на победу, мы должны также думать и о нашем русском народе. Он до тех пор будет нести взваленные на него тяжести, пока не сознает за собой человеческих прав и не сознает, что он-то рабочий и должен иметь больше всех прав пользоваться всеми богатствами, производимыми его трудом. Наш рабочий также должен знать,

что он и создатель всей науки, искусства и изобретений. Лишь только народ все это узнает, его тогда никакая армия не может удержать от самоосвобождения, а нести такое сознание в народ есть прямое, неотъемлемое право всех развитых рабочих. Это показала нам борьба нашей интеллигенции 70—80 годов. Взгляните, товарищи, на эту борьбу с исторической точки зрения, как эти друзья и борцы народа несли в народ все свое знание и, нередко жертвуя даже жизнью, оправдали себя перед историей и не остались в долгу у народа. Они всюду откликались на народный стон и давали руку для помощи, но народ не признал в них друзей и смотрел на них с недоверчивостью. Так понесем же мы теперь, товарищи, свое скромное знание в народ: не сумеем ли мы передать его народу и не поймет ли он теперь нас, потому что мы ближе стоим к нему, чем интеллигенция. Только жаль одного, товарищи, что у нас нет ни откуда помощи, как это было прежним рабочим, исключая небольшой кучки людей, которым мы всегда отдадим сердечное спасибо. Нынешняя молодежь не слышит народного стона и не видит народного горя,— она и не думает о народе. Эта молодежь не что иное, как паразитический элемент общества; они способны только истреблять продукты общественного труда и не думают платить за эти труды народу.

РЕЧЬ 2-Я.

— Очень жаль, товарищи, что нам до лучшего будущего приходится помириться с невозможностью собраться и провести вместе, по примеру рабочих в западных государствах, день 1-го мая, и что мы должны довольствоваться возможностью собраться в воскресенье. Конечно, каждый из нас знает, что теперь мы не можем провести никакой манифестации, а не только подобной той, какую провели на Западе. Я думаю, что каждый из нас теперь невольно сравнивает наши силы с силами западных рабочих; но смею надеяться, что ни один из нас от этого сравнения, глядя на нашу малочисленность, не придет в отчаяние, потому что все мы еще имеем настолько сил и энергии,

чтобы не упасть духом и не опустить рук лишь оттого, что дело приходится почти еще только начинать.

Западные рабочие страдают, как и мы, под гнетом капиталистического строя, т.-е. такого, при котором все продукты труда, произведенные рабочими, фабрикант продает в свою пользу, а рабочим за их труд платит лишь столько, чтобы они могли не умереть с голоду. Недовольствуясь таким возмутительным порядком, который лишает их продуктов своего труда, рабочие часто задумывались над положением, в котором они находятся, и пришли к тому заключению, что выбраться из него возможно только путем умственного развития народа, так как от его развития зависит все.

Придя к такому заключению, они не остановились только на словах, а стараются развивать и организовать для себя и других тесную организацию и при ней имеют кассу, на средства которой распространяют книги и издают журналы и газеты, в которых проводят свои идеи; они стараются поддерживать стачки, хотя и не считают их коренным средством для уничтожения зла, потому что они могут при благоприятном исходе лишь только несколько улучшить положение рабочих, но не освободить их из-под гнета капитала. Постепенно усиливаясь благодаря энергичной деятельности, они время от времени различными средствами давали почувствовать обществу свою силу и предъявили свои требования, и правительство некоторые из них принуждено было удовлетворить, например: дало конституцию, свободу печати, свободу сходок и организаций и т. п. права, при приобретении которых им гораздо легче стало бороться с существующим экономическим строем.

Одним из таких средств, которым они хотели дать почувствовать свою силу и тут же предъявить одно из важных требований, была громадная манифестация в день 1-го мая. Они этой манифестацией требовали установления законодательным порядком 8-часового дня. Из сравнения же манифестаций прошлогодней и нынешней видно, что силы их возрастают, так что дают надежду в не очень далеком будущем увидеть тот лучший и справедливый строй, к которому они стремятся.

Обращая внимание на положение наших рабочих, мы

видим, что они также страдают от произвольной кулаческой эксплоатации, почти ничем не сдерживаемой, потому что наши рабочие по старанию правительства и фабрикантов, находясь в забитом состоянии и полном невежестве, не могут дать отпора произвольному грабежу, чем и дают повод к большой наглости безжалостным хищникам.

Такое положение, конечно, никому из рабочих не нравится; но они молчат и терпят, потому что не знают выхода из него, и потому на нас, как на более развитых рабочих, лежит обязанность выяснить рабочим причины, по которым они находятся в таком скверном положении, и указать выход из него.

К чести нашей, я могу сказать, что мы действительно сознали свои обязанности и, несмотря на все препятствия и угрозы нашего подлого правительства, мы стараемся по мере своих сил и способностей развивать окружающих нас рабочих... Также недавно, вместе с искренним чувством признательности к Шелгунову, как к «указателю пути к свободе и братству», мы попробовали подачею адреса ему и присутствием с венком на похоронах его привлечь внимание общества к рабочему вопросу и, как слышно, успели в этом. Но как видно, наша проба и успех ее пришлись не по губам правительству, и оно распорядилось наказать рабочих, осмелившихся думать об улучшении своей жизни, выслав троих из них в уездные городишки.

Правительство, как нам известно, всегда за малейшее проявление неудовольствий к существующим безобразиям высылает и сажает в тюрьмы рабочих и интеллигенцию, которая искренно стремится—за что ей сердечное спасибо,—своими силами и знаниями помочь рабочим в борьбе с существующим хищническим строем. Но я надеюсь, товарищи, что такие меры правительства не запугают никого из нас, а лишь только возбудят большую ненависть к нему и к существующему строю, который оно оберегает, и большее желание поскорее добиться такого строя, при котором не было бы ни бедных, ни богатых, а все бы пользовались счастьем и довольством в равной степени.

Так будем же, товарищи, развивая и поддерживая друг друга, продолжать начатую борьбу с существующим злом за осуществление Свободы, Истины и Братства.

РЕЧЬ 3-Я.

— Товарищи! Обращая внимание на наше положение, мы видим, что все наши страдания происходят от существующего экономического строя.

Следовательно, чтобы улучшить наше положение, мы должны стремиться к замене существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулаческой эксплоатации, на более лучший и справедливый социалистический строй.

Но для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести права, которых в настоящее время мы не имеем. Приобрести же политические права мы будем иметь возможность лишь только тогда, когда на нашей стороне будет такая организационная сила, которой правительство не решилось бы отказать в ее требованиях и которая бы настойчиво требовала от него следующих уступок:

Во-первых, учреждения конституции, основанной на общем и прямом избирательном праве, т.-е. чтобы все законы страны утверждались и отменялись не по дикому произволу царя, а по обсуждении их высшим законодательным собранием, в котором заседали бы избранные народом депутаты.

Выборы в законодательное собрание должны производиться народом, и каждый гражданин страны, кроме осужденных за нечестное поведение, может выбирать и быть выбираемым депутатом в законодательное собрание. Содержание же этих депутатов должно итти от государства и выдаваться им на руки в виде жалованья. Это необходимо для того, чтобы депутатами могли быть люди не богатые, а преданные делу народа и вполне способные для этого.

Во-вторых, нужно, чтобы число войск определялось собранием депутатов, и чтобы по их постановлениям войска

во всякое время могли быть распущенными. А для того, чтобы солдаты не забывали, что они тот же народ, и что интересы народа солидарны с их интересами, нужно сократить, насколько возможно, срок военной службы и сделать так, чтобы граждане отбывали ее на родине и во время пребывания ее имели бы возможность вести тесные сношения с семьей. Тогда солдат, сознавая свою солидарность с народом, не решится никогда итти во вред ему. Это необходимо для того, чтобы правительство не имело бы возможности принуждать граждан силою войск исполнять законы, неутвержденные или отмененные собранием депутатов. Для того же, чтобы все постановления законодательного собрания исполнялись в точности, необходимо, чтобы лица на все высшие государственные должности назначались бы и смещались только собранием депутатов.

В-третьих, свободу избирательной агитации, свободу слова и свободу печати, т.-е. совершенное отсутствие всякой цензуры, и чтобы всякий мог безнаказанно выражать на словах или в печати какие бы то ни было убеждения, а также, чтобы не существовало никаких залогов при издании книг и журналов; это необходимо, чтобы издавать их имели возможность и рабочие.

В-четвертых, свободу сходок и организаций.

В-пятых, свободу религий.

В-шестых, бесплатное широкое образование для народа.

В-седьмых, чтобы всякого рода преступления разбирались судом присяжных.

Не забудьте, товарищи, эти требования, потому что это первые и главнейшие, которые мы должны будем предъявить правительству при первой возможности, ибо только мы будем иметь все то, что изложено в этих требованиях.

Обладая такими правами, мы можем тогда выбрать в законодательное собрание также депутатов, которые будут составлять и утверждать только такие законы, которые будут полезны для большинства народа, а законы, существующие во вред ему, будут уничтожать. И, таким образом, мы будем иметь возможность перестроить весь существующий экономический строй на более лучший и справедливый.

Картину же этого лучшего и справедливого строя я не буду развертывать перед вами, потому что как она ни хороша, но никто не может поручиться, что люди с течением времени не выдумают лучше, и еще потому, что ознакомиться с ней можно вполне, прочитав брошюру Шефле «Сущность социализма», или роман Беллами «Через сто лет».

Переходною же ступенью к будущему экономическому строю может служить: национализация земли, т.-е. что государство выкупит всю землю, находящуюся в частной собственности, и будет сдавать ее в аренду лицам, желающим заняться земледелием, в таком количестве, которое они могут обрабатывать собственными силами. А для обзаведения хозяйством, необходимым при земледелии, и для устройства фабрик и заводов рабочим, желающим работать на артельных началах, нужно учредить такой банк, который бы выдавал нуждающимся рабочим ссуды.

Таким образом постепенно улучшая свое положение, рабочие будут иметь возможность дойти до такого благосостояния, о котором в настоящее время могут только мечтать более развитые из них.

Из всего вышеизложенного мы видим, что для того, чтобы иметь возможность достигнуть полного светлого будущего, нам необходимо, прежде всего, составить такую организованную силу из рабочих, сознательно стремящихся к улучшению своего положения, которая могла бы принудить правительство уступить ей политические права, лишь только при получении которых мы будем иметь возможность заняться переделкой существующего экономического строя.

Следовательно, в настоящее время нам остается только возможность заняться развитием и организацией рабочих, возможность которою мы воспользуемся, несмотря ни на какие препятствия и угрозы нашего правительства.

А для того, чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и смелых, и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим.

Следовательно, успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому, товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в специально революционном деле и энергичных борцов за права человека и светлого будущего.

РЕЧЬ 4-Я.

— Товарищи! Я хочу сказать несколько слов о сегодняшнем торжественном для нас дне, устроенном по примеру наших братьев—западных рабочих.

Братья! Будемте пользоваться хотя одной из первых, занимающейся на горизонте нашей русской жизни, светлой минутой нашего духовного единения. Наши западные братья уже давно пользуются такими праздниками; мы только начинаем изъявлять им свое душевное сочувствие, и то не на законной почве; но и это, товарищи, хорошо. Хорошо, что и мы тоже начинаем пробуждаться от векового нашего сна под гнетом барского, поповского и царского рабства,—начинаем, я говорю, пробуждаться, и это уж есть часть, внесенная русскими работниками в общий процесс. Да, ведь, товарищи, сразу ничего не делается в мире, а все совершается по определенным законам природы. И человеческий гений не может обнять все сразу, все предугадать, а постепенно узнает святую истину. Ему всегда приходится на долю самые трудные работы во все века человеческой жизни—будить сознание в самом человечестве и двигать его на путь истинного прогресса и счастья. Конечно, товарищи, это счастье достается всегда не легко, оно очень дорого стоит для самого человечества. То же мы видим у наших братьев, западных рабочих. Они имеют уже силу и свободу: это уже есть частица счастья. Но эта частичка была добыта ими дорогою ценою их человеческой крови. Они боролись долго, много целых десятков лет с оружием в руках за свободу, истину, равенство и братство. Но вот, товарищи, мы видим, что их требования уже признаны законом; как стачки, кассы, товарищества,

союзы, библиотеки, так и другие общественные учреждения. А у нас—ничего, потому что мы сами не старались об этом. У нас, как вы сами знаете, еще всякие заявления о правах народа сейчас считаются бунтом. Только и есть одни окрики, штыки, пушки, розги, Сибирь, тюрьма, каторга, да казацкие нагайки. А там, на Западе, наши братья работники уже пользуются всеми политическими правами. Мы холопы, рабы. Мы должны шапку ломать перед последним становым, околодочным, городовым. А там все свободные, равноправные граждане, как в Англии, Франции, Германии, Бельгии, так и во всех других европейских государствах. Мы можем судить о их силе по прошлогодним выборам в германский парламент; рабочие подали за своих вождей около полутора миллионов голосов, а всех выборщиков там семь миллионов, стало быть, пятая часть всего народа, государства на стороне рабочих, под их управлением, и потому они имеют 104 своих газеты с шестью стами тысяч (600.000) подписчиков, а их общая касса в 1880 г. имела 37.000 марок, 1883 г.—95 тысяч, а в 1887 году имела 188 тысяч, а в прошлом году даже 390 тысяч марок. Видите, товарищи, как они скоро увеличиваются и как сильны. Они прямо представляют из себя организованную партию, силу, против которой уже делается не в состоянии бороться не только их эксплоататорам, но даже и самому правительству со своим войском. Так вот, товарищи, как возрасла их сила с 1848 года, со дня, когда в первый раз раздалось: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да, братья, эти великие слова принадлежат делу ума человеческого. Ум человеческий—сеятель этой святой истины—раскинул свое семя чуть не по всему земному шару, а со времени 60—70 годов и в нашу забитую Русь, вначале преимущественно в ряды нашей учащейся молодежи—наших самых лучших друзей, а через них прежде и теперь проникает и к нам.

Господа! Как мы видим, это маленькое перенесенное семячко растет, зреет и пускает свои отростки по всей русской земле. Растет оно, но и страшных врагов оно имеет в лице кулаков, попов, господ и царя со своим войском и полицией. Трудная ведется борьба. Уже десятки тысяч молодежи погибли за нас в снегах Сибири, в казематах

Петропавловки, Шлиссельбурга. Начнем же и мы сами за себя бороться. Нелегко вначале нам придется: каждый шаг наш, каждый проступок грозит нам тюрьмой или высылкой, но что же делать, товарищи. Не без этого, когда дело идет о жизни или смерти. Надо же нам подумать о своем теперешнем положении, в которое мы поставлены прозябать нашими эксплоататорами и правителями.

Товарищи! Вы сами видите, что у нас со всех концов России царят страшные экономические нужды, как у промышленных, так и у земледельческих рабочих. Только и слышно один стон вопиющий.

«Этот стон у нас песней зовется»,—говорит Некрасов—и впрямь, везде недостаток, голод, произвол становых (а видно и того мало показалось—так еще назначили земских начальников из дворян, чтобы секли побольше), голод, нищета, болезни, преждевременные смерти нас, жен и детей наших. Как пиявки сосут они нашу кровь, делают они из нас каких-то людей другого рода—бледных, зеленых, хилых, а все это для чего? Для того, чтобы кучке фабрикантов, помещиков, чиновников, да царю было возможно жить в роскоши, пьянстве и разврате. И вот во имя-то этих скотских похотей они весь народ, сто миллионов сковали в позорные, холопские, рабские цепи, в которых нам нет возможности подняться, пикнуть и вздохнуть.

Товарищи, братья! Неужели мы не люди, что они нас так унизили до полного состояния рабов, с полным унижением человеческого достоинства. И все это так, как будто и надо. Всю жизнь они тиранят нас, не дают они нам возможности взглянуть пошире на несправедливую общественную жизнь нашу; только и подчивают нас которую уже сотню лет терпением да надеждой на царствие божие, чтобы было возможно спокойно жить им и пить нашу кровь. Нет, в эти сказки плохо верится. Сознание говорит, что мы тоже люди. Но пока мы все еще бесправные рабы русского царя, с пятном возложенного на нас позора. Так смоем же, товарищи, это рабское пятно позора. Так будем же добиваться себе прав, которыми мы должны пользоваться во имя своего человеческого достоинства, чтобы было возможно жить как людям, думать, говорить, собираться, обсуждать свои

общественные дела без всяких для нас препятствий со стороны шпионов и подлой полиции.

Товарищи! Трудно будет нам на первых порах вступить в борьбу с нашими врагами за наши экономические права, Но вспомним, что еще теперь, в настоящую минуту, тысячи интеллигентов сидят за нас в Сибири, в тюрьмах, на каторге. Вспомним, что не легко досталось улучшить свое положение нашим братьям—западным рабочим, так стало быть не легко будет улучшить свое под разгулом деспотической реакции, которая будет нас преследовать на каждом шагу. Товарищи! Трудно нам будет, но наука освободила западных рабочих, она поможет и нам просветить умы наши, и наполнит души святой истиной любви друг к другу. Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу. Будемте учиться, объединяться сами и, товарищи, будемте организоваться в сильную партию. Будемте, братья, сеять это великое семя с восхода и до захода солнца во всех уголках Русской земли.

«О ЗАДАЧАХ СОЦИАЛИСТОВ В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ В РОССИИ».

Так называлась брошюра Г. В. Плеханова, вышедшая в 1892 г. за границей, в издании Русского Социал-Демократического Союза.

Роль голода 1891—1892 г.г. в революционном движении России весьма значительна. Она открыла глаза широкой массы интеллигенции на тупик, в который вела хозяйство России вообще и крестьянское хозяйство в частности правительственная политика. Тогда же началось как бы новое движение интеллигенции «в народ», в рабочую массу. Брошюра Плеханова давала новые тактические лозунги, намечала и такой путь для выхода из голода, как «экспроприация земель крупных землевладельцев».

Ниже печатаются наиболее яркие места из этой брошюры.

... Пролетарий и «мужичек»—это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка». На «мужичке» целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии. Пролетариат в сравнительно очень короткое время расшатал «основы» западно-европейского общества. В России же его развитие и политическое воспитание идет не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В какие-нибудь десять-двенадцать лет он изменился до неузнаваемости...

...Русский пролетариат особенно окреп и развился в царствование Александра III, т.-е. в эпоху самой свирепой реакции и самого безотрадного застоя, в такую эпоху, когда «интеллигенция» безнадежно опускала руки, теряя веру в самое себя и в свои «идеалы».

... Мы знаем, товарищи, путь, ведущий социалистов к их великой цели. Он определяется немногими словами: *содействие росту классового сознания пролетариата.* Кто содействует росту этого сознания, тот социалист. Кто мешает ему, тот враг социализма. А кто занимается делом, неимеющим к нему непосредственного отношения, тот не имеет непосредственного отношения и к социализму...

... Содействовать росту классового сознания пролетариата, значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя. Очень плохой совет дают нам люди, убеждающие нас «на время оставить социализм». Не доктринерство, а самый зрелый расчет и самый верный революционный инстинкт заставляют нас твердо и неизменно держаться социализма...

... Буржуазные представители надеются все уладить незначительными прирезками. Но социал-демократы и тут не оставляют их в покое. Они добиваются полной экспроприации крупных землевладельцев...

БРОШЮРА «ОБ АГИТАЦИИ».

В начале 90-х годов, когда рабочее движение в Польше, в Литве, в Петербурге уже начинало принимать массовый характер, с.-д. интеллигенцией был выдвинут вопрос о переходе от кружковой пропаганды среди рабочих к массовой агитации. Заслуга формулирования впервые новых задач принадлежит т. Кремеру, бывш. члену Ц. К. Бунда, написавшему в 1894 г. в Вильно нижеприводимую в извлечениях брошюру «Об агитации». В редактировании ее принимали участие С. И. Мицкевич,—тогда член московской организации, ездивший в Вильно за литературой, и Л. Мартов, — живший в то время под надзором полиции в Вильно. В брошюре характерен ее местный литовский колорит—с преобладанием примеров из жизни ремесла. Брошюра два года ходила по России в гектографированном виде; в 1896 г. ее переиздали в Женеве с предисловием Аксельрода. В 1900 г. Плеханов подверг брошюру критике, указав, что из некоторых ее положений можно делать неправильные выводы, что и применялось тогда «экономистами» для оправдания своей тактики. (См. об этом также у Ленина в документе «Беседа с защитниками экономизма»).

ОБ АГИТАЦИИ.

Статья наша имеет в виду выяснение некоторых вопросов, касающихся практики русских социал-демократов, вопросов, правильное разрещение которых имеет необходимое условие для того, чтобы деятельность социал-демократов принесла ожидаемые плоды...

Рабочее движение является неизбежным результатом присущих капиталистическому производству противоречий...

На известной ступени развития капиталистического производства, борьба труда с капиталом обостряется и тем дальше идут и требования и понимание рабочей массы. Капитализм является школой не только подготовляющей материал—рабочих борцов, но и воспитывающей их и бьющей по ним своими слишком яркими противоречиями. Он не только увеличивает силы рабочего класса, путем объединения рабочих, но и подготовляет почву для возникновения и распространения все более крайних идей. Идея социализма, как нечто конкретно возможное, могла выработаться только на почве капиталистического строя и притом лишь на известной ступени его развития.

Но каким образом действует школа капитализма на рабочую массу? Собрать рабочих вместе для общей работы вовсе не значит соединять их силы для борьбы. Концентрация пролетариата является только удобной почвой для движения. Если бы капитализм мог удовлетворять постоянно рабочего в его ежедневных потребностях, то такое соединение не играло бы революционной роли.

Но капитализм, опирающийся на конкуренцию и отсутствие плана в производстве, постоянно вынуждает отдельных предпринимателей стремиться к увеличению прибавочной стоимости, к уменьшению доли рабочего в продукте, к постоянной мелочной борьбе с пролетариатом, который отстаивает свое существование и не может не протестовать против явных покушений на его благосостояние. Эта борьба неизбежно является тем главным испытательным фактором, который действует на рабочую массу и делает ее на известной ступени развития одной из главных сил, подрывающих этот строй. Обостряясь, углубляясь и обобщаясь, эта борьба принимает тот характер классовой борьбы с соответствующим ей классовым самосознанием пролетариата, при которой мы теперь присутствуем во всех капиталистических странах. Но капитал не сдается сразу, не уступает до последнего момента: разбитый на одних пунктах, он старается опять стать на ноги и начинает борьбу с новыми силами. При этой борьбе все более рельефно выступают голые интересы капитала, на известной сту-

пени борьба не может долее вестись под флагом высоких идей, капитал сбрасывает свою личину и не стесняясь заявляет, что он борется против притязаний на его карман. На этой ступени капитал ведет борьбу не за преобладание, а только за существование. Он хватается за политические формы капиталистического строя, как утопающий за соломинку. Только государственная власть в состоянии еще бороться против рабочей массы, и пока политическая власть еще находится в руках буржуазии, до тех пор можно смело сказать, что крупных улучшений в положении рабочих произойти не может. Поэтому как бы ни было широко рабочее движение, успех его не будет обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы. Достижение политической власти является главной задачей борющегося пролетариата. Но стать перед лицом рабочего класса эта задача может лишь тогда, когда экономическая борьба выставит перед ним явную невозможность добиться улучшения своей участи при данных политических условиях. Только когда стремления пролетариата столкнутся лицом к лицу с данными политическими формами, только тогда, когда поток рабочего движения встретится с политической силой буржуазии, только тогда настанет момент перехода классовой борьбы в фазис борьбы сознательно-политической.

Как социал-демократы, мы ставим своей задачей привести пролетариат к сознанию необходимости политической свободы, как предварительного условия для возможности его широкого развития. Но как добиться этого? Как не проста и не очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока он не станет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей станет невозможным в пределах существующих политических условий.

Как для сознания противоположности интересов недостаточно только возникновения этой противоположности, а необходима постоянная борьба, так и для сознания политического бесправия недостаточно самого факта этого бесправия до тех пор, пока оно не столкнется с стремле-

нием рабочей массы к улучшению своего положения. Лучшее доказательство тому мы видим в истории Англии, где наиболее развито капиталистическое производство, наиболее развито рабочее движение, но движение это в очень ничтожной степени носит политический характер и до сих пор большинство еще сторонится от активной политической борьбы...

Если же взять Австрию, в которой рабочее движение очень молодо, то там мы встретимся с поразительно быстрым ростом политического элемента в движении пролетариата, причиной чего и являются более узкие политические формы, в пределах которых должна была первоначально вестись борьба классов. Или, например, Ирландия—борьба мелких фермеров, не объединенных капиталами, с давнего времени носит политический характер, потому что экономическая борьба за удержание уровня благосостояния сразу резко столкнула ирландский народ с организованной силой английского правительства.

Отсюда следует, что немыслимо ожидать классового движения с политической программой там, где не ведется в достаточно крупных размерах чисто-экономическая борьба. Утопично потому предполагать, что русские рабочие в общей своей массе могут повести политическую борьбу, если им только выяснить с достаточной убедительностью необходимость ее в их собственных интересах. Народная масса вовлекается в борьбу не силлогизмами, но объективной логикой вещей, самым ходом событий, наталкивающих ее на борьбу.

Роль партии, взявшей на себя задачу политического воспитания и организации народа, в этом отношении ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую и чтобы подготовить в самой массе все элементы, необходимые для того, чтобы этот переход совершился с наименьшей тратой сил.

Каким образом может, например, пролетариат притти к сознанию необходимости свободы собраний? Чисто логическим путем к такому требованию масса не приходит. Нужно, чтобы свобода собраний была сознана, как средство борьбы за свои интересы, следовательно, должны быть

сознаны и сами эти интересы и практика должна воочию доказать рабочему связь, существующую между этими его интересами и свободой собраний. Эта практика дается борьбой за свои интересы. Критической мысли остается только указывать массе на выводы, вытекающие из такой постановки самой жизнью насущных для нее вопросов, остается только формулировать те результаты, вытекающие из логики вещей, логики самой борьбы, другими словами—дать программу...

Борьбу за освобождение пролетариата нельзя откладывать до того момента, когда буржуазия добьется политической свободы. Будет ли у нас буржуазия добиваться ее или нет, будут ли в ближайшем будущем органические конфликты между правительством и капиталом, это вопрос, несомненно, важный, но то или иное его разрешение не должно изменить направления нашей деятельности. Для нас в том и другом случае самое важное, чтобы рабочий класс был сознателен, чтобы он понимал свои интересы, чтобы он не стал прихвостнем буржуазии, если последняя захочет воспользоваться силой рабочей массы, как аппаратом, который не только не бросят потом, как ненужную вещь, но и постараются разбить, чтобы он не мог служить против самих победителей. Если, действительно, наша буржуазия сумеет стать революционной, то мы не должны дать ей возможности явиться учительницей и руководительницей нашего пролетариата, ибо воспитание, полученное от буржуазии, окупится слишком дорогой ценой: потерей его классового самосознания.

Если буржуазия сама тоже выступит на арену политической борьбы, то тем, несомненно, лучше; рабочий класс найдет попутчика по дороге; но только попутчика, если же нет, то он и эту часть предстоящего ему пути пройдет один, как пройдет весь остальной путь до самого освобождения...

Мы должны стремиться выработать политическое самосознание в массе рабочих и заинтересовать ее в политической свободе. Но политическое самосознание говорит не только об изменении настоящего политического строя, но и об изменении его в пользу рабочего класса. Следовательно, *политическому классовому самосознанию должно*

предшествовать сознание противоположности интересов. Противоположность же интересов будет сознана пролетариатом лишь тогда, когда в жизни проявится эта противоположность. Она должна давать себя чувствовать на каждом шагу, постоянно долбить рабочего, пробиваться во всех мелочах...

Чтобы разного рода уловки и хитрости не отклоняли рабочего от его справедливых требований, необходимо выдвигать эти требования постоянно и не только по крупным вопросам, но что особенно важно, как подготовительность работы—и по вопросам с виду самым ничтожным. В мелких требованиях хозяин не так легко отуманит рабочего, потому что возможность удовлетворения мелких требований, очевидно, для всякого зависит только от данного хозяина, и не удовлетворение требования легко объясняется самими рабочими единственно только нежеланием самого фабриканта и таким путем отчасти выясняется и противоположность интересов его и хозяина. При этом мелкие требования без особой настойчивости в борьбе за них легче могут иметь успех, и это приносит с собою веру в свои силы, научает рабочего практическим приемам борьбы, подготовляет и выдвигает единичных личностей, которые до того терялись в массе, дает пример и другим рабочим, как успешно бороться с хозяевами. При борьбе даже за мелкие требования поневоле должны рабочие соединяться вместе, убеждаться на практике в необходимости и важности объединения. Эта практика много больше значит в смысле воспитания массы, она много убедительнее книжки, говорит о том же. В борьбе обостряются отношения сторон и хозяин тогда является в истинном своем виде, только тогда он сбрасывает свою маску отца-благодетеля и проявляет свои задушевные мысли и стремления. В этой борьбе рабочий может ясно различить своих друзей и врагов, может заметить солидарность всех хозяев, всей буржуазии вообще, крупной и мелкой против него, рабочего. На почве возбуждения, вызываемого борьбой, рабочий более восприимчив к принятию таких идей, которые раньше ему самому показались бы бреднями. Эта борьба за мелкие требования вызывается частными причинами эксплоатации одного или нескольких хозяев, ограниченная ареной

одного или нескольких мастерских или фабрик,—борьба, которая в большинстве случаев удержится в рамках борьбы с самим непосредственным эксплоататором, неподдержанным администрацией, эта борьба должна служить для русского пролетариата, еще не искусившегося в классовой борьбе, первоначальной школой, в которой он воспитается, окрепнет и из которой выйдет более подготовленным к борьбе за более важные требования, нуждающейся в соединении рабочих нескольких фабрик или целого ремесла. Первый фазис борьбы за мелкие требования, к которой рабочего толкает легко понятный расчет, без труда объясненная эксплоатация хозяина, требует от рабочего только известной степени энергии и согласия.

Во втором фазисе, когда придется иметь дело с целым буржуазным классом, которому немедленно поспешит на помощь правительство, потребуется уже гораздо большая степень выдержки, солидарности и смелости; мало того в это время потребуется еще и известная степень сознания, уменья связать свои интересы с интересами других рабочих той же отрасли производства, иногда даже другой отрасли; а такое сознание может выработаться только тогда, когда собственным опытом рабочий придет к выводу о невозможности успеха при частной борьбе за интересы рабочих отдельных фабрик.

Именно борьба с отдельными хозяевами и выработает в рабочем классе ту степень стойкости и выдержки, объединенности и осторожности, чувства независимости и классовой самоуверенности, которые понадобятся ему тогда, когда перед ним встанет необходимость классовой борьбы в собственном смысле слова. По мере вступления в эту фазу, рабочее движение станет мало-по-малу принимать политическую окраску.

Действительно, поскольку рабочие выдвигают то или иное требование значительного изменения в существующих на данной фабрике или в целой отрасли производства порядках, постольку они вступают в такую борьбу, при которой им неизбежно станет выясняться отношение к ним не только одного или нескольких хозяев, но и всех высших классов и правительства. В сознании всей правоты своего требования рабочие держатся спокойно, уве-

ренные в том, что все должны быть на их стороне, все должны им сочувствовать. Ведь все это так просто, требования их так ясны, ведь притеснения так несправедливы! Они отправляют депутацию к фабричному инспектору. Он наверное им поможет, ведь он их защитник, он знает все законы, а законы наверное говорят в их пользу. Точно ушатом холодной воды обливает их инспектор. «В законах ничего об этом нет; фабрикант стоит вполне на законной почве, ничего не могу сделать». Дверь закрывается перед их раем. «Как, чтобы закон за нас не заступился! быть этого не может, чтобы нас не защищал наш батюшка! Инспектор подкуплен фабрикантом: он врет!» Рабочие пробуют другой путь. Везде отказ, кое-где угрозы, которые принимают реальные формы—в помощь фабриканту посылаются войска. Рабочий получает первый урок политической науки, гласящий, что право на стороне сильного, что против организованной силы капитала должны выступить организованные силы труда.

Расширяясь по мере своего развития, захватывая целые производства вместо отдельных фабрик, движение с каждым новым шагом все чаще сталкивается с государственной властью. Уроки политической мудрости становятся все чаще и с каждым днем их строгая мораль все глубже запечатлевается в умах рабочих, вырабатывается классовое самосознание, понимание того, что все, к чему стремится народ, может быть достигнуто только через этот народ. Подготовляется почва для политической агитации. Эта агитация застает теперь класс, соорганизованный самой жизнью, с сильно развитым классовым эгоизмом, с сознанием общности интересов всех трудящихся и их противоположности интересам всех других. Тогда изменения политического строя есть вопрос времени. Одна искра—и накопленный горючий материал дает взрыв. Таким образом заданием социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих, на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией, борьба приучит рабочего к отстаиванию своих интересов, поднимет его мужество, даст ему уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и в конце концов поставит

перед ним более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступит к решению этих насущных вопросов и агитация на почве этих вопросов должна будет иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом более сознательном виде создает почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса. Дальнейшая программа социал-демократов ясна сама собою.

Стать действительно народной партией социал-демократия может лишь тогда, когда она программу своей деятельности построит на действительно ощущаемых рабочим классом нуждах, и для достижения своей цели—организации рабочего класса,—она должна начать с агитации на почве самых насущных, наиболее ясных рабочему классу и наилегче достижимых мелких требований...

При системе кружковой пропаганды были необходимы большие жертвы для достижения ничтожных результатов.

При системе работы в массе, число жертв сравнительно с достигаемыми результатами уменьшится, и чем более движение будет итти в ширь и глубь, тем труднее будет справиться с ним, тем труднее будет вырвать с корнем социалистические элементы. Лучший пример тому Польша. Стачки начинают в ней получать официальное признание—правительство не решается применять к участникам существующие законы. Это доказывает, что прочное движение может сделать недействительными все препоны, поставленные законом развитию пролетариата. Но при этом движение должно иметь корни в почве...

Мы признаем необходимым для социал-демократических кружков перейти к указанной нами в главных чертах программе или же перестать думать, что их деятельность содействует более делу классового самосознания пролетариата, чем деятельность, например, *комитета грамотности.*

Опыт, имеющийся у таких кружков и сведения тех рабочих, которых им удалось спропагандировать, сделают возможным более или менее рационально начать работу на новых основаниях. Интеллигенты и рабочие должны по-

стоянию принимать за исходный пункт самые насущные нужды рабочих, далее будут выясняться те средства, которыми легче всего можно начать борьбу: стачка, петиция инспектору и пр. Затем *задачей интеллигентов должна стать выработка агитационной литературы, приспособленной к условиям жизни рабочих данной отрасли производства или данного промышленного центра; литературы, которая говорила бы рабочему о его нуждах и служила бы естественным дополнением к устной агитации.* Наконец, интеллигенты должны стремиться придать своим занятиям с рабочими более практический характер, так, чтобы для рабочего получаемое при занятиях знание служило расширением его горизонта, а не отрывало его сразу от его конкретной почвы в области совершенно абстрактных, научных положений. В том же направлении должна создаваться и пропагационная литература.

Остается сказать несколько слов о том, какими предметами должна ограничиваться деятельность социал-демократов. Существует мнение, что только наиболее развитые фабричные центры дают почву для агитационной деятельности. И в самом деле: в ремесленной и кустарной промышленности разрозненные и разъединенные рабочие труднее могут объединиться на почве сознанных общих интересов, да и общность тех интересов не так легко может быть сознана, равно как и противоположность интересов работодателя и рабочего—этому способствует отсутствие глубокого различия в положении мастера и рабочего. Кроме того, рабочий сравнительно легко может стать хозяином или самостоятельным производителем, вследствие чего рабочий смотрит на свое положение, как на временное и готов переносить некоторые жертвы. Но можно ли вывести отсюда, что борьба совершенно невозможна! Опять-таки нет. Ремесленное и кустарное производство, именно как мелкое, дает и некоторые преимущества в борьбе. Профессиональные рабочие культурно более развиты; как профессиональные они более редко и не легко могут быть заменяемы другими; при возможности легко открывать мастерские, рабочие меньше жертвуют в случае отказа от работы и т. д.; наконец, большое количество мелких мастерских в одной и той же отрасли облегчает возмож-

ность перехода от одного хозяина к другому. Следовательно, если с одной стороны мелкое ремесло мешает развитой активной борьбе, если в крупных центрах сама жизнь двигает рабочего на борьбу с капиталом и роль агитатора лишь указывать путь, то в мелком ремесле, агитируя, в гораздо большей мере приходится еще только будить рабочих; зато раз только движение начнется, оно имеет некоторые особые шансы успеха. Спрашивается, необходимо ли это? Существует мнение, что следует подождать, пока ремесла фактически не перейдут в крупную промышленность и тогда начать агитацию, а до тех пор довольствоваться пропагандой, направленной на выработку отдельных рабочих социалистов. Но не говоря уже о том, что подлежит сомнению, следует ли вообще стремиться к созданию оторванной от массы рабочей интеллигенции, против предлагаемой тактики можно выставить возражение другого рода. Дело в том, что ремесло не переходит в область крупной промышленности внезапным скачком, переход совершается очень медленно, и подчас весьма не легко определить, превратилось ли уже данное ремесло или кустарное производство в мануфактуру или нет.

В процессе перехода больше всего страдают рабочие вследствие своей неподготовленности. Рабочие захватываются железными тисками крупной промышленности исподволь и беда им, если в этом процессе они участвуют лишь пассивно. Страшные страдания, материальная необеспеченность, безработица, постоянное уменьшение заработка, почти вырождение—вот что происходит изо дня в день, если рабочие сами не замечают своего движения по наклонной плоскости—уменьшения платы и увеличения необеспеченности, если своими собственными силами не борются для завоевания лучших условий жизни. Беда рабочим, если взамен теряемых на каждом шагу преимуществ профессионального труда, они не приобретут другого орудия—сознания своих интересов, понимания необходимости сплоченно держаться друг за друга для успешной борьбы. Правда, агитация при таких обстоятельствах гораздо труднее вследствие надвигающейся страшной силы, раздавливающей рабочих, но зато она тем важнее, что предотвращает самые острые бедствия и тем дает шансы на более

плодотворную борьбу с новыми условиями, когда последние установятся. Мы счастливы тем, что живем в такую эпоху, когда процесс движения для нас так ясен, что мы можем предвидеть его дальнейшие стадии. Знать этот процесс и не пользоваться знанием—значило бы совершать крупную историческую ошибку. К тому же ошибочна мысль о возможности сильного рабочего движения только в центрах. При легкой подвижности рабочих, провинциальные рабочие, переводимые в ряды безработных первыми шагами капитализма, смогут сыграть по отношению к организованным рабочим крупных центров роль эмигрантов из менее культурных стран; таким образом, оставить в пренебрежении рабочих мелкой промышленности—значит затруднять дело организации и борьбы рабочих крупных центров. Отсюда следует, что лишь повсеместная агитация может принести плодотворные результаты. По отношению к необъединенной еще промышленным капиталом массе мы должны стремиться, чтобы капитализм при своем завоевании одной отрасли производства за другой оставил за собою не одни только развалины, чтобы немедленно за его плечами подымались ряды организованной рабочей армии, чтобы, лишенные своих профессиональных качеств и обращенные в чернорабочих, пролетарии сумели противопоставить эксплоатации силу организации, силу классового самосознания.

ВОЗЗВАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Первая прокламация, подписанная именем Союза, датирована 15 дек. 1895 г., но Союз начал свою работу значительно раньше. Еще в 1894 г. среди других социал-демократических групп Петербурга выдвинулся кружок В. И. Ульянова (Ленина), в который входили: Ю. О. Цедербаум, (Мартов), В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, С. И. Радченко, Л. Сильвин, Малченко, Ванеев, Запорожец. В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, Б. Зиновьев, Н. Полетаев и друг. Кружок вскоре сумел объединить ряд других. В 1895 г. т. Ленин сумел проехать заграницу и повидаться с ветеранами из Группы «Освобождение Труда». С этого же времени Союз начал применять тактику агитации среди рабочих масс на почве повседневных нужд рабочих. (См. документ—«Брошюра об агитации»). Новая тактика имела чрезвычайный успех среди рабочих.

Аресты в ночь с 8 на 9 дек. 1895 г. вырвали из работы лучшие силы Союза. Но работа продолжалась. Выпущенные в 1896 г. Союзом нижепечатаемые прокламации в связи с грандиозной стачкой текстильщиков в Петербурге дают некоторое представление о работе Союза за этот период времени [1].

РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК ПЕРВОГО МАЯ (ПО НАШЕМУ 19 АПРЕЛЯ).

Товарищи, посмотрим внимательно на наше положение; оглянемся на ту обстановку, где мы проводим свою жизнь. Что мы увидим? Мы работаем много, мы создаем несмет-

---

[1]) Материалы заимствованы из кн. Тахтарева „Очерк петербургского рабоч. движения 90-х годов“.

ные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы, проводим железные дороги. Все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. Какую же мзду получаем мы за наш каторжный труд?—По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы хватает едва на то, чтобы существовать. Наши хозяева понижают расценки, заставляют работать сверхурочное время, несправедливо штрафуют, словом, притесняют нас всячески, а в случае неудовольствия с нашей стороны, рассчитывают без рассуждения.

Мы много раз убеждались, что все, к кому мы обращались за защитой, оказываются прислужниками и друзьями хозяев. Нас, рабочих, держат во тьме, нам не дают знания, чтобы мы не надеялись бороться за улучшение своего положения. Нас держат в неволе, прогоняют с работы, высылают и арестуют всякого, кто дает отпор притеснениям, нам запрещают бороться. Тьма и неволя—вот те средства которыми держат нас в угнетении капиталисты и все делающее в угоду им правительство. Какое же есть у нас средство, чтобы улучшить свое положение, повысить заработную плату, сократить рабочий день, защититься от оскорблений, читать умные книги? Против нас все -и хозяева, потому что им жить тем лучше, чем хуже нам, и все их прислужники, все те, кто живет подачками капиталистов и в угоду им держит нас в невежестве и неволе. Нам неоткуда ждать помощи, мы можем надеяться только на самих себя. Наша сила в единении, наше средство—*дружное и упорное сопротивление хозяевам.* Они-то давно уже поняли, в чем наша сила, и всячески стараются разъединить нас, не дать нам понять, что у нас, рабочих, одни общие интересы. Они понижают расценки, но не всем сразу, а поодиночке; заводят старших; вводят поштучную плату, а сами, посмеиваясь в бороду, видя, как наш брат надрывается над работой, исподволь понижают расценки. Ну, да не все же коту масленица! Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие

показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством людей, не поддающихся наглости жадных до дарового труда капиталистов. В разных городах возникло множество стачек: в Ярославле, Тейкове, Иваново-Вознесенске, Белостоке, Вильне, Минске, Киеве, Москве и других городах. Большинство стачек кончилось удачно для рабочих; но и неудачные стачки неудачны только повидимому. На самом деле они страшно пугают хозяев, приносят им большие убытки и заставляют из страха перед новой стачкой итти на уступки. Фабричные инспектора тоже начинают суетиться и замечать бревна в глазу фабрикантов. Они бывают слепы до тех пор, пока рабочие стачкой не откроют им глаза. Где же, в самом деле, заметить фабричным инспекторам безобразие на фабрике таких влиятельных особ, как господин Торнтон, или акционеры Путиловского завода? Наделали мы хлопот хозяевам и у нас в Петербурге. Стачка ткачей у Торнтона, папиросниц у Лаферма, прядильщиков у Лебедева, на фабрике механического производства обуви, волнения рабочих у Кенига, Воронина и в порту показали, что мы перестали быть безответными страстотерпцами и принялись за борьбу.

Как известно, рабочие из многих фабрик и заводов образовали у нас *Союз борьбы за освобождение рабочего класса* с целью разоблачать все злоупотребления, искоренять безобразия, бороться с наглыми притеснениями и прижимками наших бессовестных эксплоататоров хозяев и добиться полного освобождения от их власти. Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их прислужников—властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, проявления нашей могучей силы, которую мы им не раз показали. Мы, петербургские рабочие, члены *Союза* приглашаем всех остальных наших товарищей присоединиться к *нашему союзу* и способствовать великому делу объединения рабочих для борьбы за свои интересы. Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми спутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора и нам присоединиться к борьбе наших братьев-рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: *Рабочие всех стран, соединяйтесь!*

Во Франции, Англии, Германии и других странах, где рабочие уж объединились в сильные союзы и завоевали себе много прав, они уже устраивают 19 апреля (по-заграничному первого мая) всеобщий праздник труда.

Бросив душные фабрики, они, с музыкой и знаменами, стройными толпами проходят по главным улицам города, показывая хозяевам все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленные и многолюдные собрания, где говорят речи, пересчитывая победы над хозяевами, одержанные в минувшем году, и намечая план борьбы в будущем.

Под страхом стачки ни один хозяин не штрафует рабочих, не явившихся в этот день на работу. В этот день рабочие напоминают также хозяевам свое главное требование: ограничение рабочего дня 8 часами: 8 часов работы, 8 часов сна и 8 часов отдыха. Вот о чем заявляют теперь рабочие других государств. Было время, и не так давно, когда они так же, как мы теперь, не имели права заявлять о своих нуждах, так же были подавлены нуждой и разъединены, как мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себе право обсуждать сообща свое рабочее дело. Пожелаем же нашим братьям в других странах, чтобы борьба привела их скорее к желанной победе, к тому времени, когда не будет ни господ, ни рабов, ни рабочих, ни капиталистов, а все будут одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи!.. Если мы будем действовать дружно и единодушно, то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись в стройные ряды, будем в состоянии открыто присоединиться к этой общей борьбе всех рабочих всех стран без различия веры и племени против всех капиталистов всего мира. И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи; подымется на Руси рабочий народ, и затрепещут сердца капиталистов и всех прочих врагов рабочего класса.

19 апреля 1896 г.

ЧЕГО ТРЕБУЮТ РАБОЧИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЬНЫХ И ТКАЦКИХ.

1) Мы хотим, чтобы рабочий день у нас продолжался от 7 час. утра до 7 час. вечера, вместо теперешних от 6 час. утра до 8 час. вечера.

2) Чтобы обеденное время длилось $1^1/_2$ часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ часов вместо 13 часов.

3) Чтобы расценки были повышены так, чтобы наши заработки не уменьшились бы.

4) Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6) Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали прабильно и во-время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронационные дни.

30-го мая 1896 года.

К РАБОЧИМ ВСЕХ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН.

Долго терпели мы, рабочие петербургских бумагопрядилен, и, наконец, не выдержали. Невтерпеж нам больше стало работать до изнеможения сил, сносить хозяйские прижимки, видеть, как каждый день нас обсчитывают и обвешивают, как чуть не каждые полгода сбавляют расценок. А в последние дни пуще прежнего проявилась жадность хозяев. Жалко нашим богачам стало даже тех грошей, что причитались нам за дни коронации; не захотели они и отдохнуть-то дать хорошенько от работы; такая, мол, это скотина, что в отдыхе особенно не нуждается.

Довольно!—сказали мы тогда себе. Довольно мы молча и безропотно слушались наших хозяев! Долго мы ждали от них улучшения своего положения, но ничего не дождались. И решили мы сами добиваться всего. Не хотят

они уступить, будем мы требовать. А нужно нам требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочий день продолжался от 7 ч. утра до 7 час. вечера с полуторачасовым перерывом на обед, т.-е. всего $10^1/_2$ часов, чтобы в субботу везде шабашили в 2 часа.

2) Чтобы расценки были повышены так, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены все несправедливые, незаконные прижимки и чтобы было заплачено за коронационные дни.

Будем спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступят они через неделю, будем ждать вторую; не сдадутся на второй, подождем третью; не согласятся и тогда, еще будем ждать. Довольно с них будет нашего каторжного труда и в течение $10^1/_2$ часов! Достаточно, они прибыли и без того от нас имеют.

Товарищи, будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас. Они с восторгом приветствуют в нас борцов за рабочее дело. Петербургские рабочие всячески стараются притти к нам на помощь, устраивая по мастерским сборы в нашу пользу.

Покажем и мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований, будем действовать дружно и спокойно, без буйства и насилий, и победа, наверное, останется за нами.

1-го июня 1896 г.

РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ ФАБРИКИ ТОРНТОНА!

6-е и 7-е ноября должны быть для всех нас памятными днями. Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька. Будемте же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить

свое положение мы можем только общими дружными усилиями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь в ловушку, которую нам подстроили г.г. Торнтоны. Они рассуждают таким образом: «Теперь время заминки в сбыте товаров, так что при прежних условиях работы на фабрике не получить нам нашего прежнего барыша... А на меньший мы не согласны... Стало быть, надо будет поналечь на рабочую братию, пусть-ка они своими боками поотдуваются за плохие цены на рынке... Только дельце это надо обстроить не кое-как, а с умением, чтобы рабочий по своей простоте и не понял, какую закуску мы ему подготавливаем... Затронь всех сразу,—сразу все и поднимутся, ничего с ними не поделаешь, а вот мы сначала объегорим бедняков ткачишек, тогда и прочие не увернутся... Стесняться с этими людишками мы не привыкли, да и к чему? У нас новые метлы чище метут»...

Итак, заботливые о благах рабочих хозяева потихоньку да полегоньку хотят приготовить для рабочих всех отделений фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткачей... Поэтому, если мы все останемся безучастны к судьбе нашего ткацкого отделения, то мы выроем своими собственными руками яму, в которую в скором времени швырнут и нас. Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что, на круг, по 3 рубля 50 копеек в полумесяц, в течение этого же времени они ухищрялись жить семьями в 7 человек на 5 рублей, семьей же из мужа, жены и ребенка—всего на два рубля. Они поспустили последнюю одеженку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом в ту пору, когда благодетели Торнтоны наращивали миллионы на свои миллионы. Но этого всего было мало, и на их глазах выкидывались за ворота все новые и новые жертвы хозяйского корыстолюбия, а прижимка росла своим чередом с самой бессердечной жестокостью... В шерсть стали валить без всяких оговорок поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на получение основы, будто ненароком, увеличились, наконец, стали прямо сбавлять рабочие часы, а теперь вводят куски из 5 шпиц вместо 9, чтобы ткач почаще возился с хлопотами по получению и заправке основ, за которые, как известно, он не получает ни гроша.

Измором хотят извести ткачей и заработок к 1 рублю 62 коп. в полумесяц, который уже стал появляться в расчетных книжках некоторых ткачей, может стать в скором времени общим заработком ткацкого отделения.—Товарищи, хотите ли и вы дождаться такой хозяйской ласки? А если нет, если еще, наконец, не совсем окаменели ваши сердца таких же, как и мы, бедняков, сплотитесь дружно около наших ткачей, выставим наши общие требования и при каждом удобном случае станем отвоевывать себе лучшую долю у наших угнетателей. Рабочие прядильного отделения, не самообольщайтесь устойчивостью и некоторым повышением вашего заработка... Ведь почти $^2/_3$ вашего брата уже рассчитаны с фабрики, и ваш лучший заработок куплен ценой голода выкинутых за ворота ваших же прядильщиков. Это опять-таки хитрая уловка хозяев, и понять ее нетрудно, если только подсчитать, сколько вырабатывало все льняно-прядильное отделение прежде и сколько оно вырабатывает теперь. Рабочие новой красильни! Вы вырабатываете ценою $14^1/_2$ часов ежедневного труда, пронизываемые с ног до головы убийственными испарениями красок, уже и теперь 12 рублей в месяц. Обратите внимание на наши требования: мы хотим положить конец и тем незаконным вычетам, которые производятся с вас за неумелость вашего мастера. Чернорабочие и вообще все неспециальные рабочие фабрики, неужели вы надеетесь удержать свои 60—80 копеек поденных, когда специалисту-ткачу придется довольствоваться 20 копейками в сутки?

Товарищи, не будьте слепыми, не попадайте в хозяйскую ловушку... Будьте глухи ко всем их отговоркам о плохих делах: для них это только меньшая прибыль на их капитал, для нас—это голодные страдания наших семей, лишение последнего куска черствого хлеба, а разве можно положить то и другое на одни и те же весы?

Теперь жмут в первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) Повышения ткацких расценков до их весенней величины, т.-е., приблизительно, на 6 копеек на шпиц.

2) Чтобы исполняли и для ткачей законы о том, что рабочему должна быть перед началом работы объявлена величина того заработка, на который он идет. Пусть табель,

подписанная фабричным инспектором, не будет только на бумаге, но и на деле, как того требует закон. Для ткацкой, например, работы должны быть к существующей расценке добавлены указания о качестве шерсти, количестве в ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу.

3) Рабочее время должно быть распределено так, чтобы с нашей стороны не являлось невольных прогулов; теперь, например, подстроили так, что ткач на каждом куске теряет день на получение основы, а так как кусок станет меньше почти вдвое, то ткач и на этом будет нести, независимо от табели расценок, двойную потерю. Хочет у нас хозяин грабить заработок, так пусть идет в чистую так, чтобы мы твердо знали, что от нас хотят отжилить.

4) Фабричный инспектор должен следить за тем, чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными. Это значит, например, что в табели расценок не должно за один и тот же сорт товара, но только с различными названиями допускать двух различных цен. Например, бибер мы ткали по 4 руб. 32 коп., а урал всего 4 руб. 14 коп.,— а разве по работе это не одно и то же? Еще более наглым надувательством является двойная цена работы при товаре одного наименования. Таким путем г.г. Торнтоны обходили законы о штрафах, в которых сказано, что штраф можно наложить только на такую порчу работы, которая зависела от небрежности рабочего, в таком случае вычет должен заноситься в рабочую книжку под графою штрафа не позже трех дней со дня его наложения. Все же штрафы вместе должны находиться в строгом отчете, и сумма, из них составленная, не может итти в карман фабриканта, а должна итти на нужды рабочих этой фабрики. А у нас,—посмотрите на наши книжки,—чисто, можно подумать, что наши хозяева изо всех хозяев предобрейшие. На самом же деле они обходят по нашему незнанию закон и ловко обстраивают свои делишки... Нас, видите ли, не штрафуют, а у нас производят вычет, платя по меньшей расценке, и пока существовали две расценки,—меньшая и большая—придраться к ним никак нельзя, а они себе вычитают да вычитают в свой карман.

5) Вместе с введением одной расценки, пусть каждый вычет заносится в графу штрафом с обозначением, почему он произведен.

Тогда нам будет видна неправильная штрафовка, меньше будет пропадать даром нашего труда, и уменьшится число таких безобразий, которые творятся в настоящее время, например, в красильной, где рабочие вырабатывали меньше по вине неумелого мастера, что по закону не может быть причиной неоплаты труда, так как тут небрежность рабочего не при чем. А мало ли у всех нас таких вычетов, в которых мы ничуть не виноваты?

6) Мы требуем, чтобы за квартиру с нас брали столько, сколько брали до 1891 года, т.-е. по одному рублю с человека за месяц, потому что платить 2 рубля при нашем заработке положительно не из чего, да и за что?.. За грязную, вонючую, тесную и опасную в пожарном отношении кануру? Не забывайте, товарищи, что во всем Питере плата по рублю в месяц считается достаточной, только одни наши заботливые хозяева не довольствуются ею, и мы должны их заставить прекратить и здесь свою алчность. Защищая свои требования, товарищи, мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстоять свои собственные права. Докажем же на этот раз, что наши «благодетели» ошиблись.

Ноябрь 1895 г.

«ТОВАРИЩИ И РАБОЧИЕ»!

Стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших капиталистов хозяев. С ужасом увидали они, что петербургские рабочие начинают бороться против невыносимого гнета. Под влиянием страха, Товарищества Лаферм и Торнтон попытались кое-какими уступками успокоить выведенных из терпения рабочих; при виде волнений, вызванного на Путиловском заводе листками, заводское

управление поспешило уменьшить объявленную сбавку. Сама фабричная инспекция стала тщательнее относиться к своим обязанностям, и на-днях в особом циркуляре фабричный инспектор признал незаконность тех браковок, против которых поднялись мастерицы фабрики Лаферм. Но уступив там, где опасно было не уступать, капиталисты обратились к правительству за помощью против осмелившихся пошевелиться рабочих. Верные своему долгу—оберегать интересы богачей, власти горячо принялись за дело, чтобы на будущее время избавить гг. Торнтонов от неприятных уступок ненавистным рабочим. Как же сделать, чтобы впредь не было таких стачек? По мнению жандармов, стачки и беспорядки вызываются не нищетой и страданиями тех, чьим трудом живет все общество, по мнению их, все это дело «подстрекателей», беспокойных людей. Еще бы. Кто, как не «подстрекатели», распространяют при каждой новой прижимке те воззвания, от одного вида которых у капиталистов дыбом встают волосы?

И вот, чтобы разом вырвать с корнем зло, в ночь с 8 на 9 декабря, по всем концам города жандармы произвели набеги. Десятки подозреваемых людей брошены в тюрьмы, фабрики наводнены шпионами. «Порядок водворен, стачек больше не будет, листки исчезнут»,—так думают капиталисты в то время, как их полицейские друзья облизываются при мысли о предстоящей праздничной награде за дикое усердие. Сейчас же после ареста гг. Торнтоны выбрасывают перед праздниками на улицу несколько десятков ткачей из числа стачечников, вымещая на них свою вынужденную уступчивость. Новый градоначальник любезно предлагает им единственную помощь—даровой билет на родину, в голодающие деревни. Денежный кошель и полицейский мундир не знают жалости. Тем не менее, стачки не прекращаются. Поговаривают о новых волнениях на фабрике Лаферм, о стачке на лесопилке Лебедева и Сампсоньевской мануфактуре. А листки появляются по-прежнему, читаются и встречают повсюду сочувствие, и Союз Борьбы за освобождение рабочего класса, который их распространяет, остается невредим и будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до

тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитала. *Товарищи, будем же по-прежнему дружно защищать свои интересы!..*

15 декабря 1895 г.

ТОВАРИЩИ!

Наша летняя стачка, которую заграничные рабочие в своих приветствиях нам назвали «великой», показала фабрикантам и правительству, что русские рабочие будут отныне бороться за улучшение своего быта, хорошо понимая свои интересы и сознавая собственную силу. Фабриканты и правительство испугались нашей объединенной силы и по-добру, по-здорову решили заговорить с рабочими на некоторых фабриках о сокращении рабочего дня. Этот же вопрос решается и в комиссии. Но комиссии и раньше занимались этим баловством, а мы по-прежнему ведем жизнь каторжников.

Нет, товарищи, фабриканты и правительство только под постоянным напором наших сил будут удовлетворять наши требования. На этих клячах без кнута далеко не уедешь...

Закончим пока на этом. Впереди у нас борьба за *сокращение рабочего дня*. Готовьтесь, товарищи, защищать свои требования. Борьба давно началась. Сумейте же довести ее до конца.

Декабрь 1896 г.

«БОЙ ЗА ПРАВДУ» [1].

Один из участников Максвелльской стачки в 1897 г. дает описание расправы правительства с рабочими, последовавшей вслед за стачкой. Это описание дышет непосредственной жизненной правдой и, между прочим, оно дает некоторое представление об уровне политических понятий среднего фабричного рабочего того времени. Приводим его целиком:

— Фабричный народ предъявлял фабричной министрации, что расценок мал на пуд или на кусок материи.

Фабричная министрация не приняла рабочих слов и делала по своему. Тогда фабричный народ задумал сделать стачку.

В это время появились печатные листки. Фабричный народ читал листки 13 декабря в 12 часов ночи, а 14 декабря была устроена стачка.

В это время приезжал инспектор и требовал с рабочих жалобы. А фабричная министрация в это время в главной конторе сняла рабочих фотографической машиной.

На 15 декабря рабочие увидели гибель братий. Тогда рабочие предъявили писарю, который служил в доме фабриканта, чтобы не пускать полицию по ночам, на то день даден, чтобы ходить забирать: писарь не обратил на слова рабочих внимания.

Полиция каждую ночь убавляла рабочих. Тогда рабочие захотели открыть кровавый бой. На 17 декабря в коридоре была полная партия русского народа, некоторые народы играли в карты и у каждого человека было полено в руках или больше. В 11½ часов ночи залаяла собака,

---

[1]) Из книги К. М. Тахтарева. „Очерк Петербургского рабочего движения 90-х годов" (стр. 87—89).

которая была у двери входа. В это время рабочие были готовы приняться за бой, вдруг на пороге входа появилась полиция. Рабочие бросились на полицию и полиция была разбита. Тогда сам пристав потребовал еще больше войска, конного.

Пристава приказ был исполнен, и приблизилось войска 310 человек, конных городовых и жандармов.

В это время некоторые рабочие видали, что каждому городовому и жандарму было принесено водки для разгара сердца; откуда водку представляли это неизвестно.

В это время открылся бой настоящий. Рабочие бросали в полицию ведрами, бочками, чашками, дровами и даже фабрикантовыми часами.

В эту несчастную войну, я знаю, много малых детей пострадало, потому что война была полных 4 часа, а в это время был очень большой шум и крик, потому что у русского народа не было командира, а также и городовые были все пьяные. От такого шуму и крику малютки-дети испугались и кричали дурным голосом.

Каких-нибудь минут 15,—тогда бы полиция сдалась в плен рабочим.

В это время рабочие видят, что нечем бросаться, а неприятель уже в 4-м этаже. Пришел неприятель уже в 5-й этаж.

Когда полиция вошла в 5-й этаж, в 5-м этаже была большая масса народа; в это время один городовой ударил женщину опасную и женщина через два дня выбросила малого мертвого ребенка, а полицеймейстер кричал: «я вас вышлю в Сибирь, а детей на отбросную яму выбрашу»; а пристав кричал: «все по местам». Рабочие видят, дело неустойка и побежали—кто куда, кто в квартиру убежал, а несколько человек ушли на чердак, а один человек ушел на крышу дома.

Пристав дал полиции приказ, чтобы у каждой квартиры было 15 человек городовых. Приказ пристава был исполнен, некоторые городовые вытащили шашки наголо и рубили шашками лари, в ларях находились рабочего разные припасы: водка, мясо, сыр и т. п. Городовые водку пили, а мясом закусывали.

В $4\frac{1}{2}$ часа пошла кровавая переборка русскому народу. Пристав ходил по квартирам с писарем; еще было с приставом несколько сыщиков.

Когда выводили арестованного человека на волю, то на воле стояло два ряда городовых, по обеим сторонам по двадцать городовых; это происшествие называется «сквозь строем». Городовые пихали рабочего сквозь строй и рабочего секли плетьми, после чего рабочий видал на своем теле раны, хоть не очень большие.

Пристав обходил все квартиры, а на чердаке еще не был. Идет пристав на чердак и видит там людей, эти люди были взяты в плен, также и с крыши дома был человек стащен и взят в плен.

Теперь пристав собрал вольных дворников в свидетели. Дворники с радостью шли в свидетели, а сами дела не видели.

Теперь русского народа взято в плен 50 человек слишком. Забранные люди были замечены сыщиком или писарем, а больше всего простым русским человеком, т.-е. русский человек не замечал ни в чем, а выдавал по осердке, или, чтобы защитить сам себя.

Кровавая битва кончилась в 12 часов пополудни. 17-го числа, в 9 часов утра, были пленники посажены на дилижаны и отправлены в Рождественскую часть.

Прибавлю, что я вам не все предъявил притеснения министрации и также фабричных подмастерьев. Фабричная министрация очень притесняет рабочих совсем не за что; так что за какие-нибудь безделушки дают рабочему расчет, не отработавши двух недель; еще фабричная министрация дала волю подмастерьям, а подмастерье, что хочет, то и делает. Однажды одного человека, т.-е. рабочего, мастер уволил и дал пропуск за ворота, а подмастерье Лисицын увидал и взял от рабочего пропуск и разорвал, а рабочего послал работать на старое место. Мастер Карла Карлович своего лакея поставил в подмастерья; а лакей не знает, как держать ключ в руках, всячески занимает две должности: лакея и подмастерья. (Подпись.)

ГРУППА «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ».

Группа ведет свое начало с 22 августа 1897 г., когда вышел в Киеве первый номер «Рабочей Газеты», но по составу входивших в группу лиц возраст ее много старше, так как почти все они работали во всех социал-демократических организациях Киева, чуть ли не с 1892 г. Группа имела свою нелегальную типографию. «Рабочую Газету» предполагалось поставить, как общерусскую газету, и имелось в виду через ее посредство содействовать объединению в общероссийском масштабе всех партийных с.-д. организаций вокруг одной центральной и создание этого центра. Второй номер «Рабочей Газеты» вышел 20 декабря 1897 г. Над прилагаемой ниже передовой статьей «Ближайшие задачи русского рабочего движения» группа много поработала. В ней был решительно выдвинут лозунг «объединения в одну с.-д. партию». Группа проявила инициативу и по созыву первого съезда с.-д. партии в 1898 г. в Минске.

«Рабочая Газета» на 1-м съезде была признана центральным органом партии. (Подробнее см. № 1 «Прол. Рев.» 1922 г., ст. Эйдельман.)

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

(„Рабочая Газета“, № 2, ноябрь 1897 г.)

Когда говорят о рабочем движении в Англии, Германии, Франции, или другой какой-либо заграничной стране, то у всякого перед глазами встает вполне ясная картина. Там существуют громадные рабочие союзы и могущественные рабочие партии. Там устраиваются многочисленные собрания и съезды, на которых открыто обсуждаются нужды и задачи рабочих. В парламентах заседают представители от рабочих, неустанно защищающие их интересы

и заявляющие их требования. Наконец, там существует рабочая пресса, распространяются в громадном количестве газеты, журналы, книги, посвященные рабочему классу. Короче, и словом и делом заграничное рабочее движение постоянно заявляет о себе. Его все знают, и о нем все говорят. Злейшие враги рабочего движения не могут отрицать его существования и его силу.

Не то у нас. Под гнетом царского самодержавия рабочее движение не может жить открытой жизнью. У нас запрещены и преследуются рабочие союзы и собрания; у нас нет парламента, нет представителей от рабочих, у нас нет прессы, которая открыто защищала бы интересы рабочих. Во всей стране никто не может публично говорить о русском рабочем движении. И не только наши враги отрицают его существование, но не мало найдется и рабочих, которые не знают, что в России существует рачее движение...

А между тем, русское рабочее движение не только существует, но и имеет уже значительную силу. Об этом свидетельствуют не только стачки и волнения рабочих, то и дело всыхивающие в разных концах России; об этом свидетельствует и множество других фактов. Правда, у нас нет открытых, всеми признанных, союзов. Но у нас существуют тайные союзы и кассы, помогающие борьбе рабочих, объединяющие их и разъясняющие им их положение. Нам запрещают устраивать собрания и публично обсуждать интересующие нас вопросы; но это не мешает нам устраивать собрания тайные. У нас запрещают книги, в которых свободно обсуждается рабочий вопрос. Но мы читаем и распространяем книги запрещенные. У нас не бывает открытых и торжественных съездов представителей рабочих, но это не мешает им съезжаться тайно, не мешает также русским рабочим посылать своих представителей на международные рабочие съезды за границей.

В России не существует парламента, мы не принимаем участия в издании законов, однако упорной борьбой и нам иногда удается вырвать у правительства полезный для нас закон. Издание закона 2-го июня с. г. об ограничении рабочего дня знаменует славную победу русского рабобочее движение.

Каковы же ближайшие задачи русского рабочего движения.

Русские рабочие находятся под двойным гнетом—под гнетом капиталистической эксплоатации и под гнетом правительственных притеснений...

Они страдают от того, что по малейшему подозрению каждого из них могут оторвать от родных и друзей, бросить в тюрьму и сослать в Сибирь. Они страдают от того, что за малейшую попытку борьбы за улучшение своего положения их объявляют бунтовщиками, высылают против них, как против неприятельской армии, войско, которое не останавливается даже перед пролитием невинной крови женщин и детей. Русские рабочие страдают от того, что им запрещают читать книги, где выясняется положение рабочих, запрещают собираться, устраивать союзы, кассы. Короче, русские рабочие страдают еще от того, что они не пользуются никакими политическими правами.

Тяжела борьба с политическим гнетом, не легко рабочему добиться улучшения своего экономического положения, но в тысячу раз это становится труднее, когда рабочий не имеет права ни говорить, ни писать, ни читать, ни собираться, ни объединяться, ни бороться. И хотя никакие преследования не могли остановить роста русского рабочего движения, однако неизмеримо сильнее было бы это движение, и неизмеримо крупнее были бы его успехи, если бы русские рабочие пользовались политическими правами. Если бы в наши стачки не вмешивались ни полиция, ни жандармы, ни войско; если бы наши союзы могли жить открытой жизнью, если бы голос, призывающий нас на борьбу, мог беспрепятственно раздаваться перед многотысячной массой, если бы никакие книги, газеты, прокламации не подвергались преследованию и наши лучшие товарищи не вырывались бы из нашей среды,—тогда русское рабочее движение играло бы такую же роль в жизни России, какую играют западно-европейские рабочие партии в жизни заграничных государств.

В железных тисках правительственного гнета становится уже тесно русскому рабочему движению. Как воздух нужен всякому живому существу, так нужна нам *политическая свобода. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов,*

слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и в издании законов,—мы никогда не сбросим с себя гнетущих нас цепей экономического рабства. Вот почему *борьба с самодержавным правительством за политическую свободу—есть ближайшая задача русского рабочего движения.*

Но для того, чтобы выполнить эту трудную задачу, для того, чтобы одержать победу над царским правительством, русское рабочее движение должно еще вырасти и окрепнуть. И не только армия борющихся русских рабочих должна увеличиваться в количестве, но каждый солдат этой армии должен яснее понять цели и средства борьбы и научиться итти дружно, в ногу со своими товарищами. Но этого мало. Подобно тому, как тысяча солдат, объединенных в один полк, имеющих одного вождя и одно знамя, проявляют в войне гораздо большую силу, чем 10 тысяч разъединенных, лишенных предводителя и потерявших знамя,—*точно так же и русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит, как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией. Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или в одну общую партию.* Эта партия будет способствовать объединению русских рабочих и росту русского рабочего движения. Всякая партия, выступающая впервые на арену истории, должна, прежде всего, развернуть свое знамя. На этом знамени она должна начертать те цели, за которые она намерена бороться, и не только ближайшие, но и самые отдаленные, конечные цели. И русские рабочие, выступая, как объединенная сила, как *партия*, должны развернуть свое знамя, должны показать своим друзьям и врагам, кто они, к каким целям они стремятся и какими средствами пользуются для достижения этих целей.

Какое же знамя будет развеваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих Маркс и Энгельс начертали слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—то знамя, под которым борятся передовые рабочие всех стран земного шара, *к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы.* Это красное знамя *международной социал-*

демократии. Русская рабочая партия будет партией социал-демократической.

Объявив себя социал-демократами, объединенные русские рабочие тем самым вполне ясно и определенно покажут, каковы их цель и стремления, каковы их ближайшие и дальнейшие задачи, каковы их средства и способы борьбы.

Развернув над собою знамя социал-демократии, они покажут, что, подобно социал-демократам всего мира, они стремятся не только к частичным улучшениям своего положения, не только к увеличению заработной платы, сокращению рабочего дня, введению страхования рабочих, не только к приобретению политических прав, но что их конечной целью является полное переустройство общества на *социалистических началах*, т.-е. создание такого общественного строя, когда фабрики и заводы, пути сообщения, земля и все вообще средства производства будут находиться в руках общества, когда все члены общества будут равны, когда не будет сытых тунеядцев и голодных работников. Далее, объявив себя социал-демократами, русские рабочие покажут, что достижение своих целей они считают возможным только путем постепенного развития самосознания в рабочем классе, его объединения и неустанной борьбы с господствующими классами.

Образование *русской социал-демократической партии* даст сильный толчек развитию русского рабочего движения. Окрепшее и усилившееся русское рабочее движение свергнет иго самодержавия и добьется политической свободы. А когда мы получим возможность открыто говорить и писать все, что угодно, собираться в собрания, устраивать союзы и стачки, когда мы добьемся права участвовать в издании законов и в управлении страной, тогда наша борьба пойдет вперед семимильными шагами. Наша рабочая партия выростет и окрепнет и приобретет такое же громадное значение, какое имеют партии наших заграничных товарищей. Она сольется с ними в один международный рабочий союз, в один всемирный могучий поток, который смоет с земли нищету, рабство, невежество, преступление и создаст новый мир,—мир счастья и справедливости.

«РАБОЧАЯ МЫСЛЬ» и ПРОГРАММА ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА БОРЬБЫ 1901 г.

Небольшая группа петербургских рабочих в 1897 г. отделилась от Петербургского «Союза борьбы за освобожд. рабоч. класса» и в октябре этого же года выпустила на мимиографе № 1 газеты «Рабочая Мысль». № 3—11 и 16 печатались до декабря 1902 г. за границей. В начале «Р. М.» отражала тредъюнионистские тенденции верхушечных слоев петербургских рабочих, а затем с № 5 пережила ряд перемен в связи с составом руководителей и в самом Петербургском Союзе, органом которого она была одно время, и с изменениями в ее редакционном коллективе. Наиболее продолжительное время «Р. М.» за границей редактировали Тахтарев и его жена Якубова. Шедевром тредъюнионистского уклона «Р. М.» следует признать № 7 и отдельное «Приложение» к нему; важнейшие мотивы, однако, достаточно ярки и в прилагаемой передовой из № 1 «Р. М.» иногда договаривалась до противопоставления профессионально-экономической борьбы борьбе политической, непосредственно направленной против самодержавия, защищая первое, как движение «чисто рабочее», классовое—и считая второе движением революционно-демократическим, не входящим в прямые задачи рабочей партии в данный исторический момент.

Программа «Союза» периода 1901 г., ударившегося в «экономизм», подверглась серьезной критике в ряде статей т. Ленина. Перепечатываем «Прогр.» без сокращений.

ПРОГРАММНАЯ СТАТЬЯ ИЗ НОМЕРА ПЕРВОГО «РАБОЧЕЙ МЫСЛИ».

Никто из сочувствующих рабочему движению не станет отвергать всеми признанной и неопровержимой истины, что улучшение нашего рабочего положения зависит от нас самих.

Как бы ни был добр и великодушен капиталист, все же у него, как у каждого смертного, стоят на первом плане свои личные интересы и свои потребности, об удовлетворении которых он и заботится больше всего. Средства для удовлетворения этих потребностей капиталист получает с эксплоатируемых (обираемых) им рабочих; из этого уже становится вполне ясным, что заботиться о рабочих капиталисту нет никакой надобности, потому что с улучшением положения рабочих ему не удастся выжать из нее столько соку, сколько он может выжимать тогда, когда мы находимся под более сильным гнетом. Капиталист знает, что вся роскошь и излишество, которыми он пользуются, приобретается не его ничего неделанием, а трудом тех, которых он обирает, и которые терпят всевозможные лишения, так как ему хорошо известно, что чем больше лишений переносят им обираемые, тем больше прибыли переваливает на его долю.

Капиталисты могут быть добры к нам настолько, насколько мы им нужны, и они, при всей их доброте и великодушии, при первом удобном случае, всегда готовы сократить наш заработок, или выбросить нас на мостовую. Интересы капиталистов и рабочих совершенно противоположны; поэтому, капиталисты уступают только то, что они не могут удержать. Рабочие могут улучшить свое положение только упорным требованием, таким, отказать которому капиталист не в силах. Я не стану углубляться в дальнейшие подробности о положении рабочих и об отношении к ним капиталистов, потому что все это известно нам, рабочим, которые на своих плечах выносят всю тягость капиталистического гнета. Желающие ознакомиться близко с этим вопросом могут достигнуть этого при помощи некоторых книг.

Дело улучшения рабочих зависит от них самих. Последние слова не новы, и я несколько опасаюсь, что читатели «Рабочей Мысли» посоветуют мне подзаняться выдумкой такого способа, при помощи которого можно было бы улучшить нашу, чересчур обремененную, жизнь, прочесть о чем было бы гораздо интереснее и полезнее, чем то, что я писал в первых строках этой статьи. Выдумать такого способа, конечно, нельзя, при помощи которого каждый из рабочих мог

бы улучшить свое положение, и пока мы будем заботиться только о своем положении отдельно, можно с уверенностью сказать, что мы не достигнем ничего лучшего; а если и удастся несколько удобнее устроить свою жизнь, то это удастся очень немногим и так мало, что такое улучшение всегда оказывается ничтожным в сравнении с тем громадным трудом, которым пришлось его приобресть, если только это лучшее устройство жизни достигается честным путем и без всяких счастливых случайностей. Но как оказывается, выдумывать какой-либо особый способ нет надобности, потому что он давно открыт и давно признан рабочими других стран самым верным, что подтверждает применение его к делу. Способ этот—объединение рабочих; он не представляет из себя новинки для нас, потому что мы слышим о нем и знаем его, но и устарелым его назвать тоже нельзя, во-первых, потому, что такие вещи не стареют, а во-вторых, что мы его не употребляли, исключая некоторых случаев, например, стачки: рабочие, выведенные из терпения общим гнетом, предъявляют общее требование. И у нас, без всякой подготовки и самостоятельной организации рабочих, способ этот оказывает громадные успехи.

Рабочие разных заводов и фабрик составляют, так сказать, один класс, разница между ними только та, что один из нас исполняет одну, другой другую работу; но все мы обязаны работать с утра до вечера, все мы подчиняемся общему закону, возложенному на нас капиталистами и стоящим на их стороне правительством. Закон этот, как известно, составлен так, как нашли сделать это удобнее для себя его представители. И мы видим, что закон этот не только ничего не дает нам, но даже отнимает у нас то, что составляет неотъемлемую собственность каждого человека. Мы все скованы одной цепью произвола, порвать которую мы можем только общими силами.

Несмотря на всю очевидность необходимости объединения, нельзя не заметить полной разрозненности рабочих, не только по всей России, но и здесь в Петербурге, где сообщение вполне возможно. Однако несмотря на это, связи между рабочими почти совсем отсутствуют. Причиной нашей разрозненности являются первым долгом те неудобства, которые приходится встречать при поддержке связей, при чем

нельзя не признать того грустного явления, что мы сами слишком мало заботимся о восстановлении связей; но главная причина этого зла заключается в том, что у нас нет ничего такого, что представляло бы общий интерес. Разрозненность эта не остается бесследной; ее результатом является то, что кружки рабочих, потерявши своего руководителя, ищут восстановления новых связей через товарищей других заводов или фабрик; между тем, их можно было бы возобновить через лицо, находящееся только в другой мастерской. Также мне приходилось встречать организовавшуюся группу товарищей, которая составилась сама по себе и не знала, как ей примкнуть к Союзу и как получать книги.

Вообще, о разрозненности можно сказать, что она поглощает и без того небольшие наши силы и мешает приложению их к делу. Из вышеприведенных примеров видно, что потребность объединения существует, которую вызывает сама наша жизнь, и мы должны считать своей обязанностью способствовать удовлетворению этой потребности. Мы, как и в других странах рабочие, тоже сознаем, что способ объединения является в данном случае единственным и верным, который может принести нам громадную пользу, но как одолеть те препятствия, которые встречаются при его применении? Вот вопрос, который при первых же шагах только запугивает нас своей сложностью, что мы отказываемся от его решения и малодушно остаемся в бездействии. Многие из нас и, быть может, даже большинство рабочих сознают необходимость объединения и желают его, но слишком мало стараются перейти от слова к делу, утешая себя тем, что сделать этого у нас пока нельзя; мы видим перед собою мрачную стену монархического строя, которая препятствует доступу к нам света; мы сознаем все неудобство нашего пребывания во мраке, но приступить к этой стене не решаемся, видя, как отдельные попытки к этому ведут к печальным последствиям. Но вот в том-то и дело, что мы видим случаи только отдельных попыток и принимаем результат их за общую неизбежность. Стена современного строя крепка, и произвол нашего царизма непоборим, но непоборим только в том случае, когда на это направляются отдельные силы, которые настолько малы, что падают жертвой произвола. Но дело примет совсем иной оборот, когда про-

тив произвола капиталистов и правительства будет направлена объединенная сила—сила сознания самостоятельности рабочего класса, справедливые требования которого должны быть удовлетворены. Каждый из нас подавлен заботой о содержании себя и своего семейства, забота эта поглощает все время и силы рабочего, так как только при напряженном усилии им можем гарантировать себя от особой нужды, т.-е. сводить концы с концами. Историческое положение наше, как рабочего класса, таково, что, работая над достижением своего благополучия, мы исполняем общественную работу. Мы последний класс. За нами нет никого. Господство рабочего класса есть всеобщее господство, или лучше, всеобщее равноправие, и к достижению его должны мы стремиться; только тогда мы можем сказать, что жили не напрасно, и это подтвердят наши дети. Чтобы сделать что-нибудь полезное для рабочего класса, нам необходимо объединить наши силы, так как требования наши будут удовлетворены только тогда, когда они будут общими требованиями всего рабочего класса, а иначе все наши заявления на принадлежащие нам права останутся гласом вопиющего в пустыне. Для прочности объединения рабочих всех заводов и фабрик необходимо иметь рабочую кассу, которая в свое время окажет нам громадную услугу. Касса такая уже существует, а устав ее, выработанный петербургскими рабочими, уже распространяется. Кассу эту мы должны поддерживать всеми силами, потому что без нее деятельность на рабочем поприще почти невозможна. Внести 25 копеек в месяц может каждый рабочий без особых затруднений. И я надеюсь, что все сознательные рабочие примут участие в деле для пользы народа. Для установления связи между рабочими будет выходить газета «Рабочая Мысль», первый номер которой у читателя в руках. «Рабочая Мысль» будет отражать жизнь рабочих в ее настоящем свете, будет способствовать пробуждению в них интереса к окружающему, выражая их нужды и клеймя словами презрения и насмешки нашу опричину.

ПРОГРАММА ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА».

(«Рабочая Мысль» № 11, апрель 1901 г.)

Союз борьбы за освобождение рабочего класса составляют все лица, принявшие изложенную ниже программу и входящие в состав фабричных и заводских организаций или групп, выполняющих функции по пропаганде, изданию, по доставке и хранению литературы, по сбору денег, по сношениям с другими городами и с заграницей.

Принимая во внимание, что конечной целью рабочего движения является политическое и экономическое освобождение рабочего класса и что такое освобождение рабочего класса может быть достигнуто только социал-демократическим движением широких рабочих масс—С.-Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса ставит своей задачей развитие сознания этих масс помощью пропаганды и агитации по всевозможным конкретным поводам окружающей рабочего жизни.

Считая, что отстаивание своих насущных интересов, как бы они мелки ни были, воспитывает рабочие массы в социалистическом сознании и подготовляет группы активных борцов за рабочее дело, Союз оказывает такой борьбе всяческое содействие, стараясь придать всякому неорганизованному движению форму организованной сознательной борьбы против капиталистической эксплоатации и царского произвола.

Средствами активной борьбы Союз признает частичные забастовки, общие забастовки и политические демонстрации, организованные при широком участии рабочих.

Признавая, что самодеятельность рабочих является единственной гарантией успеха рабочего дела, Союз настоятельно рекомендует организацию рабочих в боевые союзы.

Со всеми социал-демократическими группами Союз идет рука об руку, признавая прочное объединение их делом первостепенной важности.

Общность врага—правительства—выдвигает на очередь вопрос о временных союзах с прочими революционными фракциями по поводу отдельных частных случаев.

К изложенным в программе целям Союз идет тремя путями: а) организуя рабочих по заводам и фабрикам для дружной защиты их общих интересов в виду соединенных врагов их—капиталистов и правительства;

б) выясняя в сознании всех рабочих их общие интересы;

в) руководя самой борьбой рабочих.

УСТАВ СОЮЗНОЙ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Политические условия заставляют организовать рабочих по отдельным группам (кружковая система).

I. Фабричные и заводские группы, кружки рабочих.

1) На каждом заводе или фабрике наиболее сознательные и энергичные рабочие составляют группу, служащую центром для всех организованных рабочих этой фабрики или завода (Центральная группа).

2) Центральная группа следит за всем, что происходит на ее фабрике или заводе и ведет хронику событий на нем.

3) Центральная группа руководит борьбой рабочих за улучшение их положения на заводе.

4) Среди рабочих своего завода центральная группа организует кружки или присоединяет к организации уже существующие кружки.

5) В каждом кружке должно быть не больше 10 человек.

6) Член центральной группы, организующий кружок или присоединяющий ранее организованный кружок, считается представителем его до тех пор, пока кружок не выберет другого.

7) Новые члены, как в центральную группу, так и во все кружки, принимаются лишь по рекомендации двух старых членов, если никто не выскажется против принятия.

8) Всякий член кружка или центральной группы может быть исключен только по желанию $^3/_4$ всех остальных членов.

9) Центральная группа организует заводскую (фабричную) кассу, в которую все члены всех кружков и групп

обязаны вносить при каждой получке *две копейки с каждого заработанного рубля.*

10) Члены кружков, не платящие своих взносов в течение 3 месяцев, не считаются более членами организации, если остальные товарищи не признают их объяснений удовлетворительными.

11) Половина всех взносов поступает в стачечный фонд.

12) Каждый платящий рабочий имеет право рассчитывать на денежную помощь из заводской (фабричной) кассы.

13) Если средства кассы истощены, центральная группа обращается за помощью в кассы других заводов, указывая, на что требуются деньги.

14) На усиление своих средств или на специальные цели центральная группа может назначить сбор, указывая точно цели его.

15) Обязательные взносы (экстренные) могут быть наложены по решению большинства всех организованных на заводе рабочих.

16) Только в случае стачки группа получает помощь из стачечного фонда.

17) Центральная группа ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы.

18) Принимая при защите интересов рабочих какие-либо меры, имеющие значение для всех рабочих завода, центральная группа обращается ко всем членам кассы (дело решается большинством голосов).

19) Центральная группа делает все, что может, для развития сознания как своих членов, так и членов всех существующих кружков—устраивает библиотеки, руководит занятиями кружка, доставляет рабочие газеты, листки и т. д.

20) Каждый представитель имеет выбранного на год заместителя, готового всегда заменить представителя, если ему почему-либо нельзя будет продолжать свою деятельность.

21) Большинством голосов группы представитель и заместитель могут быть смещены раньше года.

22) Всякий член, как группы, так и кружков, обязан всячески содействовать успеху организации.

II. Районная организация.

1) Представители, выбранные центральной группой из каждого завода какого-либо района, образуют районную группу представителей, которая заведует всеми делами, касающимися целого района.

2) Каждый новый представитель допускается в собрание представителей с общего согласия всех старых представителей.

3) Собрание представителей старается организовать центральные группы и на тех заводах района, где их еще не имеется.

4) Представители связывают организации на отдельных заводах в одну организацию: через них заводские кассы помогают друг другу, заводские библиотеки обмениваются книгами, заводские кружки получают нелегальные издания и сведения об организации.

5) На собрании представителей представители докладывают обо всем, что происходит на каждом заводе; наиболее интересное передается в комитет.

6) Уволенные рабочие, принадлежащие к организации, через представителей устраиваются на другом заводе и переводятся в организацию этого завода.

7) Все меры, касающиеся всего района, решаются по большинству голосов этого района.

8) Только тайные и экстренные дела, касающиеся всего района, решаются самостоятельно представителями его.

9) Представители собираются еженедельно.

10) Представители выбирают в комитет одного из своей среды и заместителя к нему на один год.

III. Комитет С.-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

1) Комитет составляется из выборных каждого района города и представителей от исполнительных групп (групп пропагандистов, для сношений с провинцией, для сношения с заграницей, для заведывания складами, издательской, кассовой).

2) Каждый новый член Комитета принимается только с согласия всех остальных членов Комитета.

3) Для заведывания агитацией и организацией рабочих по фабрикам и заводам из состава Комитета выделяется особая агитационная группа (*«Комитет рабочей организации»*), состоящая из выборных от всех районов и одного выборного от представителей исполнительных групп.

4) Комитет связывает в одну организацию все районы города.

5) Комитет старается вызвать к жизни рабочие организации в других городах.

Примечание: Рабочие организации разных городов составляют Рабочую Партию в России; пока не имеется Центрального Комитета партии Комитет Союза заведывает сношениями Петербургской организации с рабочими партиями других стран.

6) Комитет через своих членов получает отчет обо всем, что происходит в разных районах города в главных частях организации (отчеты касс, кружковые дела, сведения о волнениях, забастовках и проч.), а также сведения о ходе рабочего движения в других местностях.

7) Комитет заведует стачечным фондом, давая отчеты через каждые три месяца.

8) Стачечный фонд составляется из взносов организованных рабочих (по копейке с каждого заработанного рубля от каждого организованного рабочего ежемесячно) и из сумм, поступающих в кассу Союза с специальным назначением «на помощь стачечникам».

9) При забастовке в Петербурге помощь стачечного фонда сказывается в тех случаях, когда стачка была одобрена агитационной группой Комитета.

10) Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее.

11) Тайные и экстренные дела решаются Комитетом самостоятельно.

12) Комитет издает рабочую газету данного города, получая материал через своих членов от различных районов и имея корреспондентов в других городах и за границей, а также брошюры, листки и проч.

13) Для редактирования газеты, брошюр, а также листков, имеющих разъяснительный или программный характер, составляется редакция из трех членов. Два из них выбираются агитационной группой из своей среды или из лиц посторонних, и один—всем Комитетом. Редактирование чисто агитационных воззваний и листков и проч. предоставляется агитационной группе Комитета.

14) В случае разногласия принципиального характера между членами редакции, вопрос передается на рассмотрение всего Комитета, которому принадлежит окончательное решение его.

15) Комитет сносится с другими, имеющимися в России, организациями.

16) Комитет руководит борьбой рабочих.

17) Комитет должен сам изыскивать средства на покрытие своих расходов и на издание газеты. Он может делать сборы от имени Союза как среди членов организации, так и вне ее. Обязательные взносы среди организованных рабочих Комитет может устанавливать только с согласия большинства их.

18) Комитет может пользоваться услугами кого угодно при выполнении своих планов и приглашать кого угодно на свои собрания с правом совещательного голоса.

19) Агитационная группа Комитета собирается не реже одного раза в неделю.

Заключение. Организация каждого города и каждый член Комитета может требовать изменений в этом уставе. Комитет ставит требование об изменении на решение всех членов организации. Если больше двух третей голосов выскажется за изменение—предложение считается принятым. Каждый член Союза обязан подчиняться решениям Комитета.

МАНИФЕСТ Р. С.-Д. Р. П. (1898 г.).

На Минском съезде представителей местных социал-демократических организаций 1—3 марта 1898 г. был избран Центральный Комитет партии, которому и поручалось выпустить «Манифест» партии по поводу ее первого съезда.

Составление этого «Манифеста» было доверено представителем петербургского «Союза» и членом 1-го Центр. Комитета С. И. Радченко П. Струве, который тогда определенно называл себя социал-демократом. В начале 1900 годов он ушел к кадетам и теперь является злостным врагом рабочего класса в России.

---

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года.

Впервые на сцену выступил—как крупная историческая сила—современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене,—с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй не мыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и, по мере

своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплоататорами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности, сознательно или бессознательно, действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 96 и 97 г.г. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2-го июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон—как бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. Тоже же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он *требовал*, и впредь будут давать лишь то, что он *потребует*.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний,—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и, вместе с тем, борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма—за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух

нужен для здорового дыхания. Она—основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только *сам*.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: создание такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком.

Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле, случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию». В сознании этого, представители: «Союзов Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», группы, издающей «Рабочую Газету» и «Общееврейского Рабочего Союза в России и Польше» устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь в Партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение, так и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России, ставя главнейшей из ближайших задач Партии в ее целом—завоевание политической свободы. Социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно

хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА*).

1. Организации «Союзов Борьбы за Освобождение Рабочего класса», группы «Рабочей Газеты» и «Общееврейской Рабочего Союза в России и Польше» сливаются в единую организацию под названием: «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», при чем «Общееврейский Рабочий Союз в России и Польше» входит в партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

2. Исполнительным органом партии является Центральный Комитет, избранный съездом Партии, которому он и отдает отчет в своей деятельности.

3. На обязанности Центрального Комитета лежит:

а) Забота о планомерной деятельности Партии (распределение сил и средств, выставление и проведение однообразных требований и проч.); Центральный Комитет руководится при этом общими указаниями, даваемыми съездами Партии.

б) Создание и доставка местным комитетам литературы.

в) Организация таких предприятий, которые имеют общее для всей России значение (празднование 1-го мая, издание листков по поводу выдающихся фактов, помощь стачечникам и проч.).

4. В особо важных случаях Центральный Комитет руководится следующими принципами:

а) В вопросах, допускающих отсрочку, Центральный Комитет обязан обращаться за указаниями к съезду Партии.

---

*) **Здесь приводятся лишь те постановления съезда, которые сообразно с существующими в России политическими условиями могут быть опубликованы.**

б) В вопросах, не допускающих отсрочки, Центральный Комитет, по единогласному решению, поступает самостоятельно, отдавая отчеты в сделанном ближайшему очередному или экстренному съезду Партии.

5. Центральный Комитет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

6. Средства Партии, которые находятся в распоряжении Центрального Комитета, составляются:

а) из добровольных единовременных взносов местных комитетов в момент образования Партии;

б) из добровольных периодических отчислений из средств местных комитетов, и

в) из специальных сборов на Партию.

7. Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, какую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях местным комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Центрального Комитета, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководствуясь лишь программой Партии.

8. Партия, через свой Центральный Комитет, вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждою национальностью право самоопределения.

Примечание. Местные комитеты вступают в сношения с такими организациями только с ведома и по указаниям Центрального Комитета.

9. Высшим органом партии является съезд представителей местных комитетов. Съезды бывают очередные и экстренные. Каждый очередной съезд назначает время следующего очередного. Экстренные съезды созываются Центральным Комитетом как по собственной инициативе, так и по требованию двух третей числа местных комитетов.

10. «Союз Русских Социал-Демократов» за границей является частью Партии и ее заграничным представителем.

11. Официальным органом Партии является «Рабочая Газета».

«CREDO» и «ПРОТЕСТ 17».

Символ веры («Credo») Е. Кусковой отражало взгляды членов петербургской организации «молодых» с.-д. в период 1896—1901 г.г. Под практику «рабочемысленцев» и всякого рода других оппортунистов подводился модный теоретический фундамент бернштейнианства. Прекрасную отповедь авторам «Credo» дали в 1899 году 17 политических ссыльных Сибири во главе с тов. Лениным и другими «стариками» из той же петербургской организации.

«Credo» и «Протест» были напечатаны в феврале 1900 г. Плехановым в брошюре—«Vademecum» (путеводитель) для редакции «Рабочее Дело».

ПРОТЕСТ.

Собрание социал-демократов одной местности, в числе 17 человек, приняло единогласно следующую резолюцию и постановило опубликовать ее и передать на обсуждение всем товарищам:

В последнее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как ее основателями и передовыми борцами,—членами группы «Освобождение труда», так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов. Нижеприводимое «Credo», долженствующее выражать основные взгляды некоторых (так называемых «молодых») русских социал-демократов, представляет из себя попытку систематического и определенного изложения «новых» воззрений. Вот это «Credo» в полном виде:

«CREDO».

Существование цехового и мануфактурного периода на Западе положило резкий след на всю последующую историю, в особенности на историю социал-демократии.

Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций сделали буржуазию революционным элементом; она, повсюду на Западе начинает с liberté, égalité et fraternité, с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу—рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс не завоевывал демократических учреждений: он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергают это мнение: так, именно в 1848 году, когда произошло на Западе упрочение конституции, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию, фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии—Гауптман—ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 года были завоеваны буржуазией и мелким мещанством артизанами[1]. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и проч) средних веков еще привык участвовать в организациях—в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и проч. Этот организованный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации и свободного лишь к так называемому lose organisation, а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно-обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы, с одной стороны, с другой стороны—возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной его точкой явилась парламентская политическая

---

[1]) Ремесленник, мастер. А. Ш.

борьба с перспективой (только по внешности сходной с бланкизмом, по происхождению совершенно другого характера) захвата власти с одной стороны, Zusammenbruch'а— с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и со страшным трудом, с огромным трением—экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаясь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду laissent á désirer quelque chose. Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана,—Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schlagwort'ом, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения—линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом Манифесте, являлся как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы—неорганизованного и почти неподдающегося организации фабричного пролетариата—создали на Западе то, что носит теперь название бернштейниады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от Коммунистического Манифеста до бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное наблюдение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады—это мало интересно, речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии. Изменение это

произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но, главное, и это самое существенное в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение Партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия *признает* общество, ее узко корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении, приспособительно к современному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятий «политика» расширится до истинно - общественного значения, и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание партии, чем это было до сих пор. Не трудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас—слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся ими и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада,— то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верующего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, есть великое благополучие. Труд-

на, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской деятельности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебоидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже чисто с количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю о их полезности при настоящих условиях). Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующий Streikbrecher'ству, и, следовательно, еще большую трудность подъема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... Что же тут делать русскому марксисту? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксизм пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими *не как орудием исследования*, а как схемой деятельности—не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики, являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты, более, чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально оппозиционной деятельности всех других не-рабочих слоев общества. Малейшая попытка сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально политческого свойства, вызывает протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть

искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни, как бы она ни была не марксистична, которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее от чего-то организованного и имеющего фактическую силу—одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разрозненных личностей—другое. Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально оппозиционной деятельности. Как «отрицатель», русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но, если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов,—это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку.

Мы не знаем, много ли найдется русских социал-демократов, разделяющих эти воззрения. Но несомненно, что вообще идеи этого рода имеют сторонников, и потому мы считаем себя обязанными протестовать против подобных воззрений и предостеречь всех товарищей от грозящего совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, не отделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы.

Вышеприведенное «Credo» представляет из себя, во-первых, «краткое описание хода развития рабочего движения на Западе», и, во-вторых, «выводы для России».

Совершенно неверны, прежде всего, представления авторов «Credo» о прошлом западно-европейского рабочего дви-

жения. Неверно, что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартиизма, революции 1848 года во Франции, Германии, Австрии доказывают обратное. Совершенно неверно, что «марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической». Напротив, «марксизм» появился тогда, когда господствовал социализм не-политический (оуэнизм, фурьеризм, истинный социализм и проч.), и «Коммунистический Манифест» сразу выступил против не-политического социализма. Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое «Международное Общество Рабочих», политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий трэд-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «Credo» отделить эти формы борьбы принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма.

Далее, совершенно неверны также представления авторов «Credo» о современном положении западно-европейского рабочего движения и той теории (марксизма), под знаменем которой идет это движение. Говорить о «кризисе марксизма», значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий. Пресловутая «бернштейниада» в том смысле в каком ее обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «Credo» в частности,—означает попытку съузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов. Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной между-

народной социал-демократии. Мы уверены, что всякие попытки перенести оппортунистические воззрения в Россию встретят столь же решительный отпор со стороны громадного большинства русских социал-демократов.

Точно также не может быть и речи ни о каком «коренном изменении практической деятельности» западно-европейских рабочих партий, вопреки мнению авторов «Credo». Громадное значение экономической борьбы пролетариата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмом с самого начала, и еще в сороковых годах Маркс и Энгельс полемизировали против утопических социалистов, отрицавших значение такой борьбы. Когда, около 20 лет спустя, образовалось «Международное Общество Рабочих», вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе, в Женеве, в 1866 году. Резолюция этого конгресса точно указала значение этой борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны,—от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев). Резолюция признала профессиональные рабочие союзы не только закономерным, но и необходимым явлением при существовании капитализма; признала их крайне важным для организации рабочего класса в его ежедневной борьбе с капиталом и для уничтожения наемного труда. Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительное внимание на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться ко всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда.

С тех пор среди рабочих партий разных стран не раз вставал (и не раз будет, конечно, вставать) вопрос о том, не следует ли в данный момент обратить несколько больше или несколько меньше внимания на экономическую и политическую борьбу пролетариата, но общий и принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение о том, что единая классовая борьба пролетариата

необходимо должна соединять экономическую и политическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует далее, что отсутствие политической свободы или стеснение политических прав пролетариата всегда ведет к необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый план.

Еще менее может быть речи о сколько-нибудь существенном изменении в отношении рабочей партии к остальным оппозиционным партиям. И в этом отношении марксизм указал верную позицию, одинаково далекую и от преувеличения значения политики, и от заговорщичества (бланкизм и проч.) и от пренебрежения политики или съужения ее до оппортунистического, реформаторского социального штопания (анархизм, утопический мелко-буржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч. и проч). Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «одну реакционную массу»: напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д. Рассуждения на эту тему авторов «Credo» свидетельствует лишь о стремлении затушевать классовой характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «признанием общества», съузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения. Мы убеждены, что громадное большинство русских соц.-дем. безусловно отвергнет подобное искажение основных принципов социал-демократии.

Неверные посылки относительно западно-европейского рабочего движения приводят авторов «Credo» к еще более неверным «выводам для России».

Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач», свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением. Еще «Север-

но-Русский Рабочий Союз», основанный в 1878 году, и «Южно-Русский Рабочий Союз», основанный в 1879 году, выставили в своей программе требование политической свободы. После реакции 80-х годов, рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах. Утверждение, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», свидетельствует лишь о полном непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущнейших задач русской социал-демократии. Собственная программа авторов «Credo» клонится, очевидно, к тому, чтобы рабочий класс, идя по «линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов, «за правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают). Одна уже возможность появления подобной программы показывает, насколько основательны были опасения одного из передовых борцов русской социал-демократии, Павла Б. Аксельрода, когда он писал, в конце 1897 года; о возможности такой перспективы:

«Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями, и само по себе в целом, лишено политического характера. В борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями, из так называемой интеллигенции». (Аксельрод: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898 г. стр. 19.) Русские социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «Credo», так как эти идеи прямо ведут к осуществлению такой перспективы. Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом в таких словах: «Другая перспектива: социал-демократия организует русский

пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу *частью рядом и в союзе* с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собою наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» (стр. 20).

В то самое время, когда П. Б. Аксельрод писал эти строки, заявления социал-демократов в России показывали ясно, что громадное большинство их стоит на той же точке зрения. Правда, одна газета петербургских рабочих, «Рабочая Мысль», склонялась, как будто бы, к идеям авторов «Credo», высказываясь, к сожалению, в своей передовой программной статье (№ 1, октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противоречащую социал-демократизму мысль, что «экономическая основа движения» может быть «затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Но в то же время, другая газета петербургских рабочих, «С.-Петербургский Рабочий Листок» (№ 2, сентябрь 1897 г.), решительно высказывалась за то, что «ниспровергнуть самодержавие может единственно лишь крепко организованная многочисленная рабочая партия», что «организовавшись в сильную партию», рабочие «освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Третья газета, «Рабочая Газета», в передовой статье (№ 2, ноябрь 1897 г.) писала: «борьба с самодержавным правительством за политическую свободу—есть ближайшая задача русского рабочего движения»... «Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое, с общим именем и стройной организацией»... «Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию»... «Русская рабочая партия будет партией социал-демократической». Что громадное большинство русских социал-демократов разделяло вполне именно эти убеждения «Рабочей Газеты»,—это видно из того, что состоявшийся весною 1898 г. съезд русских социал-демократов образовал «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», опубликовал ее «Манифест» и признал «Рабочую Газету» официальным органом партии.

Таким образом, авторы «Credo» делают колоссальный шаг

назад против той ступени развития, которую русская социал-демократия уже достигла, и которую она запечатлела в «Манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Если отчаянная травля русского правительства привела к тому, что в настоящее время деятельность Партии временно ослабела, и ее официальный орган перестал выходить, то долг всех русских социал-демократов состоит в том, чтобы приложить все усилия к окончательному укреплению Партии, к выработке программы Партии и к возобновлению ее официального органа. Ввиду того шатания мысли, о котором свидетельствует возможность появления таких программ, как вышеразобранное «Credo», мы считаем особенно необходимым подчеркнуть следующие основные принципы, изложенные в «Манифесте» и имеющие громадную важность для русской социал-демократии:

Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе; агитация не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идеи научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшим развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от всех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной теорией»). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти с расширением движения и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства.

Во-вторых, «на своих крепких плечах русский рабочий должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей бли-

жайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в третьих: «Как движение, так и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного дела в России; ставя главнейшею из ближайших задачах партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организацию партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на относительную слабость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма».

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить вышеприведенное «Credo» и нашу резолюцию, и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации, и укрепления Р. С.-Д. Р. П.

«ЮЖНЫЙ РАБОЧИЙ».

Так называлась социал-демократическая газета, созданная в Екатеринославле к концу 1899 г. Руководили ею Г. Наумов, И. Лалаянц, С. К. Харченко, В. Н. Розанов. «Южный Рабочий» в отличие от киевской газеты «Вперед» и петербургской «Раб. Мысли» вел агитацию по ясно выраженной классовой линии, подчеркивая необходимость для рабочих напряженной политической борьбы с самодержавием. С возникновением «Искры» группа «Южного Рабочего» солидаризировалась с ее критикой экономизма и оппортунизма, с искровскими принципами тактики и организации, принимая живое участие в создании Орг. К-та по созыву 2-го съезда.

Прилагаемая программная статья была напечатана в № 1 «Южн. Рабоч.» 1900 г.

— Приступая к изданию Екатеринославской газеты «Южный Рабочий», мы думаем, что идем этим навстречу назревшим потребностям рабочей массы всего юга России, в частности екатеринославских рабочих: чем больше развивается рабочее движение, чем чаще оно приходит в столкновение с политическими условиями русской жизни, тем настоятельнее чувствуется потребность в объединяющем органе, который отмечал бы те моменты и всесторонне освещал бы факты, выдвигаемые происходящей борьбой.

Называя наш орган екатеринославской рабочей газетой, мы, тем самым, указываем, что появление его вызвано усиливающимся ростом рабочего движения в Екатеринославле и теми запросами, которые предъявляет екатеринославская рабочая масса. На-ряду с этим мы считаем нужным заявить, что будем по мере возможности освещать все факты, касающиеся жизни рабочих всего юга России...

В то время, как в крупных промышленных центрах России, в Петербурге, Москве и других городах с середины 90-х годов широкой волной разлилось рабочее движение, с каждым годом принимавшее все более и более крупные размеры, когда в рабочей массе этих местностей все больше и больше пробуждалось стремление к лучшей жизни, сознание своих интересов и необходимости борьбы за них со своими эксплоататорами, горнозаводский юг России с его 100-тысячным рабочим населением, разбросанный по массам заводов, рудников и шахт, почти совсем стоял в стороне от этого широкого течения, сулившего измученной массе улучшение ее положения, открывавшего надежды на лучшее будущее.

Да это и понятно. В то время, как в Прибалтийских и центральных губерниях России промышленность существует в продолжение десятков лет, горнозаводский юг есть создание нового времени. Освобождение крестьян дало могущественный толчок к развитию у нас промышленности. Развитию ее очень сильно содействовало и правительство, защищая высокими пошлинами произведения отечественной промышленности, помогая денежными средствами устройству крупных предприятий, основанию банков, щедрою рукою раздавая всякие льготы, особенно на постройку железных дорог. И чем больше росли у нас фабрики, чем больше во всех направлениях проводили железные дороги, которые одним появлением в глухих местах разрушали прежний незатейливый уклад жизни, внося в деревню понятие о деньгах и заставляя ее приноравливать свое хозяйство к продаже его произведений, чем быстрее крестьянская масса обезземеливалась, попадала в руки кулаков, и скупщиков, направляясь на фабрики, на железные дороги, и чем более вводились на фабрики машины и разные усовершенствования, тем все более чувствовался новою промышленностью недостаток в *собственном* железе, в собственном каменном угле, в собственных машинах, сделанных в России.

До этого времени все эти предметы вывозились из-за границы, главным образом из Англии, и за перевоз их через границу приходилось платить огромные пошлины, что удорожало товары и облегчало конкуренцию иностранных капиталистов. Поэтому, открытие собственных минеральных бо-

гатств и развитие отечественного машиностроения являлось жизненным узлом процветания новой промышленности. Соединение железной дорогой Москвы, центра хлопчатобумажной промышленности, с Николаевым открыло простор капиталистической эксплоатации. Юг обратил внимание русских и иностранных капиталистов на его бесконечные степи, под почвой которых таились богатые залежи железа и каменного угля. Открытие руды в Кривом Роге и окрестностях положило начало промышленного развития и подъема во всех отношениях этого края. Прошло каких-нибудь 10—15 лет, и пустынный новороссийский край, куда прежде правительство разными льготами привлекало поселенцев, покрылся заводами, железными и каменноугольными копями. Екатеринослав, бывший прежде довольно ничтожным губернским городом, превратился в столицу нового края; теперь на наших глазах такими же крупными шагами идет рост Харькова, Таганрога и Мариуполя.

Со всех концов России десятки тысяч рабочего люда стекаются сюда и занимаются здесь добыванием из недр земных железа и каменного угля, обработкой грубой, содержащей различные примеси руды, в чистый металл, приготовлением машин, рельс и вагонов. Но в то время, как на всех этих копях и заводах создаются несметные богатства, когда ежегодно доходы Юза, Брянского товарищества и иных русских и иностранных капиталистов считаются сотиями тысяч и даже миллионов рублей, положение рабочей массы, чьими руками создаются все эти богатства, не поддается описанию.

Алчная погоня за наживой, не знающая никаких границ, никакого удержу, разворачивается во всю ширь. Человеческая жизнь не ставится ни во что. На большинстве шахт и заводов не существует даже самых простых и дешевых приспособлений, предупреждающих несчастные случаи с людьми. Да и к чему тратиться, когда на место одного убитого найдется десяток свободных рук, а за эти приспособления нужно платить деньги. При копях, занимающих полторы-две-три тысячи рук очень часто нет даже бани, а если где и есть, то человек на двадцать-тридцать вместимостью. И вполне понятно, что шахтер целую неделю ходит покрытый

угольною пылью. Эта пыль вместе с ним проникает в рабочие казармы, пропитывает их стены, оседает на пищу...

У шахтеров нет даже отдельного жилища: как арестантов или солдат, поселяют их вместе человек 300 или 500 в плохо сколоченных, душных и тесных балаганах, подчиняя их даже в свободное время строгому надзору, чтобы никакая свежая мысль, никакое одушевляющее слово не забралось в жилища покинутых судьбою людей и не заронило в их ожесточенных сердцах луча надежды на будущее, уважение к собственной личности и веру в свои силы. В довершение всего, за свой каторжный труд, происходящий в таких прямо собачьих условиях существования, шахтер даже не может получить сполна свой заработок. Везде на копях существует целая система всяких ухищрений и мошенничеств, которые сбивают с толку и запутывают неопытного рабочего, и в результате, при окончательном расчете с конторой им не досчитывается $1/4$ и даже $1/3$ своего заработка.

Немногим лучше обстоит дело на заводах. Правда, здесь уже не смеют так нагло обирать рабочего, так как для работ на заводах требуются обученые, и, следовательно, более развитые рабочие. Но зато искусным соединением поденной и поштучной платы из года в год понижают заработок рабочим, донимают штрафами и вычетами, сверхурочными работами растягивают рабочее время далеко за установленные пределы. И все это происходит оттого, что рабочая масса разъединена и не понимает своих интересов, погружена во мрак и невежество, о чем особенно заботится правительство, не допускающее и мешающее широкому развитию просвещения народа.

Правда, когда слишком уж горько становится рабочему, вся накопившаяся злоба беспросветного и тяжелого существования прорывается наружу и обрушивается на все, что его давило, что имело какое-нибудь отношение к эксплоатации и гнету. Разбиваются машины, поджигаются и разрушаются заводские здания и постройки, мастера и служащие, наиболее насолившие рабочим, избиваются на смерть. Такой именно характер имело движение на Брянском заводе в прошлом году, а также неоднократно происходило в Юзове, Мариуполе и других местах. Но ясно видно, что

подобный взрыв ярости ничего не имеет общего со стойкой сознательной борьбой. Присылают войска, приезжают жандармы, прокуроры и иные царские ищейки, чинятся жестокий суд и расправа: многие десятки рабочих падают под солдатскими пулями, засекаются до смерти казацкими нагайками, еще большее число наполняет тюрьмы и арестантские роты, попадают на каторгу и поселение. А эксплоатация и гнет опять входят в свои права, рабочих *сжимают* еще туже, и начинается прежняя собачья жизнь до новой вспышки, до нового погрома.

Но разве нет выхода из этого положения, неужто везде для рабочего жизнь каторга, не дающая никакого исхода, отнимающая всякую надежду на будущее?

Стоит взглянуть на то, как живут наши товарищи рабочие других стран, и мы увидим, что их положение везде гораздо лучше нашего... Все это было ими добыто трудной и упорной борьбой, которая в Западной Европе тянется уже более 50 лет...

Было время и в тех странах, когда рабочим жилось не лучше нашего, когда и они были задавлены гнетом, не видели другого выхода из своего положения и тоже, подобно брянским и другим нашим рабочим, время от времени прорывались бесплодными бунтами и погромами. Но время шло, горьким опытом рабочие убеждались, что поджогами и разгромами ничего не добьешься, и приходили к сознанию необходимости спокойной, выдержанной и стойкой борьбы со своими эксплоататорами. И успех этой борьбы, то блестящее по сравнению с нами положение, в котором находятся заграничные рабочие, лучше всего доказывает, что и мы до тех пор не изменим своего положения, пока не начнем борьбы такими же средствами.

А у нас в руках имеется испытанное боевое оружие пролетариев всего мира, которым они заставляют дрожать своих эксплоататоров и итти на всякие уступки:—этим оружием является стачка...

Таким-то именно путем петербургские рабочие добились два года тому назад закона об $11^1/_2$-часовым рабочем дне, *этого самого* крупного за последнее время доказательства того, какую силу представляют рабочие, когда они дружно и единодушно встают на защиту своих интересов.

Действуя таким образом, устраивая стачки и единодушно выставляя свои требования, мы постепенно добьемся как полного исчезновения тех форм притеснения, которые низводят нас на положение вьючных скотов, так и многого из того, чем уже пользуются наши товарищи, рабочие Западной Европы, и что понемногу завоевывают себе рабочие Польши, Литвы и других мест России...

Русский рабочий лишен всяких прав: его давит не только его прямой эксплоататор-капиталист, но и целая бездна остатков крепостных порядков, господства произвола и единоличной власти, которые сковывают его по рукам и ногам и мешают успеху его борьбы, отдают беззащитных во власть эксплоатации.

А кого защищает этот неограниченный властитель над существованием 130 миллионов человеческих жизней, самый крупный фабрикант и богатейший земельный собственник, это рабочие сами испытали на собственной шкуре. Когда рабочих сжимают в железном кольце эксплоатации, когда их жизнь обращается в бесконечную каторгу, правительство молчит; оно сыплет золотым дождем льготы на капиталистов и ничего не хочет знать о тяжелой жизни рабочих; но когда последние пробуждаются, когда они выражают недовольство и вступают в борьбу, то самодержавное правительство тогда лишь обращает на них свой благосклонный взор, насылает на них войско и казаков, кровью и железом платит им за их дерзкие стремления, хватает их друзей и защитников, гноит их в тюрьмах, ссылает в Сибирь и отдаленные губернии. Поэтому, и борьба с этим правительством богачей и эксплоататоров, стремление к его ниспровержению и завоеванию себе политических прав является жизненной задачей рабочего класса в России, задачей не менее насущной и жизненной, как и вопрос о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы.

А для выполнения этой задачи разъединенных сил рабочего класса недостаточно. Необходимо слияние всех этих сил в одно стройное целое, в одну рабочую армию с одними приемами борьбы, направляемой к одной общей цели. Необходима *всероссийская рабочая партия*, которая бы объединила отдельные стремления рабочих и направила их к сознательной борьбе за одни и те же задачи.

И это объединение в значительной степени совершилось. В 1898 году был устроен съезд представителей от рабочих союзов всех мест, где уже ведется борьба, и на этом съезде решено было соединение всех союзов в единую «*Всероссийскую Социал-Демократическую Партию*».

Соединим же с этой партией и мы свои стремления, станем под ее красное знамя на защиту своих прав, на обеспечение себе лучшего положения, на установление на земле царства справедливости, свободы и братства вместе с рабочими других мест России, вместе с рабочими всего мира подхватим боевой клич, который раздался 52 года тому назад в Европе, обращенный с призывом ко всем угнетенным, эксплоатируемым, указывая на путь освобождения — клич этот: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»

«ИСКРА».

№ 1 газеты «Искра» вышел из печати в Штутгарте, в декабре 1900 г. от имени революционной организации «Социал-демократ», в которую вошли: Группа «Освобождения Труда» и примыкающие к ней члены «Союза русских с.-д.» Главным инициатором «Искры» был В. И. Ленин (Ульянов), окончивший в 1900 г. сибирскую ссылку. В Пскове, в мае 1900 г. была выработана при его участии программа «Искры». В редакцию «Искры» до 2-го съезда партии входили: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Ленин, Потресов и Мартов. На 2-м съезде в нее были избраны: Плеханов и Ленин. С № 53 Ленин вышел из редакции и «Искра» стала органом меньшевиков.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «ИСКРЫ».

От редакции.

Предпринимая издание политической газеты—«Искра», мы считаем необходимым сказать несколько слов о том, к чему мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму.

Но, с другой стороны, главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время,— его раздробленность, его, так сказать, кустарный характер: местные кружки возникают и действуют независимо

друг от друга и даже (что особенно важно) независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах; не устанавливаются традиции, нет преемственности, и местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией.

Несоответствие этой раздробленности с запросами, вызываемыми силой и широтой движения, создает, по нашему мнению, критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать определенную физиономию и организацию, а между тем, в среде практически действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатание мысли, увлечение модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой», распространение взглядов, так называемого, «экономического направления» и в неразрывной связи с этим—стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Что подобного рода шатание мысли наблюдается среди русских социал-демократов, что узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, грозит совратить движение на ложную дорогу, это факт; в этом не могут усумниться люди, непосредственно знакомые с положением дел в большинстве наших организаций. Да есть и литературные произведения, подтверждающие это: стоит назвать хотя бы «Credo», вызвавшие уже вполне законный протест, «Отдельное приложение к «Рабочей Мысли» (сент. 1899), столь рельефно выразившее тенденцию, проникающую всю газету «Рабочая Мысль», или, наконец,—воззвание петербургской «Группы Освобождения Рабочего Класса», составленное в духе того же «экономизма». И совершенно неверно утверждение «Рабочего Дела», что «Credo» представляет собою не больше, как мнение единичных лиц, что направление «Рабочей Мысли» выражает лишь сумбурность и бестактность ее редакции, а не особое направление в самом ходе русского рабочего движения.

А рядом с этим, в произведениях писателей, которых читающая публика, с большим или меньшим основанием, считала до сих пор видными представителями «легального» марксизма, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающимся с буржуазной апологетикой. Результатом всего этого и является тот разброд и та анархия, благодаря которым экс-марксист, или вернее, экс-социалист Бернштейн, перечисляя свои успехи, мог печатно заявить, не встречая возражений, будто большинство действующих в России социал-демократов состоит из его последователей.

Мы не хотим преувеличивать опасность положения, но закрывать на нее глаза было бы неизмеримо вреднее; вот почему мы от всей души приветствуем решение «Группы Освобождения Труда» возобновить ее литературную деятельность и начать систематическую борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма.

Практический вывод из всего этого такой: мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. Именно эта задача была намечена уже съездом 1898 года, образовавшим «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию» и опубликовавшим ее «Манифест».

Мы признаем себя членами этой партии, вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайшей и непосредственной нашей задаче ставится таким образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии?

Обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что необходимо снова выбрать центральное учреждение и поручить ему возобновить орган партии. Но, в переживаемый нами период разброда, такой простой путь едва ли был бы целесообразен.

Создать и упрочить партию значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, необходимо закрепить это идейное объединение партийной про-

граммой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет создана русская социалистическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а, следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т.-е. выработке общей, принципиально-выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восстановлению деятельности партии.

Как мы уже говорили, идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнианцами и «критиками». Прежде чем объединяться и для того, *чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться.* Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строгого, определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и мн. др. Но, обсуждая все вопросы со своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемики между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика между всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсужде-

ния спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают не только представители различных взглядов, но даже представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже, как уже было замечено выше, одним из недочетов современного движения отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень серьезных вопросов.

По мере наших сил мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание, как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что вносит в движение и что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Только такой орган способен вывести на широкий путь политической борьбы...

«РАБОЧЕЕ ДЕЛО».

Союз русских социал-демократов за границей издавал с апр. 1899 г., по март 1902 г. свой орган «РабочееДело». Редактировали его Б. Кричеський и Мартынов. «Р. Д.»—разновидность оппортунистических течений среди русских с.-д. Рабочедельцы постоянно срывались в плоскость экономизма. В общем их «срывы» сводились к следующему: 1) пропаганда экономистов и «искровцев»—различные, но необходимые *стадии* одного и того же процесса; 2) с.-д.-тия должна считаться со *стихийным* движением рабочих масс и *ступенями* их развития—отсюда, так называемый, «хвостизм» «Р. Д.»; 3) переход к политике обусловливается лишь прямой невозможностью, при самодержавии, вести стачечную борьбу и т. п.

III съезд Союза русских с.-д. происходил 4—5 октября 1901 г. Попытка Ленина, Плеханова и др. наладить с Союзом деловые отношения кончилась неудачей. Организации «Зари-Искры» и «С.-Д.» покинули съезд, заклеймив поведение на нем представителей Союза, как явно враждебное интересам пролетариата.

Прилагаемая ниже «Наша новая программа»—инструкция для редакции «Рабочее Дело» делает попытку полемизировать с «искровцами» по вопросам тактики с.-д.-тии.

НАША НОВАЯ ПРОГРАММА.

Введение.

Первый съезд реорганизованного Союза русских социал-демократов (осенью, ноябрь 1898 года) дал редакции« Рабочего Дела» инструкции, легшие в основание ее программы.

Основная тенденция этих инструкций—подчеркивание необходимости тесной связи социал-демократии с широким массовым движением пролетариата; основное содержание

этих инструкций—установление средств для вовлечения массы в активную политическую борьбу.

Эту тенденцию и это содержание инструкций 1898 года съезд признает верными и для настоящего времени.

Но, ввиду того, что с тех пор социал-демократическое рабочее движение сильно выросло и в идейном и в практическом отношениях и что перед социал-демократией выдвинулись более широкие практические задачи,—3-й съезд пересмотрел инструкции 1898 года.

Общее положение.

Заграничный Союз русских социал-демократов действует на почве международного научного социализма в согласии с Манифестом Российской Социал-демократической Рабочей Партии, *часть которой он составляет* и заграничным представителем которой он является.

Деятельность социал-демократии может быть целесообразна лишь под тем условием, если она руководствуется не только общими принципами научного социализма, но и 1) общими политическими условиями и конкретными соотношениями общественных классов данной страны и 2) степенью развития рабочего движения.

Политический рост рабочего движения в России.

По мере развития и распространения борьбы рабочих за сознанные ими интересы, массовое рабочее движение в России, сливаясь с социал-демократией, выходит на все более широкий путь революционной борьбы и становится все более доминирующим фактором русской общественной жизни.

Развитие рабочего движения под знаменем социал-демократии делало для рабочих все более ощутительную потребность в политических правах. А так как эти права стоят по существу в противоречии с самодержавным режимом, то в сознании рабочей массы низвержение самодержавия становится уже теперь непосредственной, конкрет-

ной задачей борьбы. Таким образом, низвержение самодержавия, которое всегда было программной задачей русской социал-демократии, выдвинутой всем ходом русской истории и завещанною прежним революционным движением, теперь переходит из области социал-демократической пропаганды в область непосредственной революционной борьбы.

Экономическая и политическая борьба.

При самодержавном режиме России все формы и области борьбы пролетариата должны входить в сферу деятельности социал-демократии, которая и направляет их к своей ближайшей политической цели.

Если с точки зрения социальной революции «экономическое освобождение есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство» (устав Интернационала), то, с точки зрения грядущей политической революции в России, экономическая борьба является средством по отношению к ближайшей политической цели социал-демократической партии—завоеванию демократической конституции.

Ввиду того, что экономическая борьба и при настоящих условиях может вести к частичному, хотя и минимальному улучшению социального положения пролетариата, тем самым улучшая его боевую позицию в борьбе за свое политическое и социальное освобождение; ввиду того, что социал-демократическая партия немыслима вне тесной связи с массовой борьбой пролетариата; ввиду того, что при русских условиях отделение политической борьбы от экономической, если даже допустить возможность этого, в значительной мере парализовала бы борьбу партии за политическую свободу,—ввиду всего этого социал-демократия должна руководить экономической борьбой пролетариата, оберегая ее в то же время от профессионального, национального и т. п. эгоизма и пользуясь ею для революционизирования рабочей массы.

Средства политической агитации.

В России наиболее широко применимым средством для вовлечения массы в политическое движение является экономическая борьба, на почве которой следует вести политическую агитацию; но нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию только на экономической почве.

Поводами к политической пропаганде и агитации должны служить все явления и события общественной и политической жизни, которые затрагивают пролетариат либо непосредственно, как особый класс, либо как авангард всех революционных сил в борьбе за свободу.

Отдельные права и низвержение самодержавия.

Социал-демократия должна вызывать и поддерживать активные протесты рабочих во имя отдельных политических прав, как-то: свобода стачек, союзов и собраний, свободы слова и печати и неприкосновенность личности. Такие протесты являются могучим агитационным средством борьбы с самодержавием, которое несовместимо с политическими правами пролетариата, а также средством популяризирования чисто пролетарских прав,—что будет способствовать завоеванию этих прав одновременно с падением самодержавия.

По этим же соображениям необходимо вообще конкретизировать содержание демократической конституции в массовой пропаганде, подчеркивая те элементы конституции, которые определяют собою ее демократический характер.

Демонстрации.

Союз признает демонстрации и протесты в настоящее время лучшим средством политической борьбы. Нужно устраивать организованные демонстрации. В случае, если правительство прибегает к насилиям над демонстрантами, съезд признает целесообразным отвечать на насилие насилием.

Майский праздник.

Майский праздник является в России днем демонстрации пролетариата против самодержавного режима и капиталистического строя за демократическую конституцию и международные требования пролетариата.

Террор.

Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным. В случае отдельных террористических актов следует пользоваться ими для развития политического сознания пролетариата.

Организационные принципы.

В интересах успешного развития и объединения социал-демократии, следует подчеркивать, развивать и бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо ввиду обнаруживающихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций.

Приведенные инструкции сами по себе в подробных комментариях не нуждаются. К тому же многие из них заключают и мотивировку. Нам остается, главным образом, определить отношение новых инструкций к инструкциям 1898 г. и указать на размер и характер изменений старой программы «Рабочего Дела». Введение к новым инструкциям указывает, какими соображениями руководствовался съезд при их пересмотре. Сильный рост социал-демократического рабочего движения в идейном и практическом отношениях, выдвинувший перед социал-демократией более широкие практические задачи,—вот достаточная и настоятельная причина пересмотра резолюций, составляющих *свод тактических положений для текущей борьбы.*

Этим своим характером наши инструкции, старые и новые, отличаются от партийной программы, дающей общую теоретическую основу деятельности и выставляющей общие

цели и *требования* партии, тогда как наши инструкции намечают *задачи и средства текущей борьбы*. Отсюда, между прочим, ясно, что пересмотр инструкции 1898 года не затрагивает взглядов союза на *программу партии*. По-прежнему союз «действует на почве международного научного социализма в согласии с Манифестом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», в котором изложены основные программные пункты нашей Партии.

Эти принципы мы, само собой разумеется, пропагандировали в «Рабочем Деле» и в брошюрах, с самого возникновения реорганизованного союза. Что же касается взгляда на способы и средства текущей борьбы, то он должен был измениться с поступательным ростом социал-демократического движения.

Три года тому назад русское социал-демократическое движение едва начинало выступать на путь политической агитации. Во многих местах оно еще даже не выходило за пределы массовой пропаганды. Всюду в агитационной деятельности *местный* элемент преобладал над *общим*; задачи местной борьбы, носившей экономический характер, отодвигали на задний план общепартийные задачи политической борьбы. Этим зачаточным состоянием нашего движения в 1898 году объясняется и малоуспешность первого съезда партии в смысле действительного объединения социал-демократических организаций. При таких-то условиях союзный съезд 1898 года должен был выработать программу, достаточно гарантирующую поступательное политическое развитие движения и вместе с тем *немедленно выполнимую* тогдашними, по крайней мере, наиболее сильными организациями.

Неудивительно, если инструкции 1898 года, отвечавшие тогдашним потребностям борьбы, с тех пор устарели. Но устарела не их основная тенденция и не их основное содержание, а взгляд на непосредственные задачи борьбы, а вместе с тем формулировка средств для вовлечения массы в активную политическую борьбу и—отчасти—формулировка средств самой этой борьбы.

С усилением политического темпа нашего движения, с революционизированием широких слоев пролетариата, сознавших необходимость борьбы с самодержавием,—партий-

ные задачи начинают занимать преобладающее место в агитационной деятельности всех наших передовых организаций. Весенние события этого года достаточно ярко показали, какая революционная сила уже накопилась в рабочей массе. Если наша партия в прежние годы только лишь пробуждала массу к политической жизни, только вовлекала ее в политическую борьбу, то теперь ее настоятельной задачей является целесообразное использование накопившейся революционной силы для низвержения самодержавия, этого важнейшего препятствия в борьбе пролетариата за его полное социальное освобождение, за торжество социализма.

Верный общему духу всей деятельности Союза—стремлению отвечать вопросам совершающейся в России социал-демократической борьбы, 3-й союзный съезд изменил инструкции 1898 года в соответствии с новыми и высшими тактическими задачами нашего движения.

Критерием же при пересмотре инструкций служил, как видно уже из сказанного, основной взгляд Союза на тактику. Мы имеем в виду формулировку условий целесообразности социал-демократической деятельности, стоящую во главе старых и новых инструкций,—с той только разницей, что в последних тот же основной взгляд очищен от временных примесей, в прежней формулировке затемняющих его истинный постоянный смысл соображениями, применимыми только к тогдашнему состоянию русского социал-демократического движения, или же высказывавшимися ввиду своей новизны для того времени. В новой формулировке прибавлено ясное указание на «общие политические условия»; далее, «насущные потребности русского рабочего движения на данной ступени его развития» заменены общим, всегда и всюду применимым выражением: «степень развития рабочего движения»; наконец, выброшено указание на необходимость «считаться с разнообразием местных условий и уровнем развития отдельных слоев рабочего класса». Это указание в настоящее время было бы излишне и вредно. Излишне, поскольку речь идет о технических приемах агитации, так как все наши организации достаточно опытны в этом отношении; вредно, поскольку под этим указанием можно понимать преоблада-

ние местного элемента над общественными задачами политической борьбы.

Мы знаем, что новые инструкции могут настолько же оказаться *впереди* всего движения в целом, насколько инструкции 1898 года опережали тогдашнее общее состояние движения. Но это—не недостаток, а достоинство в программе органа, назначенного для всей России, имеющего в виду интересы движения в целом, ставящего на первый план *общие задачи партии*. Во всяком случае новый свод тактических положений соответствует теперешней «*степени развития рабочего движения*», под которой нужно понимать, конечно, состояние движения в более передовых районах и среди более передовых слоев рабочей массы.

Центр тяжести новых инструкций лежит в следующей мысли: «таким образом, низвержение самодержавия... теперь переходит из области социал-демократической пропаганды в область непосредственной революционной борьбы». Эта мысль проходит красной нитью через все тактические резолюции съезда. Все формы и области деятельности социал-демократии, все средства партийной борьбы так или иначе поставлены в связь с «непосредственной революционной борьбой» за демократическую конституцию.

В этом духе формулировано прежде всего взаимоотношение экономической и политической борьбы, которое в нашей старой программе было формулировано не ясно и потому до известной степени противоречиво. С другой стороны, новые инструкции полнее и рельефнее старых обосновывают необходимость для социал-демократии руководить экономической борьбой пролетариата. Если в 1898 году еще нужно было указывать на важность экономической борьбы для «развития чувства солидарности и классового сознания рабочих» и пр., то ныне, ввиду страхов, обуявших известную часть русских социал-демократов по отношению к экономической борьбе, приходится подчеркивать необходимость для наших партийных организаций руководить наиболее широко распространенной формой пролетарской борьбы. В 1898 году нужно было пропагандировать еще сравнительно новую тогда форму воздействия на рабочую массу; в 1901 году оказывается необ-

ходимым отстаивать от неразумных страхов то, что является неиссякаемым источником революционной энергии пролетариата и что послужило важнейшим фактором количественного и качественного роста социал-демократического движения.

Далее, инструкции последнего съезда, признавая всю политическую важность руководства экономической борьбой со стороны социал-демократии, ясно указывают на полную возможность начинать политическую агитацию и помимо экономической борьбы. Вместе с тем, они всесторонне расширяют область политической агитации, вплоть до тех явлений и событий общественной и политической жизни, которые затрагивают пролетариат, «как авангард всех революционных сил в борьбе за свободу»—таковы, напр., студенческие волнения или протесты угнетенных национальностей. Наши читатели знают, что в союзной литературе студенческие волнения 1899 г. и 1900—1901 г.г. встретили самый горячий отклик. Точно так же мы призывали комитеты нашей партии к повсеместным протестам против преступления самодержавного правительства над Финляндией. Таким образом, новые инструкции в этом вопросе не вносят нового элемента в наши издания, а лишь санкционируют проводившиеся нами тактические взгляды, которые, впрочем,—хотя и в другой связи—выражены и в инструкциях 1898 года, провозглашающих, что «всякий враг самодержавия является временным союзником рабочего класса в его освободительной борьбе». (Резолюция об отношении союза к «несоциалистическим революционным и политически-оппозиционным группам».)

Наиболее значительным изменениям подверглась формулировка средств политической агитации в связи с вопросом о «частичных» или «ближайших» правах. В старой программе сказано: «борьба рабочего класса за эти права составляет ближайшее содержание его борьбы с царским самодержавием, которая поведет к завоеванию полной политической свободы, с равноправным участием всего народа в государственном управлении, т.-е. к завоеванию демократической конституции». Здесь высказывается совершенно верная мысль, что по мере развития рабочего движения, нарушение непосредственных политических инте-

ресов пролетариата правительством и отстаивание их пролетариатом является могучим средством для вовлечения его в борьбу с самодержавием. Но на-ряду с этим в старой программе говорится о «ближайших политических требованиях» и о «ближайших политических правах», как о «необходимом условии дальнейшего всестороннего развития рабочего движения». Это выражение, в связи с неудачным эпитетом «ближайший», может подать повод и подавало повод к толкованию, будто при самодержавии *возможно достижение* «ближайших» прав. Вот почему данный пункт был изменен в смысле указания на агитационное значение протестов во имя отдельных политических прав. Устранить из нашей агитации такие протесты значило бы сделать две пагубных ошибки. Во-первых, мы отказались бы от «могучего агитационного средства борьбы с самодержавием»: ведь эти протесты, как таковые, неизбежно связаны с протестом против всего самодержавного строя, являясь только прекрасным конкретным поводом *общеполитического* протеста. Во-вторых, мы погрешили бы против важнейшей обязанности социал-демократии, обязанности стремиться к *обеспечению за пролетариатом максимума прав при падении самодержавия.*

Известно, что в Западной Европе завоевание чисто-пролетарских прав не совпадало с введением конституционного строя. Свободы стачек и рабочих союзов не существовало многие годы и даже десятилетия после падения самодержавия. Это зависело, конечно, от недостаточного развития экономической борьбы пролетариата и пролетарской борьбы вообще. Первыми добились права коалиций английские рабочие в 1824—1825 г.г., потому что капитализм, а вместе с ним борьба рабочих с капиталистами ранее всего развились в Англии. Затем только разрешение стачек во Франции в 1864 году ускорило достижение права коалиций в других странах: в Бельгии в 1866 году, в Германии в 1869 г., в Австрии в 1870 г., в Голландии в 1872 г., в России же, где пролетариат является главной революционной силой в борьбе за свободу, и где эта борьба так тесно связана с его экономической борьбой,—мы можем и должны добиться чисто-пролетарских прав одновременно с низвержением самодержавия. Но для этого необ-

ходимо уже теперь популяризировать эти права в текущей борьбе рабочих,—точно так же, как мы должны уже теперь выставлять лозунгом борьбы *демократическую* конституцию на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права.

Из средств политической борьбы съезд поставил на первое место демонстрации, к которым, впрочем, уже 1-й съезд реорганизованного Союза отнесся «безусловно сочувственно».

Инструкции 1898 года «рекомендовали празднование 1-го мая, как общую демонстрацию в пользу важнейших экономических требований пролетариата и наиболее подходящий момент для заявления ближайших политических требований». Резолюция последнего съезда о майском празднике соответствует общему изменению постановки тактических задач. Впрочем, все майские номера «Рабочего Дела», назначенные для всей России, на - ряду с отдельными политическими требованиями, пропагандировали демократическую конституцию.

По вопросу о терроре наш съезд присоединился по существу к решению 4-го съезда Бунда. Нужно, однако, заметить, что это решение явилось компромиссом между двумя отчасти расходившимися взглядами. Взгляды эти изложены в нижеследующих двух резолюциях, из которых ни одна не получила большинства голосов. Вот эти две отклоненные резолюции:

1. «Не предрешая вопроса о том, будет ли террор играть роль и какую роль он будет играть в России в деле завоевания политической свободы,—мы признаем, что систематический террор несовместим, как средство борьбы, с широким демократическим принципом организации социал-демократической партии.—Что касается отдельных террористических актов, то следует пользоваться ими с целью развития политического сознания пролетариата».

II. «Не предрешая вопроса о том, будет ли террор играть роль и какую роль он будет играть в России в деле завоевания политической свободы,—мы признаем, что для социал-демократии, стоящей на почве массового рабочего движения, террор может быть целесообразен исключи-

тельно в связи с массовыми актами борьбы и как выражение массового настроения.—В случае отдельных террористических актов следует пользоваться ими в целях политической массовой пропаганды и агитации».

Резолюция в пользу демократического принципа нашей партийной организации говорит сама за себя. Можно лишь пожалеть, что вообще понадобилась такая резолюция,—что в рядах нашей партии с возникновением «Искры» появились—точнее, выступили наружу тенденции, которые, вместе с демократической организацией нашей партии, способны были бы уничтожить основное условие ее успешного развития. Борьба заговорщиков нуждается в диктаторских формах организации: социал-демократическая рабочая партия, которая «сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс» (Манифест Росс. С.-Д. Р. П.), *немыслима* вне демократической организации. Не та или иная самозванная группа должна навязывать свою волю партии, а наоборот, общая воля партии должна подчинять себе все отдельные группы. Кто не подчиняется решению большинства, кто провозглашает своим лозунгом: «всегда в меньшинстве», тот может лишь парализовать деятельность партии.

Мы закончили обзор важнейших изменений и дополнений, внесенных союзным съездом в старую программу. Само собою разумеется, что все неизмененные пункты этой программы остаются в силе. Таковы решения съезда 1898 года об отношении союза: 1) к другим революционным фракциям среди русских социалистов; 2) к несоциалистическим революционным и политически-оппозиционным группам; 3) к действующим в России социалистическим организациям разных национальностей, а также резолюция об аграрном вопросе.

Непрерывный рост русского социал-демократического движения за последние три года заставил союз пересмотреть *Свод тактических положений,* выработанный в 1898 году. Старые инструкции остаются, тем не менее, вехой, отмечающей первые политические шаги нашей партии. Это была первая попытка свести воедино те тактические положения, которыми руководствовались более или менее сознательно отдельные социал-демократические организации. И, повторяем, программа 1898 года пыталась установить так-

тическое единство партии на тогда доступном *высшем* уровне, т.-е. она шла *впереди* движения.

Тот же характер носит программа 1901 года. Она формулирует *максимум* ныне доступных нашей партии задач, намечает тактические задачи и средства борьбы, которые, как мы надеемся, получат повсеместное применение в ближайшее время. Но это возможно только под одним условием: *наши организации должны возобновить и закончить дело первого съезда партии.* Этот съезд оставил по себе знамя—Манифест и установил моральную связь между отдельными комитетами и группами. Задачей *второго съезда* партии должна быть выработка обязательных для всех программы и тактики и установление крепкой общепартийной связи. А такая связь не может быть установлена и сохранена без выборного и ответственного перед партией Центрального Комитета и находящегося под его контролем центрального органа Партии.

Содействуя новыми инструкциями тактическому объединению Партии на высшем уровне, 3-й союзный съезд тем самым способствовал также и осуществлению неотложных организационных задач Партии.

Редакция «Рабочего Дела» со своей стороны будет действовать в духе союзных инструкций, имея постоянно в виду настоятельную необходимость второго съезда Партии. Эта высшая инстанция одна только может компетентно решить программные тактические вопросы, и одна только может сказать авторитетное слово о работах *3-го союзного съезда.*

Редакция „Рабочего Дела“.

БЕСЕДА С ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА.

Статья Н. Ленина (В. Ульянова).

Настоящая статья явилась вступлением к брошюре того же автора «Что делать?» и дает уничтожающую критику позиций «экономизма».

— Приводим целиком присланное нам одним из наших представителей:

«Письмо в русские социал-демократические органы.

В ответ на предложение наших товарищей по ссылке высказаться по поводу «Искры», мы решили заявить о причинах нашего несогласия с этим органом.

Признавая вполне своевременным появление особого с.-дем. органа, специально посвященного вопросам политической борьбы, мы не думаем, чтобы «Искра», взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрешила. Основной ее недостаток, красной нитью проходящий через все ее столбцы и обуславливающий все ее остальные крупные и мелкие недостатки, заключается в том, что «Искра» отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление. В то же время «Искра» мало считается с теми материальными элементами движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается известный тип рабочего движения и определяется его путь, совлечь с которого его не в состоянии все усилия идеологов, хотя бы и вдохновленных самыми лучшими теориями и программами.

Этот недостаток «Искры» особенно резко бросается в глаза при сравнении ее с «Южным Рабочим», который, поднимая, подобно «Искре», знамя политической борьбы, ставит ее в связь с предыдущим фазисом южно-русского рабочего движения. Такая постановка вопроса совершенно чужда «Искре». Ставя своей целью создать «из искры боль-

шой пожар», она забывает, что для этого необходимы подходящий горючий материал и благоприятные внешние условия. Обеими руками открещиваясь от «экономистов», «Искра» упускает из виду, что их деятельность подготовила то участие рабочих в февральских и мартовских событиях, которое она с особенным старанием подчеркивает и по всей видимости значительно преувеличивает. Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие условий в то время для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, и то громадное воспитательное значение, которое имела эта борьба. Совершенно неправильно и неисторично, оценивая этот период и это направление деятельности русских соц.-дем., «Искра» отожествляет их тактику с тактикой Зубатова, не видя разницы между «борьбой за мелкие требования», расширяющей и углубляющей рабочее движение, и «мелкими уступками», имеющими целью парализовать всякую борьбу и всякое движение.

Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, «Искра» всякое разногласие с нею готова заклеймить не только как отступление от соц.-дем. принципов, но даже как переход во враждебный лагерь. Такова ее крайне неприличная и заслуживающая самого строгого и беспощадного осуждения выходка против «Рабочей Мысли», которой она посвятила статью о Зубатове и влиянию которой приписала его успехи среди некоторой части рабочих. Отрицательно относясь к другим социал-демократическим организациям, иначе, чем она, смотрящим на ход и задачи русского рабочего движения, «Искра» в пылу полемики с ними забывает подчас истину и, придираясь к отдельным действительно неудачным выражениям, приписывает своим противникам взгляды, им не принадлежащие, подчеркивает пункты разногласия, часто мало существенные, и упорно замалчивает многочисленные точки соприкосновения во взглядах: мы имеем в виду отношение «Искры» к «Рабочему Делу».

Эта чрезмерная склонность ее к полемике вытекает прежде всего из переоценки ею роли «идеологии» (программ, теорий...) в движении, отчасти же является отго-

лоском междоусобной брани, которая возгорелась на Западе среди русских эмигрантов и о которой они поспешили поведать миру в ряде полемических брошюр и статеек. На наш взгляд, все эти их разногласия не имеют почти никакого влияния на фактический ход русского социал-демократического движения; разве только вредят ему, внося нежелательный раскол в среду действующих в России товарищей, а потому мы не можем не отнестись отрицательно к полемическому задору «Искры», особенно, когда оно выходит из допускаемых приличием рамок.

Тот же основной недостаток «Искры» является причиной ее непоследовательности в вопросе об отношениях социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел, но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции и в своих поисках нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству. Фрондирующие выходки его, вызываемые нередко недостаточной по сравнению с промышленностью защитой правительством аграрных вожделений гг. земцев, «Искра» старается раздуть в пламя политической борьбы и обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения. Мы можем допустить, что говорить о пробуждении земщины и указывать на земство, как на элемент, борющийся с правительством, можно не только в ясной и отчетливой форме, которая не оставляла бы сомнений о характере нашего возможного соглашения с подобными элементами. «Искра» же ставит вопрос об отношении к земству так, что это, по нашему мнению, может только затемнить классовое сознание, так как здесь она наравне с проповедниками либерализма и различных куль-

турных начинаний ставит противовес основной задаче социал-демократической литературы,—задаче, заключающейся в критике буржуазного строя и выяснении классовых интересов, а не в затемнении их антагонизма. Таково же отношение «Искры» и к студенческому движению. Между тем в других статьях «Искра» резко осуждает всякие «компромиссы» и выступает, напр., на защиту нетерпимого поведения гедистов.

В заключение считаем долгом заметить, что мы своей критикой отнюдь не хотим умалить того значения, которое может иметь «Искра», и не закрываем глаза на ее достоинства. Мы приветствуем ее, как политическую социал-демократическую газету в России. Мы считаем ее крупной заслугой удачное выяснение вопроса о терроре, которому она своевременно посвятила несколько статей. Наконец, мы не можем не отметить столь редкий в нелегальных изданиях образцовый литературный язык «Искры», регулярность ее выхода в свет и обилие свежего и интересного материала.

Сентябрь, 1901 г.

Товарищи».

Заметим прежде всего по поводу этого письма, что мы от всей души приветствуем прямоту и откровенность его авторов. Давно пора перестать играть в прятки, скрывая свое экономическое «Credo» (как это делает часть одесского комитета, от которого отделились «политики») или заявляя, точно в насмешку над истиной, что в настоящее время «решительно ни одна с.-д. организация в экономизме неповинна» (изд. «Раб. Делом» брошюра «Два съезда»).— А теперь к делу.

Основная ошибка авторов письма—совершенно та же, в какую впадает и «Раб. Дело». Они путаются в вопросе о взаимоотношении между «материальными» (стихийными, по выражению «Раб. Дела») элементами движения и идеологическими (сознательными, действующими «по плану»). Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *впереди* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и

организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь *поднимать* стихийность до сознательности. Говорить же, что идеологи (т.-е. сознательные руководители) не могут совлечь движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов,—это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе—тоже необходимый результат взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов. Теоретические взгляды авторов письма (как и «Раб. Дел.») представляют из себя не марксизм, а ту пародию на него, с которой носятся наши «критики» и бернштейнианцы, не понимающие, как связать стихийную эволюцию с сознательной революционной деятельностью.

Это глубокое теоретическое заблуждение необходимо приводит, в переживаемый нами момент, к величайшей тактической ошибке, которая уже причинила и причиняет неисчислимый вред русской социал-демократии. Дело в том, что стихийный подъем и рабочей массы и (благодаря ее влиянию) других общественных слоев происходит в последние годы с поразительной быстротой. «Материальные элементы» движения выросли гигантски даже по сравнению с 1898 г., *но сознательные руководители* (социал-демократы) *отстают от этого роста.* В этом—основная причина переживаемого русской социал-демократией кризиса. Массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованными от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию.

Все это, однако, было бы еще полбеды. И теоретические знания, и политический опыт, и организаторская ловкость,—

все это вещи наживные. Была бы только охота учиться и вырабатывать в себе требуемые качества. Но вот в конце 1897 г. и особенно с осени 1898 г. подняли в русской социал-демократии голову такие люди и такие органы, которые не только закрывали глаза на этот недостаток, но и объявили его особой добродетелью, которые возвели в теорию преклонение и раболепство перед стихийностью, которые стали проповедывать, что социал-демократы должны не итти впереди, а тащиться *в хвосте* движения. (К этим органам принадлежала не только «Раб. Мысль», но и «Раб. Дело», начавшие с «теории стадий» и кончившие принципиальной защитой стихийности, «полноправности движения в настоящем», «тактики-процесса» и проч.).

Вот это уже была настоящая беда. Это было образованием *особого направления*, которое принято называть экономизмом (в широком смысле слова) и которого основная черта состоит в непонимании и даже *защите отсталости* сознательных руководителей от стихийного подъема масс. Это направление характеризуется: в принципиальном отношении—опошлением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении—стремления сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в свои руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавия; в тактическом отношении—полной неустойчивостью («Р. Д.» весной в недоумении остановилось перед «новым» вопросом о терроре и только полгода спустя, после ряда колебаний, высказалось в очень двусмысленной резолюции против него, волочась, как и всегда, в хвосте движения [1]); в организационном отношении—непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой и всяким неожиданным взрывом и, наконец, последним решительным нападением.

---

[1]) См. документ—„Рабочее Дело“ стр. 352.

С этим направлением мы вели и будем вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами к нему принадлежат. Они указывают нам, что экономическая борьба подготовила участие рабочих в демонстрациях. Да, и именно мы раньше всех и глубже всех оценили эту подготовку, когда высказались еще в декабре 1900 г. против теории стадий, когда, в феврале, тотчас после отдачи студентов в солдаты и еще до начала демонстраций, звали рабочих итти на помощь студентам. Февральские и мартовские события не опровергли страхи и опасения «Искры» (как думает «Раб. Дело»), а всецело подтвердили их, ибо руководители оказались *позади* стихийного подъема масс, оказались неподготовленными к исполнению своих обязанностей, как руководителей. Подготовка эта и в настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякие толки о «переоценке роли идеологии» или роли сознательного элемента по сравнению с стихийным и т. п. продолжают оказывать самое вредное практическое влияние на нашу партию.

Такое же вредное влияние оказывают толки о том, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрения, поменьше подчеркивать общность недовольства правительством разных слоев населения. Напротив, мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во *всех* слоях населения, и жалеем только, что нам не удается делать это в еще более широком размере. Неправда, что мы затушевываем при этом классовую точку зрения: ни одного конкретного примера такого затушевывания авторы письма не указали и указать не смогут. Но, как передовой борец за демократию, социал-демократия должна руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их частных и профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна выработать в своей среде таких вождей, которые бы умели политически влиять на все и всякие оппозиционные слои. Всякий отказ от этой роли, в какие бы пышные фразы о тесной, органической связи с пролетарской борьбой и т. п. он ни облекался, равносилен новой «защите отсталости» социал-демократов,— отсталости от

подъема демократического общенародного движения, равносилен передаче руководящей роли в руки буржуазной демократии. Пусть авторы письма пораздумают над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных несоциал-демократических направлений вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии.

Мы не можем не восстать также против поразительной близорукости, которую обнаруживают авторы письма по вопросу о полемике и междоусобной брани среди эмигрантов. Они повторяют старые пустяки о «неприличии» посвящения статьи о Зубатове «Раб. Мысли». Не вздумают ли они отрицать того, что распространение экономизма облегчает задачу гг. Зубатовым? Только это мы и говорим, отнюдь не «отождествляя» тактику экономистов и тактику Зубатова. А что касается «эмигрантов» (если бы авторы письма не были так непростительно беззаботны насчет преемственности идей в русской социал-демократии, то им было бы известно, что предостережения «эмигрантов», именно группы «Осв. Труда», насчет экономизма оправдались самым блестящим образом), то вот послушайте, как судил действовавший в 1852 г. среди рейнских рабочих Лассаль о спорах в лондонской эмиграции:

«Едва ли,—писал он Марксу,—со стороны полиции встретятся затруднения к изданию твоего сочинения против «Великих людей» Кинкеля, Руге и др... Правительство, я полагаю, даже радо появлению таких сочинений, ибо оно думает, что «революционеры перегрызут сами себя». Что партийная борьба придает партии силу и жизненность, что величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, что партия укрепляется тем, что очищает себя,—этого чиновническая логика не подозревает и не опасается» (из письма Лассаля к Марксу 24 июня 1852 г.)

К сведению всех, столь многочисленных ныне, прекраснодушных противников резкости, непримиримости, полемического задора и проч.!

В заключение заметим, что мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы.

«ЧТО ДЕЛАТЬ?».

Извлечения из ст. Н. Ленина (В. Ульянова).

Статья Н. Ленина «Что делать?», написанная в начале 1902 г. сыграла огромную роль в истории русской социал-демократии. Выдвинутые ею идеи об организации «профессиональных революционеров», создание общерусской газеты, выяснение роли политической борьбы рабочего класса и т. д. явились цементом, сплотившим партию, обнаружили в авторе планов крупнейшего вождя пролетариата, блестящего стратега революционной борьбы.

— Наше движение, гораздо более широкое и глубокое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такою же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. Сила современного движения—пробуждение масс (и, главным образом, промышленного пролетариата), а слабость его—недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров.

Однако в самое последнее время сделано сногсшибательное открытие, грозящее перевернуть все господствовавшие до сих пор взгляды по данному вопросу. Это открытие сделано «Раб. Делом», которое, полемизируя с «Искрой» и «Зарей», не ограничилось одними частными возражениями, а попыталось свести «общее разногласие» к более глубокому корню—к «различной оценке *сравнительного* значения стихийного и сознательно-планомерного элемента». Обвинительный тезис «Раб. Дела» гласит: «*преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития*». Мы скажем на это: если бы полемика «Искры» и «Зари» не дала даже ровно никаких других результатов, кроме того, что побудила «Р. Д.» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам боль-

шое удовлетворение: до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес.

Отметим повальное увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года. Их распространение по всей России ясно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности—рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX в), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными»—до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо более проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах, и т. д. Если бунты были просто восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло

сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс, по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно только своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости объединиться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло, как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т.-е. к половине 90-х годов, это учение было не только уже вполне сложившейся программой Группы Освобождения Труда, но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом, на-лицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот факт, что первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры *«Об агитации»*), не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, с самого начала выдвигали и самые широкие истори-

ческие задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности...

Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, временные неудачи представляли из себя полбеды...

Но полбеды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди, и даже социал-демократические органы, которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже теоретически обосновать свое раболепство и преклонение перед стихийностью. Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

Всякое преклонение перед стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии означает тем самым,—*совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет,—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих.* Все, кто толкует о переоценке идеологии, о преувеличении роли сознательного элемента и т. п. воображают, что чисто-рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию... Но это глубокая ошибка...

О самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи [1]. Вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет. Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* разви-

[1]) Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки „литературы для рабочих“, а учились бы овладевать все больше и больше общей литературой.

тие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть Nur gewerkschaftlerei (только профессионализм), а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии состоит *в борьбе со стихийностью*, состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии...

Но почему же стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения [1]).

И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п.

Но «Р. Дело» не только «защищало» экономистов, а также и само сбивалось постоянно на их основные заблуждения. Источник этой сбивчивости лежал в двусмысленном понимании следующего тезиса программы «Р. Д.»: «важнейшим явлением русской жизни, которое, главным образом, будет определять задачи и характер литературной деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы массовое

---

[1]) Часто говорят: рабочий класс стихийно влечется к социализму. Это совершенно справедливо в том смысле, что социал-демократическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, если только эта самая теория сама не пасует пред стихийностью, если только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но „Р. Дело" как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах буржуазная идеология тем не менее, стихийно всего более навязывается рабочему.

рабочее движение». Что массовое движение есть явление важнейшее, об этом не может быть спора. Но весь вопрос в том, как понимать «определение задач» этим массовым движением. Понимать это можно двояко: или в смысле преклонения перед стихийностью этого движения, т.-е. сведения роли социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению, как таковому, *или* же в том смысле, что массовое движение ставит перед нами *новые* теоретические, политические, организационные задачи, гораздо более сложные, чем те, которыми можно было удовлетворяться в период до возникновения массового движения. «Р. Д.» склонялось и склоняется именно к первому пониманию, потому что оно ни о каких новых задачах ничего определенного не говорило, а рассуждало все время именно так, как будто бы это «массовое движение» избавляет нас от необходимости ясно сознать и решить выдвигаемые им задачи. Достаточно сослаться на то, что «Р. Д.» считало возможным ставить массовому рабочему движению первой задачей—низвержение самодержавия, понижая эту задачу (во имя массового движения) до задачи борьбы за ближайшие политические требования...

Смешать *принципиальное* признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны, с требованием в *данный политический момент* руководиться неуклонно проводимым планом, если хочешь толковать о тактике, это значило все равно, что смешать признание медициной всяких систем лечения с требованием держаться одной определенной системы при лечении данной болезни. «Р. Д.», само страдая болезнью, которую назвали преклонением перед стихийностью, не хочет признать никаких «систем лечения» *этой* болезни. Оно сделало поэтому замечательное открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма», что тактика есть «*процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией*». Это последнее изречение имеет все шансы сделаться знаменитым изречением, неразрушимым памятником «направления» «Р. Д.». На вопрос: «*куда итти*» руководящий орган дает ответ: движение есть процесс изменения расстояния между исходным и последующим пунктами движения. Это несравненное глубокомыслие представляет собой не только курьез, но и

программу целого направления:—желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную минуту. Это как раз направление безграничного оппортунизма, пассивно приспособляющегося к стихийности.

«Тактика-план противоречит основному духу марксизма». Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую каррикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса...

«Раб. же Дело» не только следует этой «тактике-процессу», но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизмом, а (от слова хвост) *хвостизмом*. И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда итти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшения стихийного элемента развития»...

Мы убедились, что основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Это неподготовленность—наша общая беда, беда всех русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства).

Революционеры же *отставали* от этого подъема, и в своих теориях и в своей деятельности им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением...

Преобладающее большинство русских социал-демократов последнего времени было почти всецело поглощено работой по организации фабричных обличений.

Эти обличения могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения перед стихийностью должны были) вести к «только профессиональной» борьбе и к несоциал-демократическому рабочему движению. Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания...

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание?.. Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления политического угнетения, как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета. А так как это угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной и обще-гражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной и проч., и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполним своей задачи* развивать политическое сознание рабочих, если мы *не возьмем на себя* организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия...

...Сознание рабочего класса не может быть истинно-политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться *на все и всяческие случаи* произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к *каким бы классам* ни относились эти случаи, и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть, истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов, не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не только теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших экономистов, что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему или хотя бы перешептываются все и каждый,

что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах. в таких-то судебных приговорах, и пр., и пр., и пр. Эти всесторонние политические обличения представляют собой необходимое и *основное* условие воспитания революционной активности масс...

...Ведение самой широкой политической агитации, а следовательно, и организация всесторонних политических обличений, есть безусловно необходимая и *настоятельнее* всего необходимая задача деятельности, если эта деятельность истинно социал-демократическая. Но мы сделали этот вывод, исходя только из самой насущной потребности рабочего класса в политическом знании и политическом воспитании. Между тем, только такая постановка вопроса была бы слишком узка, игнорировала бы общедемократические задачи всякой социал-демократии вообще и современной русской социал-демократии в особенности...

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, то-есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание, нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «итти к рабочим». Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны итти *во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии...

«Итти во все классы населения» мы должны и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов. Что теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов, в этом никто не сомневается. Но делается в этом отношении очень и очень мало, непропорционально мало сравнительно с работой, направленной на изучение особенностей фабричного быта. В комитетах и кружках вы встретите людей, углубляющихся даже

в специальное ознакомление с каким-нибудь железоделательным производством, но почти не найдете примеров, чтобы члены организаций (вынужденные, как это часто бывает, отойти по тем или иным причинам от практической работы) специально занимались собиранием материалов по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической жизни, могущему дать повод для социал-демократической работы в других слоях населения. Говоря о малой подготовленности большинства современных руководителей рабочего движения, нельзя не упомянуть и о подготовке в этом отношении, ибо это тоже связано с «экономическим» пониманием «тесной органической связи с пролетарской борьбой». Но, главное, разумеется, *пропаганда* и *агитация* во всех слоях народа. Западно-европейскому социал-демократу облегчают эту задачу народные собрания и сходки, на которые приходит *всякий* желающий; облегчает парламент, в котором он говорит пред депутатами от всех классов. У нас нет ни парламента, ни свободы сходок, но мы умеем, тем не менее, устраивать собрания с рабочими, которые хотят слушать *социал-демократа*. Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа*. Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение», что мы обязаны поэтому *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении *всякого* обще-демократического вопроса...

Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая соорганизует действительно *всенародные* обличения...

Для «экономической борьбы с хозяевами и правительством» совершенно не нужна, а потому на такой борьбе не может и выработаться, общерусская централизованная организация, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация, состоящая из революционеров

по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения...

Преклонение пред стихийно-складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна наша организационная работа, какие еще мы «кустари» в этой важной области, отсутствие этого сознания, говорю я, представляет собою настоящую болезнь нашего движения. Это не болезнь упадка, а болезнь роста. Но именно теперь, когда волна стихийного возмущения захлестывает, можно сказать, нас, как руководителей и организаторов движения, особенно необходима самая непримиримая борьба против всякой защиты отсталости, против всякого узаконения узости в этом деле, особенно необходимо пробудить в каждом, кто участвует в практической работе или только собирается взяться за нее, недовольство господствующим у нас *кустарничеством* и непреклонную решимость избавиться от него...

Кустарничество связано с экономизмом и мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от экономизма вообще (т.-е. узкого понимания и теории марксизма, и роли социал-демократии, и политических задач ее)...

Наша задача, это создать организацию революционеров, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы...

Правда, на стоячей воде «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на стихийность, благоговейно созерцая (по выражению Плеханова) «заднюю» русского пролетариата. Но мы сумеем избавиться от этой плесени. Именно теперь русский революционер, руководимый истинно-революционной теорией, опираясь на истинно-революционный и стихийно-пробуждающийся класс может, наконец—наконец,—выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиков, среди еще большой массы людей, мечтающих о практической работе уже со школьной скамьи,

всякое поползновение принизить наши политические задачи и размах нашей организационной работы встречало насмешку и презрение...

Если понятие политической борьбы для социал-демократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих». И это, действительно, случается так, что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным экономистом, которого мне не доводилось знать раньше. Речь зашла о брошюре: «Кто совершит политическую революцию?» И мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток—игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже, что мы солидарны друг с другом,—но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И как только обнаружилось это разногласие,—я не запомню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим экономистом!

В чем же состоял источник наших разногласий. В том, что экономисты постоянно сбиваются с социал-демократизма на тред-юнионизм и в организационных, и в политических задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же (и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода*, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать, прежде всего, и главным обра-

зом людей, профессия которых состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров,* имея в виду революционеров социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации *должно совершенно стираться всякое различие* рабочих и *интеллигентов,* не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной.

В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие трэд-юнионов и социал-демократии...

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен, по мере возможности, оказывать содействие и активно работать в этих организациях...

Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное по всем правилам строжайшей конспирации, *с организацией революционеров,* вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, все функции, которые лежат на профессиональной организации, и кроме того, выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть *упрочения* и развития, вопреки всем жандармам, *социал-демократического* профессионального движения...

Я утверждаю: 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация...; 3) что такая организация должна состоять, главным образом, из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы *сузим* состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной дея-

тельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и 5) тем *шире* будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем...

Централизация конспиративных функций *организации* вовсе не означает централизации всех функций *движения*. Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе не уменьшится, а вдесятеро *усилится* оттого, что «десяток» профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того, что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, отчасти даже и распространение ее, почти перестанут быть конспиративным делом, ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения, вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не пострадает, а напротив, много выиграет оттого, что «десяток» испытанных профессионально вышколенных не менее нашей полиции революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовление листков, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п. Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения, и пр. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в *самом широком числе*, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией *революционеров*, стирать грань между ними, угашать

в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвещающие себя целиком социал-демократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров.

Это сознание невероятно потускнело. Основной наш грех в организационном отношении—что мы своим *кустарничеством* уронили престиж революционеров на Руси. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве,—борьбе с политической полицией,—помилуйте, это—не революционер, а какой-то жалкий кустарь.

Пусть не обижается на меня за это ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи,—и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров—и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лже-социал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан», которые не понимают того, что наша задача—не защищать принижение революционера до кустаря, а поднимать кустарей до революционеров...

Критическое, переходное состояние нашего движения в рассматриваемом отношении можно формулировать словами: *людей нет и—людей масса*. Людей масса, потому что и рабочий класс, и все более и более разнообразные слои общества выделяют с каждым годом все больше и больше недовольных, желающих протестовать, готовых оказать посильное содействие борьбе с абсолютизмом, невыносимость

которого еще не всеми сознается, но все более широкой массой и все острее ощущается. И в то же время людей нет, потому что нет руководителей, нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе...

Размах революционной работы слишком узок сравнительно с широким стихийным базисом движения, слишком придавлен убогой теорией «экономической борьбы с хозяевами и правительством». А между тем в настоящее время не только политические агитаторы, но и организаторы—социал демократы должны «итти во все классы населения»...

Для того чтобы не раздробить вместе с функциями самого движения, и для того, чтобы внушить исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его работы, без которой он никогда не будет работать, для всего этого необходима именно крепкая организация испытанных революционеров. При такой организации вера в силу партии укрепится тем более и распространится тем шире, чем конспиративнее будет эта организация,—а ведь на войне, известное дело, важнее всего внушить веру в свои силы не только своей армии, но и неприятелю и всем *нейтральным* элементам; дружественный нейтралитет может иногда решить дело. При такой организации, стоящей на твердом теоретическом базисе и располагающей социал-демократическим органом, нечего будет бояться того, что движение собьют с пути многочисленные, привлеченные к нему, «сторонние» элементы... Одним словом, специализация необходимо предполагает централизацию и, в свою очередь, безусловно требует ее...

То, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собою, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих не должен работать на фабрике по 11 часов. Мы должны заботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел во время перейти на нелегальное положение, чтобы он переменял места своей деятельности, ибо иначе

он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не сумеет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный подъем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов и пропагандистов и «практиков» в хорошем смысле. Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»), тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс...

...Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть на лицо эти качества,—обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою ответственность чувствуют они очень живо, зная при этом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм» настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!).

Наше движение последних лет страдает как раз от того, что местные деятели чересчур поглощены местной работой;

что поэтому несколько передвинуть центр тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо; что такое передвижение не ослабит, а укрепит и прочность наших связей, и устойчивость нашей местной агитации...

«Живую политическую работу» можно начать в наше время принижения социал-демократических задач *исключительно* с живой политической агитации, невозможной без общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Постановка общерусской политической газеты должна быть основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию (т.-е. революционную организацию, всегда готовую к поддержке всякого протеста и всякой вспышки).

Газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор.

И если бы нам действительно удалось достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов, местных групп и кружков активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом недалеком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова общего дела, систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России...

История русской социал-домократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 г.г. Это был период возникновения и упро-

чения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три—четыре года, 1894—1898 г.г. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это—период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей—совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественный гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной Воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе, социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии, весной 1898 года, было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы.

Третий период подготовляется, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 г. (1898—?). Это—период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, с одной

стороны, в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны, у В. И-на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые силы рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренними доводами. Социал-демократизм принижался до трэд-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Credo» начинала осуществляться особенно когда «кустарничество» социал-демократов вызвало оживление революционных несоциал-демократических направлений. . . . .

И вот, если читатель упрекнет меня за то, что я чересчур подробно занимался каким-то «Раб. Делом», я отвечу на это: «Раб. Дело» приобрело «историческое» значение потому, что всего рельефнее отразило в себе «дух» этого третьего периода. Не последовательный Р. М., а именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом выразить разброд и шатания, готовность итти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед терроризмом. Не величественное пренебрежение к практике со стороны какого-нибудь поклонника «абсолюта», характерно для этого периода, а именно соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым отрицанием «великих слов» занимались герои этого периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, к которой «сво-

бодно» добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг: «классовая борьба» не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как, ведь «экономическая борьба неразрывно связана с политической»; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину» и ребяческую игру в «демократические» формы.

Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае, предвещаемый уже многими признаками),—мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой «смене» и сводя вместе все изложенное выше, мы можем на вопрос: что делать?—дать краткий ответ:—ликвидировать третий период.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ Р. С.-Д. Р. П.

(Выработанный редакцией «Искры» и «Заря»).

Проект программы сыграл большую роль в предсъездовский период жизни партии, вызывая вокруг себя споры между «экономистами» и «искровцами». На 2-м съезде партии в 1903 г. первые, недовольные ортодоксальностью проекта, внесли в него 22 поправки, но все они были отвергнуты.

Проект напечатан впервые в № 21 «Искры» 1-го июня 1902 года. Автором его является т. Ленин.

— Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая свою партию одним из отрядов всемирной армии пролетариата, русская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем, как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того,

как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляют собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще больше увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой

массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною, и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, до-капиталистического общественного порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей, оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1) самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа;

2) всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалование народным представителям;

3) неприкосновенность личности и жилища граждан;

4) неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

5) свободу передвижения и промыслов;

6) уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии и расы;

7) признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

8) предоставление всякому гражданину права преследовать всякого чиновника пред судом без жалобы по начальству;

9) замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

10) отделение церкви от государства и школы от церкви;

11) даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет. Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: *отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.*

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1) ограничения рабочего дня 8-ю часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 36 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) полного запрещения сверхурочных работ;

4) воспрещение ночного труда (от 9 час. вечера до 5 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5) воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 16-летнего возраста;

6) воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения рожениц от работы в течение 2-х недель до и 4-х недель после родов.

7) установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства, и освобождения рабочего от обязательства доказывать, что потеря эта произошла по вине капиталиста;

8) воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

9) выдачи государственной пенсии престарелым рабочим;

10) увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; надзора выбранных рабочими и оплаченных государством представителей за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценков и браковкой товаров;

11) надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы,—в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

12) учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, и бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей;

13) распространения надзора фабричной инспекции на все отрасли народного хозяйства и на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая и казенных;

14) установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15) запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу

и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

16) учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

17) возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия будет добиваться:

1) отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2) отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей: конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой и обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или,—в том случае, если земли переходили из рук в руки,—выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших политических и экономических целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь *путем низвержения самодержавия* и созыва *учредительного собрания*, свободно избранного всем народом.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ПО СОЗЫВУ 2-го СЪЕЗДА Р.С.-Д.Р.П.

В марте 1902 г. на конференции представителей «Искры» и нескольких местных с.-д. комитетов было решено основать «Организационный Комитет» по созыву 2-го съезда Р.С.-Д.Р.П. К осени 1902 г. О.К., выполняя функции Ц.К. партии, развил уже большую деятельность по транспортировке и изданию в собственной типографии общепартийной литературы. Одна только первомайская прокламация 1903 г. была издана им в количестве 300,000 экз. Нижеприлагаемое «Извещение» принадлежит перу Н. Ленина (В. И. Ульянова).

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ «ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА».

(«Искра» №. 32, 15 января 1903 г.)

Четыре года тому назад, несколько русских соц.-демократических организаций объединились в «Российскую Соц.-Демократическую Рабочую Партию», выработав некоторый план организации и общие принципы деятельности, изложенные в изданном партией «Манифесте». К сожалению, эта первая попытка не увенчалась успехом: не было еще на-лицо необходимых элементов для создания единой, сильной социал-демократической партии, борющейся непреклонно за освобождение пролетариата от всех видов гнета и эксплоатации.

Однако эта неудавшаяся попытка не прошла бесследно. Сама идея организованной политической партии пролетариата, руководившая нашими предшественниками, стала с

тех пор путеводной звездой и желанной целью всех сознательных соц.-демократических деятелей. В течение этих четырех лет делались неоднократные попытки осуществить эту завещанную нам первыми соц.-демократическими деятелями идею. Но до сих пор мы все еще стоим перед нашей дезорганизованностью так же, как и четыре года тому назад.

А между тем, жизнь предъявляет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили своей задачей пробуждение дремлющих в рабочих массах революционных сил, то перед нами стоит гораздо более сложная задача—направить пробуждающиеся силы туда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня—завтра услышать призывный клич: «Ведите нас, куда вы нас звали!», и страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент.

Но серьезность положения усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в связи с общим ходом русской жизни вызвало к деятельности различные общественные слои. С большей или меньшей сознательностью они стремятся сорганизоваться, чтобы так или иначе примкнуть к борьбе с отжившим режимом. В добрый час! Социал-демократия может только приветствовать всякого примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тем, чтобы подобные союзники не сделали ее молотом в своих руках, не отодвинули ее от главной арены деятельности, не лишили бы руководящей роли в борьбе с самодержавием, и, главное, не повредили бы поступательному ходу революционной борьбы, отклонив ее от правильного пути. Что подобная опасность не призрак воображения—ясно для всякого, внимательно следившего за революционной борьбой последних лет.

Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже пере-

росла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских социал-демократов, сплоченных в одну централизованную, дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя инициативу объединения?

Вопрос этот возбуждался в прошлом году на конференции представителей: Петербургского Союза борьбы, Центрального Комитета объединенных южных комитетов и организаций, организацией «Искры», Центральных Комитетов (русского и заграничного) «Бунда», Союза русских социал-демократов заграницей и некоторых других организаций. Конференцией поручено было представителям некоторых организаций образовать организационный комитет, который взял бы на себя задачу фактического восстановления Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Во исполнение этого постановления представители: Петербургского Союза борьбы, организации «Искры» и группы «Южного Рабочего» образовали «Организационный Комитет», который ставит своей первой и главной задачей *подготовку условий для созыва партийного съезда.*

Но, в виду того, что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени, Организационный Комитет впредь до восстановления центральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.).

Само собой разумеется, что Организационный Комитет, возникший по частной инициативе некоторых организаций, находится в обязательных отношениях только к тем организациям, которые его уже уполномочили или дадут свои полномочия. Для всех же прочих комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую им свои услуги.

Велика и ответственна задача, которую решается взять на себя Организационный Комитет, и если он все же дерзает сделать это, то лишь потому, что необходимость объединения слишком настоятельна, разброд слишком дает себя чувствовать, дальнейшая дезорганизованность слиш-

ком угрожает общему делу. Приступая к деятельности, Организационный Комитет полагает, что успешность этой деятельности в значительной степени будет обуславливаться отношением к нему социал-демократических комитетов и и организаций, и само это отношение будет для него критерием того, насколько правильно оценил он настоящий момент.

Организационный Комитет.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

МАНИФЕСТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

Переломные годы конца XIX и начала XX в. в связи с ростом рабочего движения вызвали к жизни ряд интеллигентских групп, отличавшихся крайней пестротой в программных и тактических вопросах в их революционной работе.

Одни сочетали рабочее движение с террором и не признавали за крестьянством значения боевой силы («Группа старых народовольцев»), другие тянули к народоправству, отказываясь от социализма, как очередной задачи («Рабочая партия освобождения России» во главе с Гершуни), третьи настаивали на необходимости объединения рабочего движения с крестьянством («Союз с.-р.») и т. д. Заграницей имела влияние «Аграрно-социалистическая лига», выдвигавшая приоритет крестьянского движения и пропагандировавшая своеобразный социализм из старого народничества и западно-европейского ревизионизма. Такую же эклектическую оппортунистическую линию пропагандировали легальные народники в «Русском Богатстве».

Манифест партии с.-р., прилагаемый ниже, имел следующее происхождение.

В конце 1899 г., в Воронеже, группой с.-р. был составлен проект «Манифеста».

Летом 1900 г. в Харькове состоялся съезд южных групп с.-ров, принявший с поправками «Манифест» воронежцов, при чем «Манифест» являлся как бы программой «Партии с.-ров», как постановили называть себя южные группы с.-ров. В ноябре 1900 г. «Манифест» поступил в распространение. Он оказался несколько измененным в своем тексте, что самовольно проделали члены харьковской группы, руководившие типографией.

В нашем распоряжении имелось 2 текста «Манифеста» - 1) из книги Куклина «Итоги революционного движения за 40 лет» (доб. 54 стр. 122—129) и 2) из книги Спиридовича «Партия с-ров и ее предшественники». П. Г. Р.—1918 г. (Прил № 3, стр. 562—571 с подлинника. Типография «Партии с.-ров» 1900 г.). Сравнивая тексты, нам казался более ранним и лучше отражающим настроения южных с.-рев— последний. Интересно, что в нем в конце при перечислении «ближайших требований» в абзаце «б) экономические» пропущена «национализация земли», имеющаяся в тексте «Манифеста» из кн. Куклина. В общем же тексты разнятся, г. о., по изложению.

«Манифест», изданный южной «Партией с.-р.» не удовлетворил многих с.-р. на севере, на западе и заграницей. Авторов его обвиняли в близости к социал-демократии, что не отрицали ни «Раб. Дело», ни «Искра».

Более полное объединение с-ров произошло позднее на несколько иной платформе, чем прилагаемый «Манифест».

МАНИФЕСТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ - РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ [1]).

«По основным своим убеждениям мы—социалисты-революционеры. Наша конечная цель—полное политическое и экономическое освобождение рабочих классов: переход политической власти к народу, обобществление средств производства, организация производства, распределения и всей общественной жизни на социалистических началах. Для достижения этих целей мы должны использовать все данные нам историей общественные силы, заинтересованные в полном или частичном осуществлении наших задач, развить самосознание народных масс и организовать их согласно задачам партии.

Мы ясно представляем себе всю громадную трудность нашей задачи, мы знаем, что для полного ее осуществления нужна долгая подготовительная работа и притом не одного, а целого ряда поколений. Но мы твердо убеждены, что

---

[1]) См. подлинник. Типография „Партии Соц.-Рев.“ 1900 г.

за нас стоит вся сила исторических условий, в которых живет и развивается русский народ, что мы можем исполнить свою долю этой работы, приблизить свой идеал, расчистить дорогу новым борцам для дальнейшей борьбы.

Как и все социалисты, мы признаем, что полное освобождение рабочих классов может быть достигнуто только их собственными усилиями, и что без активного участия трудящихся масс в освободительной борьбе невозможно никакое улучшение условий их жизни. В то же время мы должны отметить то в высшей степени важное обстоятельство, что самое понятие об идеальном строе будущего состоит из различных элементов, что воплощение этого идеала в жизни возможно не сразу, а лишь путем целого ряда радикальных реформ, из которых каждая является следствием предыдущих и основанием для последующих и требует для своего осуществления особой, своеобразной комбинации общественных сил. На первом плане здесь стоит вопрос о политической свободе. В стране, где нет свободы печати, свободы слова, сходок, собраний и т. д., где повсеместно царят произвол и насилие,—немыслимо сколько-нибудь значительное объединение народных или общественных сил, немыслимо, следовательно, существование какой бы то ни было правильно организованной партии, а социалистической в особенности. В странах деспотических по самому ходу вещей, социалистические группы должны стремиться к тайной и строго конспиративной организации ядра партии, ограниченного по своему составу и численности. И само собой понятно, что такая организация может поставить своею целью осуществление лишь ближайших и наиболее назревших задач современности, заменив притом недостаток численной силы энергией действия.

Вполне назревшей задачей, первой стадией в борьбе за политическую свободу, является в настоящее время уничтожение всероссийского самодержавия. Замена единоличной воли самодержца коллективной волей народа—вот руководящий принцип нашей ближайшей деятельности.

В круг этой деятельности входит все, что вредит самой идее абсолютизма, подрывает его основы, дискредитирует его в глазах народа и общества.

Чем полнее и шире осуществится принцип народовластия, тем, конечно, лучше, но и всякое ослабление самодержавия, всякое расширение народных прав мы приветствуем, как явление прогрессивное потому, что и оно уже, в известной мере, приближает нас к последнему и главнейшему пункту всех наших стремлений.

Мы не думаем, чтобы Россия миновала ту ступень в развитии политических форм, которую переживает Западная Европа—стадию конституционализма. Выставляя достижение конституции своей ближайшей целью, мы, вместе с тем, никоим образом не отказываемся от дальнейшей борьбы за более совершенные, более свободные формы проявления народной воли.

Признавая главной своей задачей в настоящее время завоевание политической свободы, мы должны указать те народно-общественные силы, которые могут принять участие в предстоящей борьбе, определить их сравнительную роль и значение, а также наше отношение к ним. От правильного разрешения этого вопроса зависит целесообразность наших усилий, успех нашей борьбы. Партия или группа, преувеличивающая свои силы и значение, пытающаяся опереться на те народные и общественные слои, которые не могут дать ей этой опоры, заранее обречена на вынужденное бездействие, или же будет быстро уничтожена, как только из области благих пожеланий выступит на путь активной борьбы с существующим злом. При всей громадной принципиальной важности этого вопроса мы в своей программе принуждены ограничиться изложением лишь общих наших воззрений, оставляя за собою право детально разработать его впоследствии в ряде отдельных брошюр.

Несомненно, что с развитием капитализма в России происходит дальнейшее разделение нашего общества на классы с различными и, в большинстве случаев, прямо противоположными экономическими и правовыми интересами. В пределах каждого класса также нет полной однородности, и отдельные его слои, солидарные в общих и основных своих стремлениях, могут в то же время сильно расходиться по многим, нередко весьма важным, вопросам частного свойства.

Из всех классов трудящегося населения, промышленный пролетариат у нас точно так же, как и в Западной Европе, является наиболее культурным и, следовательно, наиболее восприимчивым к революционно-социалистическому воздействию. Объединенный процессом капиталистического производства он может быть соорганизован для революционной борьбы легче и скорее, чем всякий другой из числа рабочих классов, чем пролетариат сельско-хозяйственный или близк нему мелкое крестьянство. Поэтому на первое место в нашей программе мы выдвигаем революционную деятельность в фабрично-заводской рабочей среде.

Мы признаем необходимым продолжать пропаганду идей социализма и политической свободы в кружках, составленных из развитых и энергичных рабочих и, в своей совокупности, образующих ядро революционной организации пролетариата. Однако как показал опыт наших предшественников, пропаганда, взятая сама по себе, в каких бы широких размерах она ни велась, не может еще быть настолько продуктивной, чтобы в результате ее явилось сильное и сознательное рабочее движение. Для этого необходима агитация среди промышленных рабочих на почве повседневных интересов и путем распространения соответственной литературы.

В листках и прокламациях, обращенных к массам фабрично-заводского пролетариата, мы будем выяснять общие отношения группы рабочих классов к классу капиталистов и к правительству, указывая рабочим на необходимость постоянной и энергичной борьбы за свои интересы. Далее, для того, чтобы подобные воззвания могли иметь успех и привести к каким-либо практическим результатам, они должны быть приурочены к вопросам, близко касающимся тех, кого мы имеем в виду, т.-е. в большинстве случаев к фактам и вопросам чисто местного характера. Отсюда вытекает необходимость прочно и широко поставленного местного издательства, которое сумело бы отзываться на всякую злобу дня в своей области.

Развивая таким образом классовое и политическое самосознание рабочих, мы, вместе с тем, ставим своей задачей организацию непосредственной борьбы за возможные реформы в экономическом и правовом положении рабочих

классов—борьбы, которая уже ведется ими теперь и, разгораясь с развитием промышленности все сильнее и сильнее, нередко выливается в беспорядочные, стихийные формы.

При существующих в России политических условиях, борьба эта, возникающая преимущественно на экономической почве, может дать лишь незначительные и частичные результаты, в редких случаях выходящие за пределы одной какой-нибудь фабрики или завода. Но воспитательное значение ее поистине громадно, так как она более, чем что-либо иное, более, чем, например, всякая пропаганда, приучает рабочих к сплоченной и организованной защите своих интересов и совершенно ясно показывает действительное отношение к ним со стороны буржуазии и правительства.

Социалистическая партия должна взять на себя руководящую роль, объединяя отдельные вспышки и чисто стихийные проявления народного недовольства в одно стройное целое, она должна воспользоваться этой борьбой в целях агитационных, подчеркивая и формулируя те выводы, которые подсказываются самим ходом событий, и постоянно раздвигать ее рамки новыми требованиями политического и правового характера.

Что касается ремесленных рабочих и кустарей, а также городских и промышленных рабочих, занятых в различных промыслах не фабричного характера, то хотя они и не представляют таких компактных масс, как фабрично-заводский пролетариат, но в виду тождественности их экономического и правового положения с положением последнего, мы считаем возможным вести среди них пропаганду и агитацию на тех же основаниях, как и среди фабрично-заводских рабочих.

Но одним промышленным пролетариатом ограничиться нельзя. Мы убеждены, что без сочувствия и поддержки крестьянства класс фабрично-заводских и, вообще, промышленных рабочих не в состоянии сломить силу русского правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже об экономическом преобразовании общества. И мы должны признать, что революционная деятельность среди крестьянства вполне возможна в настоящее время, так как внутри этого сословия

уже образовались многочисленные группы, в такой же степени заинтересованные в уничтожении существующего экономического и политического строя, как и промышленный пролетариат. Кроме того, экономические и правовые интересы промышленных рабочих тесно связаны с интересами сельского населения, так как, с одной стороны, значительное количество русских фабрик и заводов находится в деревне, а с другой стороны—ряды промышленного пролетариата постоянно пополняются притоком новых элементов из деревни, и большая часть таких рабочих сохраняет семейные, юридические и, нередко, экономические связи с крестьянской средой. Поэтому, политическое бесправие, забитость, и бедность крестьянства резко отзываются также на положении промышленного пролетариата.

Собственно, крестьянство в настоящее время уже не представляет той почти однородной массы, какою она была при освобождении от крепостной зависимости. Оно распалось теперь на три главные группы: 1) сельский пролетариат, живущий исключительно продажей своей рабочей силы; 2) мелкую сельскую буржуазию, систематически эксплоатирующую в своем хозяйстве наемный труд и 3) малоземельное крестьянство, занимающее среднее место между двумя первыми группами и значительно превосходящее их в количественном отношении; хотя этот последний слой крестьянства не лишен еще земли и ведет самостоятельное хозяйство, тем не менее он быстро беднеет и все в большей степени должен выносить на рынок свою собственную рабочую силу. Политические и правовые интересы его вполне совпадают с политическими и правовыми интересами пролетариата, и, поскольку крестьянство является продавцом своей рабочей силы, то же самое можно сказать и об экономических его интересах.

Из этого следует, что как среди сельского пролетариата, так и среди малоземельного крестьянства необходима и вполне возможна революционная пропаганда идей политической свободы, национализации земли и устроения всей общественной жизни на социалистических началах.

Далее, какова бы ни была в будущем судьба нашей земельной общины,—в настоящее время она может облегчить усвоение крестьянством идеи национализации земли,

она может также значительно облегчить самую пропаганду и агитацию в деревне, так как всякие союзы и организации, на какой бы почве они ни возникали, создают известную общность интересов тех групп населения, которые входят в их состав, и, следовательно, представляют благоприятные условия для воздействия на эти группы.

Распространение грамотности, чувства собственного достоинства и чести среди сельского населения, в связи с развитием отхожих земледельческих и иных промыслов, а также усиление рационалистических сект, делают современную деревню более способной к сознательному протесту, чем в 70-х годах. В то же время, обострение экономических, сословных и юридических отношений между крупными землевладельцами и мелкой сельской буржуазией, с одной стороны, малоземельным крестьянством и сельским пролетариатом, с другой, создает почву для возникновения постоянной борьбы между этими группами. Наконец, усиливающийся гнет и произвол администрации вызывают у современного крестьянина более сильное чувство недовольства, чем прежде, и толкают его на тот же путь борьбы за свои экономические, правовые и политические интересы. И борьба эта ведется уже крестьянством, принимая за последние годы все более широкие размеры. Правда, как и на фабриках и заводах, она носит, по большей части, стихийный, беспорядочный характер, выражаясь в форме разгрома экономий, поджогов, убийства полицейских чиновников, земских начальников и т. п. Мы признаем, что партия должна и может поддержать эту борьбу путем широкой агитации и организации ее в более правильные и целесообразные формы,—стачки батраков и малоземельных арендаторов, бойкотирование прижимистых помещиков, противодействие земельному хищничеству и неравномерному обложению, протесты против высоких податей, а также против административного и правительственного произвола, и проч. Более детальная выработка форм революционной деятельности, возможной в деревне, должна быть предоставлена тем товарищам, которые там работают.

Однако как ни важна и необходима революционная деятельность в деревне, мы, в настоящее время, по чисто

тактическим соображениям будем стремиться концентрировать свои наличные силы в городах,—главным образом, в виду большей культурности городского рабочего населения, сравнительно с сельским, и большей продуктивности работы в этой среде.

Что же касается самого контингента лиц, которые могли бы вести пропаганду и агитацию в деревне, то таковыми мы считаем, с одной стороны, известную часть интеллигенции, по условиям своей частной жизни вынужденную постоянно жить в деревне, а также тех промышленных рабочих, которые переходят из городов на фабрики и заводы, расположенные в сельских местностях, или же, живя постоянно в городе и сохраняя в то же время связь с деревней, более или менее, часто посещают последнюю. Привлекая такие элементы в ряды партии, мы будем оказывать им содействие доставкою литературы и всеми другими средствами, имеющимися в нашем распоряжении.

Буржуазия также не представляет однородного целого: экономические интересы различных групп этого класса—торгово-промышленной и земельной, крупной, средней и мелкой буржуазии—далеко не совпадают между собою и нередко оказываются прямо противоположными. Отсюда антагонизм между этими группами и стремление каждой из них направить экономическую политику правительства наиболее выгодным для себя образом. Но, при всем своем желании, правительство не может вполне удовлетворять эти непримиримые домогательства, и, исполняя требования одной группы, нередко тем самым нарушает жизненные интересы других. Кроме того, как бы ни велика была относительная свобода буржуазии при существующих условиях, над нею все-таки тяготеет то же ярмо абсолютизма, как и над прочими классами населения, она также чувствует на себе тяжелую руку самодержавной бюрократии, бесцеремонно попирающей самые элементарные человеческие права всех и каждого в государстве.

Следствием всего этого является глухое недовольство той или иной группы буржуазии по отношению к различным органам и действиям правительства,—недовольство, достигающее среди наиболее развитых элементов буржуазии

вполне определенной формы,—стремления к политической свободе.

Нам, как социалистам, буржуазия по самой сущности своих интересов враждебна. Нельзя, однако, отрицать того факта, что вопрос о политической свободе составляет ту общую почву, на которой социалистическая партия сходится с передовой частью «третьего сословия».

Русская буржуазия, как и западно-европейская, неспособна к самопожертвованию и без поддержки рабочего класса не в состоянии вступить в открытую борьбу с монархическим правительством. И пока на очереди стоит вопрос об уничтожении самодержавия, более сознательная часть ее относится сочувственно к революционному движению, несмотря на противоположность социальных тенденций этого движения ее собственным классовым интересам. С другой стороны, и для нас поддержка, оказываемая буржуазией, может во многих отношениях быть весьма полезной. Поэтому, признавая излишним затрачивать свои силы на организацию пропаганды среди буржуазии, как таковой, т.-е. как особого резко выделенного класса, мы, тем не менее, будем поддерживать всякие протесты против существующего полицейско-бюрократического гнета, организуемые самой буржуазией, равно как и протесты, исходящие от органов местного и сословного самоуправления, прогрессивной части печати, различного рода обществ, корпораций и пр.

Мы считаем также необходимым продолжать революционно-социалистическую пропаганду среди учащейся молодежи, для привлечения лучших ее представителей в число членов партии.

Непосредственно к буржуазии примыкает, по внешним формам своей жизни, тот довольно многочисленный культурный слой, известный под именем «интеллигентного пролетариата», который живет не рентой, и не процентами с капитала, а исключительно своим личным трудом. Слой этот не имеет таких экономических и вообще сословных интересов, которые были бы интересами, общими для всех его представителей, и может считаться переходной ступенью между буржуазией и промышленным пролетариатом. От последнего он отличается большим культурным

развитием и более сознательным отношением к окружающей действительности, и представляет, поэтому, среду более восприимчивую к пропаганде идей политической свободы и социализма. На-ряду с учащейся молодежью, этот слой всегда давал и будет давать наиболее сознательных и активных борцов за народные интересы.

Наконец, мы признаем за различными народностями, входящими в состав Российской Империи, право на политическое самоопределение и будем поддерживать их протесты против национального и религиозного насилия русского правительства.

Мы убеждены, что руководимые партией демонстрации, протесты, стачки и целый ряд других проявлений коллективного недовольства существующими общественными отношениями, постепенно усиливаясь и захватывая все более и более широкие массы народа, расшатают полицейско-бюрократическое государство и приведут его к полному падению.

Наши ближайшие требования таковы: а) политические— уничтожение сословных разделений и преимуществ; неприкосновенность личности и жилища; полная свобода слова, печати, союзов, стачек, собраний; свобода совести; передача всей законодательной власти представительным народным учреждениям, избранным путем тайной и прямой подачи голосов; всеобщее и равное для всех избирательное право; независимость суда; ответственность всех чинов администрации; широкое областное и местное самоуправление; признание права отдельных национальностей на политическое самоопределение; сокращение срока военной службы; уменьшение постоянной армии, а если окажется возможным по условиям международной политики, то и полная замена ее народным ополчением, созываемым в случаях крайней необходимости; б) экономические—широкое фабрично-заводское и вообще промышленное законодательство, ограждающее жизнь, здоровье и независимость рабочих; 8-ми часовой и меньший рабочий день; отмена косвенных налогов (в особенности падающих на предметы первой необходимости); прогрессивно-подоходное обложение земель и имуществ.

Мы не обольщаем себя надеждою, что все выставленные нами требования могут быть осуществлены в более или менее близком будущем, но мы будем пропагандировать свою программу и при современном полицейско-бюрократическом режиме и при свободном правительстве будущего, под ее знамя мы будем призывать народные массы и во имя ее вести неустанную борьбу.

В настоящее время организационная задача партии состоит в создании местных комитетов, автономных в делах местной пропаганды и агитации, в установлении между ними постоянной связи и в объединении их деятельности, в распространении нелегальной литературы и в устройстве взаимопомощи между комитетами—средствами и людьми.

Остальные пункты, касающиеся организации партии, опубликованию не подлежат по конспиративным соображениям.

Заканчивая на этом изложение нашей программы, мы приглашаем всех товарищей, разделяющих наши убеждения, присоединиться к нам для совместной революционной борьбы»...

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕН. ПРОГРАММЫ «СОЮЗА СОЦ.-РЕВОЛЮЦ.».

Вслед за объединением южных групп с.-р. в «Партию с.-р.», северный «Союз с.-р.» и «Рабочая партия политического освобождения России» объединились как между собою, так и с заграничными группировками с.-р.

Это объединение произошло в 1901—1902 г.г.

Тогда же наметилось и объединение с южной «Партией с.-р.», что, в конце концов, и произошло.

Центральным органом объединенных с.-р. стала «Револ. Россия» (под ред. Гоца и Чернова), а теоретическим— «Вестник Рус. революц.» (под ред. Тарасова). Вопрос о терроре был резко поставлен в «порядок дня». В издании «Союза русских с.-р.» вышла брошюра «Наши задачи», где в «Основных положениях программы» террору отводится чуть ли не центральное место.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОГРАММЫ СОЮЗА СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

(Из брошюры «Наши задачи», изданной Союзом Русских Соц.-Революционеров в 1902 г.)

1. *Мы социалисты-революционеры!* Главной нашей целью, нашим конечным идеалом является переустройство общества на социалистических началах. Мы убеждены, что только при таких условиях будет достигнуто полное освобождение трудящихся масс, что только социалистический строй даст возможность воплотиться в жизни человечества идеалам свободы, равенства и братства.

Осуществление идеала социалистического строя будет принадлежать трудящейся массе. Социальная революция явится средством воплощения этого идеала в жизни.

2. Обращаясь к окружающей нас действительности, мы видим, прежде всего, что экономический строй России не дает никаких оснований для того, чтобы надеяться на возможность непосредственного осуществления в *ближайшем будущем* идеала социализма.

Мы переживаем эпоху перехода патриархального строя в строй капиталистический, перехода, осложненного при этом запоздалым выступлением России на путь общеевропейского экономического и политического развития. Экономическая отсталость России и замечаемый во всех отраслях общественного хозяйства отпечаток переходного времени сказывается весьма рельефно на распределении и группировке ее общественных классов. Это распределение и эта группировка только начинаются, процесс совершается медленно.

В среде крестьянства идет ломка старого патриархального строя, растет противоположность интересов, борьба за эти интересы и группировка населения по степени зажиточности, могущая привести в более или менее отдаленном будущем к распадению крестьянской массы на два лагеря: эксплоатируемых и эксплоататоров; пока же мы присутствуем лишь при самом начале процесса разрушения старых устоев и возникновения нового капиталистического строя, и главным эксплоататором-капиталистом для земледельческой рабочей массы остается класс крупных дворян землевладельцев, вытесняемый местами земельной буржуазией других сословий.

Переходя затем в область промышленности, мы видим, что здесь процесс капитализации, связанный с превращением самостоятельных работников в простых пролетариев и объединением их под властью крупного капиталиста, сделал значительные по размеру с земледелием успехи. За тридцать лет нашей промышленной истории у нас создалась фабрично-заводская промышленность, образовались центры ее, и появился, хотя сравнительно и немногочисленный, но территориально сплоченный, однородный по своим материальным интересам, промышленный пролетариат. Соединение мелких, разрозненных предприятий в огромные фабрики и заводы, а, следовательно, и

концентрация промышленных рабочих совершается с достаточной быстротой, и в этом отношении некоторые губернии нашего промышленного района уже в настоящее время являются сколком с Западной Европы.

Но рост промышленного капитализма далеко не всеобщ и одинаков для громадной территории России. Не говоря уже об окраинах ее, в самом даже центре капиталистического царства сохранились и выдерживают борьбу многие архаические черты прежнего строя с его упрощенными способами производства и эксплоатации труда.

Рядом с более или менее организованным отрядом промышленного пролетариата мы имеем многомиллионную массу кустарей,—этих полусобственников и полупролетариев.

Та часть этой массы, которая лишилась в борьбе за самостоятельность собственных средств производства, попала в эксплоатацию мелких капиталистов, и на этой почве развилась и упорно держится система домашнего производства, система, препятствующая скорейшему механическому объединению эксплоатируемых рабочих и их большему культурному развитию.

Переходный характер сказался и на нашем правительственном механизме.

Вместо упрощенной, ярко окрашенной узко-дворянскими интересами, политики русского царизма, давившего и разорявшего народ, вносившего повсюду лишь принципы хищничества и грубой эксплоатации и не заботившегося о завтрашнем дне, мы присутствуем в последнее время при попытке этого, *вполне, однако, сохранившего свои основные черты*, абсолютизма пойти навстречу нарождающейся промышленной буржуазии, признав интересы ее за одни из важнейших интересов государства, словом, из патриархального абсолютизма превратиться в абсолютизм буржуазный. Растет наша крупная промышленность, растут миллионы в карманах всячески опекаемых капиталистов-буржуа, но рядом с этим растет разорение народа, быстро истощаются народные силы, подтачивается фундамент государственной фискальной политики.

Рассыпая одной рукой благодеяния промышленности и искони паразитному доворянству, давя и грабя одной рукой народное благосостояние, русский абсолютизм медленно,

но неуклонно сам себе готовит то будущее, от которого он так тщательно старается отвернуться.

Такова, в кратких словах, действительность, среди которой приходится жить и действовать русским социалистам-революционерам.

Не заглядывая в далекое будущее, не пытаясь дать здесь вполне определенный ответ: ждет ли нас та же картина смены капиталистических форм, какие пережил и переживает Запад, или же наше экономическое будущее не лишено некоторых особенностей, создаваемых своеобразными, историческими условиями, мы, отрицая революционное доктринерство, считаем себя вправе поставить только один вопрос: какова задача в настоящее время русских социалистов-революционеров, и, сообразуясь со всем вышесказанным, ответить на него следующим образом: каково бы ни было экономическое будущее России, мы, во имя идеала социализма, должны готовить условия для ускорения торжества этого идеала, должны внести в среду трудящихся масс социалистическое сознание, должны помочь им организоваться для борьбы с эксплоататорами, словом, должны готовить почву для будущей социальной революции.

Перед нами авангард рабочего класса—фабрично-заводский пролетариат; перед нами, далее, многомиллионная масса крестьянства, подавляющее большинство которого является земледельческим пролетариатом.

Пропаганда идеи социализма и организация социалистической партии—такова стоящая на очереди задача русских социалистов, как и их западно-европейских собратьев.

3. Но поставив себе такую задачу, мы не можем и не должны забывать тех условий, среди которых ее приходится осуществлять. Мы должны помнить, что живем в деспотическом государстве, отрицающем и давящем всякую попытку критики его основ, всякое проявление свободной мысли и общественной деятельности. Борьба с абсолютизмом, завоевание политической свободы необходимы и неизбежны для русских революционеров-социалистов, если они действительно желают способствовать проведению в жизнь своих принципов и подготовить почву для будущего социалистического строя.

Необходимость уничтожения абсолютизма выдвигается самой жизнью, в вопросе о политической свободе сходятся все, за исключением лишь тех немногих слоев общества, которые прямо заинтересованы в существовании современного порядка, охраняющего их хищнические противообщественные инстинкты.

Таким образом, и как социалисты, помнящие, что политическое освобождение рабочего класса всегда предшествовало и должно предшествовать его экономическому освобождению, и как практические общественные деятели, признающие, что в достижении политической свободы заинтересованы все честно мыслящие слои русского населения, вся разоряемая, бесправная, хотя и не сознающая пока причин своего разорения и бесправия многомиллионная трудящаяся земледельческая и фабричная масса, что абсолютизм держится у нас благодаря политическому индифферентизму населения, что уничтожение его есть неизбежная фаза нашего общественного и экономического развития,—мы должны, сохраняя неприкосновенным свой идеал будущей социальной революции, начать борьбу с абсолютизмом, сосредоточив на этом *все свои силы*, и продолжать ее до тех пор, пока не добьемся такого политического строя, который обеспечил бы за личностью права на самоопределение, не ставил бы преград ее общественной деятельности, а нам—социалистам гарантировал бы возможность открытой пропаганды своих идей, свободной, широкой организации русской социалистической партии и выступления ее в будущей политической жизни России для борьбы за свои дальнейшие политические и экономические права.

Главными основами, следовательно, такого политического строя должны быть: *свобода слова, вероисповеданий, печати, собраний и союзов.*

Наиболее существенными из наших дальнейших политических требований явятся:

1. Всеобщее избирательное право, без всяких сословных и имущественных ограничений.

2. Постоянное народное представительство в высшем законодательном собрании и широкое областное и общин-

ное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей.

3. Федерация самостоятельных народностей (Финляндия, Польша, Великороссия, Малороссия, Кавказ и прочее).

4. Пересмотр всего нашего уголовного и гражданского кодекса.

5. Всеобщее и равное для всех образование.

6. Замена постоянной армии народной милицией.

В области экономической мы будем бороться за проведение в жизнь тех радикальных реформ, которые имеют своей целью постоянное улучшение положения фабричного класса и крестьянства и приближение социальной революции:

1. Установление прогрессивного подоходного налога.

2. Широкое фабричное и аграрное законодательство (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, законодательное регулирование отношений между хозяевами и рабочими во всех отраслях промышленности, земледелия и прочее).

3. Государственная помощь производительным (промышленным и земледельческим) артелям.

4. Система мер, имеющих целью передать в будущем в руки рабочих все фабрики и заводы.

5. Национализация земли.

II.

Поставив себе ближайшей задачей достижение политической свободы, мы должны дать теперь ясный отчет о способах достижения этой задачи, выдвигаемых русской действительностью.

А. Подготовительная деятельность партии: *пропаганда, агитация и организация революционных сил.*

Пропаганда имеет своей целью распространение во всех слоях населения идеи политической свободы на основании критики существующего строя, уяснение способов достижения этой свободы и изложение ближайших и отдельных задач партии.

Агитация имеет целью вызвать в различных слоях населения протесты против существующего строя, совершаю-

щиеся на почве разнообразных местных нужд и интересов. Пропаганда и агитация должны создавать как сторонников социально-революционной партии, так и условия для более успешной дальнейшей деятельности ее.

Обращаясь далее к выяснению тех общественных слоев, среди которых можно ожидать наибольшего числа сторонников идеи политической свободы во имя социальной революции, где, следовательно, главным образом должна сосредоточиваться пропагаторская и агитационная деятельность партии, мы приходим к следующим выводам относительно каждого из этих слоев:

1. *Интеллигенция.* Под словом интеллигенция мы понимаем культурный класс населения, вмещающий в себе лиц разнообразных профессий, положений и взглядов. Деятельность социально-революционной партии в среде интеллигенции естественно сосредоточивается, главным образом, на той части ее, которая наиболее всего способна признать и осуществить в жизни принципы партии, которая до сих пор всегда выставляла и продолжает выставлять самых энергичных и убежденных борцов за политическое и социальное освобождение России. Этот авангард русской революции черпается из всех слоев русского общества, но, главным образом, из дворянства и буржуазии, являясь, таким образом, по своим убеждениям и направлению деятельности отщепенцем этих сословий, или становясь прямо в ряды пролетариата в качестве наемных рабочих в сфере умственного труда.

В этом слое интеллигенции вместе с передовым отрядом промышленного пролетариата создается ядро революционной партии и отсюда оно распространяется на другие слои населения.

Среди интеллигенции особенное внимание партия обращает на учащуюся молодежь, как наиболее восприимчивую к социально-революционным идеям. Деятельность партии в среде учащейся молодежи сводится:

а) *к восстановлению и укреплению молодежи в духе солидарности, гражданского мужества и умственного развития.* С этой целью лица и группы, близко стоящие к молодежи, содействуют распространению в среде ее разного

рода учреждений и предприятий (касс взаимопомощи, землячеств и иного рода организаций, библиотек, читален, кружков саморазвития, товарищеских судов и т. д.), организованных протестов против начальства и существующего правительственного устава заведений.

б) *к пропаганде социалистических и революционных идей и привлечению молодежи к революционной деятельности.* Пропаганда социально-революционных идей совершается среди умственно и нравственно окрепшей молодежи, способной вполне сознательно относиться к окружающему и к своим задачам. Эта часть молодежи привлекается к практической деятельности в духе партии, служа, с одной стороны, посредствующим звеном между партией и остальной частью учащейся молодежи, а с другой стороны, участвуя в некоторых делах, непосредствнено касающихся партии, и, наконец, становясь полноправными членами ее.

Отношение партии к остальным слоям дворянско-буржуазной интеллигенции определяется теми взглядами и идеалами, которые проводят в жизни эти слои. Относя большую часть подобной интеллигенции в ряды сознательных или бессознательных защитников русского самодержавия, партия направляет свою деятельность на ту часть ее, которая во имя ли своих собственных или чужих интересов становится в антагонизм с самодержавием и выставляет на своем знамени принцип политической свободы.

Деятельность партии в среде такой либеральной интеллигенции заключается:

в) в косвенном или прямом участии во всякого рода культурных начинаниях, не идущих вразрез с принципами партии и облегчающих ее революционную деятельность (ученые и образовательные общества для культурной и рабочей массы, народные библиотеки и читальни, распространение полулегальных книг, публичные лекции для рабочих, газеты для народа и т. п.).

г) в схождении на почве свободного договора с той частью либеральной интеллигенции, которая, не довольствуясь личной культурной работой, встала в оппозицию с существующим политическим строем, сорганизовавшись самостоятельно в особую конституционно-либеральную партию и борясь всеми зависящими от нее средствами: манифе-

стациями, петициями, печатной и устной пропагандой идей политической свободы и т. п.

2. *Фабричный пролетариат.* Будучи более или менее сплочен общностью экономических интересов, более или менее территориально объединен, а, главное, по своему общему культурному состоянию более (сравнительно с другими слоями трудящегося населения) восприимчив к идеям политического освобождения и социализма, фабричный пролетариат крупных центров должен привлечь к себе самое серьезное внимание социалистов-революционеров, *являясь в союзе с социалистической интеллигенцией главной опорой партии.* Социально-революционная деятельность среди фабричного населения сводится к устной и печатной пропаганде идей социализма и политической свободы, организации революционных кружков и союзов среди более развитой его части, и, в особенности, к агитации в более обширных размерах на почве насущных потребностей данного места и времени.

С этой целью члены партии, непосредственно связанные с рабочими, берут на себя инициативу или руководительство в рабочих движениях (стачках), преследующих определенные задачи (повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, уничтожение штрафов, изменение условия расплаты с рабочими, условий труда и т. п.). Главной задачей рабочих членов партии в подобных случаях является внесение большей сознательности и организованности в самое движение, предупреждение по возможности неудачных исходов его и использование результатов движения в интересах партии, в особенности по отношению к пропаганде необходимости борьбы с самодержавием.

3. *Крестьянство.* Представляя огромнейшую часть трудящегося населения России, крестьянство призвано играть важную роль в нашем экономическом и политическом будущем. Но отведя крестьянству такую роль в будущем, социально-революционная партия не может считать его *в настоящее время* главной опорой для достижения политической свободы и удобной почвой социально-революционной пропаганды.

По своей политической забитости, нищете, невежеству, разбросанности по огромной территории России, крестьян-

ство мало, сравнительно, доступно социально-революционной пропаганде, и сознательное *массовое революционное* движение в крестьянстве—пока невозможно. Но в виду открытого систематического грабежа народных средств, совершаемого правительством, часто повторяющихся голодовок, в виду попирания элементарных человеческих прав крестьянства, в виду постепенного, мало заметного, но бесспорно существующего роста общего культурного сознания и развития в среде его; в виду, наконец, никогда не исчезающих разнообразных проявлений критической мысли и т. п., нельзя отрицать возможности возникновения в крестьянстве различных форм протеста на почве местных нужд и интересов и выделения личностей и кружков революционно-социалистического характера. Пользоваться такими моментами в жизни крестьянства и выделяемыми им революционными силами не может не войти в задачи партии, действующей сообразно с практическими требованиями действительности.

Деятельность партии среди крестьянства сводится:

а) к пропаганде идей социализма и в особенности политической свободы среди наиболее развитой части крестьянства при помощи лиц, стоящих близко к нему.

б) к воздействию чрез эту передовую часть на остальную массу крестьянства. Воздействие это выражаестя в организации или лишь участии и руководительстве всякого рода крестьянскими движениями, преследующими ближайшие практические цели, содействующими росту солидарности интересов среди трудящихся слоев деревни, а, главное, подрывающими доверие к современному политическому строю. Движения эти могут преследовать разнообразные (смотря по характеру местности и условиям быта) цели: повышение заработной платы, уменьшение арендных цен, сложение податей и недоимок, открытые протесты против административных притеснений со стороны правительственных чиновников, против духовенства, начальства и проч.

Б. *Средства революционной борьбы: Деятельность террористическая и массовая революционная борьба.*

Пропаганда социально-революционных идей и агитация служат естественным орудием для усиления численного

состава партии и создания возможно благоприятных условий для успешной деятельности ее. Но раз революционное движение, выйдя из пределов первоначальной пропагаторской организации, станет широко общественным, пустившим достаточно глубокие корни в различных слоях населения, тогда наступит период планомерной борьбы с врагом.

Выходя из того положения, что русские политические условия настоящего не есть нечто случайное, что они исчезнут лишь вместе с *насильственно* низверженным абсолютизмом, и что эти условия ставят неодолимые преграды созданию всероссийской революционной партии, могущей с помощью лишь своего *физического* превосходства, путем открытой революции вступить, с уверенностью на победу, в *открытую борьбу* с русским самодержавием, окруженным миллионной армией и всеми орудиями защиты, мы полагаем, что дело разрушения существующего политического строя будет вестись, следовательно, лишь от имени социально-революционной партии, покоющейся на принципе заговора и связанной с окружающим населением органическими нитями массового сочувствия, а также деятельной поддержки в форме *открытого* протеста и непрерывного появления отрядов новых борцов на смену уходящим.

Одним из сильных средств борьбы для такой партии, диктуемых нашим революционным прошлым и настоящим, явится *политический террор*, заключающийся *в уничтожении наиболее вредных и влиятельных при данных условиях лиц русского самодержавия.*

Систематический террор, *совместно с другими получающими только при терроре огромное решающее значение формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и проч.),* приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы.

Кроме своего главного значения, как средства дезорганизующего, террористическая деятельность послужит вместе с тем средством пропаганды и агитации, как форма открытой, совершающейся на глазах всего народа, борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, до-

казывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные силы, рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой.

Наконец, террористическая деятельность является для всей тайной революционной партии средством самозащиты и охранения организации от вредных элементов—шпионов и предательства.

Итак, политическая *свобода во имя социальной революции*—такова наша ближайшая цель.

Социалистическая интеллигенция и передовая часть фабричного пролетариата—вот наши главные, но не исключительные силы.

Пропаганда, агитация и организация для создания условий, которые дадут возможность начать и довести до конца политическое освобождение России, при помощи систематической террористической борьбы с самодержавием, наряду с другими формами массовой борьбы, исходящей от различных слоев населения—таковы задачи подготовительной деятельности в настоящее время.

ТЕРРОР И БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ С.-Р.

Боевая ячейка с.-р. террористов вначале группировалась около Гершуни—одного из главных деятелей «Рабочей партии политического освобождения России». В конце 1901 г. группа заключила с центральным комитетом партии с.-р. договор, по которому она получила право называться «Боевой Организацией Партии С.-Р.» лишь с того момента, как она совершит первый террористический акт.

2 апреля 1902 г. студент Балмашев, одно время работавший в с.-д. организации, произвел в министра Сипягина в помещении комитета министров два выстрела из револьвера. Через час от полученных ран Сипягин умер. Прилагаемая прокламация за подписью «Боевой Организации Партии с.-р.» и сообщает об этом событии, разъясняя его значение. Вслед за этим в «Рев. России» № 7 за 1902 г. появилась программная статья партии с.-р. о терроре, которая и приводится с несущественными сокращениями.

I.

«По делам вашим воздастся вам».

Они этого хотели и они этого дождались...

Своими чудовищно жестокими и беззастенчивыми мерами они заставили всех потерять веру в возможность какой бы то ни было мирной работы.

Попиранием закона, издевательством над честью и неприкосновенностью личности они внушили всем ужас и отвращение к себе.

Печать они задушили в тисках цензурных циркуляров.

Университеты они превратили в дворы для постоя солдат и полиции.

Они убили земство и уничтожили суд.

Они душат евреев, поляков, финляндцев и прочие народности.

Всю страну они наводнили шпионами.

Все тюрьмы они наполнили рабочими и молодежью.

Они опустошили столицы от интеллигенции и разослали ее.

Весь народ они разорили непомерным налогом и, разорив, окружили его высокой стеной полицейской охраны, не пропуская никого на помощь в деревню, в это царство голодовок и смерти.

Повсюду свистят нагайки и сверкают обнаженные шашки.

Безоружных рабочих расстреливают на улицах.

Вся Россия отдана во власть казаков и городовых и превращена в сплошное побоище.

Все это делают наши министры, наши генерал-губернаторы и прочие царские слуги.

И мы не предвидим, где конец этим жестокостям, этим зверствам.

Мы не знаем, какими ужасами еще наполнят страну наши правители, но мы знаем, что нет ужасов, нет зверств, которых они с легким сердцем не сеяли бы вокруг себя.

Мы не видим силы, которая сдерживала бы своеволие этих кровожадных и корыстных временщиков, бесконтрольно и безнаказанно распоряжающихся достоянием и жизнью 130 миллионов людей.

Все вокруг безропотно несет это позорное иго, все трусливо прячет свое негодование, свое гражданское чувство, и этой рабской покорностью только усиливается гнет, увеличивается наглость наших властителей.

Мы, социалисты-революционеры, признаем, что всякий, кто не препятствует злодеяниям, совершаемым правительством является не только попустителем, но и пособником его.

Лишенные возможности каким бы то ни было мирным способом противодействовать этим злодеяниям, мы, сознательное меньшинство, считаем не только своим правом, но и своей священной обязанностью, несмотря на все отвра-

щение, внушаемое нам такими способами борьбы—на насилие отвечать насилием, за проливаемую народную кровь платить кровью его угнетателей. Мы слагаем ответственность за все ужасы этой борьбы на правительство, которое вынудило нас вступить на этот путь.

После демонстрации 4-го марта 1901 года Сипягин заявил, что он «кровью зальет Петербург при первой же попытке к новой демонстрации», а на протест литераторов против возмутительного побоища на Казанской площади, он ответил, что «отучит этих писателишек не только говорить, но и думать по своему».

В стране, где при выражении мирного протеста министры намереваются залить кровью столицу и имеют полную возможность осуществить это на деле, в стране, где они ставят себе целью принудить к молчанию одних в тот момент, когда это им удается, неизбежно должны заговорить другие на языке ином.

Свист пули—вот единственно возможный теперь разговор с нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловеческую речь и прислушиваться к голосу страны.

Нам не зачем объяснять, почему казнен Сипягин. Его преступления слишком всем известны, его жизнь слишком всеми проклиналась, его смерть слишком всеми приветствуется.

Министры, запершись в своих недоступных кабинетах, окружив себя жандармской охраной, вершат зло и неправду, рассчитывая на полную свою безнаказанность.

Отчаянно смелый и блестяще выполненный акт революционера Степана Валериановича Балмашева докажет им, что люди, готовые жизнью своей жертвовать за благо народа, сумеют достать врагов этого народа для свершения над ними правого суда.

Сипягин казнен в комитете министров не случайно. В этом комитете он совершал свои преступления. Здесь вырабатывались и учреждались его невыразимо жестокие меры. Отсюда сеялось зло и несчастие на всю Россию. Здесь попирались ногами самые ненарушимые права человеческие, здесь он старался умертвить живой дух и живые

силы русского народа и здесь же он, как сраженный ударом грома, пал к ногам судьи—мстителя.

«По делам вашим, воздастся вам».

И пусть казнь этого врага народа напомнит всем, держащим в своих руках судьбы России, что и для ее бесправных и малодушных сынов есть предел унижения и гнета, за которым даже самый робкий верноподданный превращается в самоотверженного борца и грозного мстителя.

Этот момент для нашей родины наступает теперь. Правительственный произвол становится все более и более невыносимым и оскорбительным. Всеобщее возмущение против него растет с каждым днем...

Занимается заря великой борьбы, грозящей ужасами и бедствиями наполнить всю страну....

Предотвратить ее возможно только одним—предоставить народу возможность мирными и культурными способами сдерживать произвол представителей власти.

Мы требуем немедленного прекращения производства по всем делам политического характера и освобождения всех политических заключенных. Мы требуем немедленной отмены всех исключительных законов и правил, национальных и сословных ограничений и изъятий, свободы собраний, печати и слова.

Мы требуем созыва всенародного земского собора.

Боевая организация
партии социалистов-революционеров.

С.-Петербург, 3 апреля 1902 г.

II.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ.

Вопрос о своевременности или несвоевременности, вреде или пользе террористических действий вновь народился в революционной литературе. Выстрел Балмашева вызвал несколько попыток вновь воскресить прежние дебаты на ту же тему.

Теперь без колебаний можно сказать, что это—«давнишний старый спор, уж взвешенный судьбою»... Сколько ни высказывали сомнений, сколько возражений не выставляли против этого способа борьбы партийные догматики, жизнь каждый раз оказывалась сильнее их теоретических предубеждений. Террористические действия оказывались не то, что просто «нужными» и «целесообразными», *а необходимыми, неизбежными*. Прежде, чем перейти к ним, революционеры всегда—перед эпохой народовольчества не менее, чем перед последними событиями—пытались воздерживаться от них, и только неумолимой логикой событий неизбежно приводились к иному практическому выводу. Самый характер террористической борьбы, связанный, прежде всего, с пролитием крови, таков, что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе средств.

И теперь, в то время, как «книжники» вели чернильную баталию по вопросу о том, можно ли терроризму придавать только «экспитативное», т.-е., попросту говоря, агитационное, возбуждающее значение, или же надо допустить также значение устращающее и дезорганизующее—жизнь выдвинула на первый план такого рода потребность в террористических средствах, перед которой должны были умолкнуть все прежние возражения. Террористические акты сделались необходимыми в качестве самозащиты, в качестве оружия необходимой самообороны, без которой разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым. Если на демонстрантов перестают действовать грозные окрики городовых, то в ход пускаются палки и пинки; перестают действовать они,—пускается в ход натиск лошадьми; привыкают и к этому—на сцене появляются нагайки; привыкают к нагайкам—начинают гулять по головам демонстрантов ружейные приклады, обнаженные шашки и, наконец, раздаются ружейные залпы. Дальше, казалось, итти некуда. Но и ружейные пули не останавливают демонстрации. Что делать? Русское правительство изобретательно... Оно знает, как всего больнее уязвить протестан-

тов; оно знает, что для них есть нечто такое, чем они дорожат больше самой жизни: это их человеческое достоинство. И вот, по данному свыше знаку, возводится в систему самое наглое издевательство над личностью протестантов, надругательство над их честью. Связанного врага истязуют в участках и тюрьмах; на женщин и девушек обрушивается сугубое унижение; нечистые руки жандармов грубо касаются их тела, с подчеркнутым намерением надругаться над женской честью, над девичьей стыдливостью; наконец, порка, позорная порка, от которой даже уголовные обитатели «мира отверженных» все чаще и чаще начинают спасаться самоубийством, грозит сделаться обычным средством усмирения бунтов, стачек и демонстраций.

Значение террористической борьбы, как средства самообороны, слишком очевидно и понятно. Оно не может отрицаться даже самыми крайними противниками террористических средств. Даже «Искра», выставившая в последнее время (см., напр., № 20, от 1-го мая 1902 г.) положения, что «терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение», «террор мешает организации, а, следовательно, и, вообще, политическому воспитанию рабочих»,—даже «Искра» не может закрывать глаза на действительность, и все, ею же сообщаемые фактические известия идут решительно вразрез с принципиальной анти-террористической тенденцией газеты. Сообщая данные о голодовке политических заключенных в Екатеринославской тюрьме (где их всячески оскорбляли, ругали площадной руганью, заключенным женщинам делали позорные и унизительные предложения и т. п.)—«Искра» не может не признать, что «*делом чести* всех недовольных существующим строем является энергическими протестами *заставить* самодержавие обуздать разнузданное рвение своих холопов». Да, делом чести! Да, *заставить!* Но, как? «Искра» отвечает: «Энергическими протестами». Надеемся, однако, что не словесными и не бумажными? Мы сами не прочь бы хорошими словами усовестить Сипягиных и их присных, и не наша вина, если «свист пули,—вот единственно возможный теперь разговор с нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловеческую речь и прислу-

шиваться к голосу страны». (Прокламация «Боев. Орг. Партии Соц.-Револ.»).

Но «Искра» против террора. Ей кажется почему-то, что «такой поворот в современном революционном движении... означал бы его сужение и грозил бы ему неудачей». «Искра» хочет «сделать все возможное, чтобы не допустить такого поворота». Но и она соглашается, что эти ее усилия «могут увенчаться успехом лишь в том случае, если рабочие и интеллигенция будут внимать призывам, подобным тому, который сделан екатеринославскими товарищами, и покажут правительству, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томящихся в тюрьмах бойцов». Екатеринославские товарищи призывали к демонстрации протеста перед зданием тюрьмы. 5-го мая она состоялась и кончилась... *поркой* демонстрантов! Может ли мирная демонстрация «заставить» правительство «обуздать разнузданное рвение своих холопов», если оно *безнаказанно* может употреблять все средства расправы с демонстрантами? Мы знаем батумскую демонстрацию перед стенами тюрьмы, окончившуюся тем, что «рвение» царских слуг было еще более «разнуздано»: тринадцать убитых и множество раненых были итогом попытки «доказать, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томящихся в тюрьмах бойцов». Сомневаемся, чтобы, после этого опыта, батумские рабочие согласились с моралью «Искры». И в этом нам порукой тот факт, что, несмотря на все свои теоретические споры и разногласия по вопросу о терроре, кавказские рабочие, в значительном большинстве идущие за социал-демократами, тем не менее, жизнью вынуждаются к ответам насилием на насилие. Не та же ли самая «Искра», устами своего корреспондента «тифлисского рабочего» (в № 15), по поводу убийства Веденеева («ярого противника рабочего движения и одного из умных бичей социал-демократии»), говорит, что виновник покушения «верно подхватил настроение рабочих, и тысячи уст матерей, жен и сестер рабочих, оставшихся без заработка, будут благословлять стрелка и меткую пулю». Сомневаемся, чтобы согласились с моралью «Искры» и виленские рабочие, демонстрация которых кончилась массовой поркой, и которые уже выдви-

нули из своей среды героя-мстителя в лице благородного и смелого товарища, рабочего Гирша Лекерта. Сомневаемся, чтобы согласились с ней и многие другие... В том же самом № «Искры» мы находим описание ужасного положения арестованных гомельских рабочих. «Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью,—пишут заключенные,—о, ужаснее нельзя себе ничего представить! Воздух тогда так удушлив, что мы еле дышим. Мы мечемся во сне во все стороны, мы не находим себе места. Один стонет, другой кашляет, у третьего—кровотечение из горла и т. д. Сердце разрывается на части от таких страданий...» И гомельские рабочие должны были вступить также на тот *единственный* путь, который им оставался, чтобы выполнить «дело чести». «22-го марта,—пишет «Искра»,—ночью на одной из главной улиц выстрелом из револьвера был ранен местный провокатор, виновник страданий вышеупомянутых заключенных... Виновник покушения скрылся». В Туле, в Чулковской части, по свидетельству той же «Искры», «мастеровые *со стыдом* спрашивают: неужели среди нас не найдется никого, кто бы избавил нас от Лаврова (один из местных маленьких самодержцев)?»

Устами этих рабочих говорит сама жизнь... Настроение широких слоев рабочих доказывает неопровержимо, что, выдвигая террористические способы борьбы, партия социалистов-революционеров шла навстречу уже назревшей и на половину сознанной потребности рабочего люда—не только получать удары от врага и расписываться в получении, но и отвечать на эти удары ударами же.

Один из крупнейших наших социал-демократических писателей как-то очень недурно определил отличие *агитации* от обычной *пропаганды*. «Агитация,—выразился он,—это та же пропаганда, но пропаганда, имеющая место при особых условиях, именно при условиях, заставляющих прислушиваться к словам пропагандиста даже таких людей, которые не обратили бы на них внимания в обычное время». И в этой особенности лежит *агитационное* значение террористических актов. Они приковывают к себе всеобщее внимание, будоражат всех, будят самых сонных, самых индифферентных обывателей, возбуждают всеобщие толки и разговоры, заставляют людей *политически мы-*

слить, хотя бы против их воли. Если обвинительный акт Сипягину в обычное время был бы прочитан тысячами людей, то после террористического акта он будет прочитан десятками тысяч, а стоустая молва распространит его влияние на сотни тысяч, на миллионы. И если террористический акт поражает человека, от которого пострадали тысячи людей, то он вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд этих тысяч людей на революционеров и на смысл их деятельности.

Устрашает ли, дезорганизует ли террористическая борьба правящие круги, и если да, то в какой мере? Это зависит от многих обстоятельств. Нет сомнения, если вся революционная борьба исчерпывается террористическими поступками кучки лиц, то надежда раздавить эту последнюю будет настолько велика, что для страха и растерянности, естественно, не останется места. Но когда правительству и без того становится все труднее и труднее сдерживать общее недовольство, когда его окружает огненное кольцо волнений и демонстраций, сопротивлений властям, бунтов,—тогда метко направленные удары, неожиданно сваливающие с ног наиболее ревностных и энергичных столпов реакции, безусловно, способны внести в ряды правительственных слуг расстройство и смятение. Если героическая борьба «Народной Воли», разыгрывавшаяся в эпоху меньшей культурной и политической зрелости России, при отсутствии сколько-нибудь активной поддержки со стороны масс, смогла пошатнуть трон, и поставить на очередь вопрос о конституции,—то теперь, при наличности относительно сильного рабочего движения, при общем оппозиционном настроении в широких культурных слоях, при подъеме революционного духа в молодежи, при все более и более сильных взрывах крестьянского недовольства, при общем экономическом и финансовом расстройстве страны, повторение такой же борьбы, несомненно, дало бы гораздо большие результаты. Она еще сильнее, чем прежде, подорвала бы веру в правительственное могущество, внушила бы обывателям еще большее уважение в силу революционеров. Она вдохнула бы новые силы в колеблющихся, обескураженных, пораженных печальным исходом многих демонстраций. Она удовлетворила бы психологиче-

ской потребности в отпоре, которой полны сердца избитых и опозоренных, и тем восстановила бы их душевное равновесие. Громом героических подвигов, примером самоотверженных борцов она зажигала бы сердца лучших людей, наполняя их той же жаждой пожертвовать всем, чем можешь, сделать все, что в силах, для того же великого дела. Наконец, эта борьба подняла бы высоко престиж революционной партии в глазах всех окружающих, доказав на деле, что революционный социализм есть единственная нравственная сила, способная наполнять сердца таким беззаветным энтузиазмом, такой жаждой подвигов самоотречения, и выдвигать таких истинных великомучеников правды, радостно отдающих жизнь за ее торжество!

И вот почему мы, далекие от всяких односторонних увлечений, иллюзий и чрезмерно оптимистических надежд, взялись за оружие террористических средств, чтобы подкрепить ими нашу борьбу, в которой найдется достаточно места для всех сил и способностей, для всех видов революционной энергии, для всех людей с живым революционным чувством и готовностью бороться до конца!

Мы—за применение в целом ряде случаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одной собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции. Террористические действия вовсе не должны быть каким-то замкнутым внутри себя рядом актов, воплощающим собою всю непосредственную борьбу с врагом. Напротив, для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями; в этой-то живой органической связи они и почерпают всю свою силу, все свое значение... И, как всякая часть, они должны быть сообразны с целым, должны быть переплетены в одну целостную систему со всеми прочими способами партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство. Террор,—лишь один из родов оружия, находящийся в руках одной из частей нашей революционной армии.

Таким образом, мы первые будем протестовать против всякого однообразного, исключительного терроризма. От-

нюдь не *заменить*, а лишь *дополнить и усилить* хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда, попадающими в самое сердце вражеского лагеря.

Партия социалистов-революционеров, как целое, отнюдь не думает искать в террористической борьбе какого-то мистического, единоспасающего и всеразрушающего средства, какой-то панацеи, какой-то разрыв-травы, перед которой размыкаются все замки и запоры. Но это для нее—одно из самых крайних и энергичных средств борьбы с самодержавной бюрократией, сдерживания правительственного произвола, дезорганизации правительственного механизма, агитации и возбуждения общества, пробуждения энтузиазма и боевого духа в самой революционной среде.

Вопрос о роли террористического элемента в революционной программе настолько серьезен и важен, что здесь не должно быть места никаким недомолвкам и никакой неопределенности. Его нельзя обойти; его необходимо решить. Мы совершенно не понимаем позиции, занятой по отношению к этому вопросу соц.-дем. органами, в частности, напр., «Искрой». Одно из двух: или в настоящее время террористические факты нужны и необходимы, или нет. Если мнение о пользе и неизбежности террора не верно,—то нужно приложить все усилия, чтобы террористических поступков не повторялось. Нужно объявить вредной ошибкой выстрел Карповича, вредной ошибкой выстрел Балмашева, вредной ошибкой выстрел Лекерта, и т. д., и т. д. Или же террористические акты в настоящее время могут быть полезными и даже необходимыми,—и тогда революционная партия не может сказать: «моя хата с краю», не может отойти в сторону и умыть руки, подобно Понтию Пилату: она должна ввести террористические акты в свою программу и поставить их под свой сознательный контроль, потому что только партийным контролем могут быть гарантированы и успех, и своевременность удара, и, наконец, удачный выбор той цели, в которую бьет удар. Террористические акты,—средство слишком сильное, слишком чреватое всякими последствиями, чтобы их употребление можно было с легким сердцем

всецело предоставить индивидуальному произволу отдельных лиц, подверженных случайным влияниям и настроениям.

... Террористические удары должны быть делом *организованным*. Они должны быть поддержаны партией, регулирующей их применение и берущей на себя нравственную ответственность за них. Это сообщит и самим героям-борцам то необходимое моральное спокойствие, которое невозможно при действиях на свой личный риск и страх, без уверенности в моральной санкции и поддержке партии. Партийный контроль и партийное регулирование предотвратят опасность—как бы террористическая борьба не оторвалась от всей остальной революционной борьбы, не превратилась бы во что-то самодовлеющее, не перестала считаться с ее меняющимися потребностями и интересами; как бы размеры сил террористической дружины не остались единственным решающим мотивом в вопросе о начале, продолжении, приостановке борьбы; как бы из средства эта борьба не превратилась в цель; как бы она не заняла несоответствующего (в ту или другую сторону) места в революционной программе и практике; как бы, наконец, тактика террористов не разошлась с общей тактикой революционной армии и не вошла в конфликт с ней...

Но если, таким образом, в *тактическом* отношении необходимо *координирование* борьбы террористическими средствами со всеми прочими формами революционной деятельности и борьбы, то в *техническом* отношении не менее необходимо *отделение* ее от прочих функций партии. Строгое *идейное* единство и не менее строгое *организационное* разделение. Вот требование, которому вполне отвечает современная постановка этого дела в партии социалистов-революционеров. Согласно решению партии, из нее выделилась специальная боевая организация, принимающая на себя—на началах строгой конспирации и разделения труда—исключительно деятельность дезорганизационную и террористическую. Эта боевая организация получает от партии—через посредство ее центра—общие директивы относительно выбора времени для начала и приостановки военных действий и относительно круга лиц, против которых эти действия направляются. Во всем остальном она наделена самыми широкими полномочиями и полной само-

стоятельностью. Она связана с партией только через посредство центра и совершенно отделена от местных комитетов. Она имеет вполне обособленную организацию, особый личный состав (по условиям самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдельную кассу, отдельные источники средств. Эта боевая организация берет всецело на себя роль охранительного отряда, освобождая местные комитеты партии от проклятой обязанности отвлекаться от своего главного дела для самозащиты и обуздания насильников. При существовании такой боевой дружины не могут оказать деморализующего влияния самые возмутительные акты произвола и надругательства над человеческой личностью, ибо всегда есть кому призвать к ответу виновных, есть надежное ручательство, что наиболее возмутительные безобразия не останутся безнаказанными. И, поэтому, местные комитеты более, чем когда-либо, получают полную возможность посвятить все свои силы, отдаться всецело творческой работе,—пропаганде, агитации, подготовлению и устройству демонстраций, организации рабочих масс в городе и деревне, вербовке той великой социалистической армии труда, непрерывный рост которой служит для нас вернейшим залогом победы.

Ибо революционизирование масс—вот наше постоянное основное дело, как партии социально-революционной; оно неотделимо от нас по самой своей сущности; это—тот необходимый общий фон, на котором уже дальше текущая жизнь с ее меняющимися запросами вырисовывает те или другие узоры. Террор же—одно из временных, преходящих технических средств, за которые мы беремся отнюдь не ради его самого, а лишь исполняя тяжелый долг, вытекающий из трижды тяжелых условий современной русской жизни.

«КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ ПАРТИИ С.-Р.».

В связи с крестьянским движением в 1902 году на юге России возник крестьянский союз партии с.-р. От его имени было выпущено воззвание «Ко всем работникам социализма в России», в котором излагалась программа партии с.-р. и доказывалась необходимость усиления работы среди крестьянства, рекомендовалась организация тайных крестьянских кружков или братств и комитетов союза. В этом же воззвании впервые была выдвинута идея «социализации земли» и указывалось на важность развития среди крестьян кооперации.

Второе воззвание «Ко всему русскому крестьянству», в извлечениях при этом прилагаемое, было переиздано в 1903 г. Кроме этих воззваний, союз издал ряд популярных брошюр, а затем по договору с заграничной Аграрно-социалистической лигой распространял ее издания.

ИЗ БРОШЮРЫ „КО ВСЕМУ РУССКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ ОТ КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ".

(Издано в 1902 г.)

... Мы требуем:

1) Чтобы крестьян уравняли в правах со всеми другими сословиями; чтобы было отменено телесное наказание для крестьян; чтобы отменены были стеснительные паспорта, и всякий мог переселяться и жить, где хочет, заниматься каким угодно ремеслом или промыслом; чтобы были уничтожены все особые правила о сборе с крестьян податей и повинностей; чтобы закон был один для всех людей, а не так, как теперь—один для крестьян, а другой для бар; чтобы не было в России ни дворян, ни мещан, ни крестьян, а все были равными людьми с одинаковыми правами.

2) Чтобы каждая деревня, и каждая волость, и каждая область могла свои домашние дела вести так, как она сама хочет, без стеснения от чиновников и начальства, чтобы все народы, населяющие Россию, тоже имели равные и одинаковые права и сами распоряжались своей судьбой без всякого насилия друг над другом.

3) Чтобы всякий человек мог свободно писать и говорить про то, что он считает правдой; чтобы всякий человек мог, как хочет, веровать в бога, или даже совсем не верить, и молиться богу, как указывает ему его совесть; чтобы люди разных вер и разного духа не принуждали, не приневоливали друг друга, а были свободны в своей вере и в своем мнении.

4) Чтобы все судьи и все начальники не назначались сверху, от высшего начальства, а чтобы выбирались самим народом на сроки и обязаны были отчитываться в своих действиях перед выбравшим их населением; чтобы выбиравшие их всегда в случае неисправности могли их отставить от должности и отдать под суд.

5) Чтобы иначе, как по суду, никого не могли ни обыскать, ни арестовать, ни посадить в тюрьму, ни выслать, ни подвергнуть какому бы то ни было наказанию; чтобы от суда никто не был изъят, каков бы ни был его сан, звание или состояние; чтобы во всех уголовных и политических делах судил суд присяжных, как суд общественной совести.

6) Чтобы на народ без его спросу не накладывали никаких податей и повинностей; чтобы без ведома народа не издавалось никаких законов и распоряжений; чтобы всегда для решения общих государственных дел заседали в особом народном собрании выборные от всей русской земли, утверждали все законы, проверяли все государственные расходы и распределяли подати и налоги; чтобы выборные эти избирались на равных правах от всех без различия званий и состояний.

7) Чтобы все дети обязательно и бесплатно обучались каждый на своем родном языке, в одинаковых школах, содержимых на счет государственной или земской казны; чтобы суд был бесплатный; чтобы всех лечили также бесплатно.

8) Чтобы уничтожена была рекрутчина, а все с детства в школах приучались владеть оружием и потом, время от времени, в свободное от полевых занятий время, созывались для учения на короткие и необременительные сроки; словом, чтобы вместо казарменной военной службы было всенародное ополчение.

9) Чтобы подати и повинности распределялись по достатку людей; чтобы богатые платили, по расчету с каждого рубля своего дохода, больше, а бедные меньше; чтобы были отменены выкупные платежи и обременительные налоги на вино, чай, сахар, спички, керосин и т. п.

10) Чтобы фабрично-заводских наемных работников и сельских батраков защищали особые законы от произвола и притеснений хозяев; чтобы было определено число часов, больше которого было бы запрещено заставлять рабочих работать; чтобы был утвержден особый надзор за условиями труда и содержанием рабочих.

11) Чтобы такую же законную защиту имели труженики-арендаторы помещичьих земель, и чтобы арендная плата могла браться только из чистого дохода хозяйства, по расчислению для каждой местности особо расходов на ведение хозяйства и на вознаграждение самого арендатора за его труды.

12) Чтобы, наконец, был принят целый ряд мер для перехода всей земли, всех фабрик, заводов, железных дорог, рудников из рук отдельных хозяев в руки всего народа; чтобы более крупными заведывали выборные от государства, от областей, земств, городов или волостей; чтобы более мелкие заведения и хозяйства отдавались в пользование артелей рабочих; чтобы земля была в общей собственности и в пользовании крестьянских общин и земледельческих артелей, или даже отдельных земледельцев, но в том количестве, какое они могут обработать сами, собственными силами; чтобы никто не мог нанять другого в батраки, а мог бы только принять в товарищи на равных паях.

Чтобы можно было добиться выполнения этих наших требований, прежде всего нужно уничтожить царское самовластие и сделать русский народ единственным хозяином своей судьбы. Для этого мы, накопивши сил, потребуем

Всенародного Земского Собора из выборных от всей земли, без различия званий и состояний, при полном равноправии всех и каждого. И если нашего требования не исполнят добром, мы перейдем к силе. В согласии со всеми защитниками правого дела в городах пусть тогда крестьянство откажется платить подати и доставлять рекрутов правительству, пусть откажется исполнять все распоряжения начальства до тех пор, пока не согласятся созвать Земский Собор. Пусть тогда крестьянство на этом своем решении стоит до конца, изо всех сил, не останавливаясь ни перед чем. Если будет пролита кровь, то она падет на головы врагов народного дела, и они горько раскаются в том, что наделали! Пока же—готовьтесь, братья-крестьяне! Соединяйтесь в тайные братства, присоединяйтесь к нашему крестьянскому союзу, будите своих братьев-крестьян, срывайте у них с глаз повязку, приучайте их словом и делом к постоянной и неустанной борьбе за свои права, к смелому сопротивлению всем врагам народа. Пробудите в них душу живу, вселяйте в них смелость и веру в правое дело и готовность стоять за правду до конца—и победа будет за нами!..

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ.

Помещаемые ниже извлечения из 2-х статей Н. Ленина в № 23 «Искры» от I/VIII и № 24 от I/X 1902 г. о программе и тактике партии с.-ров имели весьма важное значение для революционного движения рабочего класса, разоблачая с.-р., как партию мелкобуржуазного революционного авантюризма.

I.

Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетие мирных периодов. Подводятся итоги полустолетия пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, и «наши направления» дозревают (и отцветают) необычайно быстро.

Направления, имеющие солидные основания в классовом строе такой быстро развивающейся капиталистической страны, как Россия, находят почти сразу «свою полочку» и нащупывают родственные им классы. Пример: эволюция г-на Струве, с которого революционеры-рабочие всего $1\frac{1}{2}$ года тому назад предлагали «сорвать маску» марксиста и который уже теперь выступил без маски сам, как вождь (или прислужник) либеральных помещиков, гордых своей почвенностью и трезвенностью. Наоборот, направления, выражающие только традиционную неустойчивость воззрений промежуточных и неопределенных слоев интеллигенции, стараются заменить сближение с определенными классами тем более шумным выступлением, чем громче гремят события, «шумим, братец, шумим» — таков лозунг

многих революционно-настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев.

К таким «шумным» направлениям принадлежат и «социалисты-революционеры», физиономия которых вырисовывается все яснее и яснее. И пора уже пролетариату внимательно присмотреться к этой физиономии, отдать себе точный отчет в том, что представляют из себя в действительности люди, которые тем настойчивее ищут его дружбы, чем ощутительнее становится для них невозможность существовать, как особому направлению, без тесного сближения с действительно революционным общественным классом.

Троякого рода обстоятельства всего более посодействовали выяснению настоящей физиономии соц.-революционеров. Это, во-первых, раскол между революционной соц.-демократией и оппортунизмом, поднимающим голову под знаменем «критики марксизма». Это, во-вторых, убийство Балмашевым Сипягина и новый поворот к террору в настроении некоторых революционеров. Это, в-третьих, и, главным образом, новейшее движение в крестьянстве, заставившее людей, привыкших сидеть между 2 стульев и не имеющих никакой программы, выступить post factum хоть с чем-нибудь похожим на программу. Рассмотрим все эти три обстоятельства.

С принципиально теоретическим заявлением соц.-революционеры собрались выступить в № 2 «Вест. Русск. Рев.» в редакционной неподписанной статье: «Мировой рост и кризис социализма». Мы усердно рекомендуем эту статью всем тем, кто хочет иметь наглядное представление о полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов). Все содержание этой высоко замечательной статьи может быть передано в двух словах.

Социализм вырос в мировую силу, социализм (марксизм) раскалывается теперь вследствие войны революционеров («ортодоксов») с оппортунистами («критиками»). Мы, соц.-революционеры, «конечно», не сочувствовали никогда оппортунизму, но мы скачем и играем по поводу «критики», освободившей нас от догмы, мы тоже беремся за пересмотр

этой догмы,—и хотя мы еще ровно никакой (кроме буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрели, но эта наша свобода от теории и должна быть вменена нам в нарочитую заслугу. Тем более должна быть вменена в заслугу, что в качестве свободных от теории людей мы яро стоим за всеобщее объединение, мы горячо осуждаем всякие принципиально-теоретические споры.

Серьезно разбирать эту теорию уклонения (по случаю собственно споров) от социализма, разумеется, не доводится. По нашему мнению, кризис социализма обязывает сколько-нибудь серьезных социалистов именно к тому, чтобы обратить усиленное внимание на теорию,—решительнее занять строго определенную позицию, резче отмежеваться от шатких и ненадежных элементов. По мнению же соц.-революционеров, раз существует «даже у немцев» раскол да разброд, так нам, россиянам, и сам бог велел гордиться тем, что мы сами не знаем, куда бредем. По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах. По мнению же соц.-революционеров, отсутствие теории—весьма хорошая вещь, особливо удобная «для объединения». Как видите, нам и им не столковаться, ибо и говорим-то мы на разных языках. Одна надежда: не образумит ли их г. Струве, который тоже (только посерьезнее), говорит об устранении догмы и о том, что «наше» дело (как и дело всякой буржуазии, обращающейся к пролетариату) не разъединить, а объединить. Не увидят ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое действительное значение имеет их позиция освобождения от социализма для объединения и объединения по случаю освобождения от социализма?

Перейдем к второму пункту, к вопросу о терроре.

Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах, и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относится. Тут повторяется история, очень по-

хожая на их отношения к «критике». Мы не оппортунисты,— кричат соц.-рев. и в то же время сдают в архив догму пролетарского социализма на основании одной только оппортунистической и никакой иной критики. Мы не повторяем ошибки террористов, мы не отвлекаем от работы в массах, уверяет соц.-рев.; и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Балмашевым Сипягина, хотя всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершавшие этот акт лица и не рассчитывали, и не надеялись. Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса. Усердная божба очень часто заставляет насторожиться и заподозрить правдивость того, кто нуждается в крепкой приправе. И мне часто вспоминаются слова: как божиться-то не лень?—когда я читаю уверение соц.-рев.: мы не отодвигаем террором работы в массах. Ведь это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения, действительно поднимающего массы, и которые продолжают отодвигаться от него, хватаясь за обрывки каких-угодно теорий.

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить прокламация 3 апреля 1902 г., изданная «партией соц.-рев.». «Постановка вопроса о террористической борьбе» в этой прокламации «целиком совпадает» и с «партийным воззрением», по ценному свидетельству «Рев. России» (№ 7).

Прокламация 3 апреля замечательно аккуратно копирует шаблон «новейшей» аргументации террористов. Вам всего прежде бросаются в глаза слова: «мы зовем к террору не вместо работы в массах, а именно для этой самой работы и одновременно с нею». Бросаются же они в глаза потому, что набраны шрифтом втрое более крупных размеров, чем остальной текст (прием, повторяемый, конечно, и «Рев. Россией»). Это ведь так просто, в самом деле! Напечатать жирным шрифтом «не вместо, а вместе»—все доводы соц.-

демократов, весь урок истории сразу отпадает. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацию, и вы увидите, что бомба жирного шрифта всуе приемлет имя масс. То время «когда выйдет из тьмы рабочий народ» и «мощной народной волной в куски разобьет железные ворота — увы! (буквально так: увы!) еще не так скоро наступит, и страшно подумать, сколько при этом будет жертв!». Разве эти слова: «увы, еще не скоро» не выражают собой полного непонимания массового движения и неверия в него? Разве не выдуман нарочно этот довод в насмешку над тем фактом, что рабочий народ уже поднимается? И, наконец, если бы даже этот избитый довод был так же основателен, как он на самом деле вздорен, то из него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо *без* рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы.

Но это еще цветочки. Ягодки впереди будут. «В кого бить?» спрашивает партия соц.-рев. и отвечает: в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дело до крайности» (откуда это они узнали...), да притом же «это и легче» (буквально так): «никакой министр не может засесть во дворце, как в крепости»... Что единственная «надежда» революции есть «толпа», что бороться с полицией может единственно революционная организация, руководящая (на деле, а не на словах) этой толпой, эта—азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли решить, «наоборот», договорившись до баснословной вопиющей нелепости, что «спасти» самодержавие от толпы могут солдаты, от революционных организаций—полиция, а от отдельных личностей, охотящихся на министров, не спасет ничто.

Это баснословное рассуждение, которому, мы уверены, суждено сделаться знаменитым, вовсе не простой только курьез. Нет, оно поучительно тем, что смелым доведением до абсурда разоблачает основную ошибку террористов. Эта ошибка состоит, как мы уже много раз указывали, в непонимании основного недостатка нашего движения. Благодаря необычайно быстрому росту движения, руководители отстали от массы, революционные организации оказались недоросшими до революционной актив-

ности пролетариата, неспособными итти впереди и руководить массами. В такое время, когда революционерам не достает сил и средств для руководства поднимающейся уже массой, звать к такому террору, как устройство отдельными личностями и неизвестными друг другу кружками покушений против министров,—это значит тем самым не только обрывать работу в массах, но и вносить в нее прямую дезорганизацию. Мы, революционеры, «привыкли робко жаться в кучу,—читаем мы в прокламации 3 апреля,—и даже тот новый, смелый дух, который повеял в последние 3—4 года, создал пока более подъем настроения толпы, чем личностей». В этих словах много нечаянно сказанной правды. И именно эта правда наголову разбивает проповедников терроризма. Из этой правды всякий думающий социалист делает вывод: надо энергичнее, смелее и стройнее действовать кучей. А соц.-рев. умозаключает: «стреляй неуловимая личность, ибо куча, увы, еще не скоро, да и солдаты против кучи есть». Совсем уже это неразумно, господа.

Не обходится прокламация и без теории экසцитативного террора. «Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будят во всех дух борьбы и отваги. Поединки же именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка.

Социал-демократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием. Мы должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она на деле руководит движением революционного класса. Мы должны помнить, что всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм. И наш долг активно участвовать в этом

процессе выработки приемов и средств борьбы. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие. Мы не закрываем глаз на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будем работать над ней, не смущаясь возражениями, что это—«неопределенно далекое будущее». Да, мы стоим и за будущее, а не за одни только прошлые формы движения. Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению того, что уже осуждено прошлым.

Кто действительно ведет свою революционную работу в связи с классовой борьбой пролетариата, тот прекрасно знает, видит и чувствует, какая масса непосредственных и прямых запросов пролетариата (и способных поддерживать его народных слоев) остается неудовлетворенной. Тот знает, что в массе мест, в целых громадных районах рабочий народ буквально рвется на борьбу, и его порывы пропадают даром за недостатком литературы, руководителей, за отсутствием сил и средств у революционных организаций. И мы оказываемся,—мы видим это, что мы оказываемся,—в том же проклятом порочном круге, который, как злой рок, тяготел так долго над русской революцией. С одной стороны, пропадает даром революционный порыв недостаточно просвещенной и неорганизованной толпы. С другой стороны, пропадают даром выстрелы «неуловимых личностей», теряющих веру в возможность итти в ряду и шеренге, работать рука об руку с массой.

II.

Отношение соц.-рев. к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма, и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные в России сторонники оппортунистической критики, которые крикливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции

«критикой». И наши соц.-рев. разносят марксизм, что называется, на все корки: «догматические предрассудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революционная интеллигенция закрыла глаза на деревню, революционная работа в крестьянстве запрещалась ортодоксией», и мн. т. п. Это нынче в моде лягать ортодоксию. Но к какому подвиду надо отнести тех из числа лягающих, которые до начала движения в крестьянстве не успели даже наметить своей собственной аграрной программы? Когда «Искра» еще в № 3 обрисовала свою аграрную программу, «Вестн. Р. Рев.» только и нашелся пробормотать: «при такой постановке вопроса значительно стушевывается еще одно из наших разногласий», при чем с редакцией «В. Р. Р.» случилось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса «Искрой» («внесение классовой борьбы в деревню») она абсолютно не поняла. Теперь «Рев. Россия» ссылается задним числом на брошюру «Очередной вопрос», хотя программы и там никакой нет, а есть лишь превознесение таких «знаменитых» оппортунистов, как Герцц.

И вот эти-то люди, которые до начала движения были согласны и с «Искрой», и с Герцем,—на другой день после крестьянского восстания выступают с манифестом «от крестьянского союза партии соц.-рев.», при чем в этом манифесте вы не найдете ни одного звука, исходящего действительно от крестьянина, вы встретите только дословное повторение того, что вы сотни раз читали у народников, либералов и «критиков»... Говорят, что смелость города берет. Это так, господа с.-р., но о такой смелости свидетельствует грубо размалеванная реклама.

Мы видели, что главное «преимущество» с.-р. состоит в свободе от теории, главное искусство их—уменье говорить, чтобы ничего не сказать. Но, чтобы дать программу, надо как-никак высказаться. Надо, напр., выкинуть за борт «догмат русских с.-д. конца 80 и начала 90 г.г. о том, что нет революционной силы, кроме городского пролетариата». Какое это удобное словечко: «догмат». Достаточно извратить слегка враждебную теорию, прикрыть это извращение жупелом «догмата», и готово дело.

Весь современный социализм, начиная с Комм. Манифеста, покоится на той несомненной истине, что единственным дей-

ствительно революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях. Спрашивается, что же надо думать о людях, которые «превратили» эту истину в догмат русских с.-д. определенной эпохи и пытаются уверить наивного читателя, будто этот догмат был, «всецело основан на вере в отдельность открытой политической борьбы»?

Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. выдвигают троицу «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий. Если вы противополагаете интеллигенцию пролетариату и крестьянству,—значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенна социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такого слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией. По отношению к этому слою вполне прав г. Струве, называющий свой орган органом русской интеллигенции. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые еще не заняли никакой определенной социальной позиции или уже выбиты жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата,—то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали.

Что касается до крестьянства, то о нем суждения с.-р. еще более сбивчивы. Они не понимают принадлежности современного крестьянства, как целого, к «мелкобуржуазным слоям». Не попробуете ли вы нам дать ответ по этому пункту, г.г. с.-р.? Не скажете ли вы нам, почему это, повторяя обрывки теории русского марксизма (напр., о прогрессивном значении крестьянского отхода и бродяж-

ничества), вы закрываете глаза на то, что тот же марксизм доказал мелкобуржуазный уклад русского крестьянского хозяйства? Не разъясните ли вы нам, как это могут «собственники или полусобственники» в современном обществе не относиться к мелкобуржуазным слоям?

Нет, не надейтесь. С.-р. не ответят, не скажут и не разъяснят ничего по существу, ибо они твердо усвоили тактику сказываться по части теории в нетях.

Соц.-рев. соблюли себя в чистоте от тлетворного влияния современных социалистических учений. Они сохранили целиком добрые старые приемы вульгарного социализма. Пред нами—новый исторический факт, новое движение в известном слое народа. Они не исследуют положения этого слоя, не задаются целью объяснить его движение характером этого слоя и отношением его к развивающемуся экономическому строю целого общества. О чем говорят сами представители подымающегося слоя? О земле, прирезке, переделе. Ну, вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина» и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую идею социализма». Вы не верите, читатель? Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветошь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им книга последняя скажет? А между тем это факт, и все процитированные нами словечки взяты из заявления «от крестьянского союза».

Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма движением. Наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет, и приведет,—к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут.

Программа самих с.-р. (уравнительное пользование землей, перешедшей в собственность общества) не выходит

еще из рамок буржуазной программы, ибо сохранение товарного производства и допущение частного хозяйства, хотя бы и на общей земле, нисколько не устраняет капиталистических отношений в земледелии.

«Надо быть слепым, чтобы не видеть, насколько легче перейти к идее социализации земли от традиции общинного управления землей». Не наоборот ли? Не являются ли безнадежно слепыми и глухими те, кто до сих пор не знает, что именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукам и ногам сельский пролетариат, поддерживает традиции косности, забитости и одичалости? Не побиваете ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушил пресловутую уравнительность общинных традиций и свел эти традиции к одной полицейской склоке?

Программа-минимум соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теории, является настоящим курьезом. Два пункта в этой «программе»: 1) «социализация земли, т.-е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся»; 2) «развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций для «чисто»-политической борьбы»... для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала... (под власть промышленного?)... и для подготовления грядущего коллективного земледельческого производства». Как солнце в малой капле вод, отражается в этих двух пунктах весь дух современного «социал-революционаризма». В теории—революционная фраза вместо продуманной и целой системы воззрений, на практике—беспомощное подхватывание того или иного модного средствица вместо участия в классовой борьбе,—вот все, что у них есть. Поставить рядом в программе-минимум социализацию земли и кооперацию, для этого необходимо было признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум, с одной стороны—Бабеф, с другой —г. Левитский. Это неподражаемо!

Если бы можно было серьезно отнестись к этой программе, то нам бы пришлось сказать, что, обманывая себя звуком слов, соц.-рев. обманывают и крестьянина. Это

обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии. Это—обман, будто, как «минимум», как нечто столь же близкое, как кооперации, можно ставить в виду «крестьянства»—социализацию земли. Всякий социалист пояснил бы нашим соц.-рев., что уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще, что одна передача земли в «пользование трудящихся» еще не удовлетворила бы пролетариат, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства не в состоянии уже вести хозяйства на земле, даже, если бы она у них была. А снабжение этих разоренных миллионов орудиями, скотом и пр. было бы уже социализацией всех средств производства и требовало бы социалистической революции пролетариата, а не крестьянского движения против остатков крепостничества. Соц.-рев. смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма, без уничтожения наемного труда.

Пусть послужит аграрная программа соц.-рев. уроком и предостережением для всех социалистов, наглядным примером того, к чему приводят безыдейность и беспринципность, называемые некоторыми легкомысленными людьми свободой от догмы. Как только дошло до дела, у соц.-рев. не оказалось на-лицо ни одного из трех условий, необходимых для выставления последовательной социалистической программы: ни ясной идеи о конечной цели, ни правильного понимания того пути, который ведет к этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента. Конечную цель социализма они только затемнили, смешав социализацию земли с ее буржуазной национализацией, спутав примитивную крестьянскую идею о мелком уравнительном землепользовании с учением современного социализма о переходе всех средств производства в общественную собственность и об организации социалистического производства. Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой клас-

совой борьбы развитием кооперации. В оценке данного момента аграрной эволюции России они забыли мелочь: остатки крепостничества, давящие нашу деревню. Знаменитая троица, выражавшая их теоретические взгляды,—интеллигенция, пролетариат и крестьянство,—дополнилась не менее знаменитой «программной» троицей: социализация земли,—кооперации,—прикрепление к наделу.

Сравните с этим программу «Искры», которая указывает единую, конечную цель всему борющемуся пролетариату, не сводя ее до «минимума», не принижая ее ради приспособления к идеям некоторых неразвитых слоев пролетариата или мелких производителей. Путь для достижения этой цели один и в городе, и в деревне—классовая борьба пролетариата против буржуазии. Но, кроме этой классовой борьбы, продолжает еще вестись в нашей деревне и другая: борьба всего крестьянства против остатков крепостничества. И в этой борьбе партия пролетариата обещает свою поддержку всему крестьянству, стараясь указать настоящую цель его революционному порыву, направить его восстание против его настоящего врага, считая нечестным и недостойным относиться к мужику, как к подопечному, скрывать от него, что он может добиться в настоящее время и немедленно только полной отменой всех следов и остатков крепостничества, только очищением пути для более широкой и более трудной борьбы всего пролетариата против всего буржуазного общества.

ЛИБЕРАЛИЗМ

ВОЗЗВАНИЕ ПАРТИИ «НАРОДНОЕ ПРАВО».

Партия «Народного Права» была основана в 1893 г. по инициативе бывших землевольцев и народовольцев— Натансона, Н. Тютчева, О. Аптекмана и др. Деятельное участие в ней принимали: А. Богданович (впоследствии редактор журн. «Мир Божий») и М. Плотников (сотрудник журн. «Рус. Богатство»). Близко к ней стояли: Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. Эта партия была предшественницей «Союза Освобождения» и ставила себе ту же задачу: объединение всей оппозиции, либеральной и революционной, для борьбы с самодержавием. Партия «Народного Права» была партией так называемого третьего элемента—врачей, адвокатов, литераторов, земских служащих—буржуазной интеллигенции. Партия «Н. П.» имела в Смоленске тайную типографию. Ею была выпущена брошюра Богдановича «Насущный вопрос».

Воззвание партии «Народного Права», имеющее программный характер, появилось в 1894 г. в Лондоне, в приложении к статье Степняка-Кравчинского «Органические и случайные элементы в политических программах русских демократов». (Сведения заимствованы у В. В. Водовозова—в ст. о Кравчинском.)

Есть моменты в жизни государств, когда один вопрос занимает первенствующее место, отодвигая на задний план все другие интересы, как бы существенны они ни были сами по себе,—один вопрос, от разрешения которого в ту или другую сторону зависит будущность народа. Такой момент Россия переживает в настоящее время, и такой вопрос, определяющий ее судьбы, есть вопрос политической свободы. Самодержавие, получив самое яркое вы-

ражение и олицетворение в царствование Александра III, доказало с неоспоримой ясностью свою полную неспособность создать такой порядок вещей, который обеспечил бы стране наиболее полное и правильное развитие всех ее духовных и материальных сил. Направление настоящего царствования, выраженное с особенной резкостью «в реформах» последних лет, в учреждении земских начальников, в ограничении прав органов самоуправления, а также в систематической поддержке капиталистического производства, показывает ясно, что правительство продолжает неуклонно следовать политике административного произвола и сословных интересов, не обращая никакого внимания на назревшие вопросы народной и общественной жизни. Результатом такой политики явилась общественная демократизация и общий упадок страны, последствия и развитие которых правительство уже не в силах предотвратить. Люди, сознающие всю опасность положения, не видят иного исхода его, кроме решительного поворота в направлении интересов масс, что возможно лишь при немедленном участии страны в управлении, т.-е. при замене самодержавия представительными учреждениями.

Так как нет и не может быть надежды, чтобы правительство добровольно вступило на указанный путь, то народу остается одно: противопоставить силу организованного общественного мнения неподвижности правительства и узким династическим интересам самодержавия. Партия «*Народного Права*» имеет в виду создание такой силы.

По мнению партии, народное право равно заключает в себе как понятие о праве народа на политическую свободу, так и понятие о его праве на удовлетворение его материальных нужд на основании народного производства. Гарантиями этого права партия считает:

Представительное собрание на основании всеобщей подачи голосов.

Свободу вероисповедания.

Независимость суда.

Свободу печати.

Свободу сходок и обществ (ассоциаций).

Неприкосновенность личности и человеческих прав.

Принимая во внимание, что Россия не есть однородное целое, но весьма сложное политическое тело, признание права политического самоопределения за всеми национальностями, входящими в ее состав, есть необходимое условие политической свободы.

Понимая таким образом *народное право*, партия ставит себе задачею: соединить все оппозиционные элементы страны и организовать деятельную силу, которая добивалась бы, при помощи всех нравственных и материальных средств, какими она располагает, уничтожения самодержавия и обеспечения каждому прав гражданина и человека.

Будучи убеждена, что ее стремления отвечают требованиям исторического момента, партия надеется, что ее зов найдет горячий отголосок в умах тех, кто еще не потерял чувства человеческого достоинства, в ком самодержавие еще не вытравило сознания их гражданских прав, кому дороги общественное благо и высокие идеалы истины и справедливости.

ПРОГРАММА РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ.

С 1901 г. земский либерализм выступил в качестве общественной силы. После двух съездов—1-го июля 1902 г. в Штутгарте вышел № 1-й их органа «Освобождение», под редакцией бывшего марксиста П. Струве. Нижеприводимая ст. Мартова «Программа русских либералов» в № 23 «Искры»—от 1-го августа 1902 г. дает интересную справку о задачах русского либерализма и попутно разоблачает его реакционную сущность.

Под редакцией г-на Струве стал выходить в Штутгарте *либеральный* орган «Освобождение». После трехлетней борьбы с революционным марксизмом во имя бернштейнианства г-н Струве убрался, наконец, в лагерь либеральной буржуазии. Скатертью дорога!

Революционный пролетариат вынужден считаться с тем, что от времени до времени иные захваченные волной его исторического движения интеллигенты отделяются от него и перебегают в тот политический лагерь, где общественному деятелю легче рассчитывать на непосредственный успех его работы. И если бы эти перебежчики могли, уходя к либеральной буржуазии, внести в ее среду хотя бы то революционное настроение, ту непреклонную ненависть к царизму, которой одушевлены сознательный пролетариат и социалистическая интеллигенция, то мы могли бы еще, пожалуй, мириться с фактами подобного дезертирства. К сожалению, приходится констатировать, что бывшие оппортунисты социализма оказываются слишком умеренными, слишком не-революционными даже для того, чтобы двигать вперед развитие либерально-демократических элементов.

Вот как определяет г. Струве свои задачи, как литературного представителя либеральной партии: «Дать этому уже готовому, уже созревшему сознанию литературное выражение,—вот на что мы притязаем. Мы были бы вполне удовлетворены, если бы на нашу долю выпала лишь роль регистраторов свободной политической мысли в России, если бы мы здесь, за рубежом могли только предавать тиснению идущее из России свободное слово, являясь его простыми наборщиками и печатниками». И в другом месте: «Это не означает, однако, что редакция от себя предложит читателям готовую программу, содержащую по пунктам решение всех основных вопросов необходимого для страны коренного преобразования. Такая программа должна быть еще выработана общественными деятелями нашей страны, и, прежде всего, деятелями самоуправления. Не дать программу им, а получить ее от них—вот на что рассчитывает редакция «Освобождения».

Мы хорошо знаем, что всякая буржуазия, хотя бы и трижды либеральная, по отношению к своим «идеологам»—к политическим и литературным представителям своего класса—является весьма строгим «хозяином», требующим, чтобы они были не более, как «регистраторами» ее «свободной политической мысли», выражающей ее классовые интересы. Мы хорошо знаем, что экономическая необходимость или сила «общественного мнения» данной среды являются достаточно могучими средствами, чтоб достигнуть этой цели и превратить идеологов в простых «регистраторов», в простых «кулиев» (поденщиков) на службе буржуазии. Но об этом не принято говорить. Напротив, принято делать вид, будто бы то, что диктуется «политической мыслью» буржуазии, выходит из-под пера писателя или из уст оратора, как свободное выражение его собственной политической мысли... Быть может, своеобразность положения П. Струве, как вчерашнего марксиста, делало неизбежными особую с его стороны гарантию того, что его политическая мысль совпадает с классовыми интересами... то бишь, с свободной политической мыслью того класса, на служение которому он ныне отдает свои труды, свои знания и свои таланты.

В статье «От русских конституционалистов» мы находим ту политическую программу, которую г. Струве «получил» от русской «земской политической партии», как выражаются о себе авторы статьи. П. Струве «всецело присоединяется» к этой программе. Два письма «земцев» в 1-м и 2-м номерах дополняют эту программу и дают нам возможность составить себе довольно полное представление о характере нового литературно-политического предприятия.

«Отличие нашего органа от других заграничных изданий,—заявляют «конституционалисты»,—заключается в том, что мы предполагаем объединить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе».

Итак, либералы намерены и впредь оставаться вне сферы революционной борьбы. Не вовлечь либеральную буржуазию на путь революционной борьбы против царизма, а оставить ее на том пути не-революционной оппозиции царизму, на котором она топчется без всякого успеха сорок лет; не двигать либеральную буржуазию вперед, а держать ее на одном месте,—вот цель «земской политической партии».

«Мы вовсе не желаем порвать с той мирной и легальной деятельностью, на почве которой мы по мере наших сил работали до сих пор», говорят земцы в № 2 «Освобождения», а г. Струве в редакционном заявлении с большим усердием защищает эту позицию от критики тех «тенденционных» социалистов, которые думают, что «мирная и легальная» культурная деятельность не есть еще та политическая борьба с царизмом, которая является обязанностью всякого русского гражданина. «Такому движению,— говорит г. Струве,—нельзя навязывать в качестве общеобязательных средства, пригодные и приемлемые только для отдельных крайних групп, нельзя внушать взглядов и настроений, которыми оно в целом и общем не может *проникнуться»* (курсив наш). Вместо того, чтобы «глаголом жечь сердца» российских обывателей, напоминая им, что борьба с «национальным» врагом—царизмом требует «под-

вигов» и героических настроений, вместо этого им внушают, что «выше лба уши не растут» и что только «отдельные крайние группы» могут стать выше жалкой «культурной» и легальной работы в современных условиях, массе же позволительно застыть в ее грусости, половинчатости и эгоизме. Наши «критики марксизма» и бернштейнианцы много старались о том, чтобы привить нам, социал-демократам, такое мнение о праве *рабочей* массы оставаться вечно в этом состоянии политического младенчества. Наш пролетариат отказался от этой почтенной позиции. Неужели г. Струве будет иметь больше успеха с той же проповедью, обращаемой им ныне к массе либеральных собственников?

Какова же политическая задача новой партии, если она так решительно открещивается от задачи самостоятельной политической (т.-е. при современных русских условиях революционной) борьбы? Ни одним словом «Освобождение» не дает нам основания думать, чтобы этой задачей было — содействие в революционной борьбе, уже ведущейся, т.-е. борьбе рабочего класса, борьбе учащейся молодежи и загорающейся борьбе крестьянства. Задача новой партии — «организовать политически ясное, солидарное и сильное своей сознательностью и сплоченностью общественное мнение». Очень хорошо. Но какова же будет роль этого организованного общественного мнения? На этот вопрос отвечает нам статья «От русских конституционалистов». «Многочисленные признаки показывают, что разложение нашей государственной формы идет быстрыми шагами вперед». Революционное брожение в «низших слоях населения», «широко развившееся рабочее движение», студенческие беспорядки, террористические акты и крестьянские бунты — все эти *активные* нападения на самодержавие должны, по мнению наших либералов, вынудить правительство «приступить к серьезной политической реформе» и для этой цели обратиться к земству. И вот, роль «организованного общественного мнения» либеральных собственников сводится к тому, чтоб подготовиться к этому важному моменту и наметить программу действий *для этого момента*. Другими словами, либералы организуются не столько для борьбы с

царизмом в настоящее время, сколько *для переговоров с царизмом* в такое время, когда последний, под влиянием ужаса перед рабочим движением и другими революционными силами, станет думать о «серьезной политической реформе». Какие же условия поставят в этот момент наши либералы?

Они потребуют «принципиального признания» (путем царского манифеста) целого ряда перечисленных ими «основных прав»: свободы печати, собраний и союзов, личной неприкосновенности, равенства перед законом и права петиций[1]. Когда царский манифест даст народу все эти права, отменит всякие незаконные административные распоряжения и даст амнистию осужденным за государственные преступления, тогда царь, признав в принципе «бессословное народное представительство», должен созвать *представителей от земств* и крупных городов, которые и порешат вопрос о проведении в жизнь всех вышеперечисленных принципов, т.-е. выработают *конституцию*.

Итак, основная задача «земской политической партии» достаточно ясна: когда революционное движение расшатает царизм, она выступает с требованием, чтобы ликвидация этого царизма и определение основ нового свободно конституционного порядка было поручено никому иному, а представителям земств и городских дум, т.-е. известной части земельных собственников и капиталистов. Стало быть, отказываясь принять участие в борьбе, направленной непосредственно на разрушение ненавистного всем порядка, наша либеральная буржуазия больше всего озабочена тем, как бы сделать, чтобы дело установления нового порядка досталось целиком в ее руки. Мы очень хорошо понимаем это стремление либеральной буржуазии. Для нас очевидно, что, отказываясь от участия в классовой борьбе, направленной против царизма, она тем более спешит под-

---

[1]) Повидимому, до тех пор, пока самодержавие не „пожалует“ им права петиций, наши либералы не намерены пользоваться даже этим обычным средством заявления своих желаний. Ведь они „не намерены сходить с легальной почвы“.

готовить свои силы для *классовой борьбы* против тех социальных групп, которые добиваются свержения самодержавия, чтобы установить новый политический порядок с наибольшей выгодой для их интересов. Конституционалисты пытаются организовать либеральную буржуазию не столько для борьбы за низвержение самодержавия, сколько для того, чтобы *приготовить ее к борьбе за право безраздельно хозяйничать в России после победы народа над самодержавием.*

Г. Струве скажет, что это—клевета. Он укажет нам, что «конституционалисты» мотивируют необходимость передачи дел выработки нового политического порядка земцам интересами... свободы. Они заявляют, что предоставить выработку этого нового порядка какому-либо избранному для этого специальному собранию—вне земских собраний—прямо-таки опасно. Кто будет созывать собрание? То же самое все еще самодержавное правительство? Но «создать канцелярским путем какие бы то ни было новые избирательные коллегии для выбора обществом людей, призванных осуществлять реформы,—значило бы начать с нарушения одного из самых основных принципов реформы». Конституционалисты готовы признать, что собрание представителей земства может оказаться недостаточно демократичным, но... «во всяком случае, такой путь вернее и лучше, чем тот «скачок в неизвестное», который представляла бы всякая попытка выборов ad hoc (для специальной цели), под неизбежным в таких случаях правительственным давлением *и при трудно определимом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев*» (курсив наш). Итак, «Освобождение» полагает, что для дела свободы надежнее будет отдать реформу в руки земства, так как кроме него на-лицо будут только два фактора: опытная в политических мошенничествах бюрократия и «непривычные к политической жизни» народные массы. Так ли это, однако? А где же будет *организованная сила революционных партий*—авангарда народных масс? Неужели существование этих партий, которые своей борьбой приведут к падению самодержавие, будет меньшей гарантией свободы выборов, чем какую представят наши земства,

отказывающиеся вести активную борьбу с царизмом, чтобы «не сойти с почвы легальной и мирной деятельности»? Мы полагаем, что в революционный период—т.-е. в период выработки нового политического порядка, единственно надежной гарантией против обманов и насилий революционеров может быть только сознательность народных масс и организованность и решительность тех партий, которые вынесут на своих плечах дело освобождения. И тот, кто серьезно заботится о том, чтобы политический кризис, переживаемый Россией, разрешился не новым правительственным обманом, а действительным политическим переворотом, тот должен, во-первых, содействовать политическому сознанию народных масс, а, следовательно, развитию в этих народных массах *интереса* к политической свободе, а, во-вторых,—способствовать усилению тех, непосредственно борющихся с современным порядком, революционных сил, которые своим натиском свалят самодержавие.

А между тем, наши конституционалисты не делают ни того, ни другого. Выступая довольно уверенно, как представители *всех* прогрессивных элементов в России, они до такой степени проникнуты узко классовыми интересами одной социальной группы,—помещичьего земства,—что не пытаются даже связать выставленные на их знамени политические требования с социальными требованиями того рабочего класса, который, по словам самого г. Струве, «проснулся к свободе, требует ее и возьмет ее». В числе «свобод», признание которых в царском манифесте требуется конституционалистами, не упомянута *свобода стачек*. Даже это требование, в принципе признаваемое либеральными буржуа во всех странах, даже оно должно быть добыто силами самого пролетариата, и только его—наши либералы не захотели, хотя бы из приличия, написать его на своем знамени! Требуя «самой широкой амнистии по всякого рода государственным преступлениям», они молчат об амнистии тех, кто осужден за стачки, рабочие и крестьянские беспорядки. В «Открытом письме от группы земских деятелей» (№ 1) о недавних крестьянских волнениях говорится в следующих фразах, которые заслуживают

быть выжженными на лбу отставного социалиста; заведующего органом «земской партии»:

«Очевидно, революционная пропаганда в данном случае только и могла принести плоды на почве народного обнищания, *невежества, непонимания элементарнейших основ гражданского права* (курсив наш), бесправия и разобщенности культурных мирных элементов общества от народа».

Итак, агитация, впервые выводящая народные массы из векового политического сна, прививается и дает плоды на почве невежества. К крестьянскому движению, направленному против тех «основ» русского «гражданского права», которое узаконяет первобытнейшие формы кабалы и бесправия, относятся, как к какому то нашествию варваров...

Не удивительно, что те же земцы говорят об «общей почве классовых и эгоистических интересов, вздымающихся подобно ужасному вулкану, который может каждую минуту совершить самые ужасные опустошения». Испугавшись этого страшного вулкана, который в своем извержении, наверное, безвозвратно унесет в область прошлого и «аренду за отработки», и почтительность «мужичка», и много других прелестей сельской жизни, наши свободолюбивые помещики обещают содействовать устранению правительственной и *народной* (курсив наш) анархии и царящих у нас ужасных недоразумений, которые готовы толкнуть Россию на путь продолжительных и совершенно излишних страданий, насилий и кровопролитий и в грозном негодовании на «близорукую и неумелую бюрократию» ставят ей в вину, что она «все расшатывает, в том числе и самодержавие, которому она якобы служит». Даже самодержавие! Да, чтобы добиться себе некоторых прав силами русского народа и не поступиться при этом в пользу крестьян ни одной десятиной земли—для этого не следует окончательно разрывать «даже с самодержавием»!

А поступаться своими экономическими интересами гг. либеральные помещики, видимо, не думают. Выговорив себе полномочие устроить судьбы русского народа, в собрании земских представителей, они полагают, что им в свою программу вовсе не следует вводить тех «экономических»

реформ, тех мер по «рабочему и аграрному вопросу», которые должны быть проведены после политического освобождения России. Это—дело тех парламентов, которыми нас наградит Земский Собор. В настоящее время нужно говорить только о *политических* вопросах. Но и не о всех политических вопросах следует теперь говорить. Так, например, вопрос «об избирательных правах населения» или об отношении народных представителей к монарху имеет, несомненно, «не только техническое, но и принципиальное значение». Но—«тем не менее, решать эти вопросы в том заявлении, которое должно наметить лишь ближайшие перспективы для выполнения нашей программы, значило бы, как нам кажется, *делить шкуру неубитого еще медведя*» (курсив наш). И в самом деле; чем «делить шкуру» политических прав с народом, почему бы, как выражается один товарищ в присланном нам письме, не взять ее целиком?—Выступая в качестве представителей всей России, наши помещики не только не хотят связать себя обещанием поддержать народ в его насущнейших *экономических* требованиях, они не берут на себя даже обязательства предоставить ему *политическое равенство*, немыслимое без равного и всеобщего избирательного права. И эти люди думают, что народ сочтет передачу «дела реформы» в их руки надежной гарантией того, что проливавшаяся в борьбе за свободу кровь прольется не даром!

Да и какое доверие могут питать народные массы к политическим деятелям, которые, собираясь «организовать общественное мнение», не только всячески открещиваются от звания «революционеров», но и не отказывают себе в удовольствии выразить свое порицание тем, кто своей самоотверженной борьбой пролагает путь свободе? «Как раньше, так и теперь, пишут земцы (в № 2 «Освобождения»), мы остаемся *противниками всякого насилия*, откуда бы оно не исходило, сверху или снизу».

Кокетничание с тем самим самодержавием, которому объявляется война; страх собственника перед тем самым народом, во имя интересов которого требуется для «земской партии» роль представителя «нации»; плохо прикрытая защита классовых интересов помещиков—на-ряду с гром-

кими фразами против классовой борьбы—и предательские попытки дискредитировать революционное движение в то самое время, когда все расчеты строятся на *его* успехе—таковы основные элементы политического направления «конституционалистов».

Ни рабочий класс, ни революционная демократия, вообще, не могут оказать *такой* партии никакого политического кредита.

Объединенная
Библиотека
И. К. П.

